

A. Курский

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ

А. И. КУПРИНА.

Съ портретомъ автора.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1912 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

1912.

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

МОЛОХЪ.

Заводскій гудокъ протяжно ревѣлъ, возвѣщая начало рабочаго дня. Густой, хриплый, непрерывный звукъ, казалось, выходилъ изъ-подъ земли и низко разстилался по ея поверхности. Мутный разсвѣтъ дождливаго августовскаго дня придавалъ ему суровый оттѣнокъ тоски и угрозы.

Гудокъ засталъ инженера Боброва за чаемъ. Въ послѣдніе дни Андрей Ильичъ особенно сильно страдалъ безсонницей. Вечеромъ, ложась въ постель съ тяжелой головой и поминутно вздрагивая, точно отъ внезапныхъ толчковъ, онъ все-таки забывался довольно скоро безпокойнымъ, нервнымъ сномъ, но просыпался задолго до свѣта, совсѣмъ разбитый, обезсиленный и раздраженный.

Причиной этому, безъ сомнѣнія, было нравственное и физическое переутомленіе, а также давняя привычка къ подкожнымъ впрыскиваніямъ морфія,—привычка, съ которой Бобровъ на-дняхъ началъ упорную борьбу.

Теперь онъ сидѣлъ у окна и маленькими глотками прихлебывалъ чай, казавшійся ему травянистымъ и безвкуснымъ. По стекламъ зигзагами сбѣгали капли. Лужи на дворѣ морщило и рябило отъ дождя. Изъ окна было видно небольшое квадратное озеро, окруженное, точно

рамкой, косматыми ветлами, съ ихъ низкими, голыми стволами и сѣрой зеленью. Когда поднимался вѣтеръ, то на поверхности озера вздувались и бѣжали, будто торопясь, мелкія, короткія волны, а листья ветель вдругъ подергивались серебристой сѣдиной. Блеклая трава безсильно приникала подъ дождемъ къ самой землѣ. Дома ближайшей деревушки, деревья лѣса, протянувшася зубчатой темной лентой на горизонтѣ, поле въ черныхъ и желтыхъ заплатахъ,—все вырисовывалось сѣро и неясно, точно въ туманѣ.

Было семь часовъ, когда, надѣвъ на себя клеенчатый плащъ съ капюшономъ, Бобровъ вышелъ изъ дому. Какъ многіе нервные люди, онъ чувствовалъ себя очень нехорошо по утрамъ: тѣло было слабо, въ глазахъ ощущалась тупая боль, точно кто-то давилъ на нихъ сильно снаружи, во рту—непріятный вкусъ. Но всего больнѣе дѣйствовалъ на него тотъ внутренній, душевный разладъ, который онъ примѣчалъ въ себѣ съ недавняго времени. Товарищи Боброва, инженеры, глядѣвшіе на жизнь съ самой несложной, веселой и практической точки зрѣнія, навѣрно, осмѣяли бы то, что причиняло ему столько тайныхъ страданій, и ужъ во всякомъ случаѣ не поняли бы его. Съ каждымъ днемъ въ немъ все больше и больше нарастало отвращеніе, почти ужасъ къ службѣ на заводѣ.

По складу его ума, по его привычкамъ и вкусамъ ему лучше всего было посвятить себя кабинетнымъ занятіямъ, профессорской дѣятельности или сельскому хозяйству. Инженерное дѣло не удовлетворяло его, и, если бы не настоятельное желаніе матери, онъ оставилъ бы институтъ еще на третьемъ курсѣ.

Его нѣжная, почти женственная натура жестоко страдала отъ грубыхъ прикосновеній дѣйствительности, съ ея будничными, но суровыми нуждами. Онъ самъ себя сравнивалъ, въ этомъ отношеніи, съ человѣкомъ, съ ко-

тораго заживо содрали кожу. Иногда мелочи, не замѣченныя другими, причиняли ему глубокія и долгія огорченія.

Наружность у Боброва была скромная, неяркая... Онъ былъ невысокъ ростомъ и довольно худъ, но въ немъ чувствовалась нервная, порывистая сила. Большой бѣлый прекрасный лобъ прежде всего обращалъ на себя вниманіе на его лицѣ. Расширенные и при томъ неодинаковой величины зрачки были такъ велики, что глаза, вмѣсто сѣрыхъ, казались черными. Густыя, неровныя брови сходились у переносья и придавали этимъ глазамъ строгое, пристальное и точно аскетическое выраженіе. Губы у Андрея Ильича были нервныя, тонкія, но не злыя, и немного несимметричныя: правый уголь рта приходился немного выше лѣваго; усы и борода маленькіе, жидкіе, бѣлесоватые, совсѣмъ мальчишескіе. Прелесть его, въ сущности, некрасиваго лица заключалась только въ улыбкѣ. Когда Бобровъ смѣялся, глаза его становились нѣжными и веселыми, и все лицо дѣлалось привлекательнымъ.

Пройдя полверсты, Бобровъ взобрался на пригорокъ. Прямо подъ его ногами открылась огромная панорама завода, раскинувшаяся на пятьдесятъ квадратныхъ верстѣ. Это былъ настоящій городъ изъ краснаго кирпича, съ лѣсомъ высоко торчащихъ въ воздухѣ закопченныхъ трубъ,—городъ, весь пропитанный запахомъ сѣры и желѣзнаго угара, оглушаемый вѣчнымъ, несмолкаемымъ грохотомъ. Четыре доменные печи господствовали надъ заводомъ своими чудовищными трубами. Рядомъ съ ними возвышалось восемь кауперовъ, предназначенныхъ для циркуляціи нагрѣтаго воздуха,—восемь огромныхъ желѣзныхъ башенъ, увѣчаныхъ круглыми куполами. Вокругъ доменныхъ печей разбросались другія зданія: ремонтныя мастерскія, литейный дворъ, промыв-

ная, паровозная, рельсопрокатная, мартиновскія и пудлинговые печи и т. д.

Заводъ спускался внизъ тремя громадными природными площадями. Во всѣхъ направленіяхъ сновали маленькіе паровозы. Показываясь на самой нижней ступени, они съ пронзительнымъ свистомъ летѣли наверхъ, исчезали на нѣсколько секундъ въ туннеляхъ, откуда вырывались, окутанные бѣлымъ паромъ, гремѣли по мостамъ и наконецъ, точно по воздуху, неслись по каменнымъ эстакадамъ, чтобы сбросить руду и коксъ въ самую трубу доменной печи.

Дальше, за этой природной террасой, глаза разбѣгались на томъ хаосѣ, который представляла собою мѣстность, предназначенная для возведенія пятой и шестой доменныхъ печей. Казалось, какой-то страшный подземный переворотъ выбросилъ наружу эти безчисленныя груды щебня, кирпича разныхъ величинъ и цвѣтовъ, песчаныхъ пирамидъ, горъ плитняка, штабелей желѣза и лѣса. Все это было нагромождено какъ будто бы безъ толку, случайно. Сотни подводъ и тысячи людей суетились здѣсь, точно муравьи на разоренномъ муравейникѣ. Бѣлая тонкая и бѣдая известковая пыль стояла, какъ туманъ, въ воздухѣ.

Еще дальше, на самомъ краю горизонта, около длиннаго товарнаго поѣзда толпились рабочіе, разгружавшіе его. По наклоннымъ доскамъ, спущеннымъ изъ вагоновъ, непрерывнымъ потокомъ катились на землю кирпичи; со звономъ и дребезгомъ падало желѣзо; летѣли въ воздухѣ, изгибаясь и пружинясь на лету, тонкія доски. Однѣ подводы направлялись къ поѣзду порожнякомъ, другія вереницей возвращались оттуда, нагруженные доверху. Тысячи звуковъ смѣшивались здѣсь въ длинный скачущій гулъ: топкіе, чистые и твердые звуки каменщичьихъ зубилъ, звонкіе удары клепальщиковъ, че-

канящихъ заклепы на котлахъ, тяжелый грохотъ паровыхъ молотовъ, могучіе вздохи и свистъ паровыхъ трубъ и изрѣдка глухіе подземные взрывы, заставлявшіе дрожать землю.

Это была страшная и захватывающая картина. Человѣческій трудъ кипѣлъ здѣсь, какъ огромный, сложный и точный механизмъ. Тысячи людей, инженеровъ, каменщиковъ, механиковъ, плотниковъ, слесарей, землекоповъ, столяровъ и кузнецовъ собрались сюда съ разныхъ концовъ земли, чтобы, повинувшись желѣзному закону борьбы за существованіе, отдать свои силы, здоровье, умъ и энергію за одинъ только шагъ впередъ промышленнаго прогресса.

Нынѣшній день Бобровъ особенно нехорошо себя чувствовалъ. Иногда, хотя и очень рѣдко—раза три или четыре въ годъ у него являлось весьма странное, меланхолическое и вмѣстѣ съ тѣмъ раздражительное настроеніе духа. Случалось это обыкновенно въ пасмурныя осеннія утра, или по вечерамъ, во время зимней оттепели. Все въ его глазахъ пріобрѣтало скучный и безцвѣтный видъ, человѣческія лица казались мутными, некрасивыми или болѣзненными, слова звучали откуда-то издали, не вызывая ничего, кромѣ скуки. Особенно раздражали его сегодня, когда онъ обходилъ рельсопрокатный цехъ, блѣдныя, выпачканныя углемъ и высушенныя огнемъ лица рабочихъ. Глядя на ихъ упорный трудъ въ то время, когда ихъ тѣла обжигалъ жаръ раскаленныхъ желѣзныхъ маѣсъ, а изъ широкихъ дверей дулъ пронзительный осенній вѣтеръ, онъ самъ какъ будто бы испытывалъ часть ихъ физическихъ страданій. Ему тогда становилось стыдно и за свой выхоленный видъ, и за свое тонкое бѣлье, и за три тысячи своего годового жалованья..

II.

Онъ стоялъ около сварочной печи, слѣдя за работой. Каждую минуту громадный пылающій зѣвъ печи широко раскрывался, чтобы поглощать одинъ за другимъ двадцатипудовые «пакеты» раскаленной добѣла стали, только что вышедшіе изъ пламенныхъ печей. Черезъ четверть часа они, протянувшись съ страшнымъ грохотомъ черезъ десятки станковъ, уже складывались на другомъ концѣ мастерской длинными, гладкими, блестящими рельсами.

Кто-то тронулъ Боброва сзади за плечо. Онъ досадливо обернулся и увидѣлъ одного изъ сослуживцевъ—Свѣжевскаго.

Этотъ Свѣжевскій съ его всегда немного согнутой фигурой,—не то крадущейся, не то кланяющейся,—съ его вѣчнымъ хихиканьемъ и потираниемъ холодныхъ, мокрыхъ рукъ, очень не нравился Боброву. Въ немъ было что-то заискивающее, обиженное и злобное. Онъ вѣчно зналъ раньше всѣхъ заводскія сплетни и выкладывалъ ихъ съ особеннымъ удовольствіемъ передъ тѣмъ, кому онѣ были наиболее неприятны; въ разговорѣ же нервно суетился и ежеминутно притрогивался къ бокамъ, плечамъ, рукамъ и пуговицамъ собесѣдника.

— Что это васъ, батенька, такъ давно не видно?—спросилъ Свѣжевскій; онъ хихикалъ и мялъ въ своихъ рукахъ руку Андрея Ильича.—Все сидите и книжки почитываете? Почитываете все?

— Здравствуйте, — отозвался нехотя Бобровъ, отымая руку.—Просто мнѣ нездоровилось это время.

— У Зиненко за вами всѣ соскучились,—продолжалъ многозначительно Свѣжевскій.—Отчего вы у нихъ не бываете? А тамъ третьяго-дня былъ директоръ и о васъ справлялся. Разговоръ зашелъ какъ-то о доменныхъ ра-

ботахъ, и онъ о васъ отзывался съ большою похвалою.

— Весьма польщенъ, — насмѣшливо поклонился Бобровъ.

— Нѣтъ, серьезно... Говорилъ, что правленіе васъ очень цѣнитъ, какъ инженера, обладающаго большими знаніями, и что вы, если бы захотѣли, могли бы пойти очень далеко. По его мнѣнію, намъ вовсе не слѣдовало бы отдавать французамъ вырабатывать проектъ завода, если дома есть такіе свѣдущіе люди, какъ Андрей Ильичъ. Только...

«Сейчасъ что-нибудь непріятное скажетъ», — подумалъ Бобровъ.

— Только, говорить, нехорошо, что вы такъ удаляетесь отъ общества и производите впечатлѣніе замкнутаго чело-вѣка. Никакъ не поймешь, кто вы такой на самомъ дѣлѣ, и не знаешь, какъ съ вами держаться. Ахъ, да! — вдругъ хлопнулъ себя по лбу Свѣжевскій: — я вотъ болтаю, а самое важное позабылъ вамъ сказать... Директоръ просилъ всѣхъ быть непременно завтра къ двѣнадцати-часовому поѣзду на вокзалѣ.

— Опять будемъ встрѣчать кого-нибудь?

— Совершенно вѣрно. Угадайте, кого?

Лицо Свѣжевскаго приняло лукавое и торжествующее выраженіе. Онъ потиралъ руки и, повидимому, испытывалъ большое удовольствіе, готовясь сообщить интересную новость.

— Право, не знаю, кого... Да я и не мастеръ вовсе угадывать, — сказалъ Бобровъ.

— Нѣтъ, голубчикъ, отгадайте, пожалуйста... Ну, хоть такъ, наугадъ, кого-нибудь назовите...

Бобровъ замолчалъ и сталъ съ преувеличеннымъ вниманіемъ слѣдить за дѣйствіями парового крана. Свѣжевскій замѣтилъ это и засуетился еще больше прежняго.

— Ни за что не скажете... Ну, да я уже не буду васъ больше томить. Ждутъ самого Квашнина.

Фамилію онъ произнесъ съ такимъ откровеннымъ подобострастіемъ, что Боброву даже сдѣлалось противно.

— Что же вы тутъ находите особенно важнаго?—спросилъ небрежно Андрей Ильичъ.

— Какъ «что же особеннаго»? Помилуйте. Вѣдь онъ въ правленіи, что захочетъ, то и дѣлаетъ: его, какъ оракула, слушаютъ. Вотъ и теперь: правленіе уполномочило его ускорить работы, то-есть, иными словами, онъ самъ себя уполномочилъ къ этому. Вы увидите, какіе громы и молніи у насъ пойдутъ, когда онъ пріѣдетъ. Въ прошломъ году онъ постройку осматривалъ—это, кажется, до васъ еще было?.. Такъ директоръ и четверо инженеровъ полетѣли со своихъ мѣстъ къ чорту. У васъ задувка *) скоро окончится?

— Да, уже почти готова.

— Ну, это хорошо. При немъ, значить, и открытіе отпразднуемъ и начало каменныхъ работъ. Вы Квашнина самого встрѣчали когда-нибудь?

— Ни разу. Фамилію, конечно, слышалъ...

— А я такъ имѣлъ удовольствіе. Это жъ, я вамъ доложу, такой типъ, какихъ больше не увидите. Его весь Петербургъ знаетъ. Во-первыхъ, такъ толстъ, что у него руки на животѣ не сходятся. Не вѣрите? Честное слово. У него и особая карета такая есть, гдѣ вся правая сторона отворяется на шарнирахъ. При этомъ огромнаго роста, рыжій, и голосъ, какъ труба іерихонская. Но что за умница! Ахъ, Боже мой!.. Во всѣхъ акціонерныхъ обществахъ состоитъ членомъ правленія... получаетъ двѣ-

*) Задувкой доменной печи называется разогрѣваніе ея передъ началомъ работы до температуры плавленія руды, приблизительно до 1600° С. Самое дѣйствіе печи называется „кампаніей“. Задувка продолжается иногда нѣсколько мѣсяцевъ.

сти тысячъ всего только за семь засѣданій въ годъ! Зато уже, когда на общихъ собраніяхъ надо спасти ситуацію—лучше его не найти. Самый сомнительный годовой отчетъ онъ такъ доложитъ, что акціонерамъ черное бѣлымъ покажется, и они потомъ уже не знаютъ, какъ имъ выразить правленію свою благодарность. Главное: онъ никогда и съ дѣломъ-то вовсе не знакомъ, о которомъ говоритъ, и беретъ прямо апломбомъ. Вы завтра послушаете его, такъ, навѣрно, подумаете, что онъ всю жизнь только и дѣлалъ, что около доменныхъ печей возился, а онъ въ нихъ столько же понимаетъ, сколько я въ санскритскомъ языкѣ.

— На-ра-ра-ра-рамъ! — фальшиво и умышленно небрежно запѣлъ Бобровъ, отворачиваясь

— Да вотъ... на что лучше... Знаете, какъ онъ принимаетъ въ Петербургѣ? Сидитъ голый въ ваннѣ по самое горло, только голова его рыжая надъ водою сіяетъ, — и слушаетъ. А какой-нибудь тайный совѣтникъ стоитъ, почтительно передъ нимъ согнувшись, и докладываетъ... Обжора онъ ужасный... и, дѣйствительно, умѣетъ поѣсть; во всѣхъ лучшихъ ресторанахъ извѣстны битки à la Квашинь. А ужъ насчетъ бабья и не говорите. Три года тому назадъ съ нимъ прекомичный случай вышелъ...

И, видя, что Бобровъ собирается уйти, Свѣжевскій схватилъ его за пуговицу и умоляюще зашепталъ:

— Позвольте... это такъ смѣшно... позвольте, я сейчасъ... въ двухъ словахъ. Видите ли, какъ дѣло было. Приѣзжаетъ осенью, года три тому назадъ, въ Петербургъ одинъ бѣдный молодой человѣкъ—чиновникъ, что ли, какой-то... я даже его фамилію знаю, только не могу теперь вспомнить. Хлопочетъ этотъ молодой человѣкъ о спорномъ наслѣдствѣ и каждое утро, возвращаясь изъ присутственныхъ мѣстъ, заходитъ въ Лѣтній садъ, по-

сидѣть четверть часа на скамеечкѣ... Ну-съ, хорошо. Сидитъ онъ три дня, четыре, пять и замѣчаетъ, что ежедневно съ нимъ гуляетъ по саду какой-то рыжій господинъ необычайной толщины... Они знакомятся. Рыжій, который оказывается Квашнинымъ, разузнаетъ отъ молодого человѣка всѣ его обстоятельства, принимаетъ въ немъ участіе, жалѣетъ... Однако фамиліи ему своей не говоритъ. Ну-съ, хорошо. Наконецъ, однажды рыжій предлагаетъ молодому человѣку: «А что, согласились ли бы вы жениться на одной особѣ, но съ уговоромъ—сейчасъ же послѣ свадьбы съ ней развѣхаться и больше не видаться?» А молодой человѣкъ какъ разъ въ это время чуть съ голоду не умиралъ. «Согласенъ, говоритъ, только смотря по тому, какое вознагражденіе, и деньги впередъ». Замѣтите, тоже молодой человѣкъ знаетъ, съ какого конца спаржу ѣдятъ. Ну-съ, хорошо... Сговорились они. Черезъ недѣлю рыжій одѣваетъ молодого человѣка во фракъ и, чуть свѣтъ, везетъ куда-то за городъ, въ церковь. Народу никого; невеста уже дожидается, вся закутанная въ вуаль, однако видно, что хорошенькая и совсѣмъ молодая. Начинается вѣнчаніе. Только молодой человѣкъ замѣчаетъ, что его невеста стоитъ какая-то печальная. Онъ ее и спрашиваетъ шопотомъ: «Вы, кажется, противъ своей охоты сюда пріѣхали?» А она говоритъ: «Да и вы, кажется, тоже?» Такъ они и объяснились между собой. Оказывается, что дѣвушку принудила выйти замужъ ея же мать. Прямото отдать дочь Квашнину маменькѣ все-таки мѣшала совѣсть... Ну-съ, хорошо... Стоять они, стоятъ... молодой человѣкъ-то и говоритъ: «А давайте-ка удеремъ такую штуку: оба мы съ вами молоды, впереди еще для насъ можетъ быть много хорошаго, давайте-ка оставимъ Квашнина на бобахъ». Дѣвица рѣшительная и съ быстрымъ соображеніемъ. «Хорошо, говоритъ, давайте». Окончилось вѣнчанье, выходятъ всѣ изъ церкви, Кваш-

нить такъ и сіяеть. А молодой человекъ даже и деньги съ него впередъ получилъ, да и немалыя деньги, потому что Квашнинъ въ этихъ случаяхъ ни за какими капиталами не постоитъ. Подходитъ онъ къ молодымъ и поздравляетъ съ самымъ ироническимъ видомъ. Тѣ слушаютъ его, благодарятъ, посаженнымъ папенькой называютъ, и вдругъ оба—прыгъ въ коляску. «Что такое? Куда?»—«Какъ куда? На вокзалъ, свадебную поѣздку совершать. Кучеръ, пошелъ!..»—Такъ Василій Терентьевичъ и остался на мѣстѣ съ разинутымъ ртомъ... А то вотъ однажды... Что это? Вы уже уходите, Андрей Ильичъ?—прервалъ свою болтовню Свѣжевскій, видя, что Бобровъ съ рѣшительнымъ видомъ поправляетъ на головѣ шляпу и застегиваетъ пуговицы пальто.

— Извините, мнѣ некогда,—сухо отвѣтилъ Бобровъ.— А что касается вашего анекдота, то я его еще раньше гдѣ-то слышалъ или читалъ... Мое почтеніе.

И, повернувшись спиной къ Свѣжевскому, озадаченному его рѣзкостью, онъ быстро вышелъ изъ мастерской.

III.

Вернувшись съ завода и наскоро пообѣдавъ, Бобровъ вышелъ на крыльцо. Кучеръ Митрофанъ, еще раньше получившій приказаніе осѣдлать «Фарватера», гнѣдую донскую лошадь, съ усиліемъ затягивалъ подпругу англійскаго сѣдла. Фарватеръ надувалъ животъ и нѣсколько разъ быстро изгибалъ шею, ловя зубами рукавъ митрофановой рубашки. Тогда Митрофанъ кричалъ на него сердитымъ и ненатуральнымъ басомъ: «Но-о! Балуй, идолъ!» и прибавлялъ, кряхтя отъ напряженія: «Ишь ты, животная».

Фарватеръ—жеребецъ средняго роста, съ массивною

грудью, длиннымъ туловищемъ и поджарымъ, нечмого вислымъ задомъ, — легко и стройно держался на крѣпкихъ мохнатыхъ ногахъ, съ надежными копытами и топкой бабкой. Знатокъ остался бы недоволенъ его горбоносой мордой и длинной шеей съ острымъ, выдающимся кадыкомъ. Но Бобровъ находилъ, что эти особенности, характерныя для всякой донской лошади, составляютъ красоту Фарватера такъ же, какъ кривыя ноги у таксы и длинныя уши у сетера. Зато во всемъ заводѣ не было лошади, которая могла бы обскакать Фарватера.

Хотя Митрофанъ и считалъ необходимымъ, какъ и всякій хорошій русскій кучеръ, обращаться съ лошадыо сурово, отнюдь не позволяя ни себѣ ни ей никакихъ проявленій нѣжности, и поэтому называлъ ее и «каторжной», и «падалью», и «убивцею», и даже «Хамлетомъ», тѣмъ не менѣе онъ въ глубинѣ души страстно любилъ Фарватера. Эта любовь выражалась въ томъ, что донской жеребчикъ былъ и вычищенъ лучше и овса получалъ больше, чѣмъ другія казенныя лошади Боброва: «Ласточка» и «Черноморецъ».

— Поилъ ты его, Митрофанъ? — спросилъ Бобровъ.

Митрофанъ отвѣтилъ не сразу. У него была и еще одна повадка хорошаго кучера — медлительность и степенность въ разговорѣ.

— Попоилъ, Андрей Ильичъ, какъ же не попоимши-то. Но, ты, озирайся, лѣшій! Я тебѣ поверчу морду-то! — крикнулъ онъ сердито на лошады. — Страсть, баринъ, какъ ему охота нынче подъ сѣдломъ итти. Не терпится.

Едва только Бобровъ подошелъ къ Фарватеру и, взявъ въ лѣвую руку поводья, обмоталъ вокругъ пальцевъ гривку, какъ началась исторія, повторявшаяся чуть ли не ежедневно. Фарватеръ, уже давно косившійся большимъ, сердитымъ глазомъ на подходившаго Боброва, началъ плясать на мѣстѣ, выгибая шею и разбрасывая зад-

ними ногами комья грязи. Бобровъ прыгаль около него на одной ногѣ, стараясь вдѣть ногу въ стремя.

— Пусти, пусти поводья, Митрофанъ! — крикнулъ онъ, поймавъ наконецъ стремя, и въ тотъ же моментъ, перебросивъ ногу черезъ крупъ, очутился въ сѣдлѣ.

Почувствовавъ шенкеля всадника, Фарватеръ тотчасъ же смирился и, перемѣнивъ нѣсколько разъ ногу, фыркая и мотая головой, взялъ отъ воротъ широкимъ, упругимъ галопомъ...

Быстрая ѣзда, холодный вѣтеръ, свистѣвшій въ уши, свѣжій запахъ осенняго, слегка мокраго поля очень скоро успокоили и оживили вялые нервы Боброва. Кромѣ того каждый разъ, отправляясь къ Зиненкамъ, онъ испытывалъ пріятный и тревожный подъемъ духа.

Семья Зиненокъ состояла изъ отца, матери и пятерыхъ дочерей. Отецъ служилъ на заводѣ и завѣдывалъ складомъ. Этотъ лѣнивый и добродушный съ виду гигантъ былъ въ сущности очень пронырливымъ и каверзнымъ господиномъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, подъ видомъ высказыванія всякому въ глаза «истинной правды», грубо, но пріятно льстятъ начальству, откровенно ябедничаютъ на сослуживцевъ, а съ подчиненными обращаются самымъ безобразно-деспотическимъ образомъ. Онъ спорилъ изъ-за всякаго пустяка, не слушая возраженій и хрипло крича; любилъ поѣсть и питалъ слабость къ хорошему малорусскому пѣнію, при чемъ неизмѣнно фальшивилъ. Онъ, незамѣтно для самого себя, находился подъ башмакомъ у своей жены, — женщины маленькаго роста, болѣзненной и жеманной, съ крошечными сѣрыми глазками, до смѣшного близко поставленными къ переносью.

Дочерей звали: Мака, Бета, Шурочка, Нина и Кася.

Каждой изъ нихъ въ семьѣ было отведено свое амплуа. Мака, дѣвица съ рыбьимъ профилемъ, пользовалась ре-

путаціей ангельскаго характера. «Ужъ эта Мака — сама простота», — говорили про нее родители, когда она, во время прогулокъ и вечеровъ, ступшевывалась на задній планъ, въ интересахъ младшихъ сестеръ (Макъ уже перевалило за тридцать).

Бета считалась умницей, носила пенсне и, какъ говорили, хотѣла даже когда-то поступить на курсы. Она держала голову склоненной на бокъ и внизъ, какъ старая пристыжная, и ходила ныряющей походкой, то подымаясь, то опускаясь при каждомъ шагѣ. Къ новымъ гостямъ она приставала со спорами о томъ, что женщины лучше и честнѣе мужчинъ, или съ наивной игривостью просила: «Вы такой проницательный... ну вотъ, опредѣлите мой характеръ». Когда разговоръ переходилъ на одну изъ классическихъ домашнихъ темъ: «Кто выше: Лермонтовъ или Пушкинъ?» или: «Способствуетъ ли природа смягченію нравовъ?» — Бету выдвигали впередъ, какъ боевого слона.

Третья дочь, Шурочка, избрала спеціальностью игру въ дурачки со всѣми холостыми инженерами поочереди. Какъ только узнавала она, что ея старый партнеръ собирается жениться, она, подавляя огорченіе и досаду, избирала себѣ новаго. Конечно, игра велась съ милыми шутками и маленькимъ плѣнительнымъ плутовствомъ, при чемъ партнера называли «противнымъ» и били по рукамъ картами.

Нина считалась въ семьѣ общей любимицей, избалованнымъ, но прелестнымъ ребенкомъ. Она была выродкомъ среди своихъ сестеръ, съ ихъ массивными фигурами и грубоватыми, вульгарными лицами. Можетъ-быть, одна только т-те Зиненко могла бы удовлетворительно объяснить, откуда у Ниночки взялась эта нѣжная, хрупкая фигурка, эти почти аристократическія руки, хорошенькое, смугловатое личико, все въ родинкахъ, малень-

кія розовыя уши и пышныя, тонкія, слегка вьющіеся волосы. На нее родители возлагали большія надежды, и ей поэтому разрѣшалось все: и объѣдаться конфетами, и мило картавить, и даже одѣваться лучше сестеръ.

Самой младшей, Касѣ, исполнилось недавно четырнадцать лѣтъ, но этотъ феноменальный ребенокъ переросъ на цѣлую голову свою мать, далеко превзойдя старшихъ сестеръ могучей рельефностью формъ. Ея фигура давно уже вызывала пристальные взоры заводской молодежи, совершенно лишенной, по отдаленности отъ города, женскаго общества, и Кася принимала эти взоры съ наивнымъ безстыдствомъ рано созрѣвшей дѣвочки.

Это раздѣленіе семейныхъ прелестей было хорошо извѣстно на заводѣ, и одинъ шутникъ сказалъ какъ-то, что, если ужъ жениться на Зиненкахъ, то непременно на всѣхъ пятерыхъ сразу. Инженеры и студенты-практиканты глядѣли на домъ Зиненко какъ на гостиницу, толклись тамъ съ утра до ночи, много ѣли; еще больше пили, но съ удивительной ловкостью избѣгали брачныхъ сѣтей.

Въ этой семьѣ Боброва недолюбовали. Мѣщанскіе вкусы m-me Зиненко, стремившейся все подвести подъ линію пошлаго и благополучно-скучнаго провинціальнаго приличія, оскорблялись поведеніемъ Андрея Ильича. Его желчныя остроты, когда онъ бывалъ въ духѣ, встрѣчались съ широко раскрытыми глазами, и, наоборотъ, когда онъ молчалъ цѣлыми вечерами, вслѣдствіе усталости и раздраженія, его подозрѣвали въ скрытности, въ гордости, въ молчаливомъ иронизированіи, даже — о! это было всего ужаснѣе! — даже подозрѣвали, что онъ «пишетъ въ журналы повѣсти и собираетъ для нихъ типы».

Бобровъ чувствовалъ эту глухую вражду, выражавшуюся въ небрежности за столомъ, въ удивленномъ пожиманіи плечей матери семейства, но все-таки продолжалъ бывать у Зиненко. Любилъ ли онъ Нину? На

это онъ самъ не могъ бы отвѣтить. Когда онъ трое или четверо сутокъ не бывалъ въ ихъ домѣ, воспоминаніе о ней заставляло его сердце биться со сладкой и тревожной грустью. Онъ представлялъ себѣ ея стройную, граціозную фигурку, улыбку ея томныхъ, окруженныхъ тѣнью глазъ и запахъ ея тѣла, напоминавшій ему почему-то запахъ молодыхъ клейкихъ почекъ тополя.

Но стоило ему побывать у Зиненокъ три вечера подрядъ, какъ его начинало томить ихъ общество, ихъ фразы, — всегда однѣ и тѣ же въ одинаковыхъ случаяхъ, — шаблоныя и неестественныя выраженія ихъ лицъ. Между пятью «барышнями» и «ухаживавшими» за ними «кавалерами» (слова Зиненковскаго обихода) развѣ навсегда установились пошло-игривыя отношенія. И тѣ и другіе дѣлали видъ, будто они составляютъ два враждующихъ лагеря. То и дѣло одинъ изъ кавалеровъ, шутя, похищалъ у барышни какую-нибудь вещь и увѣрялъ, что не отдастъ ея; барышни дулись, шептались между собой, называли шутника «противнымъ» и все время хохотали деревяннымъ, громкимъ, непріятнымъ хохотомъ. И это повторялось ежедневно, сегодня совершенно въ тѣхъ же словахъ и съ тѣми же жестами, какъ вчера. Бобровъ возвращался отъ Зиненокъ съ головной болью и съ нервами, утомленными ихъ провинціальнымъ ломаньемъ.

Такимъ образомъ въ душѣ Боброва чередовалась тоска по Нинѣ, по нервному пожатію ея всегда горячихъ рукъ, съ отвращеніемъ къ скукѣ и манерности ея семьи. Бывали минуты, когда онъ уже совершенно готовился сдѣлать ей предложеніе. Тогда его не остановило бы даже сознаніе, что она, съ ея кокетствомъ дурного тона и душевной пустотой, устроить изъ семейной жизни адъ, что онъ и она думаютъ и говорятъ на разныхъ языкахъ. Но онъ не рѣшался и молчалъ.

Теперь, подъѣзжая къ Шепетовкѣ, онъ уже заранѣе

зналъ, что и какъ тамъ будутъ говорить въ томъ или другомъ случаѣ, даже представлялъ себѣ выраженіе лицъ. Онъ зналъ, что когда съ ихъ террасы увидятъ его верхомъ на лошади, то сначала между барышнями, всегда находящимися въ ожиданіи «пріятныхъ кавалеровъ», подымется длинный споръ о томъ, кто это ѣдетъ. Когда же онъ приблизится, то угадавшая начнетъ подпрыгивать, бить въ ладоши, прищелкивать языкомъ и задорно выкрикивать: «А что? А что? Я угадала, я угадала!» Вслѣдъ за тѣмъ она побѣжитъ къ Аннѣ Аѳанасьевнѣ. «Мама, Бобровъ ѣдетъ, я первая угадала!» А мама, лѣниво перетирая чайныя чашки, обратится къ Нинѣ — непременно къ Нинѣ — такимъ тономъ, какъ будто бы она передаетъ что-то смѣшное и неожиданное: «Ниночка, знаешь, Бобровъ ѣдетъ». И уже послѣ этого всѣ онѣ вмѣстѣ чрезвычайно и очень громко изумятся, увидя входящаго Андрея Ильича.

IV.

Фарватеръ шелъ, звучно фыркаая и попрашивая поводьевъ. Вдали показался домъ Шепетовской экономіи. Изъ густой зелени сиреней и акацій едва виднѣлись его бѣлыя стѣны и красная крыша. Подъ горой небольшой прудъ выпукло подымался изъ окружавшихъ его зеленыхъ береговъ.

На крыльцѣ стояла женская фигура. Бобровъ издали узналъ въ ней Нину, по ярко-желтой кофточкѣ, такъ красиво отгѣнявшей смуглый цвѣтъ ея лица, и тотчасъ же, подтянувъ Фарватеру поводья, выпрямился и высвободилъ носки ногъ, далеко залѣзшіе въ стремяна.

— Вы опять на своемъ сокровищѣ пріѣхали? Ну, вотъ, просто видѣть не могу этого уroda! — крикнула съ крыльца Нина веселымъ и капризнымъ голосомъ избалованнаго ребенка. У нея уже давно вошло въ при-

вычку дразнить Боброва его лошадыю, къ которой онъ былъ такъ привязанъ. Вообще, въ домѣ Зиненко вѣчно кого-нибудь и чѣмъ-нибудь дразнили.

Бросивъ поводья подбѣжавшему заводскому конюху, Бобровъ похлопалъ крутую, потемнѣвшую отъ пота шею лошади и вошелъ вслѣдъ за Ниной въ гостиную. Анна Аѳанасьевна, сидѣвшая за самоваромъ, сдѣлала видъ, будто необычайно поражена прїѣздомъ Боброва.

— А-а-а! Андрей Ильичъ! Наконецъ-то вы къ намъ пожаловали!.. — воскликнула она нараспѣвъ.

И, ткнувъ ему руку прямо въ губы, когда онъ здоровался съ ней, она своимъ громкимъ носовымъ голосомъ спросила:

— Чаю? Молока? Яблоковъ? Говорите, чего хотите.

— Merci, Анна Аѳанасьевна.

— Merci oui, ou merci non?

Подобныя французскія фразы были неизмѣнны въ семьѣ Зиненко. Бобровъ отказался отъ всего.

— Ну, такъ идите на террасу, тамъ молодежь затѣяла какіе-то фанты, что ли, — милостиво разрѣшила m-me Зиненко.

Когда онъ вышелъ на балконъ, всѣ четыре барышни разомъ, совершенно тѣмъ же тономъ и такъ же въ носъ, какъ ихъ маменька, воскликнули:

— А-а-а! Андрей Ильичъ? Вотъ ужъ кого давно-то не было видно! Чего вамъ принести? Чаю? Яблоковъ? Молока? — Не хотите? Нѣтъ, правда? А можетъ-быть, хотите? Ну, въ такомъ случаѣ садитесь здѣсь и принимайте участіе.

Играли въ «барыня прислала сто рублей», въ «мигнія» и еще въ какую-то игру, которую шепелявая Кася называла «играть въ пошуду». Изъ гостей были: три студента-практиканта, которые все время выпячивали грудь и принимали пластическія позы, выставивъ впередъ

ногу и заложивъ руку въ задній карманъ сюртука; былъ техникъ Миллеръ, отличавшійся красотою, глупостью и чудеснымъ баритономъ, и наконецъ какой-то молчаливый господинъ въ сѣромъ, не обращающій на себя ничего вниманія.

Игра не ладилась. Мужчины исполняли свои фанты со снисходительнымъ и скучающимъ видомъ; дѣвицы все отъ нихъ отказывались, перешептывались и напряженно хохотали.

Смеркалось. Изъ-за крышъ ближней деревни медленно показывалась огромная красная луна.

— Дѣти, идите въ комнаты! — крикнула изъ столовой Анна Афанасьевна. — Попросите Миллера, чтобы онъ намъ спѣлъ что-нибудь.

Черезъ минуту голоса барышень уже слышались въ комнатахъ. — Намъ было очень весело, — щебетали онѣ вокругъ матери: — мы такъ смѣялись, такъ смѣялись...

На балконѣ остались только Нина и Бобровъ. Она сидѣла на перилахъ, обхвативши столбъ лѣвой рукой и прижавшись къ нему въ бессознательно-граціозной позѣ. Бобровъ помѣстился на низкой садовой скамеечкѣ у самыхъ ея ногъ и снизу вверхъ, заглядывая ей въ лицо, видѣлъ нѣжныя очертанія ея шеи и подбородка.

— Ну, расскажите же что-нибудь интересное, Андрей Ильичъ, — нетерпѣливо приказала Нина.

— Право, я не знаю, что бы вамъ рассказать, — возразилъ Бобровъ. — Ужасно трудно говорить по заказу. Я и то ужъ думаю: нѣтъ ли такого разговорнаго сборника, на разныя темы...

— Фу-у! Какой вы ску-учный, — протянула Нина. — Скажите, когда вы бываете въ духѣ?

— А вы мнѣ скажите, почему вы такъ боитесь молчанія? Чуть разговоръ немножко изсякъ, вамъ уже и не по себѣ... А развѣ дурно разговаривать молча?

— «Мы будемъ съ тобой молчали-ивы»... — пропѣла насмѣшливо Нина.

— Конечно, будемъ молчаливы. Посмотрите: небо ясное, луна рыжая, большущая, на балконѣ такъ тихо... Чего же еще?..

— «И эта глупая луна на этомъ глупомъ небосклонѣ», — продекламировала Нина. — А пророс, вы слышали, что Зиночка Маркова выходитъ замужъ за Протопопова? Выходить-таки! Удивительный человекъ этотъ Протопоповъ. — Она пожала плечами. — Три раза ему Зина отказывала, и онъ все-таки не могъ успокоиться, сдѣлалъ въ четвертый разъ предложеніе. И пускай на себя пеняетъ. Она его, можетъ-быть, будетъ уважать, но любить — никогда!

Этихъ словъ было достаточно, чтобы расшевелить желчь въ душѣ Боброва. Его всегда выводилъ изъ себя узкій, мѣщанскій словарь Зиненокъ, съ выраженіями въ родѣ: «Она его любитъ, но не уважаетъ», «Она его уважаетъ, но не любитъ». Этими словами въ ихъ понятіяхъ исчерпывались самыя сложныя отношенія между мужчиной и женщиной, точно такъ же, какъ для опредѣленія нравственныхъ, умственныхъ и физическихъ особенностей любой личности у нихъ существовало только два выраженія: «брюнетъ» и «блондинъ».

И Бобровъ, изъ смутнаго желанія разбередить свою злобу, спросилъ:

— Что же такое представляетъ собою этотъ Протопоповъ?..

— Протопоповъ? — задумалась на секунду Нина. — Онъ... какъ бы вамъ сказать... довольно высокаго роста... шатень!..

— И больше ничего?

— Чего же еще? Ахъ, да: служить въ акцизѣ...

— И только? Да неужели, Нина Григорьевна, у васъ

для характеристики человека не найдется ничего, кроме того, что онъ шатень и служить въ акцизѣ! Подумайте: сколько въ жизни встрѣчается намъ интересныхъ, талантливыхъ и умныхъ людей. Неужели все это только «шатены» и «акцизные чиновники»? Посмотрите, съ какимъ жаднымъ любопытствомъ наблюдаютъ жизнь крестьянскія дѣти и какъ они мѣткі въ своихъ сужденіяхъ. А вы, умная и чуткая дѣвушка, проходите мимо всего равнодушно, потому что у васъ есть въ запасѣ десятокъ шаблонныхъ, комнатныхъ фразъ. Я знаю: если кто-нибудь упомянетъ въ разговорѣ про луну, вы сейчасъ же вставите: «Какъ эта глупая луна» и т. д. Если я расскажу, положимъ, какой-нибудь выходящій изъ ряда обыкновенныхъ случай, я напередъ знаю, что вы замѣтите: «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ». И такъ во всемъ, во всемъ... Повѣрьте мнѣ, ради Бога, что все самобытное, своеобразное...

— Я васъ прошу не читать мнѣ правоученій! — отозвалась рѣзко Нина.

Онъ замолчалъ, съ ощущеніемъ горечи во рту, и они оба сидѣли минутъ пять тихо и не шевелясь. Вдругъ изъ гостиной послышались звучные аккорды, и немного тронутый, но полный глубокаго выраженія голосъ Миллера запѣлъ:

Средь шумнаго бала, случайно,
Въ тревогѣ мірской суеты,
Тебя я увидѣлъ, но тайна
Твой покрывала черты.

Озлобленное настроеніе Боброва быстро улеглось, и онъ жалѣлъ теперь, что огорчилъ Нину. «Для чего вздумалъ я требовать отъ нея наивнаго, свѣжаго, дѣтскаго ума оригинальной смѣлости? — думалъ онъ. — Вѣдь она, какъ птичка: щебечетъ первое, что ей приходитъ въ голову, и, почему знать, можетъ-быть, это щебетанье даже

гораздо лучше, чѣмъ разговоры объ эмансипаціи, и о Ницше, и о декадентахъ?»

— Нина Григорьевна, не сердитесь на меня. Я увлекся и наговорилъ глупостей, — сказалъ онъ вполголоса.

Нина молчала, отвернувшись отъ него и глядя на восходившую луну. Опъ отыскалъ въ темнотѣ ея свѣсившуюся руку и, нѣжно пожавъ ее, прошепталъ:

— Нина Григорьевна... Пожалуйста...

Нина вдругъ быстро повернулась къ нему и, отвѣтивъ на его пожатіе быстрымъ, нервнымъ пожатіемъ, воскликнула тономъ прощенія и упрека:

— Злючка! Всегда вы меня обижаете... пользуетесь тѣмъ, что я на васъ не умѣю сердиться!..

И, оттолкнувъ его внезапно задрожавшую руку, почти вырвавшись отъ него, она перебѣжала балконъ и скрылась въ дверяхъ.

...И въ грезахъ невѣдомыхъ сплю...
Люблю ли тебя — я не знаю,
Но кажется мнѣ, что люблю...

пѣлъ со страстнымъ и тоскливымъ выраженіемъ Миллеръ.

— Но кажется мнѣ, что люблю! — повторилъ взволнованнымъ шопотомъ Бобровъ, глубоко переводя духъ и прижимая руку къ забившемуся сердцу.

«Зачѣмъ же, — растроганно думалъ онъ: — утомляю я себя безплодными мечтами о какомъ-то невѣдомомъ, возвышенномъ счастьѣ, когда здѣсь, около меня — простое, но глубокое счастье? Чего же еще нужно отъ жѣнщины, отъ жены, если въ ней столько нѣжности, кротости, изящества и вниманія? Мы, бѣдные, нервные, больные люди, не умѣемъ брать просто отъ жизни ея радостей, мы ихъ нарочно отравляемъ ядомъ нашей неутомимой потребности копать въ каждомъ чувствѣ, въ каждомъ своемъ и чужомъ помышленіи... Тихая ночь, близость любимой дѣвушки, милыя незатѣйливыя рѣчи, минутная вспышка

гнѣва и потомъ внезапная ласка — Господи! Развѣ не въ этомъ вся прелесть существованія?»

Онъ вошелъ въ гостиную повеселѣвшій, бодрый, почти торжествующій. Глаза его встрѣтились съ глазами Нины, и въ ея долгомъ взорѣ онъ прочелъ нѣжный отвѣтъ на свои мысли. «Она будетъ моей женой», — подумалъ Бобровъ, ощущая въ душѣ спокойную радость.

Разговоръ шелъ о Квашнинѣ. Анна Аѳанасьевна, наполняя своимъ увѣреннымъ голосомъ всю комнату, говорила, что она думаетъ завтра тоже повести «своихъ дѣвочекъ» на вокзалъ.

— Очень можетъ быть, что Василій Терентьевичъ захочетъ сдѣлать намъ визитъ. По крайней мѣрѣ о его пріѣздѣ мнѣ еще за мѣсяцъ писала племянница мужа моей двоюродной сестры — Лиза Бѣлоконская...

— Это, кажется, та Бѣлоконская, братъ которой женатъ на княжнѣ Муховецкой? — покорно вставилъ заученную реплику господинъ Зиненко.

— Ну да, та самая, — снисходительно кивнула въ его сторону головой Анна Аѳанасьевна. — Она еще приходится дальней родней по бабушкѣ Стремоуховымъ, которыхъ ты знаешь. И вотъ Лиза Бѣлоконская писала мнѣ, что встрѣтилась въ одномъ обществѣ съ Василюмъ Терентьевичемъ и рекомендовала ему побывать у насъ, если ему, вообще, вздумается ѣхать когда-нибудь на заводъ.

— Сумѣемъ ли мы принять, Нюся? — спросилъ озабоченно Зиненко.

— Какъ ты смѣшно говоришь! Мы сдѣлаемъ, что можемъ. Вѣдь ужъ во всякомъ случаѣ мы не удивимъ ничѣмъ человека, который имѣетъ триста тысячъ годового дохода.

— Господи! Триста тысячъ! — простоналъ Зиненко. — Просто страшно подумать.

— Триста тысячъ! — вздохнула, точно эхо, Нина.

— Триста тысячъ! — воскликнули восторженно хоромъ дѣвицы.

— Да, и все это онъ проживаетъ до копеечки, — сказала Анна Аѳанасьевна. Затѣмъ, отвѣчая на невысказанную мысль дочерей, она прибавила: — Женатый чело-вѣкъ. Только, говорятъ, очень неудачно женился. Его жена какая-то безцвѣтная личность и совсѣмъ не пред-ставительна. Что ни говорите, а жена должна быть вы-вѣской въ дѣлахъ мужа.

— Триста тысячъ! — повторила еще разъ, точно въ бреду, Нина. — Чего только на эти деньги ни сдѣ-лаешь!..

Анна Аѳанасьевна провела рукой по ея пышнымъ во-лосамъ.

— Вотъ бы тебѣ такого мужа, дѣточка. А?

Эти триста тысячъ чужого годового дохода точно на-электризовали все общество. Съ блестящими глазами и разгорѣвшимися лицами рассказывались и слушались анекдоты о жизни миллионеровъ, рассказы о баснослов-ныхъ меню обѣдовъ, о великолѣпныхъ лошадяхъ, о ба-лахъ и исторически-безумныхъ тратахъ денегъ.

Сердце Боброва похолодѣло и до боли сжалось. Онъ тихонько отыскалъ свою шляпу и осторожно вышелъ на крыльцо. Его ухода, впрочемъ, и такъ никто бы не замѣтилъ.

И когда онъ крупною рысью ѣхалъ домой и пред-ставилъ себѣ томные, мечтательные глаза Нины, шепта-вшей почти въ забытьѣ: «Триста тысячъ!» — ему вдругъ припомнился утренній анекдотъ Свѣжевскаго.

— Эта... тоже сумѣетъ себя продать! — прошепталъ онъ, судорожно стиснувъ зубы и съ бѣшенствомъ уда-ривъ Фарватера хлыстомъ по шеѣ.

V.

Подъѣзжая къ своей квартирѣ, Бобровъ замѣтилъ свѣтъ въ окнахъ. «Должно-быть, безъ меня пріѣхалъ докторъ и теперь валяется на диванѣ, въ ожиданіи моего пріѣзда», — подумалъ онъ, сдерживая взмыленную лошадь. Въ теперешнемъ настроеніи Боброва докторъ Гольдбергъ былъ единственнымъ человѣкомъ, присутствіе котораго онъ могъ перенести безъ болѣзненнаго раздраженія.

Онъ любилъ искренно этого безпечнаго, кроткаго еврея за его разносторонній умъ, юношескую живость характера и добродушную страсть къ спорамъ отвлеченнаго свойства. Какой бы вопросъ ни затрогивалъ Бобровъ, докторъ Гольдбергъ возражалъ ему съ одинаковымъ интересомъ къ дѣлу и съ неизмѣнной горячностью. И хотя между обоими, въ ихъ безконечныхъ спорахъ, до сихъ поръ возникали только противорѣчія, тѣмъ не менѣе они скучали другъ безъ друга и видѣлись чуть не ежедневно.

Докторъ, дѣйствительно, лежалъ на диванѣ, закинувъ ноги на его спинку, и читалъ какую-то брошюру, держа ее вплотную у своихъ близорукихъ глазъ. Быстро скользнувъ взглядомъ по корешку, Бобровъ узналъ «Учебный курсъ металлургіи» Мевіуса и улыбнулся. Онъ хорошо зналъ привычку доктора читать съ одинаковымъ увлеченіемъ, и непремѣнно изъ середины, все, что только попадалось ему подъ руку.

— А я безъ васъ распорядился чайкомъ, — сказалъ докторъ, отбросивъ въ сторону книгу и глядя поверхъ очковъ на Боброва. — Ну, какъ попрыгиваете, государь мой Андрей Ильичъ? У-у, да какой же вы сердитый. Что? Опять веселая меланхолія?

— Ахъ, докторъ, скверно на свѣтѣ жить, — сказалъ устало Бобровъ.

— Отчего же такъ, голубчикъ?

— Да такъ... вообще... все скверно. Ну, какъ, докторъ, ваша больница?

— Наша больница ничего... живетъ. Сегодня очень интересный хирургическій случай былъ. Ей-Богу, и смѣшно и трогательно. Представьте себѣ, приходитъ на утренній осмотръ парень, изъ масальскихъ каменщиковъ. Эти масальскіе ребята, какого ни возьми, всѣ, какъ на подборъ, богатыри. «Что тебѣ?» — спрашиваю. — «Да вотъ, господинъ дохтуръ, рѣзалъ я хлѣбъ для артели, такъ только вотъ што, этто башка у меня трешшеть, такъ, палець маненечко попортилъ, руду никакъ не уймешь». Осмотрѣлъ я его руку: такъ себѣ, царапинка, пустяки, но нагноилась немного; я приказалъ фельдшеру положить пластырь. Только, вижу, парень мой не уходитъ. — «Ну, чего тебѣ еще надо? Заклеили тебѣ руку, и ступай». — «Это вѣрно, говоритъ, заклеили, дай Богъ тебѣ здоровья, а только вотъ што, этто башка у меня трешшеть, такъ думаю, заодно и напротивъ башки чего-нибудь дашь». — «Что же у тебя съ башкой? Треснулъ кто-нибудь, вѣрно?» — Парень такъ и обрадовался, загоготалъ. — «Есть, говоритъ, тотъ грѣхъ. Ономясь, на Спаса (это, значитъ, вышили ведра полтора, ну, ребята и зачали баловать промежь себя... Ну, и я тоже. А опосля... въ дракѣ-то нешто разберешься?... ка-акъ онъ меня зубиломъ саданулъ по балдѣ... починилъ, стало-быть... Сначала-то оно ничего было, не больно, а вотъ теперъ трешшеть башка-то». Сталъ я осматривать «балду», и, что же вы думаете? — прямо въ ужасъ пришелъ! Черепъ проломленъ насквозь, дыра съ пятакъ мѣдный будетъ величиною, и обломки кости въ мозгъ врѣзались... Теперъ лежитъ въ больницѣ безъ сознанія. Изумительный, я вамъ скажу,

народецъ: младенцы и герои въ одно и то же время. Ей-Богу, я не шутя думаю, что только русскій терпѣливый мужикъ и вынесетъ такую починку балды. Другой, не сходя съ мѣста, испустилъ бы духъ. И потомъ, какое наивное незлобіе: «Въ дракѣ нешто разберешь?..» Чортъ знаетъ, что такое!

Бобровъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, щелкалъ хлыстомъ по голенищамъ высокихъ сапогъ и разсѣянно слушалъ доктора. Горечь, осѣвшая ему на душу еще у Зиненокъ, до сихъ поръ не могла успокоиться.

Докторъ помолчалъ немного и, видя, что его себе-сѣдникъ не расположенъ къ разговору, сказалъ съ участіемъ:

— Знаете что, Андрей Ильичъ? Попробуемте-ка на минуточку лечь спать, да хватимъ на ночь ложечку-другую брому. Оно полезно въ вашемъ настроеніи, а вреда, все равно, никакого не будетъ...

Они оба легли въ одной комнатѣ: Бобровъ на кровати, докторъ на томъ же диванѣ. Но и тому и другому не спалось. Гольдбергъ долго слушалъ въ темнотѣ, какъ ворочался съ боку на бокъ и вздыхалъ Бобровъ, и наконецъ заговорилъ первый:

— Ну, что вы, голубчикъ? Ну, что терзаетесь? Ужъ говорите лучше прямо, что такое тамъ въ васъ засѣло? Все легче будетъ. Чай, все-таки не чужой я вамъ человѣкъ, не изъ празднаго любопытства спрашиваю.

Эти простыя слова тронули Боброва. Хотя его и связывали съ докторомъ почти дружескія отношенія, однако ни одинъ изъ нихъ до сихъ поръ ни словомъ не подтвердилъ этого вслухъ: оба были люди чуткіе и боялись колючаго стыда взаимныхъ признаній. Докторъ первый открылъ свое сердце. Ночная темнота и жалость къ Андрею Ильичу помогли этому.

— Все мнѣ тяжело и гадко, Осипъ Осиповичъ, — ото-

звался тихо Бобровъ. — Первое, мнѣ гадко то, что я служу на заводѣ и получаю за это большія деньги, а мнѣ это заводское дѣло противно и противно! Я считаю себя честнымъ человѣкомъ и потому прямо себя спрашиваю: «Что ты дѣлаешь? Кому ты приносишь пользу?» Я начинаю разбираться въ этихъ вопросахъ и вижу, что, благодаря моимъ трудамъ, сотня французскихъ лавочниковъ-рантье и десятокъ ловкихъ русскихъ пройдохъ со временемъ положатъ въ карманъ милліоны. А другой цѣли, другого смысла нѣтъ въ томъ трудѣ, на подготовку къ которому я убилъ лучшую половину жизни!..

— Ну, ужъ это даже смѣшно, Андрей Ильичъ, — возразилъ докторъ, повернувшись въ темнотѣ лицомъ къ Боброву. — Вы требуете, чтобы какіе-то буржуи прониклись интересами гуманности. Съ тѣхъ поръ, голубчикъ, какъ міръ стоитъ, все впередъ движется брюхомъ, иначе не было и не будетъ. Но суть-то въ томъ, что вамъ наплевать на буржуевъ, потому что вы гораздо выше ихъ. Неужели съ васъ не довольно мужественнаго и гордаго сознанія, что вы толкаете впередъ, выражаясь языкомъ передовыхъ статей, «колесницу прогресса»? Чортъ возьми! Акціи пароходныхъ обществъ приносятъ колоссальныя дивиденды, но развѣ это мѣшаетъ Фультону считаться благодѣтелемъ человѣчества?

— Ахъ, докторъ, докторъ! — Бобровъ досадливо поморщился. — Вы не были, кажется, сегодня у Зиненокъ, а вашими устами вдругъ заговорила ихъ житейская мудрость. Слава Богу, мнѣ не придется ходить далеко за возраженіями, потому что я сейчасъ разобью васъ вашей же возлюбленной теоріей.

— То-есть какой это теоріей?.. Позвольте... я что-то не помню никакой теоріи... право, голубчикъ, не помню... забылъ что-то...

— Забыли? А кто здѣсь же, на этомъ самомъ ди-

ванъ, съ нѣной у рта кричалъ, что мы, инженеры и изобрѣтатели, своими открытіями ускоряемъ пульсъ общественной жизни до горячечной скорости? Кто сравнивалъ эту жизнь съ состояніемъ животнаго, заключеннаго въ банку съ кислородомъ? О, я отлично помню, какой страшный перечень дѣтей двадцатаго вѣка, неврастениковъ, сумасшедшихъ, переутомленныхъ, самоубійцъ, кидали вы въ глаза этимъ самымъ благодѣтелямъ рода человѣческаго. Телеграфъ, телефонъ, стодвадцативерстные поѣзда, говорили вы, сократили разстояніе до *minimum*'а, — уничтожили его... Время вздоржало до того, что скоро начнутъ ночь превращать въ день, ибо уже чувствуется потребность въ такой удвоенной жизни. Сдѣлка, требовавшая раньше цѣлыхъ мѣсяцевъ, теперь оканчивается въ пять минутъ. Но ужъ и эта чертовская скорость не удовлетворяетъ нашему нетерпѣнію... Скоро мы будемъ видѣть другъ друга по проволокамъ на разстояніи сотенъ и тысячъ верстъ!.. А между тѣмъ всего пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ наши предки, собираясь изъ деревни въ губернію, не спѣша, служили молебень и пускались въ путь съ запасомъ, достаточнымъ для полярной экспедиціи... И мы несемъ, сломя голову, впередъ и впередъ, оглушенные грохотомъ и трескомъ чудовищныхъ машинъ, одурѣвшіе отъ этой бѣшеной скачки, съ раздраженными нервами, извращенными вкусами и тысячами новыхъ болѣзней... Помните, докторъ? Все это ваши собственные слова, поборникъ благодѣтельнаго прогресса!

Докторъ, уже нѣсколько разъ тщетно пытавшійся возразить, воспользовался минутной передышкой Боброва.

— Ну да, ну да, голубчикъ, все это я говорилъ, — заторопился онъ не совсѣмъ однако увѣренно. — Я и теперь это утверждаю. Но надо же, голубчикъ, такъ сказать, приспособляться. Какъ же жить-то иначе? Во всякой профессіи есть эти скользкіе пункты. Вотъ, взять

хоть насъ, напрімѣръ, докторовъ... Вы думаете, у насъ все это такъ ясно и хорошо, какъ въ книжечкѣ? Да вѣдь мы дальше хирургіи нич-чего ровнешенько не знаемъ навѣрняка. Мы выдумываемъ новыя лѣкарства и системы, но совершенно забываемъ, что изъ тысячи организмовъ нѣтъ двухъ, хоть сколько-нибудь похожихъ составомъ крови, дѣятельностью сердца, условіями наслѣдственности и. чортъ знаетъ чѣмъ еще! Мы удалились отъ единого вѣрнаго терапевтическаго пути — отъ медицины звѣрей и знахарокъ, мы наводнили фармакопею разными кокаинами, атропинами, фенацетинами, но мы упустили изъ виду, что если простому человѣку дать чистой воды, да увѣрить его хорошенько, что это сильное лѣкарство, то простой человѣкъ выздоровѣетъ. А между тѣмъ въ девяноста случаяхъ изъ ста въ нашей практикѣ помогаетъ только эта увѣренность, внушаемая нашимъ профессиональнымъ жреческимъ апломбомъ. Повѣрите ли? Одинъ хорошій врачъ, и въ то же время умный и честный человѣкъ, признавался мнѣ, что охотники лѣчатъ собакъ гораздо рациональнѣе, чѣмъ мы людей. Тамъ одно средство — сѣрный цвѣтъ, — вреда особеннаго онъ не принесетъ, а иногда все-таки и помогаетъ... Не правда ли, голубчикъ, пріятная картинка? А однако и мы дѣлаемъ, что можемъ... Нельзя, мой дорогой, иначе: жизнь требуетъ компромиссовъ... Иной разъ, хоть своимъ видомъ всезнающаго авгура, а все-таки облегчишь страданія ближняго. И на томъ спасибо.

— Да, компромиссы—компромиссами, —возразилъ мрачнымъ тономъ Бобровъ: — а однако вы у масальскаго каменщика кости изъ черепа-то сегодня извлекли...

— Ахъ, голубчикъ, что значитъ одинъ исправленный черепъ? Подумайте-ка, сколько ртовъ вы кормите и сколькимъ рукамъ даете работу. Еще въ исторіи Иловайскаго сказано, что «царь Борисъ, желая снискать расположе-

ніе народныхъ массъ, предпринималъ въ голодные годы постройку общественныхъ зданій». Что-то въ этомъ родѣ... Вотъ вы и посчитайте, какую колоссальную сумму пользы вы...

При послѣднихъ словахъ Боброва точно подбросило на кровати, и онъ быстро усѣлся на ней, свѣсивъ внизъ голыя ноги.

— Пользы!? — закричалъ онъ изступленно. — Вы мнѣ говорите о пользѣ? Въ такомъ случаѣ, ужъ если подводить итоги пользѣ и вреду, то, позвольте, я вамъ приведу маленькую страничку изъ статистики. — И онъ началъ мѣрнымъ и рѣзкимъ тономъ, какъ будто бы говорилъ съ кафедрой: — Давно извѣстно, что работа въ рудникахъ, шахтахъ, на металлическихъ заводахъ и на большихъ фабрикахъ сокращаетъ жизнь рабочаго приблизительно на цѣлую четверть. Я не говорю уже о несчастныхъ случаяхъ или непосильномъ трудѣ. Вамъ, какъ врачу, гораздо лучше моего извѣстно, какой процентъ приходится на долю сифилиса, пьянства и чудовищныхъ условій прозябанія въ этихъ проклятыхъ баракахъ и землянкахъ... Постойте, докторъ, прежде чѣмъ возражать, вспомните, много ли вы видѣли на фабрикахъ рабочихъ старѣе 40 — 45 лѣтъ? Я положительно не встрѣчалъ. Иными словами, это значитъ, что рабочій отдаетъ предпринимателю три мѣсяца своей жизни въ годъ, недѣлю — въ мѣсяцъ, или, короче, шесть часовъ въ день... Теперь слушайте дальше... У насъ, при шести домнахъ, будетъ занято до 30.000 человѣкъ — царю Борису, вѣрно, и не снились такія цифры! Тридцать тысячъ человѣкъ, которые всѣ вмѣстѣ, такъ сказать, сжигаютъ въ сутки 180.000 часовъ своей собственной жизни, то-есть семь съ половиной тысячъ дней, то-есть наконецъ, сколько же это будетъ лѣтъ?

— Около двадцати лѣтъ, — подсказалъ послѣ небольшого молчанія докторъ.

— Около двадцати лѣтъ въ сутки! — закричалъ Бобровъ. — Двое сутокъ работы пожираютъ цѣлаго человѣка. Чортъ возьми! Вы помните изъ Библии, что какіе-то тамъ ассиріяне или моавитяне приносили своимъ богамъ человѣческія жертвы? Но вѣдь эти мѣдные господа, Молохъ и Дагонъ, покраснѣли бы отъ стыда и отъ обиды передъ тѣми цифрами, что я сейчасъ привелъ...

Эта своеобразная математика только-что пришла въ голову Боброву (онъ, какъ и многіе очень впечатлительные люди, находилъ новыя мысли только среди разговора). Тѣмъ не менѣе и его самого и Гольдберга поразила оригинальность вычисленія.

— Чортъ возьми, вы меня ошеломили, — отозвался съ дивана докторъ. — Хотя цифры могутъ быть и не совсемъ точными...

— А извѣстна ли вамъ, — продолжалъ съ еще большей горячностью Бобровъ: — извѣстна ли вамъ другая статистическая таблица, по которой вы съ чертовской точностью можете вычислить, во сколько человѣческихъ жизней обойдется каждый шагъ впередъ вашей дьявольской колесницы, каждое изобрѣтеніе какой-нибудь поганой вѣялки, сѣялки или рельсопрокатки? Хороша, нечего сказать, ваша цивилизація, если ея плоды исчисляются цифрами, гдѣ въ видѣ единицъ стоитъ желѣзная машина, а въ видѣ нулей — цѣлый рядъ человѣческихъ существованій!

— Но, послушайте, голубчикъ вы мой, — возразилъ докторъ, сбитый съ толку пылкостью Боброва: — тогда, по-вашему, лучше будетъ возвратиться къ первобытному труду, что ли? Зачѣмъ же вы все черныя стороны берете? Вѣдь вотъ у насъ, несмотря на вашу матема-

тику, и школа есть при заводѣ, и церковь, и больница хорошая, и общество дешеваго кредита для рабочихъ...

Бобровъ совсѣмъ вскочилъ съ постели и босой забѣгалъ по комнатѣ.

— И больница ваша, и школа — все это пустяки! Цаца дѣтская для такихъ гуманистовъ, какъ вы, — уступка общественному мнѣнію... Если хотите, я вамъ скажу, какъ мы на самомъ дѣлѣ смотримъ... Вы знаете, что такое фѣнишъ?

— Фѣнишъ? Это что-то лошадиное, кажется? Что-то такое на скачкахъ?

— Да, на скачкахъ. Фѣнишемъ называются послѣднія сто сажень передъ верстовымъ столбомъ. Лошадь должна ихъ проскакать съ наибольшей скоростью, — за столбомъ она можетъ хоть издохнуть. Фѣнишъ — это полнѣйшее, максимальное напряженіе силъ, и, чтобы выжать изъ лошади фѣнишъ, ее истязаютъ хлыстомъ до крови... Такъ вотъ и мы. А когда фѣнишъ выжать и кляча упала съ переломленной спиной и разбитыми ногами — къ чорту ее, она больше никуда не годится! Вотъ тогда и извольте утѣшать павшую на фѣнишѣ клячу вашими школами да больницами... Вы видѣли ли когда-нибудь, докторъ, литейное и прокатное дѣло? Если видали, то вы должны знать, что оно требуетъ адской крѣпости нервовъ, стальныхъ мускуловъ и ловкости цирковаго артиста... Вы должны знать, что каждый мастеръ нѣсколько разъ въ день избѣгаетъ смертельной опасности только благодаря удивительному присутствію духа... И сколько за этотъ трудъ рабочій получаетъ, хотите вы знать?

— А все-таки, пока стоитъ заводъ, трудъ этого рабочаго обезпеченъ, — сказалъ упрямо Гольдбергъ.

— Докторъ, не говорите наивныхъ вещей! — воскликнулъ Бобровъ, садясь на подоконникъ. — Теперь рабочій болѣе чѣмъ когда-либо зависитъ отъ рыночнаго спроса,

отъ биржевой игры, отъ разныхъ закулисныхъ интригъ. Каждое громадное предпріятіе, прежде чѣмъ оно поидеть въ ходъ, насчитываетъ трехъ или четырехъ покойниковъ-патроновъ. Вамъ извѣстно, какъ создано наше общество? Его основала за наличныя деньги небольшая компанія капиталистовъ. Дѣло предполагалось устроить сначала въ небольшихъ размѣрахъ. Но цѣлая банда инженеровъ, директоровъ и подрядчиковъ ухнула капиталъ такъ скоро, что предприниматели не успѣли и оглянуться. Возводились громадныя постройки, которыя потомъ оказывались негодными... Капитальныя зданія шли, какъ у насъ говорятъ, «на мясо», то-есть рвались динамитомъ. И когда въ концѣ концовъ предпріятіе пошло по 10 коп. за рубль, только тогда стало понятно, что вся эта сволочь дѣйствовала по заранѣе обдуманной системѣ и получала за свой подлый образъ дѣйствій определенное жалованье отъ другой, болѣе богатой и ловкой компаніи. Теперь дѣло идетъ въ гораздо большихъ размѣрахъ, но мнѣ хорошо извѣстно, что при крахѣ перваго покойника 800 рабочихъ не получили двухмѣсячнаго жалованья. Вотъ вамъ и обезпеченный трудъ! Да стоитъ только акціямъ упасть на биржѣ, какъ это сейчасъ же отражается на заработной платѣ. А вамъ, я думаю, извѣстно, какъ поднимаются и падаютъ на биржѣ акціи? Для этого нужно мнѣ пріѣхать въ Петербургъ—шепнуть маклеру, что вотъ, молъ, хочу я продать тысячу на триста акцій, «только, молъ, ради Бога, это между нами, ужъ лучше я вамъ заплачу хорошей куртажъ, только молчите»... Потомъ другому и третьему шепнуть то же самое по секрету, и акціи мгновенно падаютъ на нѣсколько десятковъ рублей. И чѣмъ больше секретъ, тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе упадутъ акціи... Хороша обезпеченность!..

Сильнымъ движеніемъ руки Бобровъ разомъ распахнулъ окно. Въ комнату ворвался холодный воздухъ.

— Посмотрите, посмотрите сюда, докторъ!—крикнулъ Андрей Ильичъ, показывая пальцемъ по направленію завода.

Гольдбергъ приподнялся на локтѣ и устремилъ глаза въ ночную темноту, глядѣвшую изъ окна. На всемъ громадномъ пространствѣ, разстилавшемся вдали, рдѣли разбросанныя въ безчисленномъ множествѣ кучи раскаленнаго известняка, на поверхности которыхъ то и дѣло вспыхивали голубоватые и зеленые сѣрные огни... Это горѣли известковыя печи *). Надъ заводомъ стояло огромное красное колеблющееся зарево. На его кровавомъ фонѣ стройно и четко рисовались темныя верхушки высокихъ трубъ, между тѣмъ какъ нижнія части ихъ расплывались въ сѣромъ туманѣ, шедшемъ отъ земли. Разверстыя пасти этихъ великановъ безостановочно изрыгали густые клубы дыма, которые смѣшивались въ одну сплошную, хаотическую, медленно ползущую на востокъ тучу, мѣстами бѣлую, какъ комья ваты, мѣстами грязно-сѣрую, мѣстами желтоватаго цвѣта желѣзной ржавчины. Надъ тонкими, длинными дымоотводами, придавая имъ видъ исполинскихъ факеловъ, трепетали и метались яркіе снопы горящаго газа. Отъ ихъ невѣрнаго отблеска нависшая надъ заводомъ дымная туча, то вспыхивая, то потухая, принимала странные и грозные оттѣнки. Время отъ времени, когда, по рѣзкому звону сигнальнаго молотка, опускался внизъ колпакъ доменной печи, изъ нея устья съ ревомъ, подобнымъ отдаленному грому, вырывалась къ самому небу цѣлая буря пламени и копоги. Тогда на нѣсколько мгновеній весь заводъ рѣзко и страшно выступалъ изъ мрака, а тѣсный рядъ черныхъ

*) Известковыя печи устраиваются такимъ образомъ: складывается изъ известковаго камня холмъ, величиною съ человѣческой ростъ, и разжигается дровами или каменнымъ углемъ. Этотъ холмъ раскаляется около недѣли, до тѣхъ поръ, пока изъ камня не образуется негашеная известь.

круглыхъ кауперовъ казался башнями легендарнаго желѣзнаго замка. Огни коксовыхъ печей тянулись длинными правильными рядами. Иногда одинъ изъ нихъ вдругъ вспыхивалъ и разгорался, точно огромный красный глазъ. Электрическіе огни примѣшивали къ пурпуровому свѣту раскаленнаго желѣза свой голубоватый мертвый блескъ... Несмолкаемый лязгъ и грохотъ желѣза несея оттуда.

Отъ зарева заводскихъ огней лицо Боброва приняло въ темнотѣ зловѣщій мѣдный оттѣнокъ, въ глазахъ блеснули яркіе красные блики, спутавшіеся волосы упали беспорядочно на лобъ. И голосъ его звучалъ пронзительно и злобно.

— Вотъ онъ, — Молохъ, требующій теплою человѣческой крови! — кричалъ Бобровъ, простирая въ окно свою тонкую руку. — О, конечно, здѣсь прогрессъ, машинный трудъ, успѣхи культуры... Но подумайте же, ради Бога, — двадцать лѣтъ! Двадцать лѣтъ человѣческой жизни въ сутки!.. Клянусь вамъ, — бываютъ минуты, когда я чувствую себя убійцей!..

«Господи! Да вѣдь онъ — сумасшедшій», — подумалъ докторъ, у котораго по спинѣ забѣгали мурашки, и онъ принялся успокаивать Боброва.

— Голубчикъ, Андрей Ильичъ, да оставьте же, мой милый, ну что за охота изъ-за глупостей разстраиваться. Смотрите, окно раскрыто, а на дворѣ сырость... Ложитесь, да нате-ка вамъ бромку. «Маніакъ, совершенный маніакъ», — думалъ онъ, охваченный одновременно жалостью и страхомъ.

Бобровъ слабо сопротивлялся, обезсиленный только-что миновавшей вспышкой. Но когда онъ легъ въ постель, то внезапно разразился истерическими рыданіями. И долго докторъ сидѣлъ возлѣ него, гладя его по головѣ, какъ ребенка, и говоря ему первыя попавшіяся ласковыя, успокоительныя слова.

VI.

На другой день состоялась торжественная встрѣча Василя Терентьевича Квашнина на станціи Иванково. Ужъ къ одиннадцати часамъ все заводское управленіе съѣхалось туда. Кажется, никто не чувствовалъ себя спокойнымъ. Директоръ—Сергѣй Валерьяновичъ Шелковниковъ—пилъ стаканъ за стаканомъ сельтерскую воду, номинутно вытаскивалъ часы и, не успѣвъ взглянуть на циферблатъ, тотчасъ же машинально пряталъ ихъ въ карманъ. Только это разсѣянное движеніе и выдавало его безпокойство. Лицо же директора—красивое, холеное, самоувѣренное лицо свѣтскаго человѣка—оставалось неподвижнымъ. Лишь весьма немногіе знали, что Шелковниковъ только официально, такъ сказать, на бумагѣ, числился директоромъ постройки. Всѣми дѣлами, въ сущности, вѣдалъ бельгійскій инженеръ Андреа, полу-полякъ, полу-шведъ по національности, роли котораго на заводѣ никакъ не могли понять непосвященные. Кабинеты обоихъ директоровъ были расположены рядомъ и соединены дверью. Шелковниковъ не смѣлъ положить резолюціи ни на одной важной бумагѣ, не справившись сначала съ условнымъ знакомъ, сдѣланнымъ карандашомъ гдѣ-нибудь на уголкѣ страницы рукою Андреа. Въ экстренныхъ же случаяхъ, исключавшихъ возможность совѣщанія, Шелковниковъ принималъ озабоченный видъ и говорилъ просителю небрежнымъ тономъ:

— Извините... положительно не могу удѣлить вамъ ни минуты... заваленъ по горло... Будьте добры изъяснить ваше дѣло господину Андреа, а онъ мнѣ потомъ изложитъ его отдѣльной запиской.

Заслуги Андреа передъ правленіемъ были неисчислимы. Изъ его головы цѣликомъ вышелъ геніально-мошечнич-

скій проектъ разоренія первой компаніи предпринимателей, и его же твердая, но незримая рука довела интригу до конца. Его проекты, отличавшіеся изумительной простотой и стройностью, считались въ то же время послѣднимъ словомъ горнозаводской науки. Онъ владѣлъ всѣми европейскими языками и — рѣдкое явленіе среди инженеровъ — обладалъ, кромѣ своей специальности, самыми разнообразными знаніями.

Изо всѣхъ, собравшихся на станціи, только одинъ этотъ человекъ, съ чахоточной фігурой и лицомъ старой обезьяны, сохранялъ свою обычную невозмутимость. Онъ пріѣхалъ позднѣе всѣхъ и теперь медленно ходилъ взадъ и впередъ по платформѣ, засунувъ руки по локоть въ карманы широкихъ, обвисшихъ брюкъ и пожевывая свою вѣчную сигару. Его свѣтлые глаза, за которыми чувствовался большой умъ ученаго и сильная воля авантюриста, какъ и всегда, неподвижно и равнодушно глядѣли изъ-подъ опухшихъ, усталыхъ вѣкъ.

Пріѣзду семейства Зиненокъ никто не удивился. Ихъ почему-то всѣ давно привыкли считать неотъемлемой принадлежностью заводской жизни. Дѣвицы внесли съ собой въ мрачную залу станціи, гдѣ было и холодно и скучно, свое натянутое оживленіе и ненатуральный хохоть. Ихъ окружили утомившіеся долгимъ ожиданіемъ инженеры помоложе. Дѣвицы, тотчасъ же принявъ обычное оборонительное положеніе, стали сыпать налѣво и направо милыми, но давно всѣмъ наскучившими наивностями. Среди своихъ суетившихся дочерей Анна Ананасьевна, маленькая, подвижная, суетливая, казалась безпокойной насѣдкой.

Бобровъ, усталый, почти больной послѣ вчерашней вспышки, сидѣлъ одиноко въ углу станціонной залы и очень много курилъ. Когда вошло и съ громкимъ щебетаніемъ разсѣлось у круглаго стола семейство Зиненокъ,

Андрей Ильичъ испыталъ одновременно два весьма смутныхъ чувства. Съ одной стороны, ему стало стыдно за безтактный, какъ онъ думалъ, пріѣздъ этого семейства, стало стыдно жгучимъ, удручающимъ стыдомъ за другого. Съ другой стороны, онъ обрадовался, увидѣвъ Нину, разрумяненную быстрой ѣздой, съ возбужденными, блестящими глазами, очень мило одѣтую и, какъ всегда это бываетъ, гораздо красивѣе, чѣмъ ее рисовало ему воображеніе. Въ его больной, издерганной душѣ вдругъ зажглось нестерпимое желаніе нѣжной, благоухающей, дѣвической любви, жажда привычной и успокоительной женской ласки.

Онъ искалъ случая подойти къ Нинѣ, но она все время была занята болтовней съ двумя горными студентами; которые наперерывъ старались ее разсмѣшить. И она смѣялась, сверкая мелкими бѣлыми зубами, болѣе кокетливая и веселая, чѣмъ когда-либо. Однако два или три раза она встрѣтилась глазами съ Бобровымъ, и ему почудился въ ея слегка приподнятыхъ бровяхъ молчаливый, но не враждебный вопросъ.

На платформѣ раздался продолжительный звонокъ, возвѣщавшій отходъ поѣзда съ ближайшей станціи. Между инженерами произошло смятеніе. Андрей Ильичъ наблюдалъ изъ своего угла съ насмѣшкой на губахъ, какъ одна и та же трусливая мысль мгновенно овладѣла этими двадцатью слишкомъ человѣками, какъ ихъ лица вдругъ стали серьезными и озабоченными, руки невольнымъ быстрымъ движеніемъ прошли по пуговицамъ сюртуковъ, по галстугамъ и фуражкамъ, глаза обратились въ сторону звонка. Скоро въ залѣ никого не осталось.

Андрей Ильичъ вышелъ на платформу. Барышни, покинутыя занимавшими ихъ мужчинами, безпомощно толпились около дверей, вокругъ Анны Афанасьевны. Нина обернулась на пристальный, упорный взглядъ Боброва.

и, точно угадывая его желаніе поговорить съ нею наединѣ, пошла ему навстрѣчу.

— Здравствуйте. Что вы такой блѣдный сегодня? Вы больны?—спросила она, крѣпко и нѣжно пожимая его руку и заглядывая ему въ глаза серьезно и ласково.— Почему вы вчера такъ рано уѣхали и даже не хотѣли проститься? Разсердились на что-нибудь?

— И да и нѣтъ,—отвѣтилъ Бобровъ, улыбаясь.— Нѣтъ,—потому что я вѣдь не имѣю никакого права сердиться.

— Положимъ, всякій человѣкъ имѣетъ право сердиться. Особенно, если знаетъ, что его мнѣніемъ дорожатъ. А почему же да?

— Потому что... Видите ли, Нина Григорьевна,—сказалъ Бобровъ, почувствовавъ внезапный приливъ смѣлости.—Вчера, когда мы съ вами сидѣли на балконѣ,—помните?—я, благодаря вамъ, пережилъ нѣсколько чудныхъ мгновеній. И я понялъ, что вы, если бы захотѣли, то могли бы сдѣлать меня самымъ счастливымъ человекомъ въ мірѣ... Ахъ, да что же я боюсь и медлю. Вѣдь вы знаете, вы догадались, вѣдь вы давно знаете, что я...

Онъ не договорилъ... Нахлынувшая на него смѣлость вдругъ исчезла.

— Что вы... что такое?—переспросила Нина съ притворнымъ равнодушіемъ, однако голосомъ, внезапно, противъ ея воли, задрожавшимъ, и опуская глаза въ землю.

Она ждала признанія въ любви, которое всегда такъ сильно и пріятно волнуетъ сердца молодыхъ дѣвушекъ, все равно, отвѣчаетъ ли ихъ сердце взаимностью на это признаніе или нѣтъ. Ея щеки слегка поблѣднѣли.

— Не теперь... потомъ, когда-нибудь, — замылся Бобровъ.—Когда-нибудь, при другой обстановкѣ я вамъ это скажу... Ради Бога, не теперь, — добавилъ онъ умоляюще.

— Ну, хорошо. Все-таки, почему же вы разсердились?

— Потому что послѣ этихъ нѣсколькихъ минутъ я вошелъ въ столовую въ самомъ,—ну, какъ бы это сказать,—въ самомъ растроганномъ состояніи... И когда я вошелъ...

— То васъ непріятно поразилъ разговоръ о доходахъ Квашнина?—догадалась Нина съ той внезапной, инстинктивной проникательностью, которая иногда осѣняетъ даже самыхъ недалекихъ женщинъ.—Да? Я угадала?—Она повернулась къ нему и опять обдала его глубокимъ, ласкающимъ взоромъ.—Ну, говорите откровенно. Вы ничего не должны скрывать отъ своего друга.

Когда-то, мѣсяца три или четыре тому назадъ, во время катанья по рѣкѣ большимъ обществомъ, Нина, возбужденная и разнѣженная красотой теплой лѣтней ночи, предложила Боброву свою дружбу на вѣки вѣчныя,—онъ принялъ этотъ вызовъ очень серьезно и въ продолженіе цѣлой недѣли называлъ ее своимъ другомъ, такъ же, какъ и она его. И когда она говорила ему медленно и значительно со своимъ обычнымъ томнымъ видомъ: «мой другъ», то эти два коротенькихъ слова заставляли его сердце биться крѣпко и сладко. Теперь онъ вспомнилъ эту шутку и отвѣчалъ со вздохомъ:

— Хорошо, «мой другъ», я вамъ буду говорить правду, хотя мнѣ это немного тяжело. По отношенію къ вамъ я вѣчно нахожусь въ какой-то мучительной двойственности. Бываютъ минуты въ нашихъ разговорахъ, когда вы однимъ словомъ, однимъ жестомъ, даже однимъ взглядомъ вдругъ сдѣлаете меня такимъ счастливымъ!.. Ахъ, развѣ можно передать такія ощущенія словами?.. Скажите только, замѣчали ли вы это?

— Замѣчала,—отозвалась она почти шопотомъ и низко, съ лукавой дрожью въ рѣсницахъ, опустила глаза.

— А потомъ... потомъ вдругъ, тотчасъ же, на моихъ

глазахъ вы превращались въ провинціальную барышню, съ шаблоннымъ обиходомъ фразъ и съ какою-то заученной манерностью во всѣхъ поступкахъ... Не сердитесь на меня за откровенность... Если бы это не мучило меня такъ страшно, я не говорилъ бы...

— Я и это тоже замѣтила...

— Ну, вотъ видите... Я вѣдь всегда былъ увѣренъ, что у васъ отзывчивая, нѣжная и чуткая душа. Отчего же вы не хотите всегда быть такой, какъ теперь?

Она опять повернулась къ Боброву, и даже сдѣлала рукой такое движеніе, какъ будто бы хотѣла прикоснуться къ его рукѣ. Они въ это время ходили взадъ и впередъ по свободному концу платформы.

— Вы не хотѣли никогда меня понять, Андрей Ильичъ,—сказала она съ упрекомъ.—Вы нервны и нетерпѣливы. Вы преувеличиваете все, что во мнѣ есть хорошаго, но зато не прощаете мнѣ того, что я не могу же быть иной въ той средѣ, гдѣ я живу. Это было бы смѣшно, это внесло бы въ нашу семью несогласіе. Я слишкомъ слаба и, надо правду сказать, слишкомъ ничтожна для борьбы и для самостоятельности... Я иду туда, куда идутъ всѣ, гляжу на вещи и сужу о нихъ, какъ всѣ. И вы не думайте, чтобы я не сознавала своей обыденности... Но я съ другими не чувствую ея тяжести, а съ вами... Съ вами я всякую мѣру теряю, потому что... — она запнулась:—ну, да все равно... потому что вы совсѣмъ другой, потому что такого, какъ вы, человѣка я никогда еще въ жизни не встрѣчала.

Ей казалось, что она говоритъ искренно. Бодрящая свѣжесть осенняго воздуха, вокзальная суета, сознание своей красоты, удовольствіе чувствовать на себѣ влюбленный взглядъ Боброва—все это наэлектризовало ее до того состоянія, въ которомъ истеричныя натуры лгутъ такъ вдохновенно, такъ плѣнительно и такъ незамѣтно

для самихъ себя. Съ наслажденіемъ любуясь собой въ новой роли дѣвицы, жаждущей духовной поддержки, она чувствовала потребность говорить Боброву пріятное.

— Я знаю, что вы меня считаете кокеткой... Пожалуйста, не оправдывайтесь... И я согласна, я даю поводъ такъ думать... Напримѣръ, я смѣюсь и болтаю часто съ Миллеромъ. Но если бы вы знали, какъ мнѣ противенъ этотъ вербный херувимъ! Или эти два студента... Красивый мужчина уже по тому одному непріятенъ, что вѣчно собой любитъ... Повѣрите ли, хотя это, можетъ-быть, и странно, но мнѣ всегда были особенно симпатичны некрасивые мужчины.

При этой милой фразѣ, произнесенной самымъ нѣжнымъ тономъ, Бобровъ грустно вздохнулъ. Увы! Онъ уже не разъ изъ женскихъ устъ слышалъ это жестокое утѣшеніе, въ которомъ женщины никогда не отказываютъ своимъ некрасивымъ поклонникамъ.

— Значить, и я могу надѣяться заслужить когда-нибудь вашу симпатію? — спросилъ онъ шутливымъ тономъ, въ которомъ однако явственно прозвучала горечь насмѣшки надъ самимъ собой.

Нина быстро спохватилась.

— Ну вотъ, какой вы, право. Съ вами нельзя разговаривать... Зачѣмъ вы напрашиваетесь на комплименты, милостивый государь? Стыдно!..

Она сама немного сконфузилась своей неловкости и, чтобы переменить разговоръ, спросила съ игривой повелительностью:

— Ну-съ, что же вы это собирались мнѣ сказать при другой обстановкѣ? Извольте немедленно отвѣчать!

— Я не знаю... не помню, — замялся расхоложенный Бобровъ.

— Я вамъ напомню, мой скрытный другъ. Вы начали говорить о вчерашнемъ днѣ, потомъ о какихъ-то пре-

красныхъ мгновеніяхъ, потомъ сказали, что я, навѣрно, давно уже замѣтила... но что? Вы этого не докончили... Извольте же говорить теперь. Я требую этого, слышите!..

Она глядѣла на него глазами, въ которыхъ сіяла улыбка—лукавая, и обѣщающая, и нѣжная въ одно и то же время... Сердце Боброва сладко замерло въ груди, и онъ почувствовалъ опять приливъ прежней отваги. «Она знаетъ, она сама хочетъ, чтобы я говорилъ»,—подумалъ онъ, собираясь съ духомъ.

Они остановились на самомъ краю платформы, гдѣ совсѣмъ не было публики. Оба были взволнованы. Нина ждала отвѣта, наслаждаясь остротой затѣянной ею игры, Бобровъ искалъ словъ, тяжело дышалъ и волновался. Но въ это время послышались рѣзкіе звуки сигнальныхъ рожковъ, и на станціи поднялась суматоха..

— Такъ слышите же... Я жду,—шепнула Нина, быстро отходя отъ Боброва.—Для меня это гораздо важнѣе, чѣмъ вы думаете...

Изъ-за поворота желѣзной дороги выскочилъ окутанный чернымъ дымомъ курьерскій поѣздъ. Черезъ нѣсколько минутъ, громыхая на стрѣлкахъ, онъ плавно и быстро замедлилъ ходъ и остановился у платформы... На самомъ концѣ его былъ прицѣпленъ длинный, блестящій свѣжей синей краской служебный вагонъ, къ которому устремились всѣ встрѣчающіе. Кондуктора почтительно бросились раскрывать дверь вагона; изъ нея тотчасъ же выскочила, съ шумомъ развертываясь, складная лѣстница. Начальникъ станціи, красный отъ волненія и бѣготни, съ перепуганнымъ лицомъ торопилъ рабочихъ съ отцѣпкой служебнаго вагона. Квашнинъ былъ однимъ изъ главныхъ акціонеровъ N—ской желѣзной дороги и ѣздилъ по ея вѣтвямъ съ почетомъ, какого не всегда удостоивалось даже самое высшее желѣзнодорожное начальство.

Въ вагонъ вошли только Шелковниковъ, Андреа и двое

влиятельныхъ инженеровъ-бельгійцевъ. Квашнинъ сидѣлъ въ креслѣ, разставивъ свои колоссальныя ноги и выпятивъ впередъ животъ. На немъ была круглая фетровая шляпа, изъ-подъ которой сіяли огненные волосы; бритое, какъ у актера, лицо съ обвисшими щеками и тройнымъ подбородкомъ, испещренное крупными веснушками, казалось заспаннымъ и недовольнымъ; губы складывались въ презрительную, кислую гримасу.

При видѣ инженеровъ онъ съ усиліемъ приподнялся. — Здравствуйте, господа, — сказалъ онъ сильнымъ басомъ, протягивая имъ поочередно для почтительныхъ прикосновеній свою огромную пухлую руку. — Ну-съ, какъ у васъ на заводѣ?

Шелковниковъ началъ докладывать языкомъ служебной бумаги. На заводѣ все благополучно. Ждутъ только приѣзда Василя Терентьевича, чтобы въ его присутствіи пустить доменную печь и сдѣлать закладку новыхъ здацій... Рабочіе и мастера наняты по хорошимъ цѣнамъ. Наплывъ заказовъ такъ великъ, что побуждаетъ какъ можно скорѣе приступить къ работамъ.

Квашнинъ слушалъ, отворотясь лицомъ къ окну, и разсѣянно разглядывалъ собравшуюся у служебнаго вагона толпу. Лицо его ничего не выражало, кромѣ брезгливаго утомленія.

Вдругъ онъ прервалъ директора неожиданнымъ вопросомъ:

— Э... па.... послушайте.... Кто эта дѣвочка?

Шелковниковъ заглянулъ въ окно.

— Ну, вотъ эта... съ желтымъ перомъ на шляпѣ, — нетерпѣливо показалъ пальцемъ Квашнинъ.

— Ахъ, эта? — встрепенулся директоръ и, поклонившись къ уху Квашнина, прошепталъ таинственно по-французски: — Это дочь нашего завѣдующаго складомъ. Его фамилія Зиненко.

Квашнинъ грузно кивнулъ головой. Шелковниковъ продолжалъ свой докладъ, но принципаль опять перебилъ его:

— Зиненко... Зиненко...—протянулъ онъ задумчиво и не отрываясь отъ окна.—Зиненко... кто же такой этотъ Зиненко?.. Гдѣ я эту фамилію слышалъ?.. Зиненко?

— Онъ у насъ завѣдуетъ складомъ, — почтительно и умышленно безстрастно повторилъ Шелковниковъ.

— Ахъ, вспомнилъ!—догадался вдругъ Василій Терентьевичъ.—Мнѣ о немъ въ Петербургѣ говорили... Ну-съ, продолжайте, пожалуйста.

Нина безошибочнымъ женскимъ чутьемъ поняла, что именно на нее смотритъ Квашнинъ и о ней говоритъ въ настоящую минуту. Она немного отвернулась, но лицо ея, разрумившееся отъ кокетливаго удовольствія, все-таки было, со всѣми своими хорошенькими родинками, видно Василю Терентьевичу.

Наконецъ докладъ окончился, и Квашнинъ вышелъ на площадку, устроенную въ видѣ просторнаго стекляннаго павильона сзади вагона.

Это былъ моментъ, для увѣковѣченія котораго, какъ подумалъ Бобровъ, не хватало только хорошаго фотографическаго аппарата. Квашнинъ почему-то медлилъ сходить внизъ и стоялъ за стеклянной стѣной, возвышаясь своей массивной фигурой надъ тѣснящейся около вагона группой, съ широко разставленными ногами и брезгливой миной на лицѣ, похожій на японскаго идола грубой работы. Эта неподвижность патрона, очевидно, коробила встрѣчающихъ: на ихъ губахъ застыли, сморщивъ ихъ, заранѣе приготовленныя улыбки, между тѣмъ какъ глаза, устремленные вверхъ, смотрѣли на Квашнина съ подобострастіемъ, почти съ испугомъ. По сторонамъ дверцы застыли въ солдатскихъ позахъ молодцоватые кондукторы. Заглянувъ случайно въ лицо опередившей его Нины, Бобровъ съ горечью замѣтилъ и на ея лицѣ ту же улыбку

и тотъ же тревожный страхъ дикаря, взирающаго на своего идола.

«Неужели же здѣсь только безкорыстное, почтительное изумленіе передъ тремястами тысячами годового дохода?— подумалъ Андрей Ильичъ.—Что же заставляетъ всѣхъ этихъ людей такъ униженно вилять хвостомъ передъ человекомъ, который даже и не взглянетъ на нихъ никогда внимательно? Или здѣсь есть какой-нибудь недоступный пониманію психологическій законъ подобострастія?»

Постоявъ немного, Квашнинъ рѣшился двинуться и, предшествуемый своимъ животомъ, поддерживаемый бережно подъ руки поѣздной прислугой, спустился по ступенямъ на платформу.

На почтительные поклоны быстро разступившейся передъ нимъ вправо и влево толпы онъ небрежно кивнулъ головой, выпятивъ впередъ толстую нижнюю губу, и сказалъ гнусаво:

— Господа, вы свободны до завтрашняго дня.

Не дойдя до подѣзда, онъ знакомъ подозвалъ къ себѣ директора.

— Такъ вы, Сергѣй Валерьяновичъ, представьте мнѣ его,—сказалъ онъ вполголоса.

— Зиненку?—предупредительно догадался Шелковниковъ.

— Ну да, чортъ возьми!—внезапно раздражаясь, буркнулъ Квашнинъ.—Только не здѣсь, не здѣсь,—остановилъ онъ за рукавъ устремившагося-было директора.— Когда я буду на заводѣ...

VII.

Закладка каменныхъ работъ и открытіе кампаніи новой домны произошли черезъ четыре дня послѣ пріѣзда Квашнина. Предполагалось отпраздновать оба эти собы-

тія съ возможно бѣльшимъ торжествомъ, почему на сосѣдніе металлургическіе заводы: Крутогорскій, Ворониинскій и Львовскій. были заранѣе разосланы печатныя приглашенія.

Вслѣдъ за Васи́лемъ Терентьевичемъ изъ Петербурга прибыли еще два члена правленія, четверо бельгійскихъ инженеровъ и нѣсколько крупныхъ акціонеровъ. Между заводскими служащими носились слухи, будто бы правленіе ассигновало на устройство параднаго обѣда около двухъ тысячъ рублей, однако эти слухи пока ничѣмъ еще не оправдались, и вся закупка винъ и принасовъ легла тяжелой данью на подрядчиковъ.

День выдался очень удачный для торжества, — одинъ изъ тѣхъ яркихъ, прозрачныхъ дней ранней осени, когда небо кажется такимъ густымъ, синимъ и глубокимъ, а прохладный воздухъ пахнетъ тонкимъ, крѣпкимъ виномъ. Квадратныя ямы, вырытыя подъ фундаменты для новой воздуходувной машины и бессемерово́й печи, были окружены въ видѣ «покоя» густой толпою рабочихъ. Въ серединѣ этой живой ограды, надъ самымъ краемъ ямы, возвышался простой, некрашеный столъ, покрытый бѣлой скатертью, на которомъ лежали крестъ и Евангеліе, рядомъ съ жестяной чашей для святой воды и кропиломъ. Священникъ, уже облаченный въ зеленую, затканную золотыми крестами ризу, стоялъ въ сторонѣ, впереди пятнадцати рабочихъ, вызвавшихся быть пѣвчими. Открытую сторону покоя занимали инженеры, подрядчики, старшіе десятники, конторщики — пестрая, оживленная группа изъ двухсотъ слишкомъ человѣкъ. На насыпи помѣстился фотографъ, который, накрывъ чернымъ платкомъ и себя и свой аппаратъ, давно уже возился, отыскивая удачную точку.

Черезъ десять минутъ Квашнинъ быстро подкатилъ къ площадкѣ на тройкѣ великолѣпныхъ сѣрыхъ лоша-

дей. Онъ сидѣлъ въ коляскѣ одинъ, потому что, при всемъ желаніи, никто не смогъ бы помѣститься рядомъ съ нимъ. Слѣдомъ за Квашнинымъ подѣхало еще пять или шесть экипажей. Увидѣвъ Василя Терентьевича, рабочіе инстинктомъ узнали въ немъ «набольшаго» и тотчасъ же, какъ одинъ человекъ, снимали шапки. Квашнинъ величественно прошелъ впередъ и кивнулъ головой священнику.

— Благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣко-овъ,—раздался среди быстро наступившей тишины дребезжащій, кроткій и гнусавый тенорокъ священника.

— Аминь,—подхватилъ довольно стройно импровизированный хоръ.

Рабочіе—ихъ было до трехъ тысячъ человекъ—такъ же дружно, какъ кланялись Квашнину, перекрестились широкими крестами, склонили головы и потомъ, поднявъ ихъ, встряхнули волосами... Бобровъ сталъ невольно приглядываться къ нимъ. Впереди стояли двумя рядами степенные русаки-каменщики, всѣ до одного въ бѣлыхъ фартукахъ, почти всѣ со льняными волосами и рыжими бородами, сзади нихъ—литейщики и кузнецы въ широкихъ темныхъ блузахъ, перенятыхъ отъ французскихъ и англійскихъ рабочихъ, съ лицами, никогда неотмываемыми отъ желѣзной копоты,—между ними виднѣлись и горбоносые профили иноземныхъ уврѣровъ; сзади, изъ-за литейщиковъ, выглядывали рабочіе при известковыхъ печахъ, которыхъ издали можно было узнать по лицамъ, точно обсыпаннымъ густо мукою, и по воспаленнымъ, распухшимъ, краснымъ глазамъ...

Каждый разъ, когда хоръ громко и стройно, хотя нѣсколько въ носъ, пѣлъ «Спаси отъ бѣдъ рабы твоя, Богородице», всѣ эти три тысячи человекъ съ однообразнымъ тихимъ шелестомъ творили свои усердныя крестныя

знаменія и клали низкіе поклоны. Что-то стихійное, могучее и въ то же время что-то дѣтское и трогательное почудилось Боброву въ этой общей молитвѣ сѣрой огромной массы. Завтра всѣ рабочіе примутся за свой тяжкій, упорный, полусуточный трудъ. Почему знать: кому изъ нихъ уже предначертано судьбою поплатиться на этомъ трудѣ жизнью: сорваться съ высокихъ лѣсовъ, опалиться расплавленнымъ металломъ, быть засыпаннымъ щебнемъ или кирпичомъ? И не объ этомъ ли непреложномъ рѣшеніи судьбы думаютъ они теперь, отвѣшивая низкіе поклоны и встряхивая русыми кудрями, въ то время, когда хоръ просить Богородицу—спасти отъ бѣдъ рабы своя... И на кого, какъ не на одну только Богородицу, надѣяться этимъ большимъ дѣтямъ, съ мужественными и простыми сердцами, этимъ смиреннымъ воинамъ, ежедневно выходящимъ изъ своихъ промзглыхъ, настуженныхъ землянокъ на привычный подвигъ терпѣнія и отваги?

Такъ, или почти такъ, думалъ Бобровъ, всегда склонный къ широкимъ, поэтическимъ картинамъ, и хотя онъ давно уже отвыкъ молиться, но каждый разъ, когда дребезжащій, далекій голосъ священника смѣнялся дружнымъ возгласомъ клира, по спинѣ и по затылку Андрея Ильича пробѣгала холодная волпа нервнаго возбужденія. Было что-то сильное, покорное и самоотверженное въ наивной молитвѣ этихъ сѣрыхъ тружениковъ, собравшихся Богъ вѣсть откуда, изъ далекихъ губерній, оторванныхъ отъ родного, привычнаго угла для тяжелой и опасной работы...

Молебенъ кончился. Квашинъ съ небрежнымъ видомъ бросилъ въ яму золотой, но нагнуться съ лопаточкой никакъ не могъ—это сдѣлалъ за него Шелковниковъ. Потомъ вся группа двинулась къ доменнымъ печамъ, возвышавшимся на камепныхъ фундаментахъ своими круглыми черными массивными башнями.

Пятая, вновь выстроенная домна шла, какъ говорится

на техническомъ жаргонѣ, «спѣлымъ ходомъ». Изъ продѣланнаго внизу ея, на аршинной высотѣ, отверстія билъ широкимъ огненно-бѣлымъ клокочущимъ потокомъ расплавленный шлакъ, отъ котораго прыгали во всѣ стороны голубые сѣрные огоньки. Шлакъ стекалъ по наклонному жолобу въ котлы, поставленные къ отвѣсному краю фундамента, и застывалъ въ нихъ зеленоватою густой массой, похожей на леденецъ. Рабочіе, находившіеся на самой верхушкѣ печи, продолжали безъ отдыха забрасывать въ нее руду и каменный уголь, которые то и дѣло подымались наверхъ въ желѣзныхъ вагонеткахъ.

Священникъ окропилъ дому со всѣхъ сторонъ святою водою и, боязливо торопясь, спотыкающейся, старческой походкой отошелъ въ сторону. Горновой мастеръ, жилистый, чернолицый старикъ, перекрестился и поплевалъ на руки. То же сдѣлали четверо его подручныхъ. Потомъ они подняли съ земли очень длинный стальной ломъ, долго раскачивали его и, одновременно крякнувъ, ударили имъ въ самый низъ печи. Ломъ звонко стукнулся въ глиняную втулку. Зрители, въ боязливо-нервномъ ожиданіи, зажмурили глаза; нѣкоторые подались назадъ. Рабочіе ударили въ другой разъ, потомъ въ третій, въ четвертый... и вдругъ изъ-подъ острейя лома брызнулъ фонтанъ нестерпимо-яркаго жидкаго металла. Тогда горновой мастеръ кругообразными движеніями лома расширилъ отверстіе, и чугуны медленно полился по песчаной бороздкѣ, принимая оттѣнокъ огненной охры. Цѣлые снопы блестящихъ крупныхъ звѣздъ летѣли во всѣ стороны изъ отверстія печи, громко треща и исчезая въ воздухѣ. Отъ этого, тихо, какъ будто лѣниво текущаго металла шелъ такой страшный жаръ, что непривычные гости все время отодвигались и закрывали щеки руками.

Отъ доменныхъ печей инженеры двинулись въ отдѣль

воздуходувныхъ машинъ. Квашнинъ заранѣе распорядился такъ, чтобы прїѣхавшіе съ нимъ акціонеры увидѣли заводъ во всей его колоссальной величинѣ и сутолокѣ. Онъ совершенно вѣрно рассчиталъ, что эти господа, пораженные массою сильныхъ и совершенно новыхъ для нихъ впечатлѣній, будутъ потомъ рассказывать чудеса уполномочившему ихъ общему собранію. И, глубоко зная психологию дѣловыхъ людей, Василій Терентьевичъ уже считалъ дѣломъ рѣшеннымъ—новый и весьма выгодный лично для него выпускъ акцій, на который до сихъ поръ не соглашалось общее собраніе.

И акціонеры действительно были поражены до головной боли, до дрожи въ ногахъ... Въ помѣщеніи воздуходувныхъ машинъ они слышали, блѣдые отъ волненія, какъ воздухъ, нагнетаемый четырьмя вертикальными двухсаженными поршнями въ трубы, устремлялся по нимъ съ ревомъ, заставляющимъ трястись каменные стѣны зданія. По этимъ чугуннымъ, массивнымъ, въ два обхвата шириною трубамъ воздухъ проходилъ сквозь каупера, нагрѣвался въ нихъ горящими газами до 600 градусовъ и оттуда уже проникалъ во внутренность доменной печи, расплавляя руду и уголь своимъ жаркимъ дуновеніемъ. Инженеръ, завѣдывающій воздуходувнымъ отдѣленіемъ, давалъ объясненія. И хотя онъ нагибался поочередно къ самымъ ушамъ акціонеровъ и кричалъ во весь голосъ, надсаживая грудь, но за страшнымъ гуломъ машинъ его словъ не было слышно, а казалось только, что онъ беззвучно и напряженно шевелитъ губами.

Потомъ Шелковниковъ повелъ гостей въ сарай пудлинговыхъ печей,—высокое желѣзное зданіе такой длины, что съ одного его конца другой конецъ казался едва замѣтнымъ просвѣтомъ. Вдоль одной изъ стѣнъ сарая тянулась камешная платформа, на которой помѣщалось двадцать пудлинговыхъ печей, формой напоминавшихъ сня-

тые съ колесъ вагоны. Въ этихъ печахъ жидкій чугунъ смѣшивался съ рудой и перерабатывался въ сталь. Готовая сталь, стекая внизъ по трубамъ, наполняла собой высокія желѣзные штабы — нѣчто въ родѣ футляровъ безъ дна, но съ ручками наверху — и застывала въ нихъ сплошными кусками, пудовъ по сорока вѣсомъ. Свободная сторона сарая была занята рельсовымъ путемъ, по которому сновали, пыхтя, шипя и стуча, паровые краны, похожіе на послушныхъ и ловкихъ животныхъ, снабженныхъ гибкими хоботами. Одинъ кранъ хваталъ штабу крючкомъ за ручку, поднималъ ее кверху, и изъ нея тяжело вываливался кусокъ стали въ видѣ длиннаго правильнаго бруска ослѣнительно-краснаго цвѣта. Но прежде, чѣмъ этотъ кусокъ успѣвалъ упасть на землю, рабочій съ необыкновенной ловкостью обматывалъ его цѣпью, въ руку толщиною. Второю кранъ, ухвативъ крючкомъ эту цѣпь, плавно несъ «штуку» въ воздухъ и клалъ рядомъ съ другими на платформу, прикрѣпленную къ третьему крану. Третій — влезъ этотъ грузъ на другой конецъ сарая, гдѣ четвертый, снабженный вмѣсто крючка щипцами, снималъ «штуки» съ вагона и опускалъ ихъ въ раскрытые люки газовыхъ печей, устроенныхъ подъ поломъ. Наконецъ пятый кранъ вытаскивалъ ихъ изъ этихъ люковъ совершенно бѣлыми отъ жара, клалъ поочередно подъ круглое колесо съ острыми зубьями, вращавшееся чрезвычайно быстро на горизонтальной оси, и сорокапудовая стальная «штука» въ теченіе пяти секундъ разрѣзалась на двѣ половины, какъ кусокъ мягкаго пряника. Каждая половина поступала подъ семисотпудовый прессъ парового молота, обжимававшего ее съ такой силой и такой легкостью, точно она была изъ воска. Рабочіе подхватывали ее тотчасъ же на ручныя тележки и бѣгомъ тащили дальше, обдавая всѣхъ встрѣчныхъ блескомъ и жаромъ раскаленнаго желѣза.

Затѣмъ Шелковниковъ показалъ своимъ гостямъ рельсопрокатный цехъ. Огромный брусокъ раскаленнаго металла проходилъ черезъ цѣлый рядъ станковъ, катясь отъ одного къ другому по валикамъ, которые вращались подъ поломъ, виднѣясь на его поверхности только самѣй верхней своей частью. Брусокъ втискивался въ отверстие, образуемое двумя стальными, вертѣвшимися въ разныя стороны цилиндрами, и пролѣзаль между ними, заставляя ихъ раздаваться и дрожать отъ напряженія. Дальше его ждалъ станокъ съ еще меньшимъ отверстиемъ между цилиндрами. Кусокъ стали дѣлался послѣ каждаго станка все тоньше и длиннѣе и, нѣсколько разъ перебѣжавъ рельсопрокатку взадъ и впередъ, принималъ мало-по-малу форму десятисаженнаго краснаго рельса. Сложнымъ движеніемъ пятнадцати станковъ управлялъ всего одинъ человѣкъ, помѣщавшійся надъ паровой машиной, на возвышеніи въ родѣ капитанскаго мостика. Онъ двигалъ рукоятку впередъ, и всѣ цилиндры и валики начинали вертѣться въ одну сторону; двигалъ ее назадъ—и цилиндры и валики вертѣлись въ обратную сторону. Когда рельсъ окончательно вытягивался, круглая пила, оглушительно визжа и сыпля фонтаномъ золотыхъ искръ, разрѣзала его на три части.

Затѣмъ всѣ перешли въ токарный цехъ, гдѣ главнымъ образомъ отдѣлывались вагонныя и паровозныя колеса. Кожаные приводы спускались тамъ съ потолка отъ толстаго стального стержня, проходившаго черезъ весь сарай, и приводили въ движеніе сотни двѣ или три станковъ самыхъ разныхъ величинъ и фасоновъ. Этихъ приводовъ было такъ много, и они перекрещивались во столькихъ направленіяхъ, что производили впечатлѣніе одной сплошной, запутанной и дрожащей ременной сѣти. Колеса нѣкоторыхъ станковъ вращались съ быстротой двадцати оборотовъ въ секунду, движеніе же другихъ было

такъ медленно, что почти не замѣчалось глазомъ. Стальные, желѣзные и мѣдные стружки, въ видѣ красивыхъ длинныхъ спиралей, густо покрывали полъ. Сверлильные станки оглашали воздухъ нестерпимымъ, тонкимъ и рѣзкимъ визжаніемъ. Тамъ же была показана гостямъ машина, работающая гайки—нѣчто въ родѣ двухъ огромныхъ стальныхъ регулярно чавкающихъ челюстей. Двое рабочихъ совывали въ эту пасть конецъ накаленного длиннаго прута, и машина, равномерно отпрызая по куску металла, выплевывала ихъ на землю въ видѣ совершенно готовыхъ гаекъ.

Когда, выйдя изъ токарнаго цеха, Шелковниковъ предложилъ акціонерамъ (онъ все время исключительно къ нимъ обращался со своими разъясненіями) осмотрѣть гордость завода, девятисотсильный «Компаундъ», то петербургскіе господа уже въ достаточной степени были оглушены и разстроены всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ. Новыя впечатлѣнія не внушали имъ болѣе никакого интереса, а только еще сильнѣе утомляли ихъ. Лица ихъ пылали отъ жара рельсопрокатки, руки и костюмы были перепачканы угольной сажей. На предложеніе директора они согласились, повидимому, скрѣпя сердце, чтобы только не уронить достоинства уполномочившаго ихъ собранія.

Девятисотсильный «Компаундъ» помѣщался въ отдѣльномъ зданіи, очень чистенькомъ и нарядномъ, со свѣтлыми окнами и мозаичнымъ поломъ. Несмотря на громадность машины, она почти не издавала стука... Два поршня, въ четыре сажени каждый, мягко и быстро ходили въ цилиндрахъ, обитыхъ деревянными планками. Двадцатифутовое колесо, со скользящими по немъ двѣнадцатью канатами, вращалось также беззвучно и быстро; отъ его широкаго движенія суховатый жаркій воздухъ машиннаго отдѣленія колебался сильными, равномерными порывами. Эта машина приводила въ движеніе и воздухо-

дувки, и прокатные станки, и всѣ машины токарнаго цеха.

Осмотрѣвъ «Компаундъ», акціонеры были уже совершенно убѣждены, что ихъ испытанія окончились, но неутомимый Шелковниковъ вдругъ обратился къ нимъ съ новымъ любезнымъ предложеніемъ:

— Теперь, господа, я вамъ покажу сердце всего завода, тотъ пунктъ, отъ котораго онъ получаетъ свою жизнь.

Онъ не повелъ, а почти повлекъ ихъ въ отдѣленіе паровыхъ котловъ. Однако послѣ всего видѣннаго «сердце завода» — двѣнадцать цилиндрическихъ котловъ пятисаженой длины и полутора сажень высоты каждый — не произвело на уставшихъ акціонеровъ особенно внушительнаго впечатлѣнія. Ихъ мысли давно вращались вокругъ ожидавшаго ихъ обѣда, и они уже ничего не спрашивали, какъ раньше, а только разсѣянно и равнодушно кивали головами на всѣ разъясненія Шелковникова. Когда директоръ кончилъ, акціонеры вздохнули съ облегченіемъ и очень искренно, съ нескрываемымъ удовольствіемъ принялись жать ему руку.

Теперь только одинъ Андрей Ильичъ остался около паровыхъ котловъ. Стоя на краю глубокой полутемной каменной ямы, въ которой помѣщались топки, онъ долго глядѣлъ внизъ на тяжелую работу шестерыхъ обнаженныхъ до пояса людей. На ихъ обязанности лежало непрерывно, и днемъ и ночью, подбрасывать каменный уголь въ топочныя отверстія. То и дѣло со звономъ отворялись круглыя чугунныя заслонки, и тогда видно было, какъ въ топкахъ съ гудѣніемъ и ревомъ клокотало ярко-бѣлое бурное пламя. То и дѣло голыя тѣла рабочихъ, высушенные огнемъ, черныя отъ пропитавшей ихъ угольной пыли, нагибались внизъ, при чемъ на ихъ спинахъ рѣзко

выступали всѣ мускулы и всѣ позвонки спинного хребта. То и дѣло худыя, цѣпкія руки набирали полную лопатку угля и затѣмъ быстрымъ, ловкимъ движеніемъ совывали его въ раскрытое пылающее жерло. Двое другихъ рабочихъ, стоя наверху и также не останавливаясь ни на мгновеніе, сбрасывали внизъ все новыя и новыя кучи угля, который громадными черными валами возвышался вокругъ котельнаго отдѣленія. Что-то удручающее, нечеловѣческое чудилось Боброву въ безконечной работѣ кочегаровъ. Казалось, какая-то сверхъестественная сила приковала ихъ на всю жизнь къ этимъ разверстымъ настиамъ, и они, подѣ страхомъ ужасной смерти, должны были безъ устали кормить и кормить ненасытное, прожорливое чудовище...

— Что, коллега, смотрите, какъ вашего Молоха упитываютъ? — услышалъ Бобровъ за своей спиной веселый, добродушный голосъ.

Андрей Ильичъ задрожалъ и чуть-чуть не полетѣлъ въ кочегарную яму. Его поразило, почти потрясло это неожиданное соотвѣтствіе шутливаго восклицанія доктора съ его собственными мыслями. Даже и овладѣвъ собою, онъ долго не могъ отдѣлаться отъ странности такого совпаденія. Его всегда интересовали и казались ему загадочными тѣ случаи, когда, задумавшись о какомъ-нибудь предметѣ или читая о чемъ-нибудь въ книгѣ, — онъ тотчасъ же слышалъ рядомъ съ собою разговоръ о томъ же самомъ.

— Я васъ, кажется, напугалъ, дорогой мой? — спросилъ докторъ, внимательно заглянувъ въ лицо Боброва. — Прошу прощенія.

— Да, немножко... вы такъ неслышно подошли... я совсѣмъ не ожидалъ.

— Охъ, батенька, Андрей Ильичъ, давайте-ка польчимъ наши нервы. Никуда они у насъ не годятся... По-

слушайте моего совѣта: берите отпускъ, да махните куда-нибудь за границу... Ну, что вамъ себя здѣсь растравлять? Поживите полгода въ свое удовольствіе: пейте хорошее вино, ѣздите верхомъ побольше, насчетъ ламура пройдитеесь...

Докторъ подошелъ къ краю кочегарки.

— Вотъ такъ преисподняя! — воскликнулъ онъ, заглянувъ внизъ. — Сколько каждый такой самоварчикъ долженъ вѣсить? Пудовъ восемьсотъ, я думаю?..

— Нѣтъ, побольше. Тысячи полторы.

— Ой, ой, ой... А ну какъ такая штучка вздумаетъ того... лопнуть? Эффектное выйдетъ зрѣлище? А?

— Очень эффектное, докторъ. Навѣрно, отъ всѣхъ этихъ здашій не останется камня на камнѣ...

Гольдбергъ покачалъ головой и многозначительно свистнулъ.

— Отчего же это можетъ случиться?

— Причины разныя бываютъ... но чаще всего это случается такимъ образомъ: когда въ котлѣ остается очень мало воды, то его стѣнки раскаляются все больше и больше, чуть не докрасна. Если въ это время пустить въ котелъ воду, то сразу получается громадное количество паровъ, стѣнки не выдерживаютъ давленія, и котелъ рѣзывается.

— Такъ что это можно сдѣлать нарочно?

— Сколько угодно... Не хотите ли попробовать? Когда вода совсѣмъ упадетъ въ водомѣрѣ, нужно только повернуть вентиль... видите, маленькій круглый рычажокъ... И все тутъ.

Бобровъ шутилъ, но голосъ его былъ странно-серьезенъ, а глаза смотрѣли сурово и печально. «Чортъ его знаетъ, — подумалъ докторъ: — милый онъ человѣкъ, а все-таки... психопатъ»...— Вы что же на обѣдъ-то не пошли, Андрей Ильичъ? — спросилъ Гольдбергъ, отходя

отъ кочегарки: — хотъ поглядѣли бы, какой зимній садъ изъ лабораторіи устроили. А сервировка, — такъ прямо на удивленіе.

— А ну ихъ! Терпѣть не могу инженерныхъ обѣдовъ, — поморщился Бобровъ. — Хвастаются, орутъ, безобразно льстятъ другу другу, и потомъ эти неизмѣнные пьяные тосты, во время которыхъ ораторы обливаютъ виномъ себя и сосѣдей... Отвращеніе!..

— Да, да, совершенно вѣрно, — разсмѣялся докторъ. — Я захватилъ начало. Квашнинъ — одно великолѣпіе: «Милостивые государи, призваніе инженера — высокое и отвѣтственное призваніе. вмѣстѣ съ рельсовымъ путемъ, съ доменной печью и съ шахтой онъ несетъ въ глубь страны сѣмена просвѣщенія, цвѣты цивилизаціи и...» какіе-то еще плоды, я ужъ не помню хорошенько... Но вѣдь каковъ оберъ-жуликъ!.. «Сплотимтесь же, господа, и будемъ высоко держать святое знамя нашего благодѣтельнаго искусства!..» Ну, конечно, бѣшенныя рукоплесканія.

Они прошли нѣсколько шаговъ молча. Лицо доктора вдругъ омрачилось, и онъ заговорилъ со злобой въ голосъ:

— Да! Благодѣтельное искусство! А вотъ рабочіе бараки изъ щепокъ выстроены. Больныхъ не оберешься... дѣти, какъ мухи, мрутъ. Вотъ тебѣ и сѣмена просвѣщенія! То-то они запоютъ, когда брюшной тифъ разгуляется въ Иванковѣ.

— Да что вы, докторъ? Развѣ уже есть больные? Это совсѣмъ ужасно было бы при такой тѣснотѣ.

Докторъ остановился, тяжело переводя духъ.

— Да какъ же не быть? — сказалъ онъ съ горечью. — Вчера двухъ человѣкъ привезли. Одинъ сегодня утромъ скончался, а другой, если еще не умеръ, то вечеромъ умретъ непременно... А у насъ ни медикаментовъ,

ни помещенія, ни фельдшеро́въ опытныхъ... Подождите, доиграются они!.. — прибавилъ Гольдбергъ сердито и погрозилъ кому-то въ пространство кулакомъ.

VIII.

Злые языки начали звонить. Про Квашнина еще до его приѣзда ходило на заводѣ такъ много пикантныхъ анекдотовъ, что теперь никто не сомнѣвался въ настоящей причинѣ его внезапнаго сближенія съ семействомъ Зиненко́въ. Дамы говорили объ этомъ съ двусмысленными улыбками, мужчины въ своемъ кругу называли вещи съ циничной откровенностью ихъ именами. Однако навѣрняка никто ничего не зналъ. Всѣ съ удовольствіемъ ждали соблазнительнаго скандала.

Въ сплетнѣ была доля правды. Сдѣлавъ визитъ семейству Зиненко́въ, Квашнинъ сталъ ежедневно проводить у нихъ вечера. По утрамъ, около 11-ти часовъ, въ Шепетовскую экономію приѣзжала его прекрасная тройка сѣрыхъ, и кучеръ неизмѣнно докладывалъ, что «баринъ проситъ барыню и барышень пожаловать къ нимъ на завтракъ». Къ этимъ завтракамъ посторонніе не приглашались. Кушанье готовилъ поварь-французъ, котораго Василій Терентьевичъ всюду возилъ за собою въ своихъ частыхъ разъѣздахъ, даже и за границу.

Вниманіе Квашнина къ его новымъ знакомымъ выражалось очень своеобразно. Относительно всѣхъ пятерыхъ дѣвицъ онъ сразу сталъ на безцеремонную ногу холостого и веселаго дядюшки. Черезъ три дня онъ уже называлъ ихъ уменьшительными именами съ прибавленіемъ отчества — Шура Григорьевна, Ниночка Григорьевна, а самую младшую, Касю, часто бралъ за пухлый, съ ямочкой, подбородокъ и дразнилъ «младенцемъ» и «цыпленочкомъ», отчего она краснѣла до слезъ, но не сопротивлялась.

Анна Аонасьевна съ игривой ворчливостью пеняла ему, что онъ совсѣмъ избалуеъ ея дѣвочекъ! Дѣйствительно, стоило только одной изъ нихъ выразить какое-нибудь мимолетное желаніе, какъ оно тотчасъ же исполнялось. Едва Мака заикнулась, безъ всякаго, впрочемъ, задняго умысла, что ей хотѣлось бы выучиться ѣздить на велосипедѣ, какъ на другой же день нарочный привезъ изъ Харькова прекрасную машину, стоявшую по меньшей мѣрѣ рублей триста... Бетѣ онъ проигралъ, держа съ нею пари по поводу какихъ-то пустяковъ, нудъ конфетъ, а Касѣ — брошку, въ которой послѣдовательно чередовались камни — кораллъ, аметистъ, сапфиръ и яшма, — обозначавшіе составныя буквы ея имени. Онъ услышалъ однажды, что Нина любитъ верховую ѣзду и лошадей. Черезъ два дня ей привели кровную англійскую кобылу, въ совершенствѣ выѣзженную подъ дамское сѣдло. Барышни были очарованы. Въ ихъ домѣ поселился добрый сказочный духъ, угадывавшій и тотчасъ же исполнявшій ихъ малѣйшіе капризы. Анна Аонасьевна смутно чувствовала въ этой щедрости что-то неприличное для хорошей семьи, но у нея не хватало ни смѣлости ни такта, чтобы дать незамѣтно понять это Квашнину. На ея льстивые выговоры онъ только махалъ рукой и отвѣчалъ своимъ грубоватымъ, рѣшительнымъ басомъ:

— Ну вотъ еще, дорогая моя... пустяки какіе выдумали...

Однако ни одну изъ ея дочерей онъ не предпочиталъ явно, всѣмъ имъ одинаково угождая и надъ всѣми безцеремонно подтрунивая. Молодые люди, посѣщавшіе раньше домъ Зиненокъ, предупредительно и безслѣдно исчезли. Зато постояннымъ гостемъ сдѣлался Свѣжевскій, бывшій у нихъ до того всего-на-всего раза два или три. Его никто не звалъ; онъ явился самъ, точно по

чьему-то таинственному приглашенію, и сразу сумѣлъ сдѣлаться необходимымъ для всѣхъ членовъ семьи.

Впрочемъ, появленію его у Зиненокъ предшествовалъ маленькій анекдотъ. Какъ-то, мѣсяцевъ пять тому назадъ, Свѣжевскій проговорился въ кругу своихъ сослуживцевъ, что мечта его жизни — сдѣлаться со временемъ милліонеромъ, и что онъ къ сорока годамъ непременно будетъ имъ.

— Какъ же вы этого добьетесь, Станиславъ Ксаверьевичъ? — спросили его.

Свѣжевскій захихикалъ и, загадочно потирая свои мокрыя руки, отвѣтилъ:

— Всѣ дороги ведутъ въ Римъ.

Чутье ему подсказывало, что теперь въ Шепетовской экономіи обстоятельства складываются весьма удобно для его будущей карьеры. Такъ или иначе, онъ могъ пригодиться всемогущему патрону. И Свѣжевскій, ставя все на карту, смѣло лѣзъ Квашнину на глаза со своимъ угодливымъ хихиканьемъ. Онъ заигрывалъ съ нимъ, какъ веселый дворовый щенокъ со свирѣпымъ меделянскимъ псомъ, выражая и лицомъ и голосомъ ежеминутную готовность учинить какую угодно пакость по одному только мановенію Василя Терентьевича.

Патронъ не препятствовалъ. Тотъ самый Квашнинъ, который прогонялъ со службы безъ объясненія причинъ директоровъ и управляющихъ заводами, — этотъ самый Квашнинъ молча терпѣлъ въ своемъ присутствіи какого-то Свѣжевскаго... Тутъ пахло важной услугой, и будущій милліонеръ напряженно ждалъ своего момента.

Все это, передаваясь изъ устъ въ уста, стало извѣстно и Боброву. Онъ не удивился: па семейство Зиненокъ у него сложился свой твердый и точный взглядъ. Его взволновало лишь то, что сплетня не преминетъ задѣть грязнымъ хвостомъ и Нину... Послѣ разговора на вокзалѣ

эта дѣвушка стала ему еще милѣе и дороже. Ему одному она довѣрчиво открыла свою душу, прекрасную даже въ колебаніяхъ и въ слабостяхъ. Всѣ другіе знали — думалось ему — только ея костюмъ и наружность. Ревность же съ ея циничными сомнѣніями, вѣчно раздраженнымъ самолюбіемъ, съ ея мелочностью и грубостью, была чужда довѣрчивой и нѣжной натурѣ Боброва.

Хорошая, искренняя женская любовь ни разу еще не улыбнулась Андрею Ильичу. Онъ былъ слишкомъ застѣнчивъ и неувѣренъ въ себѣ, чтобы братъ отъ жизни то, что ему, можетъ-быть, принадлежало по праву. Неудивительно, что теперь его душа радостно устремилась навстрѣчу новому, сильному чувству.

Всѣ эти дни Бобровъ находился подъ обаяніемъ разговора на вокзалѣ. Сотни разъ онъ вспоминалъ его въ мельчайшихъ подробностяхъ и съ каждымъ разомъ прозрѣвалъ въ словахъ Нины болѣе глубокое значеніе. По утрамъ онъ просыпался со смутнымъ сознаніемъ чего-то большого и свѣтлаго, что посѣтило его душу и обѣщаетъ ему въ будущемъ много блаженства.

Его неудержимо тянуло къ Зиненкамъ: хотѣлось еще разъ убѣдиться въ своемъ счастіи, еще разъ слышать отъ Нины то робкія, то наивно-смѣлыя полупризнанія. Но его стѣсняло присутствіе Квашнина, и онъ утѣшалъ себя только тѣмъ, что патронъ ни въ какомъ случаѣ не могъ пробыть въ Иванковѣ болѣе двухъ недѣль.

Однако случай помогъ ему увидѣться съ Ниной до отъѣзда Квашнина. Это произошло въ воскресенье, черезъ три дня послѣ торжественнаго открытія кампаніи доменной печи. Бобровъ ѣхалъ верхомъ на Фарватерѣ по широкой, хорошо набитой дорогѣ, ведущей съ завода на станцію. Было часа два прохладнаго, безоблачнаго дня. Фарватеръ шелъ бойкой ходой, прядая ушами и мотая косматой головой. На поворотѣ около склада Бобровъ

замѣтилъ даму въ амазонкѣ, спускавшуюся съ горы на крупной гнѣдой лошади, и слѣдомъ за нею — всадника на маленькомъ бѣломъ киргизѣ. Скоро онъ убѣдился, что это была Нина въ темно-зеленой длинной развѣвающейся юбкѣ, въ желтыхъ перчаткахъ съ крагами, съ низенькимъ блестящимъ цилиндромъ на головѣ. Она увѣренно и красиво сидѣла въ сѣдлѣ. Стройная англійская кобыла шла подъ нею эластической, широкой рысью, круто собравъ шею и высоко подымая тонкія, сухія ноги. Сопровождавшій Нину Свѣжевскій далеко отсталъ и старался, болтая локтями, трясясь и горбясь, поймать носкомъ потерянное стремя.

Замѣтивъ Боброва, Нина пустила лошадь галопомъ. Встрѣчный вѣтеръ заставлялъ ее придерживать правой рукой передъ шляпы и наклонять внизъ голову. Поровнявшись съ Андреемъ Ильичомъ, она сразу осадила лошадь, и та остановилась, нетерпѣливо переступая ногами, раздувая широкія, породистыя ноздри и звучно перебирая зубами удила, съ которыхъ комьями падала пѣна. Отъ ѣзды у Нины покраснѣлось лицо, и волосы, выбившіеся на вискахъ изъ-подъ шляпы, откинулись назадъ длинными, тонкими завитками.

— Откуда у васъ такая прелесть? — спросилъ Бобровъ, когда ему наконецъ удалось осадить танцовавшаго Фарватера и, перегнувшись на сѣдлѣ, пожать кончики пальцевъ Нины.

— А, правда, красавица? Это — подарокъ Квашина.

— Я бы отказался отъ такого подарка, — грубо сказалъ Андрей Ильичъ, внезапно разсерженный беспечнымъ отвѣтомъ Нины.

Нина вспыхнула.

— На какомъ основаніи?

— Да на томъ, что... кто же для васъ, въ самомъ дѣлѣ, Квашинъ?... Родственникъ?... Женихъ?...

— Ахъ, Боже мой, какъ вы щепетильны за другихъ! — воскликнула Нина язвительно.

Но, увидѣвъ его страдающее лицо, она тотчасъ же смягчилась.

— Вѣдь ему это ничего не стòитъ... Онъ такъ богатъ...

Свѣжевскій былъ уже въ десяти шагахъ. Нина вдругъ нагнулась къ Боброву, ласково дотронулась концомъ хлыста до его руки и сказала вполголоса, тономъ маленькой дѣвочки, сознающей въ своей винѣ:

— Ну, будетъ... будетъ, не сердитесь... Я ему возвращу лошадь назадъ, злючка вы этакій!.. Видите, что значить для меня ваше мнѣнiе.

Глаза Андрея Ильича засіяли счастьемъ, и руки невольно протянулись къ Нинѣ. Но онъ ничего не сказалъ, а только глубоко, всей грудью, вздохнулъ. Свѣжевскій подѣзжалъ къ нему, раскланиваясь и стараясь принять небрежную посадку.

— Вы, конечно, знаете о нашемъ пикникѣ? — крикнулъ еще издали Свѣжевскій.

— Въ первый разъ слышу, — отвѣтилъ Андрей Ильичъ.

— Пикникъ по инициативѣ Василя Терентьевича? Въ Бѣшеной балкѣ?..

— Не слыхалъ.

— Да, да. Пожалуйста, приѣзжайте же, Андрей Ильичъ, — вмѣшалась Нина. — Въ среду, въ пять часовъ вечера... сборный пунктъ — станція...

— Пикникъ по подпискѣ?

— Кажется. Навѣрно не знаю.

Нина вопросительно и растерянно взглянула на Свѣжевскаго.

— По подпискѣ, — подтвердилъ Свѣжевскій. — Василю Терентьевичу поручилъ мнѣ исполнить нѣкоторыя его распоряженія. И я вамъ скажу, пикникъ будетъ колоссальный. Нѣчто сверхъ-шикарное... Только все это

покамѣсть секретъ. Вы будете поражены неожиданностью...

Нина не утерпѣла и прибавила кокетливо:

— Все это вѣдь изъ-за меня вышло. Третьяго-дня я говорила, что хорошо бы компаніей куда-нибудь въ лѣсъ проѣхать, а Василій Терентьевичъ...

— Я не поѣду, — сказалъ Бобровъ рѣзко.

— Нѣтъ, поѣдете! — сверкнула глазами Нина. — Господа, маршъ, маршъ! — крикнула она, подымая лошадь съ мѣста галопомъ. — Андрей Ильичъ! Слушайте, чтò я вамъ скажу.

Свѣжевскій остался сзади. Нина и Бобровъ скакали рядомъ, она — улыбаясь и заглядывая ему въ глаза, онъ — хмурый и недовольный.

— Вѣдь это я для васъ выдумала пикникъ, мой нехорошій, подозрительный другъ, — сказала она съ глубокой нѣжностью въ голосѣ. — Я хочу непременно узнать то, чтò вы не договорили тогда, на вокзалѣ... Намъ никто не помѣшаетъ на пикникѣ.

И опять мгновенная переменна произошла въ душѣ Боброва. Чувствуя у себя на глазахъ слезы умиленія, онъ воскликнулъ страстно:

— О, Нина! Какъ я люблю васъ!

Но Нина какъ будто бы не слыхала этого внезапнаго признанія. Она потянула поводья, заставила лошадь перейти въ шагъ и спросила:

— Такъ будете? Да?

— Непременно. Непременно буду!

— Смотрите же... А теперь подождемъ моего кавалера и — до свиданья. Я тороплюсь домой...

Прощаясь съ ней, онъ чувствовалъ черезъ перчатку теплоту ея руки, отвѣтившей ему долгимъ и крѣпкимъ пожатіемъ. Темные глаза Нины смотрѣли влюбленно.

IX.

Въ среду, уже съ четырехъ часовъ, станція была биткомъ-набита участниками пикника. Всѣ чувствовали себя весело и непринужденно. Приѣздъ Василя Терентьевича на этотъ разъ окончился такъ благополучно, какъ никто даже не смѣлъ ожидать. Ни громовъ. Ни молній не послѣдовало, никого не попросили оставить службу, и даже, наоборотъ, носились слухи о прибавкѣ въ недалекомъ будущемъ жалованья большинству служащихъ. Кромѣ того, пикникъ обѣщаль выйти очень занимательнымъ. До Бѣшеной балки, куда условились отправиться, считалось, если ѣхать на лошадахъ, не болѣе десяти верстъ очень красивой дороги... Ясная и теплая погода, прочно установившаяся въ теченіе послѣдней недѣли, никакъ не могла помѣшать поѣздкѣ.

Приглашенныхъ было до девяноста человекъ; они толпились оживленными группами на платформѣ, со смѣхомъ и громкими восклицаніями. Русская рѣчь перемѣнивалась съ французскими, нѣмецкими и польскими фразами. Трое бельгійцевъ захватили съ собой фотографическіе аппараты, рассчитывая дѣлать при свѣтѣ магнія моментальные снимки... Всѣхъ интересовала полнѣйшая неизвѣстность относительно подробностей пикника. Свѣжевскій, съ таинственнымъ и важнымъ видомъ, намекалъ о какихъ-то «сюрпризахъ», но отъ объясненій всячески уклонялся.

Первымъ сюрпризомъ оказался экстренный поѣздъ. Ровно въ пять часовъ изъ паровознаго депо вышелъ новый американскій десятиколесный паровозъ. Дамы не могли удержаться отъ криковъ удивленія и восторга: вся громадная машина была украшена флагами и живыми цвѣтами. Зеленая гирлянда дубовыхъ листьевъ, перемѣ-

шанная съ букетами астръ, георгина, левкоевъ и гвоздики, обвивали спиралью ея стальной корпусъ, вились вверхъ по трубѣ, свѣшивались оттуда внизъ, къ свистку, и вновь подымались вверхъ, покрывая цвѣтущей стѣнной будку машиниста. Изъ-подъ зелени и цвѣтовъ стальные и мѣдные части машины эффектно сверкали въ золотыхъ лучахъ осенняго заходящаго солнца. Шесть вагоновъ перваго класса, вытянувшіеся вдоль платформы, должны были отвезти участниковъ пикника на 303-ю версту, откуда до Бѣшеной балки оставалось пройти не болѣе пяти-сотъ шаговъ.

— Господа, Василій Терентьевичъ просилъ меня сообщить вамъ, что онъ беретъ всѣ расходы по пикнику на себя, — говорилъ Свѣжевскій, торопливо переходя отъ одной группы къ другой. — Господа, Василій Терентьевичъ просилъ меня передать всѣмъ приглашеннымъ...

Около него составилаь большая кучка, онъ объяснилъ, въ чемъ дѣло:

— Василій Терентьевичъ остался чрезвычайно доволенъ тѣмъ приѣмомъ, который ему сдѣлало общество, и ему очень пріятно отплатить любезностью за любезность. Онъ беретъ всѣ расходы на себя...

И, не утерпѣвъ, движимый тѣмъ чувствомъ, которое заставляетъ лакея хвастать щедростью своего барина, онъ добавилъ вѣско:

— Мы истратили на этотъ пикникъ 3.590 рублей!

— Попроламъ съ господиномъ Квашнинымъ? — послышался сзади насмѣшливый голосъ. Свѣжевскій быстро обернулся и убѣдился, что этотъ ядовитый вопросъ задалъ Андреа, глядѣвшій на него со своимъ обычнымъ невозмутимымъ видомъ, заложивъ руки глубоко въ карманы брюкъ.

— Что вы изволили сказать? — переспросилъ Свѣжевскій, густо краснѣя.

— Нѣтъ, это вы изволили сказать: «мы истратили три тысячи», и я имѣю полное основаніе думать, что вы подразумѣваете себя и г. Квашнина подъ этимъ «мы»... въ такомъ случаѣ я считаю пріятнымъ долгомъ заявить вамъ, что, если я принимаю эту любезность отъ г. Квашнина, то вѣдь отъ г. Свѣжевскаго я ея могу и не принять...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... Вы не такъ меня поняли, — залепеталъ переконфуженный Свѣжевскій. — Это все Василій Терентьевичъ. Я просто только... какъ довѣренное лицо... Ну, въ родѣ какъ приказчикъ, что ли, — добавилъ онъ съ кислой усмѣшкой.

Почти одновременно съ подачей экстреннаго поѣзда пріѣхали Зиненки, въ сопровожденіи Квашнина и Шелковникова. Но не успѣлъ еще Василій Терентьевичъ вылѣзть изъ коляски, какъ случилось никѣмъ непредвидѣнное происшествіе траги-комическаго свойства. Еще съ утра жены, сестры и матери заводскихъ рабочихъ, прослышавъ о предстоящемъ пикникѣ, стали собираться на вокзалъ; многія принесли съ собою и грудныхъ ребятъ. Съ выраженіемъ деревяннаго терпѣнія на загорѣлыхъ, изнуренныхъ лицахъ, сидѣли онѣ уже много часовъ на ступеняхъ вокзальнаго крыльца и на землѣ, вдоль стѣнъ, бросавшихъ длинныя тѣни. Ихъ было болѣе двухсотъ. На разспросы станціоннаго начальства онѣ отвѣчали, что имъ нужно «рыжаго и толстаго начальника». Сторожъ пробовалъ ихъ устранить, но онѣ подняли такой оглушительный гвалтъ, что онъ только махнулъ рукой и оставилъ бабъ въ покоѣ.

Каждый подѣзжавшій экипажъ вызывалъ между ними минутный переполохъ, но такъ какъ «рыжаго и толстаго начальника» до сихъ поръ еще не было, то онѣ тотчасъ же успокаивались.

Едва только Василій Терентьевичъ, схватившись ру-

ками за козлы, кряхтя и накренивъ всю коляску, ступилъ на подножку, какъ бабы быстро окружили его со всѣхъ сторонъ и повалились на колѣни. Испуганныя шумомъ толпы, молодая, горячія лошади захрапѣли и стали метаться; кучеръ, натянувъ вожжи и совсѣмъ перевалившись назадъ, едва сдерживалъ ихъ на мѣстѣ. Сначала Квашнинъ ничего не могъ разобрать: бабы кричали всѣ сразу и протягивали къ нему грудныхъ младенцевъ. По бронзовымъ лицамъ вдругъ потекли обильныя слезы...

Квашнинъ увидѣлъ, что ему не вырваться изъ этого живого кольца, обступившаго его со всѣхъ сторонъ.

— Стой, бабы! Не галдѣть! — крикнулъ онъ, покрывая сразу своимъ басомъ ихъ голоса. — Орете всѣ, какъ на базарѣ. Ничего не слышу. Говори кто-нибудь одна: въ чемъ дѣло?

Но каждой хотѣлось говорить одной. Крики еще больше усилились, и слезы еще обильнѣе потекли по лицамъ:

— Кормилецъ... родной... разсмотри ты насъ... Ничего не можно терпѣть... Отошшали!.. Помираемъ... съ ребятами помираемъ... Отъ холода, можно сказать, прямодохнемъ!

— Что же вамъ нужно? Отъ чего вы помираете? — крикнулъ опять Квашнинъ. — Да не орите всѣ разомъ! Вотъ ты, молодка, рассказывай, — ткнулъ онъ пальцемъ въ рослую и, несмотря на блѣдность усталого лица, красивую кажужскую бабу. — Остальныя молчи!

Большинство замолкло, только продолжало всхлипывать и слегка подвывать, утирая глаза и носы грязными подолами...

Все-таки за разъ говорило не менѣе двадцати бабъ.

— Помираемъ отъ холоду, кормилецъ... Ужъ ты сдѣлай милость, обдумай насъ какъ-нибудь... Никакой намъ возможности нѣту больше... Загнали насъ на зиму въ бараки, а въ нихъ нешто можно жить-то? Одна только

слава, что бараки, а то какъ есть изъ лучины выстроены... И теперь-то по ночамъ невтерпежъ отъ холоду... зубъ на зубъ не попадаетъ... А зимой что будемъ дѣлать? Ты хоть нашихъ робятокъ-то пожалѣй, пособи, голубчикъ, хоть печи-то прикажи поставить... Пишшу варить негдѣ... На дворѣ пишшу варимъ... Мужики наши цѣльный день на работѣ... Иззябши... намокши... Придутъ домой — обсушиться негдѣ.

Квашнинъ попалъ въ засаду. Въ какую сторону онъ ни оборачивался, вездѣ ему путь преграждали валявшіяся на землѣ и стоявшія на колѣняхъ бабы. Когда онъ пробовалъ протиснуться между ними, онѣ ловили его за ноги и за полы длиннаго сѣраго пальто. Видя свое безсиліе, Квашнинъ движеніемъ руки подозвалъ къ себѣ Шелковникова, и, когда тотъ пробрался сквозь тѣсную толпу бабъ, Василій Терентьевичъ спросилъ его по-французски, съ гнѣвнымъ выраженіемъ въ голосѣ:

— Вы слышали? Что все это значить?

Шелковниковъ беспомощно развелъ руками и забормоталъ:

— Я писалъ въ правленіе, докладывалъ... Очень ограниченное число рабочихъ рукъ... лѣтнее время... косовица... высокія цѣны... правленіе не разрѣшило... ничего не подѣлаешь...

— Когда же вы начнете перестраивать рабочіе бараки? — строго спросилъ Квашнинъ.

— Положительно неизвѣстно... Пусть потерпятъ какъ-нибудь... Намъ раньше надо торопиться съ помѣщеніями для служащихъ.

— Чортъ знаетъ, что за безобразія творятся подъ вашимъ руководствомъ, — проворчалъ Квашнинъ. И, обернувшись опять къ бабамъ, онъ сказалъ громко:

— Слушай, бабы! Съ завтрашняго дня вамъ будутъ строить печи и покроютъ ваши бараки тесомъ. Слышали?

— Слышали, родной... Спасибо тебѣ... Какъ не слышать, — раздались обрадованные голоса. — Такъ - то лучше, небось; когда самъ начальникъ приказалъ... спасибо тебѣ... ты ужъ намъ; соколикъ, позволь и щепки собирать съ постройки.

— Хорошо, хорошо, и щепки позволяю собирать.

— А то поставили вездѣ черкесовъ *), чуть придешь за щепками, а онъ такъ сейчасъ нагайкой и норовитъ полоснуть...

— Ладно, ладно... Приходите смѣло за щепками, никто васъ не тронетъ, — успокаивалъ ихъ Квашнинъ. — А теперь, бабье, маршъ по домамъ, щи варить! Да смотрите у меня, живо! — крикнулъ онъ подбодряющимъ, молодцоватымъ голосомъ. — Вы распорядитесь, — сказалъ онъ вполголоса Шелковникову: — чтобы завтра сложили около бараконъ воза два кирпича... Это ихъ надолго утѣшитъ. Пусть любятъся.

Бабы расходились совсѣмъ осчастливленныя.

— Ты смотри, коли намъ печей не поставятъ, такъ мы анжинеровъ позовемъ, чтобы насъ грѣть приходили, — крикнула та самая калужская баба, которой Квашнинъ приказалъ говорить за всѣхъ.

— А то какъ же, — отозвалась бойко другая: — пусть насъ тогда самъ генераль грѣть. Ишь, какой толстой да гладкой... Съ нимъ теплѣй будетъ, чѣмъ на печкѣ.

Этотъ неожиданный эпизодъ, окончившійся такъ благополучно, сразу развеселилъ всѣхъ. Даже Квашнинъ, хмурившійся сначала на директора, размѣялся послѣ приглашенія бабъ отогрѣвать ихъ и примирительно взялъ Шелковникова подъ локоть.

— Видите ли, дорогой мой, — говорилъ онъ директору;

*) Въ южномъ краѣ на заводахъ и въ экономіяхъ сторожами охотнѣе всего нанимаютъ черкесовъ, отличающихся вѣрностью и внушающихъ страхъ населенію.

тяжело подымаясь вмѣстѣ съ нимъ на ступеньки станціи: — нужно умѣть объясняться съ этимъ народомъ. Вы можете обѣщать имъ все, что угодно — алюминіевыя жилища, восьмичасовой рабочей день и бифштексы на завтракъ, — но дѣлайте это очень увѣренно. Клянусь вамъ: я въ четверть часа потушу одними обѣщаніями самую бурную народную сцену...

Вспоминая подробности только-что потушеннаго бабьяго бунта и громко смѣясь, Квашнинъ сѣлъ въ вагонъ. Черезъ три минуты поѣздъ вышелъ со станціи. Кучерамъ было приказано ѣхать прямо на Бѣшеную балку, потому что назадъ предполагалось возвратиться на лошадяхъ, съ факелами.

Поведеніе Нины смутило Андрея Ильича. Онъ ждалъ на станціи ея пріѣзда съ нетерпѣливымъ волненіемъ, начавшимся еще вчера вечеромъ. Прежнія сомнѣнія исчезли изъ его души; онъ вѣрилъ въ свое близкое счастье, и никогда еще міръ не казался ему такимъ прекраснымъ, люди такими добрыми, а жизнь такой легкой и радостной. Думая о свиданіи съ Ниной, онъ старался заранѣе его себѣ представить, невольно готовилъ нѣжныя, страстныя и краснорѣчивыя фразы и потомъ самъ смѣялся надъ собою... Для чего сочинять слова любви? Когда будетъ нужно, они придутъ сами и будутъ еще красивѣе, еще теплѣе. И Боброву вспоминались читанныя имъ въ какомъ-то журналѣ стихи, въ которыхъ поэтъ говоритъ своей милой, что они не будутъ клясться другъ другу, потому что клятвы оскорбили бы ихъ довѣрчивую и горячую любовь.

Бобровъ видѣлъ, какъ подъѣхали, слѣдомъ за тройкой Квашнина, двѣ коляски Зиненокъ. Нина сидѣла въ первой. Въ легкомъ платьѣ палеваго цвѣта, изящно отдѣланномъ у полукруглаго вырѣза корсажа широкими блѣдными кружевами того же тона, въ широкой бѣлой итальян-

ской шляпѣ, украшенной букетомъ чайныхъ розъ; она показалась ему блѣднѣе и серьезнѣе, чѣмъ обыкновенно. Она издали замѣтила Боброва, стоявшаго на крыльцѣ, но не послала ему, какъ онъ ожидалъ, долгаго, многозначительнаго взгляда. Наоборотъ, ему даже показалось, будто она нарочно отвернулась отъ него. Когда же Андрей Ильичъ подбѣжалъ къ ея коляскѣ, чтобы помочь ей изъ нея выйти, Нина, точно предупреждая его, быстро и легко выскочила изъ экипажа на другую сторону. Нехорошее, зловѣщее чувство кольнуло сердце Андрея Ильича, но онъ тотчасъ же поспѣшилъ себя успокоить. «Бѣдная, она стыдится своего рѣшенія и своей любви. Ей кажется, что теперь всякій можетъ свободно читать въ ея глазахъ самыя сокровенныя мысли... О, святая, прелестная наивность!»

Андрей Ильичъ былъ увѣренъ, что Нина, какъ и въ прошлый разъ на вокзалѣ, сама найдетъ случай подойти къ нему, чтобы съ глазу на глазъ перекинуться нѣсколькими фразами. Однако она, повидимому, вся поглощенная объясненіемъ Квашнина съ бабами, не торопилась этого сдѣлать... Она ни разу, даже украдкой, не обернулась назадъ, чтобы увидѣть Боброва. Сердце Андрея Ильича забилося вдругъ тревожно и тоскливо. Онъ рѣшилъ подойти къ семейству Зиненковъ, державшемуся тѣсной кучкой — остальные дамы ихъ, видимо, избѣгали, — и подъ шумъ, привлекавшій общее вниманіе, спросить Нину, если не словами, то хоть взглядомъ, о причинѣ ея невниманія.

Кланяясь Аннѣ Аѳанасьевнѣ и цѣлуя ея руку, онъ заглядывалъ ей въ лицо и старался прочесть въ немъ, знаетъ ли она что-нибудь. Да, она несомнѣнно знала: ея надломленные угломъ тонкія брови — признакъ лживаго характера, какъ думалъ нерѣдко Бобровъ — недовольно сдвинулись, а губы приняли надменное выраженіе.

Должно-быть, Нина рассказала все матери и получила отъ нея выговоръ, — догадался Бобровъ и подошелъ къ Нинѣ.

Но Нина даже не взглянула на него. Ея рука неподвижно и холодно лежала въ его дрожащей рукѣ, когда они здоровались. Въмѣсто отвѣта на привѣтствіе Андрея Ильича она тотчасъ же повернула голову къ Бетѣ и обмѣнялась съ нею какими-то пустыми замѣчаніями... Въ этомъ поспѣшномъ маневрѣ Боброву почудилось что-то виноватое, что-то трусливое, отступающее предъ прямымъ отвѣтомъ... Онъ почувствовалъ, что у него сразу ослабѣли ноги, а во рту стало холодно... Онъ не зналъ, что подумать. Если бы Нина даже и проболталась матери, развѣ не могла она однимъ изъ тѣхъ быстрыхъ, говорящихъ взглядовъ, которыми всегда инстинктивно располагаютъ женщины, сказать ему: «Да, ты угадалъ, нашъ разговоръ извѣстенъ... но я все та же, милый, я все та же, не тревожься». Однако она предпочла отвернуться. «Все равно, я во что бы то ни стало на пикникѣ дождусь ея отвѣта, — подумалъ Бобровъ, въ смутной тоскѣ предчувствуя что-то тяжелое и грязное. — Такъ или иначе, она должна будетъ отвѣтить».

Х.

На 303 верстѣ общество вышло изъ вагоновъ и длинной пестрой вереницей потянулось мимо сторожевой будки, по узкой дорожкѣ, спускающейся въ Бѣшеную балку... Еще издали на разгоряченныя лица пахнуло свѣжестью и запахомъ осенняго лѣса... Дорожка, становясь все круче, исчезала въ густыхъ кустахъ орѣшника и дикой жимолости, которые сплелись надъ ней сплошнымъ темнымъ сводомъ. Подъ ногами уже шелестѣли желтые, сухіе, скоробившіеся листья. Вдали сквозь густую сѣть чащи алѣла вечерняя заря.

Кусты окончились. Передъ глазами гостей неожиданно открылась окруженная лѣсомъ широкая площадка, утрамбованная и усыпанная мелкимъ пескомъ. На одномъ ея концѣ стоялъ восьмигранный павильонъ, весь разукрашенный флагами и зеленью, на другомъ — крытая эстрада для музыкантовъ. Едва только первыя пары показались изъ чащи, какъ военный оркестръ грянулъ съ эстрады веселый маршъ. Рѣзвые, красивые мѣдные звуки игриво понеслись по лѣсу, звонко отражаясь отъ деревьевъ и сливаясь гдѣ-то далеко въ другой оркестръ, который, казалось, то перегонялъ первый, то отставалъ отъ него. Въ восьмигранномъ павильонѣ вокругъ столовъ, разставленныхъ покоемъ и уже покрытыхъ новыми бѣлыми скатертями, суетилась прислуга, гремя посудой...

Какъ только музыканты кончили маршъ, всѣ приглашенные на пикникъ разразились дружными аплодисментами. Они были, въ самомъ дѣлѣ, изумлены, потому что не далѣе, какъ двѣ недѣли тому назадъ, эта площадка представляла собою косогоръ, усыянный рѣдкими кустами...

Оркестръ заигралъ вальсъ.

Бобровъ видѣлъ, какъ Свѣжевскій, стоявшій рядомъ съ Ниной, тотчасъ же, безъ приглашенія, обхватилъ ея талию, и они понеслись, быстро вертясь, по площадке.

Едва Нину оставилъ Свѣжевскій, какъ къ ней подбѣжалъ горный студентъ, за нимъ еще кто-то. Бобровъ танцевалъ плохо, да и не любилъ танцевать. Однако ему пришло въ голову пригласить Нину на кадрили. «Можетъ-быть, — думалъ онъ: — мнѣ удастся улучшить минуту для объясненія». Онъ подошелъ къ ней, когда она, только-что сдѣлавъ два тура, сидѣла и торопливо обмахивала вѣеромъ пылавшее лицо.

— Надѣюсь, Нина Григорьевна, что вы оставили для меня одну кадрили?

— Ахъ, Боже мой... Такая досада! У меня всѣ кадрили разобраны, — отвѣтила она, не глядя на него.

— Неужели? Такъ скоро? — спросилъ глухимъ голосомъ Бобровъ.

— Ну да, — Нина нетерпѣливо и насмѣшливо приподняла плечи. — Зачѣмъ же вы опоздали? Я еще въ вагонѣ обѣщала всѣ кадрили...

— Вы, значитъ, совсѣмъ позабыли обо мнѣ! — сказалъ онъ печально.

Звукъ его голоса тронулъ Нину. Она нервно сложила и опять развернула вѣеръ, но не подняла глазъ.

— Вы сами виноваты. Почему вы не подошли?..

— Но вѣдь я только для того и пріѣхалъ на пикникъ, чтобы васъ видѣть... Неужели вы шутили со мной, Нина Григорьевна?

Она молчала, въ замѣшательствѣ теребя вѣеръ. Ее выручилъ подлетѣвшій къ ней молодой инженеръ. Она быстро встала и, даже не обернувшись на Боброва, положила свою тонкую руку, въ длинной бѣлой перчаткѣ, на плечо инженера. Андрей Ильичъ слѣдилъ за нею глазами... Сдѣлавъ туръ, она сѣла, — конечно, умышленно; подумалъ Андрей Ильичъ, — на другомъ концѣ площадки. Она почти боялась его или стыдилась передъ нимъ.

Прежняя, давно знакомая, тупая и равнодушная тоска овладѣла Бобровымъ. Всѣ лица стали казаться ему пошлыми, жалкими, почти комичными. Размѣренные звуки музыки непрерывными глухими ударами отзывались въ его головѣ, причиняя раздражающую боль. Но онъ еще не потерялъ надежды и старался утѣшить себя разными предположеніями: «Не сердится ли она за то, что я не прислалъ ей букета? Или, можетъ-быть, ей просто не хочется танцевать съ такимъ мѣшкомъ, какъ я? — догадался онъ. — Ну, что же, она, пожалуй, и права. Вѣдь для дѣвушекъ эти пустяки такъ много значатъ... Развѣ

не они составляют ихъ радости и огорченія, всю поэзію ихъ жизни?»

Когда стало смеркаться, вокругъ павильона зажгли длинныя цѣпи изъ разноцвѣтныхъ китайскихъ фонарей. Но этого оказалось мало: площадка оставалась почти не освѣщенной. Вдругъ съ обоихъ ея концовъ вспыхнули ослѣпительнымъ голубоватымъ свѣтомъ два электрическія солнца, до сихъ поръ тщательно замаскированныя зеленью деревьевъ. Березы и грабы, окружавшіе площадку, сразу выдвинулись впередъ. Ихъ неподвижныя кудрявыя вѣтви, ярко и фальшиво освѣщенные, стали похожи на театральную декорацию перваго плана. За ними, окутанныя въ сѣро-зеленую мглу, слабо вырисовывались на совершенно черномъ небѣ круглыя и зубчатыя деревья чащи. Кузнечики въ степи, не заглушаемые музыкой, кричали такъ странно, громко и дружно, что казалось, будто кричитъ только одинъ кузнечикъ, но кричитъ отовсюду: и справа, и слѣва, и сверху.

Балъ длился, становясь все оживленнѣе и шумнѣе. Одинъ танецъ слѣдовалъ за другимъ. Оркестръ почти не отдыхалъ... Женщины, какъ отъ вина, опьянѣли отъ музыки и отъ сказочной обстановки вечера.

Ароматъ ихъ духовъ и разгоряченныхъ тѣлъ странно смѣшивался съ запахомъ степной полыни, увядающаго листа, лѣсной сырости и съ отдаленнымъ тонкимъ запахомъ скошенной отавы. Повсюду—то медленно, то быстро колыхались вѣера, точно крылья красивыхъ разноцвѣтныхъ птицъ, собирающихся летѣть... Громкій говоръ, смѣхъ, шарканье ногъ о песокъ площадки сплетались въ одинъ монотонный и веселый гулъ, который вдругъ съ особенной силой вырывался впередъ, когда музыка переставала играть.

Бобровъ все время неотступно слѣдилъ за Ниной. Раза два она чуть-чуть не задѣла его своимъ платьемъ. На

него даже пахнуло вѣтромъ, когда она пронеслась мимо. Танцуя, она красиво и какъ будто безпомощно изгибала лѣвую руку на плечѣ своего кавалера и такъ склоняла голову; какъ будто бы хотѣла къ этому плечу прислониться... Иногда мелькалъ край ея нижней, бѣлой кружевной юбки, развѣваемой быстрымъ движеніемъ, и маленькая ножка въ черномъ чулкѣ съ тонкой щиколоткой и крутымъ подъемомъ икры. Тогда Боброву становилось почему-то стыдно, и онъ чувствовалъ въ душѣ злобу на всѣхъ, кто могъ видѣть Нину въ эти моменты.

Началась мазурка. Было уже около девяти часовъ. Нина, танцовавшая со Свѣжевскимъ, воспользовалась тѣмъ временемъ, когда ея кавалеръ, дирижировавшій мазуркой, устраивалъ какую-то сложную фигуру, и побѣжала въ уборную, легко и быстро скользя ногами въ тактъ музыкѣ и придерживая обѣими руками распустившіеся волосы. Бобровъ, видѣвшій это съ другого конца площадки, тотчасъ же поспѣшилъ за нею слѣдомъ и сталъ у дверей... Здѣсь было почти темно; вся уборная—маленькая досчатая комнатка, пристроенная сзади павильона—находилась въ густой тѣни. Бобровъ рѣшился дожидаться Нины и, во что бы то ни стало, заставить ее объясниться. Сердце его часто и больно билось, пальцы, которые онъ судорожно стискивалъ, сдѣлались влажными и холодными.

Черезъ пять минутъ Нина вышла. Бобровъ выдвинулся изъ тѣни и преградилъ ей дорогу. Нина слабо вскрикнула и отшатнулась.

— Нина Григорьевна, за что вы меня такъ мучите?—сказалъ Андрей Ильичъ, незамѣтно для себя складывая руки умоляющимъ жестомъ.—Развѣ вы не видите, какъ мнѣ больно. О! Вы забавляетесь моимъ горемъ... Вы смѣетесь надо мной...

— Я не понимаю, что вамъ нужно. Я и не думала

смѣяться надъ вами, — отвѣтила Нина упрямо и заносчиво.

Въ ней проснулся духъ ея семейства.

— Нѣтъ? — уныло спросилъ Бобровъ. — Что же значитъ ваше сегодняшнее обращеніе со мной?

— Какое обращеніе?

— Вы холодны со мной, почти враждебны. Вы отворачиваетесь отъ меня... Вамъ даже самое присутствіе мое на вечеръ непріятно...

— Мнѣ рѣшительно все равно...

— Это еще хуже... Я чувствую въ васъ какую-то непостижимую для меня и ужасную переменъ... Ну, будьте же откровенны, Нина, будьте такой правдивой, какой я васъ еще сегодня считалъ... Какъ бы ни была страшна истина, скажите ее. Лучше ужъ для васъ и для меня сразу кончить...

— Что кончить? Я не понимаю васъ...

Бобровъ сжалъ руками виски, въ которые лихорадочно билась кровь.

— Нѣтъ, вы понимаете. Не притворяйтесь. Намъ есть что кончить. У насъ были нѣжные слова, почти граничившія съ признаніемъ, у насъ были прекрасныя минуты, соткавшія между нами какія-то нѣжные, тонкія узы... Я знаю, — вы хотите сказать, что я заблуждаюсь... Можетъ-быть, можетъ-быть... Но развѣ не вы ведѣли мнѣ пріѣхать на пикникъ, чтобы имѣть возможность поговорить безъ постороннихъ?

Нинѣ вдругъ стало жаль его.

— Да... Я просила васъ пріѣхать.... — произнесла она, низко опустивъ голову. — Я хотѣла вамъ сказать... Я хотѣла... что намъ надо проститься навсегда.

Бобровъ покачнулся, точно его толкнули въ грудь. Даже въ темнотѣ было замѣтно, какъ его лицо поблѣднѣло.

— Проститься...—проговорилъ онъ, задыхаясь.—Нина Григорьевна!.. Слово прощальное — тяжелое, горькое слово... Не говорите его...

— Я его должна сказать.

— Должны?

— Да, должна. Это не моя воля.

— Чья же?

Кто-то подходилъ къ нимъ. Нина взглянула въ темноту и прошептала:

— Вотъ чья.

Это была Анна Леонасьевна. Она подозрительно оглядела Боброва и Нину и взяла свою дочь за руку.

— Зачѣмъ ты, Нина, убѣждала отъ танцевъ?—сказала она тономъ выговора:—стала гдѣ-то въ темнотѣ и болтаешь... Хорошее, нечего сказать, занятіе... А я тебя ищи по всѣмъ закоулкамъ. Вы, сударь,—обратилась она вдругъ бранчиво и громко къ Боброву:—вы, сударь, если сами не умѣете или не любите танцевать, то хоть барышнямъ бы не мѣшали и не компрометировали бы ихъ бесѣдой tête-à-tête... въ темныхъ углахъ...

Она отошла и увлекла за собою Нину.

— О! Не беспокойтесь, сударыня: вашу барышню ничто не скомпрометируетъ!—закричалъ ей вдогонку Бобровъ и вдругъ расхохотался такимъ страннымъ, горькимъ смѣхомъ, что и мать и дочь невольно обернулись.

— Ну! Не говорила я тебѣ, что это дуракъ и нахаль?—дернула Анна Леонасьевна Нину за руку.—Ему хоть въ глаза наплюй, а онъ хохочетъ... утѣшается... Сейчасъ будутъ дамы выбирать кавалеровъ,—прибавила она другимъ, болѣе спокойнымъ тономъ.—Ступай и пригласи Кващина. Онъ только-что кончилъ играть. Видишь, стоитъ въ дверяхъ бесѣдки.

— Мама! Да куда же ему танцевать? Онъ и поворачивается-то насилу-насилу.

— А я тебѣ говорю: ступай. Онъ когда-то считался однимъ изъ лучшихъ танцоровъ въ Москвѣ... Во всякомъ случаѣ ему будетъ пріятно.

Точно въ далекомъ, сѣромъ колыхающемся туманѣ видѣлъ Бобровъ, какъ Нина быстро перебѣжала всю площадку и, улыбающаяся, кокетливая, легкая, остановилась передъ Квашнинымъ; граціозно и просительно наклонивъ на-бокъ голову. Василій Терентьевичъ слушалъ ее, слегка надъ ней нагнувшись; вдругъ онъ расхохотался, отчего вся его огромная фигура затряслась, и замоталъ отрицательно головою. Нина долго настаивала, потомъ вдругъ сдѣлала обиженное лицо и капризно повернулась, чтобы отойти. Но Квашнинъ, съ вовсе несвойственной ему живостью, догналъ ее и, пожавъ плечами съ такимъ видомъ, какъ будто бы хотѣлъ сказать: «Ну, ужъ ничего не подѣлаешь... надо баловать дѣтей...» протянулъ ей руку. Всѣ танцующіе остановились и съ любопытствомъ устремили глаза на новую пару. Зрѣлище Квашнина, танцующаго мазурку, обѣщало быть чрезвычайно комичнымъ.

Василій Терентьевичъ выждалъ тактъ и вдругъ, повернувшись къ своей дамѣ движеніемъ, исполненнымъ тяжелой, но своеобразно-величественной красоты, такъ самоувѣренно и ловко сдѣлалъ первое рас, что всѣ сразу въ немъ почувяли бывшаго отличнаго танцора. Глядя на Нину сверху внизъ, съ гордымъ, вызывающимъ и веселымъ поворотомъ головы, онъ сначала не танцевалъ, а шелъ подъ музыку эластичной, слегка покачивающейся походкой. И огромный ростъ и толщина, казалось, не только не мѣшали, но, наоборотъ, увеличивали въ эту минуту тяжеловѣсную грацію его фигуры. Дойдя до поворота, онъ остановился на одну секунду, стукнулъ вдругъ каблукомъ о каблукъ, быстро завертѣлъ Нину на мѣстѣ и плавно, съ улыбающимся снисходительно ли-

цомъ, пронесся по самой серединѣ площадки на толстыхъ, упругихъ ногахъ. Передъ тѣмъ мѣстомъ, откуда Квашнинъ взялъ Нину, онъ опять завертѣлъ свою даму въ быстромъ, красивомъ движеніи и, неожиданно посадивъ на стулъ, самъ остановился передъ ней съ низко опущенной головой.

Его тотчасъ же окружили со всѣхъ сторонъ дамы, упрашивая пройтись еще одинъ туръ. Но онъ, утомленный непривычнымъ движеніемъ, тяжело дышалъ и обмахивался платкомъ.

— Довольно, *mesdames*... пощадите старика...— говорилъ онъ, смѣясь и насилу переводя духъ.— Не въ мои годы пускаться въ плясъ. Пойдемте лучше ужинать...

Общество садилось за столы, гремя придвигаемыми стульями... Бобровъ продолжалъ стоять на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ его покинула Нина. Чувства униженія, обиды и безнадежной, отчаянной тоски попеременно терзали его. Слезъ не было, но что-то жгучее щипало глаза, и въ горлѣ стоялъ сухой и колючій клубокъ... Музыка продолжала болѣзненно и однообразно отзываться въ его головѣ.

— Батюшка мой! А я-то васъ ищущи-ищу и никакъ не найду. Что это, вы куда запропастились?— услышалъ Андрей Ильичъ рядомъ съ собой веселый голосъ доктора.— Какъ только пріѣхалъ, меня сейчасъ же за винтъ усадили, насилу вырвался... Идемъ ужинать. Я нарочно два мѣста захватилъ, чтобы вмѣстѣ...

— Ахъ, докторъ! Идите одинъ. Я не пойду, не хочется,—черезъ силу отозвался Бобровъ.

— Не пойдете? Вотъ такъ исторія!— Докторъ пристально поглядѣлъ въ лицо Боброву.— Да что съ вами, голубушка? Вы совсѣмъ раскисли, — заговорилъ онъ серьезно и съ участіемъ.— Ну, ужъ какъ хотите, а я васъ не оставлю одного. Идемъ, идемъ, безъ всякихъ разговоровъ.

— Тяжело мнѣ, докторъ. Гадко мнѣ, — отвѣтилъ тихо Бобровъ; машинально однако слѣдуя за увлекавшимъ его Гольдбергомъ.

— Пустяки, пустяки, идемъ! Будьте мужчиной, плюньте... «Или есть недугъ сердечный? Иль на совѣсти гроза?» — неожиданно продекламировалъ Гольдбергъ, нѣжно и крѣпко обвивая рукой талию Боброва и ласково заглядывая ему въ лицо. — Я вамъ сейчасъ пропишу универсальное средство: «Выпьемъ, что ли, Ваня, съ холода да съ горя?».. Мы, по правдѣ сказать, съ этимъ Андреа уже порядочно наконьячились... Ахъ, и пьеть же, курицынъ сынъ! Точно въ пустую бочку льетъ... Ну, будьте мужчиной, милочка... Знаете ли, Андреа вами очень интересуется. Идемъ, идемъ!..

Говоря такимъ образомъ, докторъ тащилъ Боброва въ павильонъ. Они усѣлись рядомъ. Сосѣдомъ Андреа Ильича, съ другой стороны, оказался Андреа.

Андреа, еще издали улыбавшійся Боброву, потѣснился, чтобы дать ему мѣсто, и ласково погладилъ его по спинѣ.

— Очень радъ, очень радъ, садитесь къ намъ поближе, — сказалъ онъ дружелюбно. — Симпатичный человекъ... люблю такихъ... хорошій человекъ... Коньякъ пьете?

Андреа былъ пьянъ. Его стеклянные глаза странно оживились и блестѣли на поблѣднѣвшемъ лицѣ (только полгода спустя стало извѣстно, что этотъ безупречно-сдержанный, трудолюбивый, талантливый человекъ каждый вечеръ напивался въ совершенномъ одиночествѣ до потери сознанія)...

«А и въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, станетъ легче, если выпить, — подумалъ Бобровъ: — надо попробовать, чертъ возьми!»

Андреа дожидался съ наклоненной бутылкой въ рукѣ. Бобровъ подставилъ стаканъ.

— Та-акъ?—протянулъ Андреа, высоко подымая брови.

— Такъ,—отвѣтилъ Бобровъ съ печальной и кроткой улыбкой.

— Ладно! До которыхъ поръ?

— Стаканъ самъ скажетъ.

— Прекрасно. Можно подумать, что вы служили въ шведскомъ флотѣ. Довольно?

— Лейте, лейте.

— Другъ мой, но вы, вѣроятно, выпустили изъ виду, что это Martel подъ маркой V. S. O. P. — настоящій, строгій, старый коньякъ.

— Лейте, не беспокойтесь...

И Бобровъ подумалъ съ злорадствомъ:

«Ну что жъ, и буду пьянъ, какъ сапожникъ. Пусть полюбуется...»

Стаканъ былъ полонъ. Андреа поставилъ бутылку на столъ и сталъ съ любопытствомъ наблюдать за своимъ сосѣдомъ. Бобровъ залпомъ выпилъ вино и весь содрогнулся отъ непривычки.

— Дитя мое, у васъ червякъ?—спросилъ Андреа, серьезно поглядѣвъ въ глаза Боброва.

— Да, червякъ,—уныло покачалъ головою Андрей Ильичъ.

— Въ сердцѣ?

— Да.

— Гм!.. Значитъ, вы хотите еще?

— Лейте,—сказалъ Бобровъ покорно и печально.

Онъ съ жадностью и съ отвращеніемъ пилъ коньякъ, стараясь забыться. Но странно,—вино не оказывало на него никакого дѣйствія. Наоборотъ, ему становилось еще тоскливѣе, и слезы еще больше жгли глаза.

Между тѣмъ лакеи разнесли шампанское, Квашнинъ всталъ со стула, держа двумя пальцами свой бокалъ и разглядывая черезъ него огонь высокаго канделябра. Всѣ

затихли. Слышно было только, какъ шипѣлъ уголь въ электрическихъ фонаряхъ и звонко стрекоталъ неутомный кузнечикъ.

Квашнинъ откашлялся.

— Милостивыя государыни и милостивые государи!— началъ онъ и сдѣлалъ внушительную паузу. — Я думаю, никто изъ васъ не усомнится въ томъ искреннемъ чувствѣ признательности, съ которымъ я подымаю этотъ бокалъ! Я никогда не забуду сдѣланнаго мнѣ въ Ивановѣ радушнаго пріема, и сегодняшній маленькій пикникъ, благодаря очаровательной любезности посѣтившихъ его дамъ, останется для меня навсегда пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ. Пью за ваше здоровье, mesdames!

Онъ поднялъ кверху свой бокалъ, сдѣлалъ имъ въ воздухѣ широкій полукругъ, отпилъ изъ него немного и продолжалъ:

— Къ вамъ, мои ближайшіе сотрудники и товарищи, обращаю слово. Не осудите, если оно будетъ носить характеръ поученія: по лѣтамъ я старикъ, сравнительно съ большинствомъ присутствующихъ, а на старика за поученіе можно и не обижаться.

Андреа нагнулся къ уху Боброва и прошепталъ:

— Посмотрите, какія рожи дѣлаетъ этотъ каналья Свѣжевскій.

Свѣжевскій дѣйствительно выражалъ своимъ лицомъ самое подобострастное и преувеличенное вниманіе. Когда Василій Терентьевичъ упомянулъ о своей старости, онъ и головой и руками началъ дѣлать протестующіе жесты.

— Я все-таки повторю старое, избитое выраженіе газетныхъ передовыхъ статей,—продолжалъ Квашнинъ.— Держите высоко наше знамя. Не забывайте, что мы соль земли, что намъ принадлежитъ будущее... Не мы ли опутали весь земной шаръ сѣтью желѣзныхъ дорогъ? Не мы ли разверзаемъ нѣдра земли и превращаемъ ея сокро-

вища въ пушки, мосты, паровозы, рельсы и колоссальныя машины? Не мы ли, исполняя силой нашего генія почти невѣроятныя предпріятія, приводимъ въ движеніе тысячемилліонныя капиталы?.. Знайте, господа, что премудрая природа тратитъ свои творческія силы на сѣзданіе цѣлой націи только для того, чтобы изъ нея вылѣпить два или три десятка избранниковъ. Имѣйте же смѣлость и силу, быть этими избранниками, господа! Ура!

— Ура! Ура!—закричали гости, и громче всѣхъ выдѣлился голосъ Свѣжевскаго.

Всѣ встали со своихъ мѣстъ и пошли чокаться съ Василиемъ Терентьевичемъ.

— Гнусная рѣчь,—сказалъ докторъ вполголоса.

Послѣ Квашнина поднялся Шелковниковъ и кричалъ:

— Господа! За здоровье нашего уважаемаго патрона, нашего дорогого учителя и въ настоящее время нашего амфитріона: за здоровье Василя Терентьевича Квашнина! Ура!

— Ура-а!—подхватили единодушно всѣ гости и опять пошли чокаться съ Квашнинымъ.

Потомъ началась какая-то оргія краснорѣчія. Произносили тосты и за успѣхъ предпріятія, и за отсутствующихъ акціонеровъ, и за дамъ, участвующихъ на пикникѣ, и за всѣхъ дамъ вообще. Нѣкоторые тосты были двусмысленны и игриво-неприличны.

Шампанское, истребляемое дюжинами, оказывало свое дѣйствіе: сплошной гулъ стоялъ въ павильонѣ, и произносившему тостъ приходилось каждый разъ прежде, чѣмъ начать говорить, долго и тщетно стучать ножомъ по стакану. Въ сторонѣ, на отдѣльномъ маленькомъ столикѣ, красавецъ Миллеръ приготовлялъ въ большой серебряной чашѣ жженку... Вдругъ опять поднялся Квашнинъ, на лицѣ его играла добродушно-лукавая улыбка.

— Мнѣ очень пріятно, господа, что нашъ праздникъ

какъ разъ совпалъ съ однимъ торжествомъ семейнаго характера, — сказалъ онъ съ обворожительной любезностью. — Поздравимте отъ всей души и пожелаемъ счастья нареченнымъ жениху и невѣстѣ: за здоровье Нины Григорьевны Зиенко и... — онъ замялся, потому что позабылъ имя и отчество Свѣжевскаго... — и нашего товарища, господина Свѣжевскаго...

Крики, встрѣтившіе слова Квашнина, были тѣмъ громче, что сообщаемая имъ новость оказалась совсѣмъ неожиданной. Андреа, услышавшій рядомъ съ собою восклицаніе, болѣе похожее на мучительный стонъ, обернулся и увидѣлъ, что блѣдное лицо Боброва искривлено внутреннимъ страданіемъ.

— Коллега, вы еще не все знаете, — шепнулъ Андреа. — Послушайте-ка, я сейчасъ скажу пару теплыхъ словъ.

Онъ увѣренно поднялся, уронивъ при этомъ свой стулъ и расплескавъ половину бокала, и воскликнулъ:

— Милостивые государи! Нашъ многоуважаемый хозяинъ, изъ весьма понятной, великодушной скромности, не докончилъ своего тоста... Мы должны поздравить нашего дорогого товарища, Станислава Ксаверьевича Свѣжевскаго, съ новымъ назначеніемъ: съ будущаго мѣсяца онъ займетъ отвѣтственный постъ управляющаго дѣлами правленія общества... Это назначеніе будетъ, такъ сказать, свадебнымъ подаркомъ для молодыхъ отъ глубокоуважаемаго Василя Терентьевича... Я вижу на лицѣ нашего высокочтимаго патрона неудовольствіе... Вѣроятно, я нечаянно выдалъ приготовленный имъ сюрпризъ и потому прошу прощенія. Но, движимый чувствомъ дружбы и уваженія, я не могу не пожелать, чтобы нашъ дорогой товарищъ, Станиславъ Ксаверьевичъ Свѣжевскій, и на новомъ своемъ поприщѣ въ Петербургѣ оставался такимъ же дѣятельнымъ работникомъ и такимъ же любимымъ товарищемъ, какъ и здѣсь... Но я знаю, господа,

никто изъ насъ не позавидуетъ. Станиславу Ксаверьевичу (онъ остановился и съ ѣдкой насмѣшкой посмотрѣлъ на Свѣжевскаго)... потому что всѣ мы такъ дружно желаемъ ему всего хорошаго, что...

Рѣчь его была внезапно прервана громкимъ лошадинымъ топотомъ. Изъ чащи точно вынырнулъ верхомъ на взмыленной лошади какой-то человекъ безъ шапки, съ лицомъ, на которомъ застыло, перекосивъ его, выражение ужаса. Это былъ десятникъ, служившій у подрядчика Дехтерева. Бросивъ на срединѣ площадки лошадь, дрожавшую отъ усталости, онъ подбѣжалъ къ Василю Терентьевичу и, фамиллярно нагнувшись къ его уху, сталъ что-то шептать... Въ павильонѣ сдѣлалось вдругъ страшно тихо, и, какъ раньше, слышно было только шипѣніе угля и назойливый крикъ кузнечика.

Красное отъ вина лицо Квашнина поблѣднѣло. Онъ нервно поставилъ на столъ бокалъ, который держалъ въ рукѣ, и вино изъ бокала расплескалось по скатерти.

— А бельгійцы?—спросилъ онъ отрывисто и хрипло.

Десятникъ отрицательно замоталъ головой и опять зашепталъ что-то подъ самымъ ухомъ Квашнина.

— А, чортъ!—воскликнулъ вдругъ Квашнинъ, вставая съ мѣста и комкая въ рукахъ салфетку.—Надо же было... Подожди, ты сейчасъ же отвезешь на станцію телеграмму къ губернатору. Господа,—громко и взволнованно обратился онъ къ присутствующимъ:—на заводѣ—безпорядки... Надо принимать мѣры, и... и, кажется, намъ лучше всего будетъ немедленно уѣхать отсюда...

— Такъ я и зналъ,—презрительно, со спокойной злобой сказалъ Андреа.

И въ то время, когда всѣ засуетились, онъ медленно досталъ новую сигару, нащупалъ въ карманѣ спички и налилъ себѣ въ стаканъ коньяку.

ХІ.

Началась безтолковая, нелѣпая сумятица. Всѣ поднялись съ мѣсть и забѣгали по павильону, толкались, крича и спотыкаясь объ опрокинутые стулья. Дамы торопливо надѣвали дрожащими руками шляпки. Кто-то распорядился вдобавокъ погасить электрическіе фонари, и это еще больше усилило общее смятеніе... Въ темнотѣ слышались истерическіе женскіе крики.

Было около пяти часовъ. Солнце еще не всходило, но небо замѣтно посвѣтлѣло, предвѣщая своимъ сѣрымъ, однообразнымъ тономъ начало ненастнаго дня. Блѣдный, тусклый, однообразный полусвѣтъ занимающагося утра, такъ быстро и неожиданно смѣнившій яркое сіяніе электричества, придавалъ картинѣ общаго смятенія страшный, удручающій, почти фантастическій характеръ. Человѣческія фигуры казались привидѣніями изъ какой-то фантастической бредовой сказки. Измятыя безсонной ночью, взволнованныя лица были страшны. Обѣденный столъ, залитый виномъ и безпорядочно загроможденный посудой, напоминалъ о какомъ-то чудовищномъ, внезапно прерванномъ пиршествѣ.

Около экипажей суматоха была еще безобразнѣе: испуганныя лошади храпѣли, взвивались на дыбы и не давались зануздывать; колеса сцѣплялись съ колесами, и слышался трескъ ломающихся осей; инженеры выкрикивали по именамъ своихъ кучеровъ, озлобленно ругавшихся между собою. Въ общемъ получалось впечатлѣніе того оглушительнаго хаоса, который бываетъ только на большихъ ночныхъ пожарахъ. Кого-то переѣхали, или, можетъ-быть, раздавили. Былъ слышенъ вопль.

Бобровъ никакъ не могъ отыскать Митрофана. Два или три ему слышалось, будто его кучеръ отзы-

вается на крикъ откуда-то изъ самой середины перепутавшихся экипажей. Но проникнуть туда не было никакой возможности, потому что давка становилась съ каждой минутой все сильнѣе и сильнѣе.

Вдругъ въ темнотѣ вспыхнулъ высоко надъ толпой краснымъ пламенемъ огромный керосиновый факель. Послышались крики: «Съ дороги! Съ дороги! Посторонитесь, господа! Съ дороги!» Стремительная человѣческая волна, гонимая сильнымъ напоромъ, подхватила Андрея Ильича, понесла его за собой, чуть не сбросивъ съ ногъ, и плотно прижала между задкомъ одной пролетки и дышломъ другой. Отсюда Бобровъ увидѣлъ, какъ между экипажами быстро образовалась широкая дорога, и какъ по этой дорогѣ проѣхалъ на своей тройкѣ сѣрыхъ лошадей Квашнинъ. Факель, колебавшійся надъ коляской, обливалъ массивную фигуру Василя Терентьевича зловѣщимъ, точно кровавымъ, дрожащимъ свѣтомъ.

Вокругъ его коляски выла отъ боли, страха и озлобленія стиснутая со всѣхъ сторонъ обезумѣвшая толпа... У Боброва что-то стукнуло въ вискахъ. На мгновение ему показалось, что это ѣдетъ вовсе не Квашнинъ, а какое-то кровавленное, уродливое и грозное божество, въ родѣ тѣхъ идоловъ восточныхъ культовъ, подъ колесницы которыхъ бросаются во время религіозныхъ шествій опьянѣвшіе отъ экстаза фанатики. И онъ задрожалъ отъ безсильнаго бѣшенства.

Когда проѣхалъ Квашнинъ, сразу стало немного свободнѣе, и Бобровъ, обернувшись назадъ, увидѣлъ, что дышло, давившее ему спину, принадлежало его же собственной пролеткѣ. Митрофанъ стоялъ около колесъ и зажигалъ факель.

— Скорѣй на заводъ, Митрофанъ, — крикнулъ Андрей Ильичъ, садясь. — Чтобъ черезъ десять минутъ поспѣть, слышишь!

— Слушаю-съ, — отвѣтилъ мрачно Митрофанъ.

Онъ обошелъ пролетку кругомъ, чтобы влѣзть на козлы, какъ подобаетъ всякому хорошему кучеру, справа, разобралъ вожжи и прибавилъ, полуобернувшись назадъ:

— Только ежели лошадей зарѣжемъ, вы тогда, баринъ, не серчайте.

— Ахъ, все равно...

Осторожно, съ громаднымъ трудомъ выбравшись изъ этой массы сбившихся въ кучу лошадей и экипажей и выѣхавъ на узкую лѣсную дорогу, Митрофанъ пустилъ вожжи. Застоявшіяся, возбужденныя лошади подхватили, и началась сумасшедшая скачка. Пролетка подпрыгивала на длинныхъ, протянувшихся поперекъ дороги корняхъ, раскатывалась на ухабахъ и сильно накренилась то на лѣвый, то на правый бокъ, заставляя и кучера и сѣдока балансировать.

Красное пламя факела металось во всѣ стороны съ бурнымъ ропотомъ. Вмѣстѣ съ нимъ металась вокругъ пролетки длинная, причудливая тѣни деревьевъ... Казалось, что тѣсная толпа высокихъ, тонкихъ и расплывчатыхъ призраковъ неслась рядомъ съ пролеткой въ какой-то нелѣпой пляскѣ. Призраки то перегоняли лошадей, вырастая до исполинскихъ размѣровъ, то вдругъ падали на землю и, быстро уменьшаясь, исчезали за спиной Боброва, то забѣгали на нѣсколько секундъ въ чащу и опять внезапно появлялись около самой пролетки, то сдвигались тѣсными рядами и покачивались и вздрагивали, точно перешептываясь о чемъ-то между собою... Нѣсколько разъ вѣтви частаго кустарника, окаймлявшаго дорогу, хлестали Митрофана и Боброва по лицамъ, будто чьи-то цѣпкія, тонкія, протянутыя впередъ руки.

Лѣсъ кончился. Лошади зашлепали ногами по какой-то лужѣ, въ которой запрыгало и зарябилось багровое блестящее пламя факела, и вдругъ дружнымъ галопомъ вы-

везли на крутой пригорокъ. Впереди разстилалось черное, однообразное поле.

— Да погоняй же, Митрофанъ, мы съ тобой никогда не доѣдемъ!—крикнулъ Бобровъ нетерпѣливо, хотя пролетка и безъ того неслась такъ, что дыханіе захватывало. Митрофанъ проворчалъ что-то недовольнымъ басомъ и ударилъ кнутомъ Фарватера, скакавшаго, изогнувшись кольцомъ, на пристяжкѣ. Кучеръ недоумѣвалъ, что сдѣлалось съ его бариномъ, всегда любившимъ и жалѣвшимъ своихъ лошадей.

На горизонтѣ огромное зарево отражалось неровнымъ трепетаніемъ въ ползущихъ по небу тучахъ. Бобровъ глядѣлъ на вспыхивающее небо, и торжествующее, нехорошее злорадство шевелилось въ немъ. Дерзкій, жестокой тостъ Андреа сразу открылъ ему глаза на все: и на холодную сдержанность Нины въ продолженіе нынѣшняго вечера, и на негодованіе ея мамы во время мазурки, и на близость Свѣжевскаго къ Василю Терентьевичу, и на всѣ слухи и сплетни, ходившіе по заводу объ ухаживаніи самого Квашнина за Ниной... «Такъ и надо ему, такъ и надо, рыжему чудовищу,—шепталъ Бобровъ, ощущая такой приливъ злобы и такое глубокое сознаніе своего униженія, что даже во рту у него пересохло.— О, если бы мнѣ теперь встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу, я бы надолго смутилъ самодовольный покой этого покупателя свѣжаго мяса, этого грязнаго, жирнаго мѣшка, биткомъ набитаго золотомъ. Я бы оставилъ хорошую печать на его мѣдномъ лбу!...»

Чрезмѣрное количество выпитаго сегодня вина не опьянило Андрея Ильича, но дѣйствіе его выразилось въ необычайномъ подъемѣ энергіи, въ нетерпѣливой и болѣзненной жаждѣ движенія... Сильный ознобъ потрясалъ его тѣло, зубы такъ сильно стучали, что приходилось крѣпко стискивать челюсти, мысль работала быстро, ярко и без-

порядочно, какъ въ горячкѣ. Андрей Ильичъ, незамѣтно для самого себя, то разговаривалъ вслухъ, то стоналъ, то громко и отрывисто смѣялся, между тѣмъ какъ пальцы его сами собой крѣпко сжимались въ кулаки.

— Баринъ, да вы никакъ больны? Намъ бы домой ѣхать, — сказалъ несмѣло Митрофанъ.

Эти слова вдругъ привели Боброва въ неистовство, и онъ закричалъ хрипло:

— Не разговаривай, дуракъ!.. Гони!..

Скоро съ горы сталъ виденъ и весь заводъ, окутанный молочно-розовымъ дымомъ. Сзади, точно исполинскій костеръ, горѣлъ лѣсной складъ. На яркомъ фонѣ огня суетливо копошилось множество маленькихъ черныхъ человѣческихъ фигуръ. Еще издали было слышно, какъ трещало въ пламени сухое дерево. Круглыя башни кауперовъ и доменныхъ печей то рѣзко и отчетливо выдвигались изъ мрака, то опять совершенно тонули въ немъ. Красное зарево пожара яркимъ и грознымъ блескомъ отражалось въ бурой водѣ большого четырехугольнаго пруда. Высокая плѣтина этого пруда вся сплошь, безъ просвѣтовъ, была покрыта огромной черной толпой, которая медленно подвигалась впередъ и, казалось, кипѣла. И необычайный — смутный и зловѣщій — гулъ, похожій на ревъ отдаленнаго моря, доносился отъ этой страшной, густой, сжатой на узкомъ пространствѣ человѣческой массы.

— Куда тебя несетъ, дьяволъ! Не видишь развѣ, что ѣдешь на людей, сволочь! — услыхалъ Бобровъ впереди грубый окрикъ, и на дорогѣ, точно вынырнувъ изъ-подъ лошадей, показался рослый, бородатый мужикъ, безъ шапки, съ головой, сплошь забинтованной бѣлыми тряпками.

— Погоняй, Митрофанъ! — крикнулъ Бобровъ.

— Баринъ! Подождли, — услышалъ онъ дрожащій голосъ Митрофана.

Но тотчасъ же онъ услышалъ свистъ брошеннаго сзади камня и почувствовалъ острую боль удара немного выше праваго виска. На рукѣ, которую онъ поднесъ къ уши-бленному мѣсту, оказалась теплая, липкая кровь.

Пролетка опять понеслась съ прежней быстротой. За-рево становилось все сильнѣе. Длинные тѣни отъ лошадей перебѣгали съ одной стороны дороги на другую. Временами Боброву начинало казаться, что онъ мчится по какому-то крутому косоугору и вотъ-вотъ, вмѣстѣ съ экипажемъ и лошадьми, полетитъ съ отвѣсной кручи въ глубокую пропасть. Онъ совершенно потерялъ способ-ность опознаваться и никакъ не могъ узнать мѣста, по которому проѣзжалъ. Вдругъ лошади стали.

— Ну, чего же ты остановился, Митрофанъ?—раздра-жительно закричалъ Бобровъ.

— А куда жъ я поѣду, коли впереди люди?—отозвался Митрофанъ, съ угрюмымъ озлобленіемъ въ голосѣ.

Бобровъ, какъ ни всматривался въ сѣрый предутрен-ній полумракъ, ничего не видѣлъ, кромѣ какой-то чер-ной неровной стѣны, надъ которою пламенѣло небо.

— Какихъ ты тамъ еще людей видишь, чортъ возьми!—выругался онъ, слѣзая съ пролетки и обходя лошадей, покрытыхъ бѣлыми комьями пѣны.

Но едва онъ отошелъ пять шаговъ отъ лошадей, какъ убѣдился, что то, что онъ принималъ за черную стѣну, была большая, тѣсная толпа рабочихъ, запружавшая до-рогу и медленно, въ молчаніи подвигавшаяся впередъ. Пройдя машинально вслѣдъ за рабочими шаговъ пять-десять, Андрей Ильичъ повернулъ назадъ, чтобы найти Митрофана и объѣхать заводъ съ другой стороны. Но ни Митрофана ни лошадей на дорогѣ не было. Митро-фанъ ли поѣхалъ въ другую сторону отыскивать барина, или самъ Бобровъ заблудился—понять этого Андрей Ильичъ не могъ. Онъ сталъ кричать кучера—никто ему

не откликнулся. Тогда Бобровъ рѣшилъ догнать только-что оставленныхъ рабочихъ и съ этой цѣлью опять повернулся и побѣжалъ, какъ ему казалось, въ прежнюю сторону. Но, странно, рабочіе точно провалились сквозь землю, и вмѣсто нихъ Бобровъ уперся съ разбѣгу въ невысокій деревянный заборъ.

Забору этому не было конца ни вправо ни влево. Бобровъ перелѣзъ черезъ него и сталъ взбираться по какому-то длинному, крутому откосу, поросшему частымъ бурьяномъ. Холодный потъ струился по его лицу, языкъ во рту сдѣлался сухъ и неподвиженъ, какъ кусокъ дерева; въ груди при каждомъ вздохѣ ощущалась острая боль; кровь сильными, частыми ударами била въ темя; ушибленный високъ нестерпимо нылъ...

Ему казалось, что подъемъ безконеченъ, и тупое отчаяніе овладѣвало его душой. Но онъ продолжалъ карабкаться наверхъ, ежеминутно падая, ссаживая колѣни и хватаясь руками за колючіе кусты. Временами ему представлялось, что онъ спитъ и видитъ одинъ изъ своихъ лихорадочныхъ, болѣзненныхъ сновъ. И паническій переполохъ послѣ пикника, и долгое блужданіе по дорогѣ, и безконечное карабканье по насыпи—все было такъ же тяжело, нелѣпо, неожиданно и ужасно, какъ эти кошмары.

Наконецъ откосъ кончился, и Бобровъ сразу узналъ желѣзнодорожную насыпь. Съ этого мѣста фотографъ снималъ наканунѣ, во время молебна, группу инженеровъ и рабочихъ. Совершенно обезсиленный, онъ сѣлъ на шпалу, и въ ту же минуту съ нимъ произошло что-то странное: ноги его вдругъ болѣзненно ослабли, въ груди и въ брюшной полости появилось тягучее, щемящее, отвратительное раздраженіе, лобъ и щеки сразу похолодѣли. Потомъ все повернулось передъ его глазами и вихремъ понеслось мимо, куда-то въ безпредѣльную глубину.

Андрей Ильичъ очнулся отъ обморока по крайней мѣрѣ черезъ полчаса. Внизу, у подножія насыпи, тамъ, гдѣ обыкновенно съ несмолкаемымъ грохотомъ день и ночь работалъ исполинскій заводъ, была необычная, жуткая тишина. Бобровъ съ трудомъ поднялся на ноги и пошелъ по направленію къ доменнымъ печамъ. Голова его была такъ тяжела, что съ трудомъ держалась на плечахъ, больной високъ при каждомъ движеніи причинялъ невыносимую боль. Ощупывая рану, онъ опять почувствовалъ пальцами липкое и теплое прикосновеніе крови. Кровь была также у него во рту и на губахъ: онъ слышалъ ея соленый, металлическій вкусъ. Сознаніе еще не вполнѣ вернулось къ нему, и усиліе вспомнить и уяснить прошедшее причиняло ему сильную головную боль. Острая тоска и отчаянная, безпредметная злоба переполняли его душу...

Утро замѣтно уже близилось. Все было сѣро, холодно и мокро: и земля, и небо, и тощая желтая трава, и безформенныя кучи камня, сваленнаго по сторонамъ дороги. Бобровъ безцѣльно бродилъ между опустѣвшихъ заводскихъ зданій и, какъ это случается иногда при особенно сильныхъ душевныхъ потрясеніяхъ, говорилъ самъ съ собою вслухъ. Ему хотѣлось удержать, привести въ порядокъ разбѣгавшіяся мысли.

— Ну, скажи же, скажи, что мнѣ дѣлать? Скажи, ради Бога, — страстно шепталъ онъ, обращаясь къ кому-то другому, по стороннему, какъ будто сидѣвшему внутри его. — Ахъ, какъ мнѣ тяжело! Ахъ, какъ мнѣ больно!.. Невыносимо больно!.. Мнѣ кажется, я убью себя... Я не выдержу этой муки...

А другой, посторонній, возражалъ изъ глубины его души, также вслухъ, но насмѣшливо-грубо:

— Нѣтъ, ты не убьешь себя. Зачѣмъ передъ собой притворяться?.. Ты слишкомъ любишь ощущеніе жизни

для того, чтобы убить себя. Ты слишком немощенъ духомъ для этого. Ты слишкомъ боишься физической боли. Ты слишкомъ много размышляешь.

— Что же мнѣ дѣлать? Что же мнѣ дѣлать?—шепталь опять Андрей Ильичъ, ломая руки.—Она такая нѣжная, такая чистая—моя Нина! Она была у меня одна во всемъ мірѣ. И вдругъ—о, какая гадость!—продать свою молодость, свое дѣвственное тѣло!..

— Не ломайся, не ломайся; къ чему эти пышныя слова старыхъ мелодрамъ, — иронически говорилъ другой.— Если ты такъ ненавидишь Квашнина, поди и убей его.

— И убью!—закричалъ Бобровъ, останавливаясь и бѣшено подымая кверху кулаки.—И убью! Пусть онъ не заражаетъ больше честныхъ людей своимъ мерзкимъ дыханіемъ. И убью!

Но другой замѣтилъ съ ядовитой насмѣшкой:

— И не убьешь... И отлично знаешь это. У тебя нѣтъ на это ни рѣшимости ни силы... Завтра же опять будешь благоразуменъ и слабъ...

Среди этого ужаснаго состоянія внутренняго раздвоенія наступали минутныя проблески, когда Бобровъ съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя: что съ нимъ, и какъ онъ попалъ сюда, и что ему надо дѣлать? А сдѣлать что-то нужно было непременно, сдѣлать что-то большое и важное, но что именно,—Бобровъ забылъ и морщился отъ боли, стараясь вспомнить. Въ одинъ изъ такихъ свѣтлыхъ промежутковъ онъ увидѣлъ себя стоящимъ надъ кочегарной ямой. Ему тотчасъ же съ необычайной яркостью вспомнился недавній разговоръ съ докторомъ на этомъ самомъ мѣстѣ.

Внизу никого изъ кочегаровъ не было: всѣ они разбѣжались. Котлы давно успѣли охладѣть. Только въ двухъ крайнихъ топкахъ еще рдѣлъ еле-еле каменный уголь... Безумная мысль вдругъ, какъ молнія, мельк-

нула въ мозгу Андрея Ильича. Онъ быстро нагнулся, свѣсилъ ноги внизъ, потомъ повисъ на рукахъ и прыгнулъ въ кочегарку.

Въ кучѣ угля была воткнута лопата. Бобровъ схватилъ ее и торопливыми движеніями принялся совать уголь въ оба топочныя отверстія. Черезъ двѣ минуты бѣлое бурное пламя уже гудѣло въ топкахъ, а въ котлѣ глухо забурлила вода. Бобровъ все бросалъ и бросалъ, лопату за лопатой, уголь; въ то же время онъ лукаво улыбался, кивалъ кому-то невидимому головой и издавалъ отрывистыя, бессмысленныя восклицанія. Болѣзненная, мстительная и страшная мысль, мелькнувшая еще тамъ, на дорогѣ, овладѣвала имъ все болѣе. Онъ смотрѣлъ на огромное тѣло котла, начинавшаго гудѣть и освѣщаться огненными отблесками, и оно казалось ему все болѣе живымъ и ненавистнымъ.

Никто не мѣшалъ. Вода быстро убавлялась въ водомѣрѣ. Клокотаніе котла и гудѣніе топокъ становилось все грознѣе и громче.

Но непривычная работа скоро утомила Боброва. Жилы въ вискахъ стали биться съ горячечной быстротой и напряженностью, кровь изъ раны потекла по щекъ теплой струей. Безумная вспышка энергіи прошла, а внутренній, посторонній голосъ заговорилъ громко и насмѣшливо:

— Ну, что же, остается сдѣлать одно еще движеніе! Но ты его не сдѣлаешь... Basta... Вѣдь все это смѣшно, и завтра ты не посмѣешь даже признаться, что ночью хотѣлъ взрывать паровые котлы.

Солнце уже показалось на горизонтѣ, въ видѣ тусклаго большого пятна, когда Андрей Ильичъ пришелъ въ заводскую больницу.

Докторъ, только-что прервавшій на минуту перевязку

раненыхъ и изувѣченныхъ людей; умывалъ руки подъ мѣднымъ рукомойникомъ. Фельдшеръ стоялъ рядомъ и держалъ полотенце. Увидѣвъ вошедшаго Боброва, докторъ попятился назадъ отъ изумленія.

— Что съ вами, Андрей Ильичъ, на васъ лица нѣтъ, — проговорилъ онъ съ испугомъ.

Дѣйствительно, видъ у Боброва былъ ужасный. Кровь запеклась черными сгустками на его блѣдномъ лицѣ, выпачканномъ во многихъ мѣстахъ угольною пылью. Мокрая одежда висѣла клочьями на рукавахъ и на коленяхъ; волосы падали беспорядочными прядями на лобъ.

— Да говорите же, Андрей Ильичъ, ради Бога, что съ вами случилось? — повторилъ Гольдбергъ, наскоро вытирая руки и подходя къ Боброву.

— Ахъ, это все пустяки... — простоналъ Бобровъ. — Ради Бога, докторъ, дайте морфія... Скорѣе морфія, или я сойду съ ума!.. Я невыразимо страдаю!..

Гольдбергъ взялъ Андрея Ильича за руку, поспѣшно увелъ въ другую комнату и, плотно притворивъ дверь, сказалъ:

— Послушайте, я догадываюсь, что васъ терзаетъ... Повѣрьте, мнѣ васъ глубоко жаль, и я готовъ помочь вамъ... Но... голубушка моя, — въ голосѣ доктора послышались слезы: — милый мой Андрей Ильичъ... не можете ли вы перетерпѣть какъ-нибудь?.. Вы только вспомните, сколько намъ трудовъ стоило побороть эту поганую привычку! Бѣда, если я вамъ теперь сдѣлаю инъекцію... вы уже больше никогда... понимаете, никогда не отстанете.

Бобровъ повалился на широкій клеенчатый диванъ лицомъ внизъ и пробормоталъ сквозь стиснутые зубы, весь дрожа отъ озноба:

— Все равно... мнѣ все равно, докторъ... Я не могу больше выносить.

Докторъ вздохнулъ, пожалъ плечами и вынулъ изъ аптечнаго шкапа футляръ съ правацовскимъ шприцемъ. Черезъ пять минутъ Бобровъ уже лежалъ на клеенчатомъ диванѣ въ глубокомъ снѣ. Сладкая улыбка играла на его блѣдномъ, исхудавшемъ за ночь лицѣ. Докторъ осторожно обмывалъ его голову.

КОНОКРАДЫ.

I.

Вечеромъ, въ срединѣ іюля, на берегу полѣсской рѣчонки Зульни лежали въ густомъ лознякѣ два человека: нищій изъ села Казимирки Описимъ Козель и его внукъ, Василь, мальчишка лѣтъ 13-ти. Старикъ дремалъ, прикрывъ лицо отъ мухъ рваной бараньей шапкой, а Василь, подперевъ подбородокъ ладонями и сощутивъ глаза, разсѣянно смотрѣлъ на рѣку, на теплое, безоблачное небо, на дальній сосновый лѣсъ, рѣзко чернѣвшій среди пожара зари.

Тихая рѣка, неподвижная, какъ болото, вся была скрыта подъ сплошной твердой зеленою кувшинокъ, которыя томно выставляли наружу свои прелестные, бѣлые, непорочные вѣнчики. Лишь на той сторонѣ, у берега, оставалась чистая, гладкая, не застланная листьями полоса воды, и въ ней мальчикъ видѣлъ отраженные съ необыкновенной отчетливостью: и прибрежную осоку, и черный зубчатый лѣсъ, и горѣвшее за нимъ зарево. А на этомъ берегу, у самой рѣки, въ равномъ разстояніи другъ отъ друга стояли древнія, дуплистыя ветлы. Короткія, прямая вѣтки топорщились у нихъ кверху, и сами онѣ — низкія, корявыя, толстыя — походили на приземистыхъ старцевъ, воздѣвшихъ къ небу тощія руки.

Тонкимъ, печальнымъ свистомъ перекликались кулички. Изрѣдка въ водѣ тяжело бултыхалась крупная рыба. Мошкара дрожала надъ водой прозрачнымъ, тонкимъ столбомъ.

Козелъ вдругъ приподнялъ голову съ земли и уставился на Василя оторопѣлымъ, бессмысленнымъ взглядомъ.

— Ты что сказалъ? — спросилъ онъ невнятно, хриплымъ голосомъ.

Мальчикъ ничего не отвѣтилъ. Онъ даже не обернулся на старика, а только медленно, съ упрямымъ, скупающимъ выраженіемъ опустилъ и поднялъ свои длинныя рѣсницы.

— Скоро придутъ, — продолжалъ старикъ, точно разговаривая самъ съ собой. — Треба, пока-что, покурить.

Онъ вяло перевалился на бокъ и сѣлъ на корточки, по-турецки. На обѣихъ рукахъ у него были отрублены всѣ пальцы; за исключеніемъ большого на лѣвой рукѣ, но этимъ единственнымъ пальцемъ онъ ловко и быстро набилъ трубку, придерживая ее культяпкой правой руки о колѣно, досталъ изъ шапки спички и закурилъ. Сладковатый, похожій сначала запахомъ на резеду, дымокъ махорки поплылъ синими струйками въ воздухѣ.

— Что же, ты самъ видѣлъ Бузыгу? — какъ будто нехотя спросилъ Василь, не отводя глазъ отъ зарѣчной дали.

Козелъ вынулъ трубку изо рта и, нагнувшись на сторону, звучно сплюнулъ.

— А какъ же? Извѣстно, самъ... Ухъ, отчаянный челягяга. Совсѣмъ, какъ я въ старые годы. Гуляетъ по цѣлому селу, пья-а-ный-распьяный... какъ ночь!.. Жидковъ-музыкантовъ нанялъ, тѣ попереди его зажариваютъ, а онъ себѣ никакихъ. Въ правой рукѣ платокъ, сапоги въ новыхъ калошахъ, на жилеткѣ серебряная чѣпка.

Пришелъ до Грипы Ковалевой: «Гей, курва, горилки!» Въ стаканъ бросилъ серебрянаго рубля, горилку выпилъ, а деньги музыкантамъ кинулъ. Хлопцы за нимъ такъ чередой и ходять, такъ и' ходять... Косятся, какъ тѣ собаки на волка, но а ни-ни! Ничего не могутъ, только зубами на него клямкають.

— О? — воскликнулъ съ восторженнымъ недоумѣемъ мальчикъ.

— Обыкновенно... А ему что? О-го-го!.. Ему плевать на нихъ. Я твоихъ коней не кралъ? — значить, и ты до меня не цѣпляйся. Отъ, если бы я твои кони укралъ, да ты бы словилъ меня, — ну, тогда твой верхъ: имѣешь полное право бить. А то — нѣ-ѣтъ, шалишь... Это не проходитъ.

Мальчикъ молча глядѣлъ на рѣку. На ней уже начали покрикивать, сперва изрѣдка, точно лѣниво, звонкіе лягушечьи голоса. Вечерній туманъ дымился въ камышѣ и легкимъ, какъ кисея, паромъ вился надъ водой. Небо потемнѣло и позеленѣло, и на немъ яснѣе выступилъ незамѣтный до сихъ поръ полукругъ молодого мѣсяца.

— Козель, а правду говорятъ, что у Бузыги ребра двойныя? — спросилъ задумчиво Василь. — Что будто его никогда убить нельзя? Правда тому?

— Истинная правда. Какъ же иначе? У него всѣ ребра срослись, до самаго пуна. Такого, какъ Бузыга, хоть чѣмъ хочешь бей, а ужъ печенокъ ты ему, братъ, нѣ-ѣтъ... не отобьешь. Потому что у него, печенки къ ребрамъ приросли. А у человѣка печенки—это первая штука. Если у человѣка отбиты печени, то тому человеку больше не жить. Заслабнетъ, начнетъ харкать кровью: ни ѣсть ни пить не можетъ, а тамъ и дуба дастъ...

Мальчикъ пощупалъ свою грудь, тонкіе бока, впалый животъ и протяжно вздохнулъ.

— А то еще, вотъ, говорятъ, что двойная спина бываетъ... какъ у лошадей, — сказалъ онъ печально. — Правда это, Козель?

— Это тоже правда. Бываетъ.

— А у Бузыги?

— Что у Бузыги?

— У него тоже двойная спина?

— Ну, ужъ этого я не знаю. Не могу сказать.

— Я думаю, у него тоже двойная...

— Все можетъ быть, — покачалъ головой старикъ. — Все можетъ быть... Главное, Бузыга — онъ хитрый на голову. О-го-го! Это такой человекъ! Въ Шепелевкѣ онъ разъ попался... Хотя, скажемъ, и не попался, а выдалъ его одинъ хлопецъ. Изъ-за бабы у нихъ зашло. Накрыли его съ конями въ полѣ... Было это вечеромъ. Ну, обыкновенно, привезли въ хату, зажгли огня и стали бить. Всю ночь били на-смерть, чѣмъ попало. Мужики, если бьютъ, такъ ужъ у нихъ, известно, такой законъ, чтобы каждый билъ. Дѣтей, бабъ приводятъ, чтобы били. Чтобы, значить, потомъ всей громадѣ за разъ отвѣчать. Вотъ, бьютъ они его, бьютъ, — устанутъ, давай горилку возлѣ него пить, отдышутся трошки — опять бьютъ. А Митро Гундосый видитъ, что Бузыга ужъ ледве дышаетъ, и говоритъ: «Почекайте, хлопцы, какъ бы злодѣй у насъ не кончился. Заждите, я ему воды дамъ». Но Бузыга — онъ хитрый — онъ знаетъ, что если человеку послѣ такого боя дать воды напиться, то тутъ ему и смерть. Справился онъ какъ-то и просить: «православные христьяне, господа громада, какъ бы вы мнѣ поднесли одну пляшечку горилки, а тамъ хоть снова бейте. Чую я, что конецъ мой подходитъ, и мнѣ хочется передъ смертью въ опущный разъ попробовать вина». Тѣ засмѣялись, дали ему склянку. Потомъ уже больше не мучили — все равно, видятъ, человекъ и самъ помираетъ, — а отвезли

его въ Басовъ Кутъ и бросили, какъ то стерво. Думали, тамъ и кончится. Однако ничего: не поддакъ Левонтій, выдыхалъ... Черезъ два мѣсяца у Митра Гундосаго пара коней сгинула. Добрые были копи...

— О! Это Бузыга? — радостно вскрикнулъ мальчикъ.

— Кто бы ни былъ, не наше дѣло, — значительно и злобно возразилъ Козель. — Приходилъ послѣ того Гундосый до Бузыги, въ ногахъ у него валялся, ноги ему цѣловалъ. «Возьми гроши, только укажи, гдѣ кони. Ты знаешь!» А тотъ ему отвѣчаетъ: «ты бы, Митро, воды пошелъ напился». Вотъ онъ какой Бузыга!..

Старый нищій замолчалъ и сталъ съ ожесточеніемъ насасывать трубку. Она сочно хрипѣла, но не давала уже больше дыму. Козель вздохнулъ, выколотилъ трубку о свою босую подошву и спряталъ ее за пазуху.

Лягушки заливались теперь со всѣхъ сторонъ. Казалось, что весь воздухъ дрожалъ отъ ихъ страстныхъ, звенящихъ криковъ, которыми вторили глухіе, болѣе рѣдкіе, протяжные стоны большихъ жабъ. Небо изъ зеленаго сдѣлалось темно-синимъ, и луна сіяла на немъ, какъ кривое лезвее серебряной алебарды. Заря погасла. Только у того берега, въ чистой рѣчной заводи, рдѣли длинныя кровавыя полосы.

— Козель, я, когда вырасту, тоже буду коней красть! — произнесъ вдругъ тихимъ, горячимъ шопотомъ мальчикъ. — Не хочу милостыню собирать. Я буду, какъ Бузыга.

— Тсс... постой... — встрепенулся старикъ. Онъ поднялъ кверху свой страшный палецъ и, наклонивъ голову на бокъ, внимательно прислушался. — Идутъ!

Василь быстро вскочилъ на ноги. Въ густой заросли ивняка чуть слышно шлепала вода подъ чьими-то шагами. Мужскіе голоса говорили глухо и монотонно.

— Гукни, Василь, — приказалъ старикъ. — Только не швидко.

— Гопъ-гопъ! — крикнулъ мальчикъ сдавленнымъ отъ волненія голосомъ.

— Гопъ! — коротко отозвался издали сдержанный, спокойный басъ.

II.

Кудрявые верхушки лозняка закачались, раздвигаемые осторожной рукой. Изъ кустовъ на притоптанное, сухое мѣстечко, гдѣ дожидались нищій и мальчикъ, безшумно вынырнулъ, согнувшись вдвое, коротконогій, бородатый, неуклюжій съ виду мужичонка въ рваной коричневой свиткѣ. Прямые, жесткіе волосы падали у него изъ-подъ капелюха на брови, почти закрывая черные косые глаза, глядѣвшіе мрачно и недовѣрчиво исподлобья. Голову онъ держалъ наклоненной внизъ и немного на бокъ, по-медвѣжьи, и когда ему приходилось посмотреть въ сторону, то онъ не поворачивалъ туда шею, а медленно и неловко поворачивался всѣмъ тѣломъ, какъ это дѣлаютъ люди кривошеи или больные горломъ. Это былъ Акимъ Шпакъ, извѣстный пристанодержатель и укрыватель краденаго. Онъ же указывалъ вѣрныя мѣста для дѣла и «подводилъ» конокрадамъ лошадей.

Шпакъ пристально, съ враждебнымъ видомъ оглядѣлъ старика и мальчика и, затоптавшись на мѣстѣ, повернулъ назадъ свое несуразное тѣло съ неподвижной шеей.

— Бузыга, сюда! — сказалъ онъ сипло.

— Здѣсь! — весело, по-солдатски отвѣтилъ низкій, самоувѣренный голосъ. — Бывайте здоровенькіе, панове злѣди.

На прогалину вышелъ рослый рыжій человекъ, въ городскомъ платьѣ и высокихъ щегольскихъ сапогахъ. Онъ

протянулъ было руку Козлу, но, замѣтивъ свою ошибку, тотчасъ же спохватился.

— А, чортъ... Я забылъ, что тебѣ нечѣмъ здороваться, — сказалъ онъ небрежно. — Ну, здравствуй такъ. А это тотъ самый хлопецъ, про котораго говорили? — показалъ онъ на Василя.

— Тотъ, тотъ, — поспѣшно закивалъ головой старый нищій. — О, это такой проворный хлопецъ... все равно, какъ пуля. Что жъ, сѣдай, Левонтій?

— Сяду — гостемъ буду; угощу горилкой — хозяиномъ буду, — равнодушно пошутилъ Бузыга, опускаясь на землю. — Акимъ, достань тамъ, что есть.

Акимъ вынулъ изъ холщевой торбы полштофъ водки, нѣсколько каленыхъ темныхъ яицъ, половину большого хлѣба и положилъ все это на траву, подлѣ Бузыги. Козель жадно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ и своимъ единственнымъ пальцемъ нервно теребилъ сѣдой подстриженный лусъ.

— А я ужъ думалъ, что не придешь ты, — сказалъ старый нищій, обративъ лицо къ Бузыгѣ, но не отрывая глазъ отъ рукъ Акима. — Видѣлъ я тебя днемъ въ Березной... пьянѣй вина... Ну, думаю, не придетъ вечеромъ Бузыга. Куда ему... Х-ха! А по тебѣ и не видно. — Меня горилка не беретъ, — вяло уронилъ Бузыга. — Прикидывался я. Да и спалъ до вечера.

— У Грипы спалъ?

— А тебѣ что? Ну, у Грипы.

— Нѣтъ, я такъ, ничего... Любятъ тебя бабы.

— А чортъ ихъ дери. Пускай любятъ, — равнодушно пожалъ плечами Бузыга. — Или тебѣ завидно?

— Гдѣ ужъ мнѣ! Я забылъ, какъ и думаютъ про это... Небось, не пускала она тебя?

— Еще бы! Меня не пустишь!.. — Бузыга прищурился и самоувѣренно мотнулъ подбородкомъ вверхъ. — Пей

лучше горилку, старый. Ты, я вижу, все около чего-то крутишься. Спросилъ бы прямо.

— Чего мнѣ спрашивать? Мнѣ нечего спрашивать. Я просто такъ... Пью до васъ, пане Бузыга. Бывайте здоровенькіе, пошли вамъ Богъ успѣха во всѣхъ дѣлахъ вашихъ. — Старикъ ухватилъ своимъ пальцемъ, какъ подвижнымъ крючкомъ, горлышко бутылки и дрожащей рукой поднесъ его ко рту. Долго цѣдилъ онъ по каплямъ сквозь зубы водку, потомъ передалъ бутылку Бузыгѣ, утерся рукавомъ и спросилъ съ дѣланной развязностью:

— Пытала она тебя, куда собрался?

— Кто?

— Да Грипа же.

Бузыга внимательно и серьезно поглядѣлъ старику въ лобъ.

— Спрашивала. Ну? — протяжно произнесъ онъ, сдвигая брови.

— Да я же... Да, Господи... я просто такъ себѣ... Я же знаю, что ты все равно не скажешь...

— Вы бы заткнулись лучше, дядько Козель, — вѣско посоветовалъ, глядя куда-то вбокъ, молчаливый Акимъ.

— Ой, хитришь ты, старая собака, — сказалъ Бузыга, и въ его сильномъ голосѣ дрогнули, неожиданно прорвавшись, какіе-то звѣриные звуки. — Смотри, братъ, — тебѣ Бузыгу не учить. Когда Бузыга сказалъ, что онъ въ Крешевѣ, то, значить, его будутъ шукать въ Филипповичахъ, а Бузыга тѣмъ часомъ въ Степани на ярмаркѣ коней продаетъ. Тебѣ Шпакъ правду говоритъ: лучше молчи.

Во все время, пока Бузыга говорилъ, Василь не сводилъ съ него пристальнаго и тревожнаго взгляда. Въ наружности конокрада не было ничего необыкновеннаго. Его большое, изрытое оспой лицо, съ крутыми, рыжими солдатскими усами, было неподвижно и казалось скучающимъ. Маленькіе голубые глаза, окруженные бѣлыми

рѣсницами, смотрѣли сонно, и только въ самую послѣднюю минуту въ нихъ зажглось странное — острое и жестокое выраженіе. Движенія у него были медленныя, лѣнныя и какъ будто рассчитанныя на то, чтобы тратить на нихъ наименьшія усилія, но его могучая, круглая шея, выступавшая изъ косога ворота рубашки, длинныя руки съ огромными рыжеволосыми кистями, наконецъ широкая, свободно согнувшаяся спина — говорили о тѣлесной силѣ необычайныхъ размѣровъ.

Подъ вліяніемъ упорнаго взгляда мальчика, Бузыга невольно повернулъ къ нему голову. Глаза его сразу погасли, и лицо сдѣлалось равнодушнымъ.

— Ты что на меня задивился, хлопчикъ? — спросилъ онъ спокойно. — Какъ тебя зовутъ?

— Василь, — отвѣтилъ мальчикъ и тотчасъ же откашлялся: такимъ слабымъ и свистящимъ показался ему собственный голосъ.

Козель угодливо хихикнулъ.

— Хе-хе-е! Ты его, Бузыга, спроси, что онъ будетъ дѣлать, когда подрастетъ? Передъ тобой мы съ нимъ балакали. Не хочу, говорить, Христа ради просить, какъ ты. А я, говорить, буду, какъ Бузыга... Я ужъ съ него смѣялся, ажъ боки рвалъ! — совралъ для чего-то Козель.

Мальчикъ быстро повернулся къ дѣду. Его большіе сѣрые глаза потемнѣли, расширились и загорѣлись гнѣвомъ.

— Ладно. Молчи ужъ, — сказалъ онъ грубо, срывающимся дѣтскимъ басомъ.

— Ахъ, ты, подсвинокъ! — воскликнулъ съ удивленіемъ и съ неожиданной лаской въ голосѣ Бузыга. — А ну-ка, ходи ко мнѣ. Горилку пьешь?

Онъ поставилъ Василя между своими колѣнами и большими, сильными руками плотно обнялъ его тонкое тѣло.

— Пью! — храбро отвѣтилъ мальчикъ.

— Эге, съ тебя добрый воряга будеть. Ну-ка, тятни.

— Какъ бы не завредило? — съ лицемѣрной заботливостью замѣтилъ Козель, жадно глядя на бутылку.

— Молчи, старый лисъ. Останется и тебѣ, — успокоилъ его Бузыга.

Василь сдѣлалъ большой глотокъ и закашлялся. Что-то отвратительное на вкусъ, горячее, какъ огонь, обожгло ему горло и захватило дыханіе. Нѣсколько минутъ онъ, какъ рыба, вытащенная изъ воды, ловилъ открытымъ ртомъ воздухъ и страшно хрипѣлъ. Изъ глазъ у него покатались слезы.

— Отъ такъ. Теперь садись, казакъ, промежъ казаками, — сказалъ Бузыга и легонько оттолкнулъ отъ себя Василя. И, точно сразу забывъ о мальчикѣ, онъ равнодушно заговорилъ съ Козломъ.

— Давно я собираюсь тебя спросить, гдѣ ты свои пальцы загубилъ? — медленно ронялъ Бузыга низкіе, лѣнивые звуки.

— Случай былъ такой, — съ притворной неохотой отвѣтилъ нищій. — Вышла гисторія изъ-за коней.

— Слыхалъ, что изъ-за коней... Ну?

— Ну, вотъ... Да тутъ нема ничего интереснаго, — мямлилъ Козель, протягивая слова. Ему чрезвычайно хотѣлось подробно и долго поговорить объ этомъ страшномъ случаѣ, разрѣзавшемъ пополамъ всю его жизнь, и онъ нарочно настраивалъ вниманіе слушателей. — Тридцать лѣтъ назадъ это было. Можетъ-быть, теперь нема и на свѣтѣ того человѣка, который мнѣ это сдѣлалъ. Былъ онъ нѣмецъ. Колонистъ...

Василь лежалъ на спинѣ. Всему его тѣлу становилось тепло и какъ-то необыкновенно, до смѣшного легко, а передъ глазами заройлось безчисленное множество крошечныхъ свѣтлыхъ точекъ. Около него что-то говорили, двигались чьи-то руки и головы, надъ нимъ тихо

колебались низкія, черныя вѣтви какихъ-то кустовъ - и простиралось темное небо, но онъ видѣлъ и слышалъ все это, не понимая, какъ будто не онъ, а кто-то чужой ему лежалъ здѣсь, на травѣ, въ густомъ лознякѣ. Потомъ онъ вдругъ съ удивительной ясностью услышалъ голосъ стараго нищаго, и сознание вернулось къ нему съ новой обостренной силой и съ неожиданнымъ, глубокимъ вниманіемъ къ окружающему. И рассказъ, который онъ слышалъ отъ Козла, по крайней мѣрѣ, разъ тридцать, снова наполнилъ его душу любопытствомъ, волненіемъ и ужасомъ.

III.

— ...Гляжу, у корчмы привязана до столба пара коней, — рассказывалъ Козель пѣвучимъ, жалобнымъ голосомъ. — Сразу я по хургону призналъ, что кони нѣмецкіе: колонисты завсегда въ такихъ хургонахъ ѣздютъ. Ну жъ, и кони были! Сердце у меня въ грудяхъ заходило... О-го-го! Я толкъ понимаю въ коняхъ. Стоять оба два, какъ тѣ лялечки, ножки въ землю вросли, ушки маленькія, торчкомъ, глазомъ косятъ на меня, какъ звѣрюки... И не то, чтобы очень изъ себя видные, нѣтъ — не панскіе кони, но ужъ мнѣ-то отъ разу видно, что они за два. Такіе кони тебѣ пробѣгутъ хоть сто верстъ — и ничего имъ не станетъ. Вытри имъ только морду сѣномъ, дай воды по корду и ѣзжай опять дальше. Ну, что тамъ толковать! Я скажу одно: вотъ нехай сейчасъ придетъ ко мнѣ Господь Богъ, альбо самъ святой Юрко, и нехай онъ скажетъ мнѣ: «слухай, Онисиме, на тебѣ назадъ твои пальцы, но чтобы ты больше никогда не смѣлъ коней красть»... Такъ что ты думаешь, Бузыга? Вѣдь я бы тѣхъ коней опять увелъ. Накажи меня Богъ, увелъ бы...

— Что же дальше? — перебилъ его Бузыга.

— Сейчасъ будетъ дальше. Акимъ; сверни-ка мнѣ по-

курить. Да... Ходилъ я, ходилъ округъ того хургона, мабуть цѣлую половину часа ходилъ. Главное, я тебѣ скажу — что? Главное, что человекъ никогда своего времени не знаетъ. Коли бы я ихъ сразу отвязалъ да поѣхалъ — все бы у меня сошлось ладно. Дорога все время лѣсомъ, ночь темная, грязюка, вѣтеръ... чего бы лучше. А я заробѣлъ. Толкусь возлѣ коней, какъ дурень, а самъ все думаю: «Эхъ, упустилъ я свой часъ! Выйдетъ нѣмецъ изъ корчмы, и всему конецъ». Потомъ снова похожу-похожу и снова думаю: «Эхъ, и опять потерялъ я время задаромъ! — теперь ужъ и совсѣмъ нельзя». И все чего-то я робѣю и самъ не знаю, съ чего...

— Надо сразу, — рѣшительно молвилъ Бузыга.

— Ахъ, Левонтій, Левонтій, отчего тебя тогда со мной не было? — со страстной укоризной воскликнулъ Козель. — Ну, да что тамъ!.. Тебя еще и на свѣтѣ тогда не было... Да. Такъ я, значить, и ходилъ округъ тѣхъ лошадей и того хургона и все боялся. Можетъ-быть, оттого это такъ вышло, что былъ я тогда трезвый и голодный... развѣ я знаю? Сначала все марудился безъ толку, а потомъ — точно меня по потылицѣ ударили сзади — кинулся я до коней, распуталъ вожжи, сталъ колокольцы подвязывать... — Только вдругъ — хлопъ! — выходитъ изъ корчмы той самый нѣмецъ, въ шапкѣ, съ кнутомъ. Увидѣлъ меня и кричитъ съ лѣстницы: «Эй, ты, сукинъ котъ, что ты тамъ около коней околачиваешься? Украсть хочешь?» Я ему отвѣчаю: «Зачѣмъ же мнѣ твою худобу красть? Своей у меня, что ли, нѣтъ? Ты меня поблагодари, говорю, что я твоихъ коней до столба привязалъ, а то утекли бы». — «Ладно, говорить, знаемъ мы, какъ вы привязываете. Пошелъ вонъ, свинья!» Ну, я, конечно, отошелъ въ сторону, спрятался по-за корчму и стою. Зло меня взяло, ажъ трясусь весь. «Нѣтъ, думаю, этого я тебѣ такъ не оставлю».

— Понятно. Развѣ же можно простить? — увѣренно подтвердилъ Бузыга. — Я бы, хоть черезъ годъ, а увелъ у него коней.

— Нѣтъ, Бузыга, не увелъ бы! — съ глубокимъ убѣжденіемъ возразилъ Козель. — У этого нѣмца и ты бы не увелъ. Ты стой, не сердись... Ты послушай, что дальше было. Сховался я за корчмой и смотрю. Вотъ нѣмецъ покрутился возлѣ хургона и кричитъ. «Лейба, неси сюда овесъ!» Лейба, корчмарь, вынесъ ему четверть и спрашиваетъ: «А отчего бы вамъ у меня въ корчмѣ не заночевать? Коней бы покормили». А тотъ говоритъ: «Нѣтъ, спасибо вамъ, мнѣ нема часу, дуже далеко ѣхать. А коней, говоритъ, я въ лѣсу покормлю, у Волчьяго Разлога. До свиданья вамъ». — «До свиданья». — Сѣлъ колонистъ въ хургонъ и поѣхалъ. Я за нимъ. До Мысловой онъ шибко гналъ рысью, но я дорогу зналъ добре, пустился тропкой черезъ казенный лѣсъ напрямки. Вышелъ на шляхъ, сѣлъ въ канаву, гляжу — ѣдетъ нѣмецъ шагомъ. Даль я ему проѣхать впередъ — пошелъ за нимъ слѣдомъ. Онъ коней въ бѣгъ пустить — и я бѣгу, онъ шагомъ — и я шагомъ. О-го-го! Двадцать пять лѣтъ тогда мнѣ было. Былъ я хлопецъ крѣпкій, не хуже тебя, Бузыга. Что ты думаешь: тридцать верстовъ я за нимъ отодралъ — до самого Волчьяго Разлога. По правдѣ сказать, не надѣялся я, что онъ станетъ на ночь въ лѣсу, какъ говорилъ. Думалъ: нарочно это онъ мнѣ баки забиваетъ, чтобы сбить меня. Но гляжу — нѣтъ, — и въ самдѣлѣ свертаетъ со шляха въ лѣсъ, на поляну. Разнуздалъ коней, все какъ слѣдуетъ быть, оглобли у хургона кверху поднялъ. А я пролѣзъ на животъ, какъ та гадюка, легъ за кустомъ и все вижу. Потому что ночью, если съ горы смотрѣть, то ничего не увидишь, а въ гору все видно...

— Знаемъ, — нетерпѣливо сказалъ Бузыга. — Ну?..

— Потомъ, гляжу, онъ надѣлъ конямъ на ноги путы. Путы желѣзныя, я ужъ издали слышу, какъ ляскаютъ. «Эге-ге, думаю, — значить, ты тутъ и вправду заночуешь». Лежу... А холодно! А вѣтеръ!.. Зубы у меня такъ и стукотятъ. Но ничего, скрѣпился я, жду. Вижу, полѣзь нѣмецъ въ хургонъ, поворошился тамъ трошки и затихъ. Много времени прошло, можетъ, часъ, а можетъ, два; развѣ я знаю? Сталъ я понемногу подниматься. Думаю: спить нѣмецъ, или только такъ, дурака валяетъ? Взялъ грудку земли, бросилъ впередъ. Нѣмецъ — а ни муръ-муръ. А у меня на него злоба такъ и кипить. Вспомню, какъ онъ меня обругалъ — ажъ зубами заскриплю. Поднялся я, сѣлъ на корячки, гляжу, а оба кони прямо на меня шкандыбаютъ, одинъ попереди, другой сзади. Останоятся, пощиплютъ траву, скубнутъ съ куста сухой листикъ, и снова — трюхъ-трюхъ — и все на меня. А меня, я тебѣ скажу, Бузыга, никакой конь ночью не испугается. Потому что есть такое слово...

— Знаю. Враки! — сердито возразилъ конокрадъ. — Говори дальше.

— Ну, все равно, какъ хочешь... Подошли ко мнѣ кони такъ близко, что до морды только руку протянуть. Я имъ сейчасъ: шш... о-о! милый!.. Огладилъ одного конька — ничего... дается... Сталъ я ему желѣзку распиливать. Напилокъ всегда при мнѣ былъ. Пилю-пилю, самъ все поглядываю: что нѣмецъ? Рѣшилъ я тогда второго коня не брать: дуже тяжело пилить приходилось, желѣзки были новыя, толстыя, да и думаю: все равно — онъ меня на одномъ конѣ не догонить. Перепилилъ я одинъ пруть до середины. Сталъ пробовать, могу ли разломать. Напружился я, стараюсь со всѣхъ силъ... вдругъ кто-то меня сзади торкъ въ плечо. Обернулся я, а около меня нѣмецъ. Какъ онъ ко мнѣ подобрался? — чортъ его вѣдаетъ. Стоитъ и зубы оска-

лилъ, точно смѣется. «А ну-ка, говоритъ, пойдѣмъ со мной. Я тебя научу, какъ коней воруютъ». У меня отъ страха ноги отнялись и языкъ въ ротъ какъ присохъ. А онъ взялъ меня подъ мышку, поднялъ съ земли.

— А ты что же?—со злобой крикнулъ Бузыга.

Старикъ скорбно развелъ своими изуродованными руками.

— Не знаю,—сказалъ онъ тихо.—Вотъ пускай меня Богъ покараетъ, — до сего часу не знаю, что онъ со мной сдѣлалъ. Маленькій былъ такой нѣмчикъ, ледащій, всего мнѣ по плечо, а взялъ меня, какъ дитину малую, и ведетъ. И я, братъ, иду. Чую, что не только утечь отъ него—куда тамъ утечь!—поворохнуться не могу. Зажалъ онъ меня, какъ коваль въ тиски, и тащитъ. Почему я знаю, можетъ, это совсѣмъ и не человѣкъ былъ?

«Дошли мы до хургона. Одной рукой онъ меня держитъ, а самъ нагнулся надъ хургономъ и что-то лапаетъ. Думаю я: «Что онъ будетъ дѣлать?» А онъ поискалъ и говоритъ: «Нѣтъ, должно-быть, не здѣсь». Опять за руку повелъ меня вокругъ хургона. Зашелъ съ другой стороны, полапалъ-полапалъ и вытаскиваетъ топоръ. «Вотъ онъ, говоритъ. Нашелъ. Ну, теперъ, говоритъ, ложи руку на драбину». Тихо такъ говоритъ, безъ гнѣва. Понялъ я тогда, что онъ хочетъ мнѣ руку рубить. Затрясся я весь, заплакалъ... А онъ мнѣ говоритъ: «Не плачь, это не долго»...

«Стою я, какъ тотъ быкъ подъ обухомъ, сказать ничего не могу, а только дрожу. Взялъ онъ мою руку, положилъ на полудрабокъ—хрясь! «Не воруй, говоритъ, коней, коли не умѣешь». Три пальца сразу отсѣкъ. Одинъ отскочилъ, въ лицо мнѣ ударился. А онъ опять—хрясь! хрясь! — и самъ все приговариваетъ: «не воруй, коли не умѣешь, не воруй чужихъ коней»... Потомъ велитъ онъ мнѣ дать другую руку. Я его, какъ малое дитя, слу-

хаюсь, ложу и лѣвую руку. И снова онъ мнѣ говоритъ: «Не воруй коней», и хррясь топоромъ!.. Отсѣкъ онъ мнѣ всѣ пальцы, оставилъ только одинъ, вотъ этотъ, — Козель протянулъ впередъ свою изуродованную руку съ торчащимъ вверхъ большимъ пальцемъ. — Посмотрѣлъ на него, посмотрѣлъ и говоритъ: «Ну, говоритъ, все равно ты этимъ пальцемъ лошадей красть не будешь, развѣ что другому вору поможешь. Дарю его тебѣ, чтобы ты имъ шилъ, ѣлъ, трубку закуривалъ, и чтобы обо мнѣ всегда помнилъ».

«Кровь такъ и хлестала изъ меня... жжжи!.. въ девять ручьевъ бѣгла. Не выдержалъ я. Стало мнѣ такъ тошно, такъ скверно... А онъ взялъ меня, какъ котенка, за воротъ, сгрѣбъ и понесъ. Стояла тутъ большая калюжа. Ночь была холодная—страсть! Ажъ воду сверху затянуло льдомъ. Притащилъ меня нѣмецъ къ той калюжѣ, разбилъ сапогомъ ледъ и велитъ мнѣ сунуть руки въ воду. Послушался его—сразу мнѣ стало легче. А онъ мнѣ говоритъ: «Такъ и сиди, говоритъ, до утра. Вынешь руки—тебѣ же хуже будетъ». Съ этими словами отошелъ отъ меня, словилъ коней, запрягъ и уѣхалъ. Тогда я себѣ думаю: «дойду до фершала»... Вынулъ руки—да какъ закричу на весь лѣсъ! Больно въ пальцахъ, будто ихъ огнемъ пекутъ, а руки такъ и сводитъ въ суставахъ. Я опять ихъ въ воду—ничего, отпускаетъ, полегче стало... Такъ я—правду нѣмецъ сказалъ—и просидѣлъ до утра. Выну руки—ну, просто гвалтъ, вытерпѣть невозможно, опущу въ воду—проходитъ боль. Къ утру я совсѣмъ закоченѣлъ, а вода стала въ калюжкѣ красная, какъ кровь. Ёхалъ мимо посесоръ изъ Нагорной, такъ онъ забралъ меня въ шарабанъ и привезъ въ больницу. Перевязали меня тамъ, вылѣчили, подкормили, а черезъ мѣсяць и на волю пустили. И на кой чортъ!—воскликнулъ онъ со страстной горечью.—Въ сто разъ

лучше было бы для меня тамъ и околѣть въ Волчьемъ Разлогѣ!..»

Онъ замолчалъ и весь согнулся, низко опустивъ голову. Нѣсколько минутъ конокрады сидѣли, не говоря ни слова, не двигаясь. Вдругъ Бузыга содрогнулся всѣмъ тѣломъ, точно просыпаясь отъ какихъ-то страшныхъ грезъ, и шумно вздохнулъ.

— Что же ты сдѣлалъ потомъ съ этимъ пѣмцемъ? — спросилъ онъ сдержаннымъ, но вздрагивающимъ отъ злобы голосомъ.

— А что бы я могъ сдѣлать съ нимъ? — печально спросилъ въ свою очередь Козель. — Что бы ты на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ?

— Я бы!.. Я бы!.. У-у-у!.. — зарычалъ Бузыга, яростно царапая пальцами землю. Онъ задыхался отъ гнѣва, и глаза его свѣтились въ темнотѣ, какъ у дикаго звѣря. — Я бы его соннаго зарѣзалъ... Я бы ему зубами глотку перервалъ!.. Я бы...

— Ты-ы бы! — съ горькой усмѣшкой перебилъ его Козель. — А какъ бы ты его нашелъ? Кто онъ? Гдѣ онъ живетъ? Какъ его звать? Можетъ, это и не человѣкъ совсѣмъ былъ...

— Брехня! — медленно произнесъ молчавшій до сихъ поръ Акимъ Шпакъ. — На свѣтѣ нема никого — ни Бога ни чорта...

— Все одно! — воскликнулъ Бузыга, стукнувъ кулакомъ о землю. — Все одно: я бы тогда сталъ безъ разбору всѣхъ колонистовъ подпаливать. Скотъ бы ихній портилъ, дѣтей бы ихнихъ калѣчилъ... И до самой смерти бы такъ!..

Козель тихо засмѣялся и еще ниже опустилъ голову.

— Эхъ, бра-ать, — протянулъ онъ съ ядовитой укоризной. — Хорошо подпаливать съ десятью пальцами... А когда у тебя всего одинъ остался, — старикъ опять ткнулъ

впередъ свои ужасные обрубки: — тогда тебѣ и дорога одна — на церковную паперть, со слѣпцами и калѣками...

И онъ вдругъ запѣлъ старческимъ, дребезжащимъ голосомъ мрачныя слова древней нищенской пѣсни:

Ой, лихо мни, лихо у-о-о-гому...
Сотворите милостыню, Христа ра-а-а-ди...
Благодѣтели вы на-а-ши...
Ой, сидимъ мы, безногіе, безру-у-у-кіе,
Калики злосчастные край доро-о-ози-и...

Онъ мучительнымъ крикомъ, фальшиво оборвалъ пѣсню, уткнулъ голову между поднятыми вверхъ колѣнями и глухо зарыдалъ.

Никто не произнесъ больше ни слова. На рѣкѣ, въ травѣ и въ кустахъ, точно силясь перегнать и заглушить другъ друга, неумолчно кричали лягушки. Полу-круглый мѣсяцъ стоялъ среди неба—ясный, одинокій и печальный. Старыя ветлы, зловѣще темнѣвшія на ночномъ небѣ, съ молчаливой скорбью подымали вверхъ свои узловатыя, изсохшія руки...

IV.

Тяжелые, частые шаги слышались въ лознякѣ, съ той стороны, откуда недавно пришли Бузыга съ Акимомъ. Кто-то торопливо бѣжалъ черезъ чащу, шлепая безъ разбора по водѣ и ломая на своемъ пути сухія вѣтки. Конокрады насторожились. Акимъ Шпакъ сталъ на колѣни. Бузыга оперся руками о землю, готовый каждую секунду вскочить и броситься впередъ.

— Кто это?—шопотомъ спросилъ Василь.

Никто ему не отвѣтилъ. Грузные шаги раздавались все ближе. Среди всплесковъ воды и треска вѣтвей уже слышалось чье-то сильное, хриплое и свистящее ды-

ханіе. Бузыга быстро сунулъ руку за голенище, и передъ глазами Василя блеснула сталь ножа.

Шумъ шаговъ внезапно прекратился. Наступилъ моментъ удивительной, глубокой тишины. Даже исполошенныя лягушки перестали кричать. Что-то огромное, тяжеловѣсное затопталось въ кустахъ, свирѣпо фыркнуло и засопѣло.

— Эге, да это кабанъ,—сказалъ Бузыга, и всѣ вздрогнули отъ его громкаго голоса.—До воды пришелъ.

— И то правда,—согласился Шпакъ, спокойно валясь на землю.

Кабанъ еще разъ негодующе фыркнулъ и кинулся назадъ. Долго было слышно, какъ хрустѣлъ онъ кустами въ своемъ могучемъ бѣгѣ. Потомъ все стихло. Лягушки, точно раздраженныя минутной помѣхой, закричали съ удвоенной силой.

— Когда пойдешь, Бузыга?—спросилъ старикъ.

Бузыга поднялъ голову и внимательно посмотрѣлъ на небо.

— Рано еще,—сказалъ онъ, зѣвая.—Пойду передъ утромъ. Къ зарѣ мужики спятъ, какъ куры...

Сонъ понемногу охватывалъ Василя. Земля заколыхалась подъ нимъ вверхъ и внизъ и медленно поплыла куда-то въ сторону. На мгновеніе мальчикъ увидѣлъ, съ трудомъ открывая глаза, темныя фигуры трехъ людей, безмолвно сидѣвшихъ другъ возлѣ друга, но онъ уже не зналъ, кто они и зачѣмъ они сидятъ такъ близко около него. Изъ кустовъ, гдѣ тѣснились, гнѣвно сопя и фыркавая, дикіе кабаны, вдругъ вышелъ сынъ церковнаго старосты—Зицька, заемѣялся и сказалъ: «Василько, вотъ лошади, поѣдемъ». И они сѣли вдвоемъ на маленькія санки и понеслись съ пріятной быстротой въ темнотѣ, по узкой, бѣлой, беззвучной дорожкѣ, между высокими соснами. Сзади бѣжалъ дѣдушка, онъ махалъ своими обрублен-

ными руками и не могъ ихъ догнать, и это было необыкновенно смѣшно и радостно. Въ гривы и въ хвосты лошадей были вплетены бубенчики, и на вѣткахъ темныхъ сосенъ висѣли бубенчики—со всѣхъ сторонъ доносился ихъ однообразный, торопливый и веселый звонъ... Потомъ Василь съ размаху быстро въѣхалъ въ какую-то темную, мягкую стѣну—и все исчезло...

Онъ проснулся отъ холодной сырости, которая забралась ему подъ одежду и трясла его тѣло. Стало темнѣе, и поднялся вѣтеръ. Все странно измѣнилось за это время. По небу быстро и низко мчались большія, пухлыя; черныя тучи, съ растрепанными и расщипанными бѣлыми краями. Верхушки лозняка, спутанныя вѣтромъ, суетливо гнулись и вздрагивали, а старыя ветлы, вздѣвшія кверху тощія руки, тревожно наклонялись въ разныя стороны, точно онѣ старались и не могли передать другъ другу какую-то страшную вѣсть.

Конокрады неподвижно лежали, головами внутрь, слабо и плоско чернѣя своими тѣлами въ темнотѣ. У кого-то изъ нихъ рдѣла во рту трубка. Она то погасала, то опять вспыхивала на секунду, и красный свѣтъ, въ перемежку съ длинными косыми тѣнями, бѣгалъ по бронзовымъ лицамъ. Отъ холода и прерваннаго сна мальчикомъ овладѣла усталость и длительная равнодушная скука. Онъ безъ интереса вслушивался въ тихій разговоръ конокрадовъ и съ тупой обидой чувствовалъ, что имъ нѣтъ до него никакого дѣла, какъ не было до него дѣла этимъ огромнымъ, быстро несущимся, молчаливымъ тучамъ и этимъ встревоженнымъ ветламъ. И то, къ чему онъ готовился въ эту ночь и что прежде наполняло его душу волненіемъ и гордостью, показалось ему вдругъ ненужной, мелкой и скучной выдумкой.

— Ты все свое. Истинный ты Козель!—съ досадой говорилъ Бузыга.—Куда мнѣ твой соловый жеребенокъ

къ чорту? Его же въ каждомъ селѣ знаютъ, какъ облупленнаго. Въ позапрошломъ году угналъ я верхового коня у бухгалтера съ сахарнаго завода. Весь гнѣдой, суклянь сынъ, безъ отмѣтины, а лѣвая передняя нога, шутъ ее дери, бѣлая. Я съ нимъ туда, я съ нимъ сюда—всѣ съ меня смѣются, какъ съ дурня. «Мы, говорятъ, съ глудзу еще не съѣхали. Такого коня и въ Ровномъ не продашь, онъ по всей губерніи извѣстенъ». Ты не знаешь, Козель, за что я его продалъ? За кувшинъ кислаго молока. Что свистишь? Вѣрно тебѣ говорю. Волька Фишкинъ купилъ. Увидѣлъ шибенникъ, что я отъ жары языкъ высунулъ, и зоветъ меня: «Слушайте, Бузыга, а ну, зайдите трошки до меня, кислаго молока выпить». Зашелъ я, а онъ мнѣ потомъ говоритъ: «Послушайте, Бузыга, мнѣ съ вами всегда пріятно имѣть дѣло, но этого коня у васъ купить только дурень. Все равно, вы его вечеромъ бросите, куда попало. Лучше бы вы его отдали мнѣ, а я его отведу назадъ, на заводъ. Можетъ-быть, заработаю сколько-нибудь грошей на чай?» Я ему и отдалъ лошадь, а онъ ее потомъ въ Подольской губерніи, на Ярмолинецкой ярмаркѣ, продалъ за сто тридцать карбованцевъ. Такъ вотъ что значитъ, Козель, такихъ коней уводить.

— Н-на... это такъ,—въ раздумѣ протянулъ старикъ и почавкалъ беззубымъ ртомъ.—А вотъ тоже хороши караковые коньки у Викентія Сироты... И подвести легко...

— У Викентія... да, оно, конечно...—нерѣшительно согласился Бузыга.—Викентій, это вѣрно... Только, знаешь, Козель, жалко мнѣ Викентія обижать. Небогатый онъ мужикъ и всегда такой ласковый... Сколько разъ, бывало, голова трещить, какъ котель,—скажешь ему: «Опохмели, Викентій»—сейчасъ постарается. Нѣтъ, жаль мнѣ Викентія...

— Ерунда! Никого не жаль, — злобно сказалъ Акимъ Шпакъ.

— Нѣтъ, Викентія ты оставь, — твердо приказалъ Бузыга. — Говори другихъ.

— Кто же еще? Микола Грачъ развѣ?

— Микола Грачъ, это — другой табакъ. Только хитрый, дьяволъ. Ну, да все одно — Грача будемъ помнить, на всякій случай.

— Можно еще Андрееву кобылу подвести, бѣлую. Ничего кобылка...

— Къ чорту бѣлую! — сердито воскликнулъ Бузыга. — И стара, и волосы вездѣ налѣзуть. Первая примѣта... Помнишь, какъ Жгунъ съ бѣлой лошадыю вляпался?.. Тсс... Помолчи-ка, Козель, — махнулъ онъ рукой на старика. — Чтò это съ нашимъ хлопчикомъ?

Василь корчился на землѣ, изо всѣхъ силъ стараясь съежиться такимъ образомъ, чтобы въ него какъ можно меньше проникала холодная болотная сырость. Зубы его громко стучали другъ о друга.

— Чтò, хлопецъ, проняло тебя? — услышалъ онъ вдругъ надъ своей головой густой голосъ, звучавшій съ непривычной мягкостью.

Мальчикъ открылъ глаза и увидѣлъ склонившееся надъ нимъ большое лицо Бузыги.

— Постой-ка, я тебя укурю, — говорилъ конокрадъ, снимая съ себя пиджакъ. — Чтò же ты раньше-то не сказалъ, дурной, что тебѣ холодно? Повернись трошки... Вотъ такъ...

Бузыга заботливо подтыкалъ полы пиджака подъ бока мальчику, а самъ сѣлъ подлѣ него и положилъ ему на плечо свою широкую, тяжелую руку. Чувство невыразимаго удовольствія и благодарности задрожало у Василя въ груди, волной подкатилось къ горлу и зацепало глаза. Пиджакъ былъ большой и очень толстый,

еще теплый отъ тѣла Бузыги и пахнувшій залахомъ здороваго пота и махорки. Мальчикъ быстро сталъ согрѣваться подъ нимъ. Съежившись въ комочекъ и плотно зажмуривъ глаза, онъ ощупью отыскалъ большую, пріятно-тяжелую руку. Бузыги и ласково прикоснулся къ ней кончиками пальцевъ. И уже опять въ его затуманившемся сознаниі побѣжала черезъ темный лѣсъ бѣлая длинная дорога.

Онъ заснулъ такъ крѣпко, что ему показалось, будто онъ только на мигъ закрылъ глаза и тотчасъ же открылъ ихъ. Но когда открылъ ихъ, то повсюду уже былъ разлитъ тонкій, невѣрный полусвѣтъ, въ которомъ кусты и деревья выдѣлялись сѣрыми, холодными пятнами. Вѣтеръ усилился. Попрежнему нагибались верхушки лозняка и раскачивались старыя ветлы, но въ этомъ уже не было ничего тревожнаго и страшнаго. Надъ рѣкой поднялся туманъ. Разорванными косыми клочьями, наклоненными въ одну и ту же сторону, онъ быстро несся по водѣ, дыша сыростью.

Бузыга съ посинѣвшимъ отъ холода, но веселымъ лицомъ легонько толкалъ Василя въ плечо и говорилъ нараспѣвъ, подражая колокольному звону:

По-опъ Ма-а-ртынъ,
Спи-ишь ли-и ты?
Звонять въ колокольню...

— Вставай, хлопчикъ, — сказалъ онъ, встрѣтивъ улыбающійся взглядъ Василя. — Время итти...

Козель глухо кашлялъ старческимъ, утреннимъ, тяжнымъ кашлемъ, закрывая ротъ рукавомъ и такъ давясь горломъ, какъ будто его рвало. Лицо у него было сѣро-зеленое, точно у трупа. Онъ долго и беспомощно махалъ своими культяпками по направленію Василя, но кашель мѣшалъ ему заговорить. Наконецъ, справившись и тяжело переводя духъ, онъ сказалъ:

— Такъ ты, Василь, проводишь Бузыгу черезъ Маринкино болото до Переброта...

— Знаю я,—нетерпѣливо прервалъ его мальчикъ.

— А ты, щенокъ, помолчи!—сердито крикнулъ старикъ и опять надолго закашлялся.—Смотри, чтобы вамъ въ казенномъ лѣсу въ окно не провалиться. Тамъ трясина...

— Да знаю же я... Говорилъ ты...

— Дай досказать... Помни, мимо млина не идите, лучше по-подъ горой пройти—на млинѣ работники рано встаютъ. Возлѣ панскихъ прясель человекъ будетъ держать четырехъ лошадей. Такъ двухъ Бузыга возьметъ въ поводъ, а на одну ты садись и ѣзжай за нимъ до Крешева. Ты слушай, что тебѣ Бузыга будетъ говорить. Ничего не бойся. Пойдешь назадъ,—если тебя спросятъ, куда ходилъ?—говори: ходили съ дѣдомъ въ казенный лѣсъ лыки драть... Ты только не бойся, Василь...

— Ну тебя къ чорту! Ничего я не боюсь, — небрежно огрызнулся Василь, отворачиваясь отъ старика. — Бузыга, пойдёмъ, что ли...

— Ахъ, ты, кашукъ. Какой сердитый!—радостно засмѣялся Бузыга.—Такъ его, такъ, стараго пса... Ну, айда. Иди впередъ.

Акимъ Шпакъ вдругъ засопѣлъ и затоптался на одномъ мѣстѣ. Его хмурое лицо было измято бессонной ночью и казалось еще больше свороченнымъ на бокъ: бѣлки черныхъ глазъ были желтые, съ кровавыми жилками и точно налитые какой-то грязной слизью.

— Деньги пополамъ, Бузыга,—сказалъ онъ мрачно.— Мы тебя не обижаемъ. Половина тебѣ, а половина намъ троимъ: мнѣ, Козлу и Кубику... Такъ чтобы безъ обмана. Мы все равно потомъ узнаемъ...

— Ладно!—крикнулъ безпечно Бузыга.—Прощайте!

— Съ Богомъ!—сказалъ Козель.

Акимъ Шпакъ неуклюже, всѣмъ туловищемъ повернулся къ старику, поглядѣлъ на него съ ненавистью и крѣпко сплюнулъ:

— Тьфу, нищ-щій!—прошипѣлъ онъ сквозь стиснутые зубы.

V.

Онисимъ Козель жилъ со своимъ внукомъ на краю села, около моста, въ покосившейся на бокъ и глубоко вросшей въ землю хатенкѣ, у которой давнымъ-давно развалилась труба, бѣлая наружная обмазка отпала извилистыми кусками, оголивъ внутренній слой желтой глины, а стекла, кое-гдѣ замѣненные толстыми тряпками, стали отъ времени зелено-матовыми и отливали радужными цвѣтами. Кромѣ ихъ двоихъ, здѣсь жила еще Прохоровна — глухая, столѣтная, выжившая изъ ума одинокая старуха. Всѣ трое пользовались жильемъ бесплатно, изъ милости односельчанъ, тѣмъ болѣе, что въ эту же вымороченную хату, по распоряженію начальства, свозили со всей волости, для вскрытія, удавленниковъ, утопленниковъ, скоропостижно умершихъ и убитыхъ въ дракѣ крестьянъ. Тотъ самый столъ, на которомъ обыкновенно обѣдали трое отщепенцевъ деревенской жизни, служилъ въ этихъ случаяхъ для помѣщенія труповъ.

Василь вернулся домой усталый и встревоженный (Козель пришелъ раньше и уже лежалъ на печкѣ, прикрывшись съ головой рванымъ зимнимъ кожухомъ). Мальчику удалось благополучно проводить Бузыгу до Переброта. Съ мельницы ихъ, кажется, не замѣтили, хотя тамъ уже копошились люди и стояли телѣги. Они нашли въ указанномъ мѣстѣ, у панскихъ пряселъ, четырехъ привязанныхъ лошадей, но Кубика при нихъ не было. Это обстоятельство такъ сильно обезпокоило Бузыгу,

что онъ взялъ съ собой только двухъ коней, какіе были получше, остальныхъ же бросилъ привязанными, а мальчику велѣлъ немедля бѣжать домой и бѣжать не по дорогѣ, а напрямикъ черезъ Маринкино болото и черезъ казенный лѣсъ.

— Испугался Бузыга? — торопливо спросилъ Козель.

— Испугался — нѣтъ, — отвѣтилъ Василь, тяжело переводя дыханіе. — А разсердился крѣпко. Кубика грозился зарѣзать... И на меня разсердился... Я ему говорю: «все равно, Бузыга, я не боюсь, возьмемъ всѣхъ коней и поѣдемъ»... Какъ онъ закричитъ и на меня! Я думалъ, прибьетъ... Побѣждалъ я отъ него...

— А мнѣ? Мнѣ онъ ничего не велѣлъ сказать?

— Велѣлъ. Скажи, говорить, старику, чтобы весь день сидѣлъ дома и никуда чтобы не рипался. А если будутъ тебя спрашивать про Бузыгу и про коней, то чтобы ты отвѣчалъ, что ничего не знаешь и ничего не слыхалъ...

— Господи, Царица Небесная, что же это такое... — плаксиво и безпомощно воскликнулъ Козель.

Василь жадно, большими глотками, пилъ изъ деревяннаго ковша воду.

— Должно-быть, за Бузыгой погнались, — сказалъ онъ, отрывая на минуту отъ ковша вспотѣвшее лицо. — Я, когда болотомъ бѣжалъ, слышалъ: много народу по шляху поскакало. Верховъ и на телѣгахъ...

Старикъ растерянно моргалъ своими красными, точно вывороченными, слезящимися вѣками. Лицо у него отъ страха перекосилось и одинъ уголь рта задергался.

— Ложись, Василь, ложись скорѣй на лавку! — лепеталъ онъ срывающимся голосомъ. — Ложись скорѣй. Ой, горе наше, Господи, Господи!.. Чьихъ лошадей онъ увелъ? Ты не видалъ? Охъ, да ложись же ты!..

— Одну я не знаю, а другая наша, Кузьмы Сотника чалая кобылка...

— Кузьмы? О, Господи!.. Что же теперь будетъ? Какъ вѣдь просилъ я Бузыгу: не трогай изъ нашего села коней — на тебѣ! — вздыхалъ Козель, возясь у себя на печкѣ. — Василь, ты помни, если будутъ спрашивать, куда ходили, — говори — въ казенный лѣсъ за лыками. А лыки, скажи, лѣсникъ отнялъ. Слышишь?

— Ну тебя, слышу! — сурово отозвался мальчикъ.

— Святители и чудотворцы наши, угодники Божіи! — продолжалъ причитать Козель. — Не можетъ же это быть, чтобы Кубикъ донесъ: не такой онъ хлопецъ. А все Бузыга — чугунная голова!.. На кой ему чортъ было двухъ коней угонять? Ты говоришь, много народу скакало? Господи, Господи!.. И всегда онъ такъ: своей головы ему не жаль, такъ и на чужую наплевать. Вѣдь самъ видитъ, подлець, что дѣло дрянъ, ну, и утекалъ бы скорѣй, — нѣтъ, ему падо гусара доказать, передъ мальчишкой ему стыдно... Господи, Господи!.. Василь, ты спишь?

Мальчикъ сердито промолчалъ. Старикъ долго еще копошился на печкѣ, кряхтя и охая и разговаривая самъ съ собой быстрымъ, испуганнымъ шопотомъ. Онъ хотѣлъ увѣрить себя, что никакой опасности нѣтъ, что отсутствіе Кубика объяснится со временемъ какой-нибудь пустой случайностью, что верховые по дорогѣ просто померещились мальчику отъ страха, и хотя ему удавалось на короткія минуты обмануть свой умъ, но въ глубинѣ души онъ ясно и безошибочно видѣлъ, какъ на него надвигалась грозная, неотвратимая смерть. Порою онъ прерывалъ свой бессмысленный шопоть и напряженно прислушивался. Каждый шорохъ, каждый отдаленный стукъ, или голосъ заставляли его вздрагивать и замирать. Одинъ разъ, когда подъ самымъ окномъ оглушительно заоралъ и захлопалъ крыльями чей-то сосѣдскій пѣтухъ, — старый нищій почувствовалъ, какъ вся кровь

отхлынула у него отъ головы къ затрепетавшему сердцу, и мгновенно ослабѣвшее тѣло покрылось горячей, колючей испариной.

Такъ прошло около часа. Изъ-за жегрыхъ полей, по ту сторону моста, поднялось солнце. Въ темную закопченную хату, пропитанную запахомъ овчины и вчерашнихъ щей, хлынули черезъ два окна два воздушные столба веселаго золотого свѣта, въ которыхъ радостно заплясали безчисленные пылинки. Козель вдругъ быстро сбросилъ съ себя кожухъ и сѣлъ на печкѣ. Его старческіе безцвѣтные глаза широко раскрылись, съ выраженіемъ безумнаго ужаса. Посинѣвшія губы криво шевелились; не произнося ни звука.

— Ид...дутъ! — наконецъ проговорилъ онъ, заикаясь и трясая головой. — В-васи-иль, идутъ... Смерть наша... Василь...

Мальчикъ уже давно слышалъ неясный, глухой и низкій гулъ, который, какъ раскачавшіяся волны, то подымался, то падалъ, становясь съ каждой минутой все страшнѣе и понятнѣе. Но, казалось, какая-то отдаленная, твердая преграда еще сдерживала его. И вотъ эта невидимая стѣна внезапно раздвинулась, и долго сдерживаемые звуки хлынули изъ-за нея съ ужасающей силой.

— Къ намъ повернули. Убьютъ насъ, Василь! — дико вскрикнулъ Козель.

Теперь стало слышно, какъ по улицѣ бѣжала, тяжело громыхая подкованными сапогами и яростно рыча, огромная толпа, обезумѣвшая и ослѣпшая отъ жестокаго, не знающаго предѣловъ, беспощаднаго мужицкаго гнѣва.

— Тащи ихъ сюда! Ломай двери! — заревѣлъ подъ окномъ чей-то голосъ, въ которомъ не было ничего человѣческаго.

Незапертая дверь, сорванная съ клямки, распахнулась, оглушительно хлопнувъ о стѣну, и въ яркій про-

свѣтъ, образованный ею, ворвалась черная кричащая толпа. Съ исковерканными злобою лицами, давя и толкая другъ друга и сами не замѣчая этого, въ хату стремительно ввергались, тѣснимые сзади, десятки потерявшихъ разсудокъ людей. Растрепанныя, волосатые, озвѣрѣлыя лица нагромоздились снаружи по окнамъ, загородивъ собою золотые пыльные столбы свѣта и затемнивъ комнату.

Василь сидѣлъ, не шевелясь, плотно прижавшись спиной къ стѣнѣ, блѣдный и дрожащій, но не испуганный. Онъ видѣлъ, какъ сначала слетѣлъ съ печки дѣдушкинъ кожухъ, и какъ потомъ свалился оттуда, беспомощно мелькнувъ надъ головами толпы, и самъ Козель. Старый нищій что-то кричалъ, широко разѣвая беззубый ротъ, съ безстыдными гримасами ужаса и подобострастія, отвратительными на его старомъ, изъѣденномъ морщинами лицѣ, потрясалъ своими поднятыми кверху обрубками, показывалъ ими на образъ, торопливо крестился и съ размаху билъ себя ими въ грудь. А на него лѣзли со всѣхъ сторонъ налившіеся кровью, остеклѣвшіе отъ гнѣва глаза, искривленныя бѣшенымъ крикомъ губы, его сжимали жаркія, потныя тѣла, подъ натискомъ которыхъ старикъ вертѣлся, какъ щепка, попавшая въ водоворотъ.

— Бей его, бей, злодія!.. Чтò? Врешь, сук-кинъ сынъ! Цыпенюкъ, дай ему раза!.. На улицу его, хлопцы, волоките на улицу! Ты у насъ давно, какъ чирей, сидишь. Въ землю живого закопаемъ... Бей! — вырывались изъ общаго рева отдѣльныя восклицанія.

— Господа громада!.. Ей-Богу!.. Вотъ какъ передъ Богомъ! — выкрикивалъ визгливо Козель... — Нехай меня Богъ убьетъ на этомъ мѣстѣ, нехай меня болячка задавитъ!.. Чтобъ мнѣ, какъ той собакѣ, подохнуть безъ святого причастія!..

Вдругъ, покрывая сразу эту бурю проклятій, божбы и ругани, раздался громадный голосъ Кузьмы Сотника,

который, возвышаясь по плечи надъ толпою, кричалъ, побагровѣвъ отъ напряженія:

— Стой, братцы!.. Надо это дѣло обслѣдовать. Тащите его до Бузыги!

— Тащи!.. У-у-у!.. Бери!.. Всѣмъ имъ конецъ сдѣлаемъ!..

Съ той же стихійной стремительностью, съ какой эта толпа вторгалась въ хату, она кинулась на улицу. Кто-то схватилъ Василя сзади и швырнулъ его въ кучу барахтающихся тѣлъ, и, стиснутый со всѣхъ сторонъ, оглушенный, измятый въ дверяхъ кулаками и локтями, онъ былъ выброшенъ общимъ потокомъ наружу.

Необычное, странное зрѣлище представляло село въ это прелестное лѣтнее утро. Несмотря на будній, рабочий день, оно все кипѣло народомъ. Уже запряженные въ телѣги и въ сохи, но впопыхахъ брошенные людьми лошади стояли почти у каждаго воротъ. Ребятишки и бабы бѣжали, не оглядываясь, и все въ одномъ направленіи — къ церкви. Собаки заливались лаемъ, куры съ тревожнымъ кудахтаньемъ, безтолково махая крыльями, разлетались въ разныя стороны изъ-подъ ногъ. Толпа быстро увеличилась новыми людьми и раздалась во всю ширину улицы. Сбившись въ густую массу, задыхаясь въ давкѣ, разгорячаясь отъ прикосновенія другъ къ другу, люди бѣжали съ хриплыми криками, съ пѣной у рта, точно стая бѣшенныхъ животныхъ.

На лужайкѣ, передъ винной лавкой, сплошнымъ чернымъ кругомъ тѣснился народъ. Обѣ толпы слились, перепутались и сжали другъ друга. Какая-то чудовищная упругая сила выбросила впередъ Козла и Василя.

Въ серединѣ, на узкомъ, свободномъ пространствѣ, инстинктивно огороженномъ толпой, лежалъ на сырой и темной отъ крови травѣ Бузыга. Все лицо его представляло собою большой кусокъ окровавленнаго, разо-

драннаго въ клочья мяса. Одинъ глазъ былъ вырванъ и висѣлъ на чемъ-то, похожемъ на красную, мокрую тряпку. Другой глазъ былъ закрытъ. вмѣсто носа по щекамъ разляпалась большая, мягкая кровавая лепешка. Усы были залиты кровью. Но самое ужасное, невыразимо-ужасное, было въ томъ, что этотъ обезображенный человекъ лежалъ на землѣ и молчалъ въ то время, когда вокругъ него клокоталъ и ревѣлъ опьяненный злобой народъ.

Кузьма Сотникъ схватилъ Козла за воротъ свитки и съ такой силой пригнулъ его внизъ, что старикъ упалъ на колѣни.

— Гей! Тихо! — крикнулъ Кузьма, обернувшись назадъ. — Молчите.

Онъ былъ сегодня вождемъ и возбудителемъ страстей. Его послушались. Ревъ толпы понемногу стихъ, точно убѣгая отъ переднихъ къ заднимъ.

— Бузыга! — раздѣльно и внятно крикнулъ среди наступившей тишины Кузьма, низко наклоняясь надъ конокрадомъ. — Слышишь, больше тебя бить не станемъ. Отвѣчай по совѣсти: былъ съ тобой Козель или нѣтъ?

Бузыга молчалъ, не открывая своего единственнаго глаза. Его грудь подымалась такъ часто и такъ высоко, что казалось невѣроятнымъ, что человекъ можетъ такъ дышать, и при каждомъ вздохѣ въ горлѣ у него что-то свистѣло и всхлипывало, точно тамъ съ трудомъ просачивалась сквозь узкую трубку какая-то жидкость.

— Ты не прикидывайся, сволочь! — грозно возвысилъ голосъ Кузьма и, высоко занесши ногу и крякнувъ отъ натуги, онъ со страшной силой ударилъ своимъ подкованнымъ сапогомъ Бузыгу въ низъ груди, въ то мѣсто, гдѣ начинаютъ расходиться ребра.

— У-ухъ! — тяжело и жадно вдохнула разомъ вся толпа.

Бузыга застоналъ и медленно поднялъ вѣко.

Первое, что онъ увидѣлъ, было лицо Василя. Бузыга долго, пристально и равнодушно глядѣлъ на мальчика, и вдругъ Василю показалось, что запекшійся ротъ конокрада чуть-чуть тронулся страдальческой и ласковой улыбкой, и это было такъ неестественно, такъ жалко и такъ страшно, что Василь невольно вскрикнулъ, всплеснулъ руками и закрылъ лицо.

— Говори же, сатана! — крикнулъ въ ухо Бузыгѣ Сотникъ. — Слухай: если скажешь, кто тебѣ подмогалъ, сейчасъ отпустимъ. А то убьемъ, какъ собаку. Господа громада, скажите ему: правду я говорю, чи нѣтъ?..

— Правду... Говори, Бузыга, ничего тебѣ больше не будетъ, — глухой волной перекатилось въ толпѣ.

Бузыга тѣмъ же долгимъ, страннымъ взглядомъ поглядѣлъ на Василя и, съ усиліемъ раздвинувъ свои разбитыя губы, произнесъ еле слышно:

— Никто... не былъ... одинъ...

Онъ закрылъ глаза, и опять его грудь заходила высоко и часто.

— Бей его! — пронзительно вырвался изъ заднихъ рядовъ чей-то дрожащій, нервный, полудѣтскій голосъ. Толпа шатнулась, глухо заворчала и плотнѣе надвинулась на узкое пространство, гдѣ лежалъ конокрадъ.

Козель, не вставая съ колѣнъ, подползъ къ Кузьмѣ и обхватилъ его ноги.

— Миленькіе!.. благодѣтели! — лепеталъ онъ бессмысленно и слезливо. — Ножки, ножки ваши цѣлую... Видитъ Богъ, дома былъ... ходилъ лыки драть... видитъ Богъ!.. Матерь Божія!.. Голубеночки жъ вы мои... миленькіе!.. Стопочки ваши цѣлую!.. Калѣка я...

И онъ, на самомъ дѣлѣ, ползая на колѣняхъ и не выпуская изъ рукъ сапогъ Кузьмы, такъ изступленно цѣловалъ ихъ, какъ будто въ этомъ одномъ заключа-

лось его спасеніе. Кузьма медленно оглянулся назадъ на толпу.

— Чортъ съ нимъ! — вяло произнесъ какой-то древній старикъ, стоявшій впереди.

— Чортъ съ нимъ! — подхватило нѣсколько голо-совъ. — Може, и не онъ. Это крешевскіе, ихній и конь былъ!.. Чего тамъ?.. Отпустить Козла... Это крешевскіе... допросить старосту...

Козель продолжалъ ползать на колѣняхъ отъ одного мужика къ другому. Отъ ужаса близкой и жестокой смерти онъ уже перешелъ къ блаженной радости, но нарочно изъ угодливости притворялся непонимающимъ. Слезы бѣжали по его безобразно кривившемуся лицу. Онъ хваталъ, не разбирая, чьи-то жесткія мозолистыя руки, чьи-то вонючіе сапоги и въ засосъ, жадно цѣловалъ ихъ. Василь стоялъ, блѣдный и неподвижный, съ горящими глазами. Онъ не отрывался отъ страшнаго лица Бузыги, ища и боясь его взгляда.

— Уходи! — сурово сказалъ Кузьма Сотникъ и толкнулъ старика ногой въ спину. — Уходи и ты, Василько!.. Бузыга! — крикнулъ онъ тотчасъ же, повернувшись къ умиравшему конокраду. — Слышь! Я тебя въ послѣдній разъ спрашиваю: кто съ тобой былъ?

Толпа опять надвинулась ближе. Та же самая сила, которая только-что выбросила Козла и мальчика впередъ, теперь несла ихъ назадъ, и встрѣчные люди нетерпѣливо давали имъ дорогу, такъ какъ они мѣшали ихъ напряженному вниманію. Сквозь мягкую и плотную преграду человѣческихъ тѣлъ Василь слышалъ глухой, точно задавленный басъ Кузьмы, продолжавшаго допрашивать Бузыгу. Вдругъ прежній тонкій истеричный голосъ крикнулъ надъ самой головой мальчика:

— Бей Бузыгу!..

Всѣ, что стояли сзади, тяжело навалились, тѣсня не-

реднихъ, и горячо задышали. Козель съ Василемъ очутились на свободѣ.

— Господи, Царица наша небесная! — радостно бормоталъ старикъ, однимъ обрубкомъ вытирая слезы, а другимъ торопливо крестясь. — Василь, родненькій ты мой! Господи!.. Выскочили мы съ тобой... Василь!.. Господи... выскочили! Что жъ ты стоишь? Бѣжимъ до хаты!..

— Иди, я не пойду, — мрачно сказалъ Василь.

Онъ, казалось, былъ не въ силахъ отвести свои горящіе глаза отъ черной, неподвижной, страшно молчаливой толпы. Его побѣлѣвшія губы шептали, дрожа и дергаясь, какія-то непонятныя слова.

— Василько, ходимъ же! — умолялъ Козель, хватая внука за руку.

Въ это время черная масса дрогнула и закачалась, точно лѣсъ подъ внезапно налетѣвшимъ вѣтромъ. Глухой и короткій стонъ ярости прокатился надъ ней. Въ одинъ мигъ она тѣсно сжалась и тотчасъ же опять раздалась, разорвавшись клочьями, и опять сжалась. И, оглушая другъ друга неистовыми криками, люди сплелись въ безобразной свалкѣ.

— Василь, миленькій, ради Бога! — бормоталъ заплетаящимся языкомъ старикъ. — Пойдемъ... убьютъ вѣдь насъ!..

Ему удалось съ трудомъ оттащить мальчика отъ лужайки. Но на углу Василь, пораженный внезапно наступившей тишиной, вырвался отъ дѣда и оглянулся назадъ.

Толпа не бурлила больше. Она стояла неподвижнымъ, чернымъ кольцомъ и уже начинала таять: отдѣльныя фигуры — понурья, съ робкими движеніями, точно прячась и стыдясь, медленно расползались въ разныя стороны.

— Господи, помяни раба Твоего, грѣшнаго Левонтія и учини его въ рай, — привычной нищенской скорого-

воркой зашепталъ Козель. — Убили Бузыгу, — сказалъ онъ съ притворной печалью.

Онъ зналъ, что народный гнѣвъ уже достаточно насытился кровью, и что смерть прошла мимо его головы, и не умѣлъ скрыть своей глубокой животной радости. Онъ заливался старческимъ, безшумнымъ длиннымъ смѣхомъ и плакалъ; болталъ лихорадочно, безъ остановки и безъ смысла, и дѣлалъ самъ себѣ лукавыя, странныя гримасы. Василь съ ненавистью поглядывалъ на него искоса и брезгливо хмурился.

БОЛОТО.

Лѣтній вечеръ гаснетъ. Въ засыпающемъ лѣсу стоитъ гулкая тишина. Вершины огромныхъ строевыхъ сосенъ еще алѣютъ нѣжнымъ отблескомъ догорѣвшей зари, но внизу уже стало темно и сыро. Острый, жаркій, сухой ароматъ смолистыхъ вѣтвей слабѣетъ, зато сильнѣе чувствуется сквозь него приторный запахъ дыма, которымъ тянуло весь день съ дальняго лѣсного пожараща. Невслышно и быстро опускается на землю мягкая сѣверная ночь. Птицы замолчали съ заходомъ солнца. Одни только дятлы еще выбиваютъ лѣниво, точно сквозь сонъ, свою глухую, монотонную дробь.

Вольнопрактикующій землемѣръ Жмакинъ и студентъ Николай Николаевичъ, сынъ небогатой вдовы-помѣщицы Сердюковой, возвращаются со съемки. Итти домой, въ Сердюковку, имъ поздно и далеко: они заночуютъ сегодня въ казенномъ лѣсу, у знакомаго лѣсника — Степана. Узкая тропинка вьется между деревьями, исчезая въ двухъ шагахъ впереди. Высокій и худой землемѣръ идетъ, сгорбившись и опустивъ внизъ голову, — идетъ тѣмъ рѣдкимъ, присѣдающимъ, но размашистымъ шагомъ, какимъ ходятъ привычные къ длиннымъ дорогамъ люди: мужики, охотники и землемѣры. Коротконогій, низенькій и полный студентъ едва поспѣваетъ за нимъ. Онъ вспотѣлъ и тяжело дышитъ открытымъ ртомъ; бѣлая

фуражка сбита на затылокъ; рыжеватыя спутанные волосы упали на лобъ; пенсне сидитъ бокомъ на мокромъ носу. Ноги его то скользятъ и разъѣзжаются по прошлогодней, плотно улежавшейся хвоѣ, то съ грохотомъ цѣпляются за узловатыя корневища, протянувшіяся черезъ дорогу. Землемѣръ отлично видитъ это, но нарочно не убавляетъ шагу. Онъ усталъ, золъ и голоденъ. Затрудненія, испытываемыя студентомъ, доставляютъ ему злорадное удовольствіе.

Землемѣръ Жмакинъ дѣлаетъ, по приглашенію г-жи Сердюковой, упрощенный планъ хозяйства въ ея жиденькихъ, потравленныхъ скотомъ и вырубленныхъ крестьянами лѣсныхъ урочищахъ. Николай Николаевичъ добровольно вызвался помогать ему. Помощникъ онъ старательный и толковый, и характеръ у него самый удобный для компаніи: свѣтлый, ровный, безхитростный и ласковый, только въ немъ много еще осталось чего-то дѣтскаго, что сказывается въ нѣкоторой наивной торопливости и восторженности. Землемѣръ же, наоборотъ, человекъ старый, одинокій, подозрительный и черствый. Всему уѣзду извѣстно, что онъ подверженъ тяжелымъ, продолжительнымъ запоямъ, и потому на работу его приглашаютъ рѣдко и платятъ скупо.

Днемъ у него еще кое-какъ ладятся отношенія съ молодымъ Сердюковымъ. Но къ вечеру землемѣръ обыкновенно устаётъ отъ ходьбы и отъ крика, кашляетъ и становится мелочно-раздражительнымъ. Тогда ему снова начинаетъ казаться, что студентъ только притворяется, что его интересуется съемка и болтовня съ крестьянами на привалахъ, а что на самомъ дѣлѣ онъ приставленъ помѣщицей съ тайнымъ наказомъ наблюдать, не пьетъ ли землемѣръ во время работы. И то обстоятельство, что студентъ такъ живо, въ недѣлю, освоился со всѣми тонкостями астролябической съемки, возбуждаетъ ревнивую

и оскорбительную зависть въ Жмакинѣ, который три раза проваливался, держа экзамень на частнаго землемѣра. Раздражаетъ старика и неудержимая разговорчивость Николая Николаевича, и его свѣжая, здоровая молодость, и заботливая опрятность въ одеждѣ, и мягкая, вѣжливая уступчивость, но мучительнѣе всего для Жмакина сознание своей собственной жалкой старости, грубости, пришибленности и безсильной, несправедливой злости.

Чѣмъ ближе подходитъ дневная сѣмка къ концу, тѣмъ ворчливѣе и безцеремоннѣе дѣлается землемѣръ. Онъ желчно подчеркиваетъ промахи Николая Николаевича и обрываетъ его на каждомъ шагу. Но въ студентѣ такая бездна молодой, неисчерпаемой доброты, что онъ, повидимому, совершенно неспособенъ обижаться. Въ своихъ ошибкахъ онъ извиняется съ трогательной готовностью, а на угловатыя выходки Жмакина отвѣчаетъ оглушительнымъ хохотомъ, который долго и раскатисто гуляетъ между деревьями. Точно не замѣчая мрачнаго настроенія землемѣра, онъ засыпаетъ его шутками и разспросами съ тѣмъ же веселымъ, немного неуклюжимъ и немного пазойливымъ добродушіемъ, съ какимъ жизнерадостный щенокъ теребитъ за ухо большого, стараго, угрюмаго пса.

Землемѣръ шагаетъ молча и понуро. Николай Николаевичъ старается итти рядомъ съ нимъ, но такъ какъ онъ путается между деревьями и спотыкается, то ему часто приходится догонять своего спутника вприпрыжку. Въ то же время, несмотря на одышку, онъ говоритъ громко и горячо, съ оживленными жестами и съ неожиданными выкриками, отъ которыхъ идетъ гулъ по заснувшему лѣсу.

— Я живу въ деревнѣ недолго, Егоръ Ивановичъ, — говоритъ онъ, стараясь сдѣлать свой голосъ проникновеннымъ, и убѣдительно прижимаетъ руки къ груди. — И я согласенъ, я абсолютно согласенъ съ вами въ томъ,

что я не знаю деревни. Но во всемъ, что я до сихъ поръ видѣлъ, такъ много трогательнаго, и глубокаго, и прекраснаго... Ну да, вы, конечно, возразите, что я молодъ, что я увлекаюсь... Я и съ этимъ готовъ согласиться, но, жестоковѣрный практикъ, поглядите на народную жизнь съ философской точки зрѣнія...

Землемѣръ презрительно пожалъ однимъ плечомъ, усмѣхнулся криво и язвительно, но продолжалъ молчать.

— Посмотрите, дорогой Егоръ Ивановичъ, какая страшная историческая древность во всемъ укладѣ деревенской жизни. Соха, борона, изба, телѣга — кто ихъ выдумалъ? Никто. Весь народъ скопомъ. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ эти предметы были точка въ точку въ такомъ же видѣ, какъ и теперь. Совсѣмъ такъ же люди тогда и сѣяли, и пахали, и строились. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ!.. Но когда же, въ какія чертовски отдаленныя времена сложился этотъ циклопическій обиходъ? Мы объ этомъ не смѣемъ даже думать, милый Егоръ Ивановичъ. Здѣсь мы съ вами проваливаемся въ бездонную пропасть вѣковъ. Мы ровно ничего не знаемъ. Какъ и когда додумался народъ до своей первобытной телѣги? Сколько сотенъ, можетъ-быть, тысячъ лѣтъ ушло на эту творческую работу? Чортъ его знаетъ! — вдругъ крикнулъ во весь голосъ студентъ и торопливо передвинулъ фуражку съ затылка на самые глаза. — Я не знаю, и никто ничего не знаетъ... И такъ — все, чего только ни коснись: одежда, утварь, лапти, лопата, прялка, рѣшето!.. Вѣдь поколѣнія за поколѣніями, милліоны людей послѣдовательно ломали голову надъ ихъ изобрѣтеніемъ. У народа своя медицина, своя поэзія, своя житейская мудрость, свой великолѣпный языкъ, и при этомъ, — замѣтьте, — ни одного имени, ни одного автора! И хотя все это жалко и скудно въ сравненіи съ броненосцами и

телескопами, но — простите — меня какія-нибудь вилы удивляютъ и умиляютъ несравненно больше!..

— Ту-ру-ру, ти-лю-лю, — запѣлъ фальшиво Жмакинъ и завертѣлъ рукой, подражая шарманщику. — Завели машину. Удивляюсь, какъ это вамъ не надоѣсть: каждый день одно и то же?

— Нѣтъ, Егоръ Ивановичъ, ради Бога! — заторопился студентъ. — Вы только послушайте, только послушайте меня. Мужикъ, куда онъ у себя ни оглянется, на что ни посмотреть, вездѣ кругомъ него старая-престарая, сѣдая и мудрая истина. Все освѣщено дѣдовскимъ опытомъ, все просто, ясно и практично. А главное — абсолютно никакихъ сомнѣній въ цѣлесообразности труда. Возьмите вы доктора, судью, литератора. Сколько спорнаго, условнаго, скользкаго въ ихъ профессіяхъ! Возьмите педагога, генерала, чиновника, священника...

— Попросилъ бы не касаться религіи, — внушительнымъ басомъ замѣтилъ Жмакинъ.

— Ахъ, не въ этомъ дѣло, Егоръ Ивановичъ, — нетерпѣливо и досадливо замахалъ рукой Сердюковъ. — Возьмите наконецъ прокурора, художника, музыканта. Я ничего не говорю, все это лица почтенныя. Но каждому изъ нихъ, навѣрное, хоть разъ приходила въ голову мысль: а вѣдь, чортъ побери, такъ ли ужъ нуженъ чело-вѣчеству мой трудъ, какъ это кажется? У мужика же все удивительно стройно и ясно. Если ты весною посѣялъ, то зимою ты сытъ. Корми лошадь, и она тебя прокормитъ. Что можетъ быть вѣрнѣе и проще? И вотъ этого самаго практическаго мудреца извлекаютъ за шиворотъ изъ нѣдръ его удобопонятной жизни и тычутъ лицомъ къ лицу съ цивилизаціей. «Въ силу статьи такой-то и на основаніи кассационнаго рѣшенія за номеромъ такимъ-то, крестьянинъ Иванъ Сидоровъ, нарушившій интересы черезполоснаго владѣнія, приговаривается», и такъ.

далѣе. Иванъ Сидоровъ на это весьма резонно отвѣчаетъ: «Ваше благородіе, да вѣдь еще наши дѣды-прадѣды пахали по эту вербу, вотъ и пенъ отъ нея остался». Но тогда является на сцену землемѣръ Егоръ Иваничъ Жмакинъ:

— Прошу безъ намековъ по моему адресу, — обидчиво прервалъ Жмакинъ.

— Является... ну, скажемъ, землемѣръ Сердюковъ, если это вамъ больше нравится, и изрекаетъ: «Линія АВ, отграничивающая владѣнія Ивана Сидорова, идетъ по румбу зюйдъ-остъ, сорокъ градусовъ тридцать минутъ». Очевидно, что Иванъ Сидоровъ, совмѣстно съ дѣдомъ и прадѣдомъ, запахалъ чужую землю. И вотъ Иванъ Сидоровъ сидитъ въ кутузкѣ, сидитъ совершенно правильно, по всѣмъ статьямъ уложенія о наказаніяхъ, но все-таки онъ ровно ничего не понимаетъ и хлопаетъ глазами. Что значитъ для него вашъ румбъ въ сорокъ градусовъ, если онъ съ молокомъ матери всосалъ убѣжденіе, что чужой земли на свѣтѣ не бываетъ, а что вся земля Божья?..

— Къ чему вы все это выражаете? — угрюмо спросилъ Жмакинъ.

— Или вотъ еще: гонять Ивана Сидорова на военную службу, — горячо продолжалъ Сердюковъ, не слушая землемѣра. — И вотъ дядька учитъ его: «Доверни прикладъ, втяни животъ, дѣлай — рразъ! Подавайся всѣмъ корпусомъ впередъ...» Да позвольте же, господа! Я самъ прослужилъ отечеству два мѣсяца и охотно вѣрю, что для военной службы эти кунштиюки необходимы. Но вѣдь это же для мужика чистая абракадабра, колокольня въ уксусѣ, сапоги всмятку! Какъ хотите, но не можетъ же взрослый человѣкъ, оторванный отъ простой, серьезной и понятной жизни, повѣрить вамъ на слово, что эти фокусы дѣйствительно необходимы и имѣютъ разумное осно-

ваніе. И, конечно, онъ глядитъ на васъ, какъ баранъ на новыя ворота.

— Не довольно ли на сегодняшній разъ, Николай Николаевичъ? — сказалъ землемѣръ. — Мнѣ, по правдѣ говоря, надоѣла уже эта антимонія. Что-то вы такое изъ себя хотите изобразить, но толку у васъ ничего не выходитъ. Какого-то донъ-жуана изъ себя строите! И къ чему весь этотъ разговоръ, не понимаю я.

Огибавшій кустъ студентъ рысцой догналъ мрачно шагавшаго землемѣра.

— Вотъ вы сегодня утромъ говорили, что мужикъ глупъ, что мужикъ лѣнивъ, мужика надо драть, мужикъ раздурачился. Говорили вы это съ ненавистью и потому, конечно, были несправедливѣе, чѣмъ хотѣли бы. Но поймите же, дорогой Егоръ Ивановичъ, что у насъ съ мужикомъ разныя измѣренія: онъ съ трудомъ постигаетъ третье, а мы уже начинаемъ предчувствовать четвертое. Сказать, что мужикъ глупъ! Послушайте, какъ онъ говоритъ о погодѣ, о лошади, о сѣнокосѣ. Чудесно: просто, мѣтко, выразительно, каждое слово взвѣшено и приложено... Но послушайте вы того же мужика, когда онъ рассказываетъ о томъ, какъ онъ былъ въ городѣ, какъ заходилъ въ театръ и какъ по-благородному провелъ время въ трактирѣ съ машиной... Какія хамскія выраженія, какія дурацкія, исковерканныя слова, что за подлый, лакейскій языкъ. Господа, нельзя же такъ! — воскликнулъ студентъ, обращаясь въ пространство и разводя руками съ такимъ видомъ, какъ будто весь лѣсъ былъ наполненъ слушателями. — Ну да, я знаю, мужикъ бѣденъ, невѣжественень, грязень... Но дайте же ему вздохнуть. У него отъ вѣчной натуги грыжа, — историческая, социальная грыжа. Накормите его, вылѣчите, выучите грамотѣ, а не пришибайте его вашимъ четвертымъ измѣреніемъ. Потому что я твердо увѣренъ, что, пока вы не

просвѣтите парода, всѣ ваши кассаціонныя рѣшенія, румбы, нотаріусы и сервитуты будутъ для него мертвыми словами четвертаго измѣренія!..

Жмакинъ вдругъ рѣзко остановился и повернулся къ студенту.

— Николай Николаевичъ! Да прошу же я васъ, наконецъ! — воскликнулъ онъ плачущимъ, бабьимъ голосомъ. — Такъ вы много разговариваете, что терпѣніе мое лопнуло. Не могу я больше, не желаю!.. Кажется, интеллигентный человѣкъ, а не понимаете такой простой вещи. Ну, говорили бы дома или съ товарищемъ своимъ. А какой же я вамъ товарищъ, спрашивается? Вы сами по себѣ, я самъ по себѣ и... и не желаю я этихъ разговоровъ. Имѣю полное право...

Николай Николаевичъ бокомъ, поверхъ стеколъ пенсне, поглядѣлъ на Жмакина. У землемѣра было необыкновенное лицо: спереди узкое, длинное и острое до карикатурности, по широкое и плоское, если глядѣть на него сбоку, — лицо безъ фѣса, а съ однимъ только профилемъ и съ унылымъ, висячимъ носомъ. И въ мягкомъ, отчетливомъ сумракѣ поздняго вечера студентъ увидѣлъ на этомъ лицѣ такое скучное, тяжелое и сердитое отвращеніе къ жизни, что у него сердце заныло мучительной жалостью. Сразу, съ какой-то проникновенною, больною ясностью онъ вдругъ понялъ и почувствовалъ въ самомъ себѣ всю ту мелочность, ограниченность и безцѣльное недоброжелательство, которыя наполняли скудную и одинокую душу этого неудачника.

— Да вы не сердитесь, Егоръ Ивановъ, — сказалъ онъ примирительно и смущенно. — Я не хотѣлъ васъ обидѣть. Какой вы раздражительный!

— Раздражительный, раздражительный, — съ безтолковою злостью подхватилъ Жмакинъ. — Вполнѣ станешь раздражительнымъ. Не люблю я этихъ разговоровъ... вотъ

что... Да и вообще, какая я вамъ компанія? Вы чело-
вѣкъ образованный, аристократъ, а я что? Сѣрое су-
щество, и ничего больше.

Студентъ разочарованно замолчалъ. Ему всегда ста-
новилось грустно, когда онъ въ жизни натыкался на
грубость и несправедливость. Онъ отсталъ отъ земле-
мѣра и молча шелъ за нимъ, глядя ему въ спину. И
даже эта согнутая, узкая, жесткая спина, казалось, безъ
словъ, но съ мрачною выразительностью говорила о не-
лѣпо и жалко проволочившейся жизни, о нескончаемомъ
рядѣ пошлыхъ обидъ судьбы, объ упрямомъ и озлоблен-
номъ самолюбіи...

Въ лѣсу совсѣмъ стемнѣло, но глазъ, привыкшій къ
постепенному переходу отъ свѣта къ темнотѣ, разли-
чалъ вокругъ неясные, призрачные силуэты деревьевъ.
Быль тихій, дремотный часъ между вечеромъ и ночью.
Ни звука ни шороха не раздавалось въ лѣсу, и въ воз-
духѣ чувствовался тягучій, медвяный травяной запахъ,
плывшій съ далекихъ полей.

Дорога шла внизъ. На поворотѣ въ лицо студента
вдругъ пахнуло, точно изъ глубокаго погреба, сырымъ
холодкомъ.

— Осторожнѣе, здѣсь болото, — отрывисто и не обо-
рачиваясь, сказалъ Жмакинъ.

Николай Николаевичъ только теперь замѣтилъ, что
ноги его ступали неслышно и мягко, какъ по ковру. Вправо
и влѣво отъ тропинки шелъ невысокій путанный кустар-
никъ, и вокругъ него, цѣпляясь за вѣтки, колеблясь и
вытягиваясь, бродили разорванные неясно-бѣлые клочья
тумана. Странный звукъ неожиданно пронесся по лѣсу.
Онъ былъ протяженъ, низокъ и гармонично-печаленъ и,
казалось, выходилъ изъ-подъ земли. Студентъ сразу оста-
новился и затрясся на мѣстѣ отъ испуга.

— Что это, что? — спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Выпь, — коротко и угрюмо отвѣтилъ землемѣръ. — Идемте, идемте. Это плотина.

Теперь ничего нельзя было разобрать. И справа, и слѣва туманъ стоялъ сплошными бѣлыми мягкими пеленами. Студентъ у себя на лицѣ чувствовалъ его влажное и липкое прикосновеніе. Впереди равномерно колыхалось темное расплывающееся пятно: это была спина шедшаго впереди землемѣра. Дороги не было видно, но по сторонамъ отъ нея чувствовалось болото. Изъ него подымался тяжелый запахъ гнилыхъ водорослей и сырыхъ грибовъ. Почва плотины пружинилась и дрожала подъ ногами, и при каждомъ шагѣ гдѣ-то сбоку и внизу раздавалось жирное хлюпанье просачивающейся тины.

Землемѣръ вдругъ остановился. Сердюковъ съ размаху уткнулся лицомъ ему въ спину.

— Тише. Экъ васъ несетъ! — сердито огрызнулся Жмакинъ. — Подождите, я покричу лѣсника. Еще ухнешь, пожалуй, въ эту чортову трясину.

Онъ приложилъ ладони трубой ко рту и закричалъ протяжно:

— Степ-а-анъ!

Уходя въ мягкую бездну тумана, голось его звучалъ слабо и безцвѣтно, точно онъ отсырѣлъ въ мокрыхъ болотныхъ испареніяхъ.

— А чортъ его знаетъ, куда тутъ итти! — злобно проворчалъ, стиснувъ зубы, землемѣръ. — Впору хоть на четверенькахъ ползти. Степ-а-анъ! — крикнулъ онъ еще разъ раздраженнымъ и плачущимъ голосомъ.

— Степанъ! — поддержалъ отрывистымъ и глухимъ басомъ студентъ.

Они долго кричали по очереди, кричали до тѣхъ поръ, пока въ страшномъ отдаленіи отъ нихъ туманъ не засвѣтился въ одномъ мѣстѣ большимъ желтымъ безформеннымъ сіяніемъ. Но это свѣтящееся мутное пятно, ка-

залось, не приближалось къ нимъ, а медленно раскачивалось влево и вправо.

— Степанъ, ты, что ли? — крикнулъ въ эту сторону землемѣръ.

— Гопъ-гопъ! — отозвался изъ безконечной дали задушенный голосъ. — Никакъ Егоръ Иванычъ?

Мутное пятно въ одно мгновеніе приблизилось, разрослось, весь туманъ вокругъ сразу засіялъ золотымъ дымнымъ свѣтомъ, чья-то огромная тѣнь заметалась въ освѣщенномъ пространствѣ, и изъ темноты вдругъ вынырнулъ маленькій человѣкъ съ жестянымъ фонаремъ въ рукахъ.

— Такъ и есть, энъ самый, — сказалъ лѣсникъ, подымая фонарь на высоту лица. — А это кто съ вами? Никакъ сердюковскій барчукъ? Здравія желаемъ, Миколай Миколаичъ. Должно, ночевать будете? Милости просимъ. А я-то думаю себѣ: кто такой кричитъ? Ружье захватилъ на всякій случай.

Въ желтомъ свѣтѣ фонаря лицо Степана рѣзко и выпукло выдѣлялось изъ мрака. Все оно сплошь заросло русыми, курчавыми, мягкими волосами бороды, усовъ и бровей. Изъ этого лѣса выглядывали только маленькіе голубые глаза, вокругъ которыхъ лучами расходились тонкія морщинки, придававшія имъ всегдашнее выраженіе ласковой, усталой и въ то же время дѣтской улыбки.

— Такъ пойдѣте, — сказалъ Степанъ и, повернувшись, вдругъ исчезъ, какъ будто растаялъ въ туманѣ. Большое желтое пятно его фонаря закачалось низко надъ землей, освѣщая кусочекъ узкой тропинки.

— Ну, что, Степанъ, все еще трясеть тебя? — спросилъ Жмакинъ, идя вслѣдъ за лѣсникомъ.

— Все трясеть, батюшка Егоръ Иванычъ, — отвѣтилъ издалека голосъ невидимаго Степана. — Днемъ еще крѣпимся понемногу, а какъ вечеръ, такъ и пошло трясти.

Да вѣдь, Егоръ Иванычъ, ничего не подѣлаешь... Привыкли мы къ этому.

— А Марьѣ не лучше?

— Гдѣ ужъ тамъ лучше. И жена и ребятишки всѣ извелись, просто бѣда. Грудной еще ничего покуда, да къ нимъ, конечно, не пристанетъ... А мальчонку, вашего крестника, на прошлой недѣлѣ свезли въ Никольское... Это ужъ мы третьяго по счету схоронили... Позвольте-ка, Егоръ Иванычъ, я вамъ посвѣчу. Поосторожнѣе тутъ.

Сторожка лѣсника, какъ успѣлъ замѣтить Николай Николаевичъ, была поставлена на сваяхъ, такъ что между ея поломъ и землею оставалось свободное пространство, аршина въ два высоту. Раскосая, крутая лѣстница вела на крыльцо. Стенанъ свѣтилъ, поднявъ фонарь надъ головой, и, проходя мимо него, студентъ замѣтилъ, что лѣсникъ весь дрожитъ мелкой, ознобной дрожью, сжасъ въ своемъ сѣромъ форменномъ кафтанѣ и пряча голову въ плечи.

Изъ отворенной двери пахнуло теплымъ, прѣлымъ воздухомъ мужичьяго жилья. вмѣстѣ съ кислымъ запахомъ дубленыхъ полушубковъ и печенаго хлѣба. Землемѣръ первый шагнулъ черезъ порогъ, низко согнувшись подъ притолкой.

— Здравствуй, хозяйюшка! — сказалъ онъ привѣтливо и развязно.

Высокая, худая женщина, стоявшая у открытаго устья печи, слегка повернулась въ сторону Жмакина, сурово и безмолвно поклонилась, не глядя на него, и опять закопошилась у шестка. Изба у Степана была большая, но закопченная, пустая и холодная и потому производила впечатлѣніе заброшеннаго, нежилого мѣста. Вдоль двухъ темныхъ бревенчатыхъ стѣнъ, сходясь къ переднему углу, шли узкія и высокія дубовыя скамейки, неудобныя ни для лежащаго, ни для сидѣнья. Передній

уголъ былъ занятъ множествомъ совершенно черныхъ образовъ, а вправо и влѣво висѣли, приклеенныя къ стѣнамъ хлѣбнымъ мякишемъ, извѣстныя лубочныя картины: страшный судъ со множествомъ зеленыхъ чертей и бѣлыхъ ангеловъ съ овечьими лицами, притча о Богатомъ и Лазарѣ, ступени человѣческой жизни, русскій хороводъ. Весь противоположный уголъ, тотъ, что былъ сейчасъ же влѣво отъ входа, занимала большая печь, развѣхавшаяся на треть избы. Съ нея глядѣли, свѣсившись внизъ, двѣ дѣтскія головки, съ такими бѣлыми, выгорѣвшими на солнцѣ волосами, какіе бываютъ только у деревенскихъ ребятишекъ. Наконецъ у задней стѣны стояла широкая, двухспальная кровать съ краснымъ ситцевымъ пологомъ. На ней, далеко не доставая ногами до пола, сидѣла дѣвочка лѣтъ десяти. Она качала скрипучую дѣтскую люльку и съ испугомъ въ огромныхъ свѣтлыхъ глазахъ глядѣла на вошедшихъ.

Въ углу, передъ образомъ, стоялъ пустой столъ, и надъ нимъ на металлическомъ прутѣ спускалась съ потолка висячая убогая лампа съ чернымъ отъ копоти стекломъ. Студентъ присѣлъ около стола, и тотчасъ же ему стало такъ скучно и тяжело, какъ будто бы онъ уже пробылъ здѣсь много-много часовъ въ томительномъ и вынужденномъ бездѣйствіи. Отъ лампы шелъ керосиновый чадъ, и запахъ его вызвалъ въ умѣ Сердюкова какое-то далекое, смутное, какъ сонъ, воспоминаніе. Гдѣ и когда это было? Онъ сидѣлъ одинъ въ пустой, сводчатой, гулкой комнатѣ, похожей на коридоръ; пахло ѣдкимъ чадомъ керосиновой лампы; за стѣной съ усыпляющимъ звономъ, капля по каплѣ, падала вода на чугунную плиту, а въ душѣ Сердюкова была такая длительная, сѣрая, терпѣливая скука.

— Поставь намъ самоварчикъ, Степанъ, и взбодрись лшценку, — приказалъ Жмакинъ.

— Сейчас, батюшка Егоръ Ивановичъ, сейчас, — за-суетился Степанъ. — Марья, — неувѣренно обратился онъ къ женѣ: — какъ бы ты тамъ постаралась самоваръ? Господа будутъ чай пить.

— Да ужъ ладно. Не толкись, толкачъ, — съ неудовольствіемъ отозвалась Марья.

Она вышла въ сѣни. Землемѣръ покрестился на образа и сѣлъ за столъ. Степанъ помѣстился поодаль отъ господъ, на самомъ краю скамейки, тамъ, гдѣ стояли ведра съ водой.

— А я думаю себѣ, кто такой кричитъ? — началъ добродушно Степанъ. — Ужъ не лѣсничій ли нашъ? Да и вѣтъ, думаю, куда ему ночью, — онъ ночью и дороги сюда не найдетъ. Чудной онъ у насъ баринъ. Непремѣнно, чтобы ему лѣсники ружьемъ на карауль дѣлали, по-солдатски. Первое для него удовольствіе. Выйдешь съ ружьемъ и, конечно, рапортуешь: «Ваше-скородіе, во вѣренномъ мнѣ обходѣ чернятинской лѣсной дачи все обстоитъ благополучно»... Ну, а впрочемъ, баринъ ничего, справедливый. А что касемо, что дѣвокъ онъ портитъ, ну, это, конечно, не наше дѣло...

Онъ замолчалъ. Слышно было, какъ рядомъ, въ сѣняхъ, Марья со звономъ накладывала угли въ самоваръ, какъ на печкѣ громко дыщали дѣти. Люлька продолжала скрипѣть монотонно и жалобно. Сердюковъ вглядѣлся внимательно въ лицо дѣвочки, сидѣвшей на кровати, и оно поразило его своею болѣзненною красотой и необычайнымъ, непередаваемымъ выраженіемъ. Черты этого лица, несмотря на нѣкоторую одутловатость щекъ, были такъ нѣжны и тонки, что казались нарисованными безъ тѣней и безъ красокъ на прозрачномъ фарфорѣ, и тѣмъ ярче выступали среди нихъ неестественно большіе, свѣтлые, прекрасные глаза, которые глядѣли съ задумчивымъ и наивнымъ удивленіемъ, какъ глаза, у святыхъ дѣвственницъ на картинахъ прерафаэлитовъ.

— Какъ тебя зовутъ, красавица? — спросилъ ласково студентъ.

Большеглазая дѣвочка закрыла лицо руками и быстро спряталась за пологъ.

— Бойтся. Ну, чего ты, глупая? — сказалъ Степанъ, точно извиняясь за дочь. Онъ неловко и добродушно улыбнулся, отчего все его лицо ушло въ бороду и стало похоже на свернувшася клубкомъ ежа. — Варей ее звать. Да ты не бойся, дурочка, баринъ добрый, — успокаивалъ онъ дѣвочку.

— И она тоже больна? — спросилъ Николай Николаевичъ.

— Что-съ? — переспросилъ Степанъ. Густая щетина на его лицѣ разошлась, и опять изъ нея выглянули добрые, усталые глаза. — Больная, вы спрашиваете? Всѣ мы тутъ больные. И жена, и эта вотъ, и тѣ, что на печкѣ. Всѣ. Во вторникъ третье дитя хоронили. Конечно, мѣстность у насъ сырая, это главное. Трясемся вотъ, и шабащъ!..

— Лѣчились бы, — сказалъ, покачавъ головой, студентъ. — Зайди какъ-нибудь ко мнѣ въ Сердюковку, я хины дамъ.

— Спасибо, Миколай Миколаевичъ, дай вамъ Богъ здоровья. Пробовали мы лѣчиться, да что-то ничего не выходитъ, — безнадежно развелъ руками Степанъ. — Трое вотъ, конечно, умерли у меня... Главная сила, мокреть здѣсь, болото, ну и духъ отъ него тяжелый, ржавый.

— Отчего же вы не переведетесь куда-нибудь въ другое мѣсто?

— Чего-съ? Да, въ другое мѣсто, вы сказываете? — опять переспросилъ Степанъ. Казалось, онъ не сразу понималъ то, что ему говорятъ, и съ видимымъ усилениемъ, точно стряхивая съ себя дремоту, направлялъ на слова Сердюкова свое вниманіе. — Оно бы, баринъ, чего лучше перевестись. Да вѣдь все равно, кому-нибудь и

здѣсь жить надо. Дача, конечно, аграматная, и безъ лѣсника никакъ невозможно. Не мы—такъ другіе. До меня въ этой самой сторожкѣ жилъ лѣсникъ Галактионъ, трезвый былъ такой человѣкъ, самостоятельный... Ну, конечно, похоронилъ сначала двоихъ ребятокъ, потомъ жену, а потомъ и самъ померъ. Я такъ полагаю, Миколай Миколаичъ, что это все равно, гдѣ жить. Ужъ Батюшка, Царь небесный, Онъ лучше знаетъ, кому гдѣ надлежитъ жить и что дѣлать.

Марья вошла съ самоваромъ, отворивъ и затворивъ за собою дверь локтемъ.

— Усѣлся, трутень безмедовый!—накинулась она на Степана.—Поддай хоть чашки-то!..

Она съ такою силой поставила на столъ самоваръ, точно хотѣла бросить его. Лицо у нея было не по лѣтамъ старое, изможденное, землистаго цвѣта; на щекахъ сквозь кору мелкихъ, частыхъ морщинъ горѣлъ нездоровый кирпичный румянецъ, а глаза неестественно сильно блестѣли. Съ такимъ же сердитымъ видомъ она швырнула на столъ чашки, блюдечки и коровой хлѣба.

Сердюковъ отказался отъ чая. Онъ сидѣлъ разстроенный, недоумѣвающий, удрученный всѣмъ, что онъ видѣлъ и слышалъ сегодня. Мелочное, безсильно-язвительное недоброжелательство землемѣра, тихая покорность Степана передъ таинственной и жестокой судьбой, молчаливое раздраженіе его жены, видъ дѣтей, медленно, одинъ за другимъ, умирающихъ отъ болотной лихорадки,—все это сливалось въ одно гнетущее впечатлѣніе, похожее на болѣзненную, колючую, виноватую жалость, которую мы чувствуемъ, глядя пристально въ глаза умной больной собаки или въ печальные глаза идіота, которая овладѣваетъ нами, когда мы слышимъ или читаемъ про добрыхъ, ограниченныхъ и обманутыхъ людей. И здѣсь, казалось Сердюкову, въ этой бѣдной,

узкой и скучной жизни, былъ чей-то злой и несправедливый обманъ.

Землемѣръ молча пилъ чашку за чашкой и жадно ѣлъ хлѣбъ, откусывая прямо отъ ломтя большими полукруглыми кусками. Во время ѣды связки сухожилий ходили у него подъ скулами, точно пучки струнъ, обтянутыхъ тонкою кожей, а глаза глядѣли равнодушно и тускло, какъ глаза жующаго животнаго. Изъ всей семьи только одинъ Степанъ согласился, послѣ долгихъ уговоровъ, выпить чашку чаю. Онъ пилъ ее долго и шумно, дуя на блюдечко, вздыхая и съ трескомъ грызя сахаръ. Окончивъ чай, онъ перекрестился, перевернулъ чашку вверхъ дномъ, а оставшійся у него въ рукахъ крошечный кусочекъ сахару бережливо положилъ обратно въ засиженную мухами жестяную коробочку.

Вяло и тоскливо тянулось время, и Сердюковъ думалъ о томъ, какъ много еще будетъ впереди скучныхъ и длинныхъ вечеровъ въ этой душной избѣ, затерявшейся одинокимъ островкомъ въ морѣ сырого, ядовитаго тумана. Потухавшій самоваръ вдругъ запѣлъ тонкимъ воющимъ голосомъ, въ которомъ слышалось привычное безысходное отчаяніе. Люлька не скрипѣла больше, но въ углу за печкой однообразно, черезъ правильные промежутки, кричалъ, навѣвая дремоту, сверчокъ. Дѣвочка, сидѣвшая на кровати, уронила руки между колѣнъ и задумчиво, какъ очарованная, глядѣла на огонь лампы. Ея громадныя, съ неземнымъ выраженіемъ глаза еще больше расширились, а голова склонилась набокъ съ бессознательной и покорной граціей. О чемъ думала она, что чувствовала, глядя такъ пристально на огонь? Временами ея худенькія ручки тянулись въ долгой, лѣнивой истомѣ, и тогда въ ея глазахъ мелькала на мгновение странная, едва уловимая улыбка, въ которой было что-то лукавое, пѣжное и ожидающее: точно она знала,

тайкомъ отъ остальныхъ людей, о чемъ-то сладкомъ, болѣзненно-блаженномъ, что ожидало ее въ тишинѣ и въ темнотѣ ночи. И въ голову студента пришла странная, тревожная, почти суевѣрная мысль о таинственной власти болѣзни надъ этой семьей. Глядя въ необыкновенные глаза дѣвочки, онъ думалъ о томъ, что, можетъ-быть, для нея не существуетъ обыкновенной, будничной жизни. Медленно и равнодушно проходитъ для нея длинный день, съ его однообразными заботами, съ его безпокойнымъ шумомъ и суетой, съ его назойливымъ свѣтомъ. Но наступаетъ вечеръ, и вотъ, вперивъ глаза въ огонь, дѣвочка томится нетерпѣливымъ ожиданіемъ ночи. А ночью духъ неизлѣчимой болѣзни, измозжившій слабое дѣтское тѣло, овладѣваетъ ея маленькимъ мозгомъ и окутываетъ его дикими, мучительно-блаженными грезами...

Гдѣ-то давнымъ-давно Сердюковъ видѣлъ сепію извѣстнаго художника. Картина эта такъ и называлась «Маларія». На краю болота, около воды, въ которой распустились бѣлыя кувшинки, лежитъ дѣвочка, широко размавѣ во снѣ руки. А изъ болота, вмѣстѣ съ туманомъ, теряясь въ немъ легкими складками одежды, подымается тонкій, неясный призракъ женской фигуры съ огромными дикими глазами и медленно, страшно медленно тянется къ ребенку. Сердюковъ вспомнилъ вдругъ эту забытую картинку и тотчасъ же почувствовалъ, какъ мистическій страхъ холодною щеткой проползъ у него по спинѣ отъ затылка до поясицы.

— Ну-съ, въ Америкѣ такой обычай: посидятъ-посидятъ, да и спать, — сказалъ землемѣръ, вставая со стула. — Стели-ка намъ, Марья.

Всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ. Дѣвочка заложила за голову сцѣпленные пальцы рукъ и сильно потянулась всѣмъ тѣломъ. Она зажмурила глаза, но губы ея улыбались радостно и мечтательно. Зѣвая и потягиваясь,

Марья принесла двѣ большихъ охапки сѣна. Съ лица ея сошло сердитое выраженіе, блестящіе глаза смотрѣли мягче, и въ нихъ было то же странное выраженіе нетерпѣливаго и томнаго ожиданія.

Покуда она сдвигала лавки и стелила на нихъ сѣно, Николай Николаевичъ вышелъ на крыльцо. Ни впереди ни по сторонамъ ничего не было видно, кромѣ плотнаго, сѣраго, влажнаго тумана, и высокое крыльцо, казалось, плавало въ немъ, какъ лодка въ морѣ. И когда онъ вернулся обратно въ избу, то его лицо, волосы и одежда были холодны и мокры, точно они насквозь пропитались ѣдкимъ болотнымъ туманомъ.

Студентъ и землемѣръ легли на лавки, головами подъ образа и ногами врозь. Степанъ устроился на полу, около печки. Онъ потушилъ лампу, и долго было слышно, какъ онъ шепталъ молитвы и, кряхтя, укладывался. Потомъ откуда-то прошмыгнула на кровать Марья, безшумно ступая босыми ногами. Въ избѣ было тихо. Только сверчокъ однообразно, черезъ каждыя пять секундъ, издавалъ свое монотонное, усыпляющее цырканье, да муха билась объ оконное стекло и настойчиво жужжала, точно повторяя все одну и ту же докучную, безконечную жалобу.

Несмотря на усталость, Сердюковъ не могъ заснуть. Онъ лежалъ на спинѣ съ открытыми глазами и прислушивался къ осторожнымъ ночнымъ звукамъ, которые въ темнотѣ, во время безсонницы, пріобрѣтаютъ такую странную отчетливость. Землемѣръ заснулъ почти мгновенно. Онъ дышалъ открытымъ ртомъ, и казалось, что при каждомъ вздохѣ у него въ горлѣ лопалась тоненькая перепонка, сквозь которую быстро и сразу прорывался задержанный воздухъ. Дѣвочка, лежавшая на кровати рядомъ съ матерью, вдругъ проговорила торопливо и неясно длинную фразу... Двое дѣтей на печкѣ дышали часто и усиленно, точно стараясь сдунуть со своихъ губъ

палящій лихорадочный зной... Степанъ тихо, протяжно стоналъ при каждомъ вздохѣ.

— М-а-а-мка, пи-и-ить! — капризно и сонно запросилъ дѣтскій голосъ.

Марья послушно вскочила съ кровати и зашлепала босыми ногами къ ведру. Студентъ слышалъ, какъ заплескалась вода въ желѣзномъ ковшѣ, и какъ ребенокъ долго и жадно пилъ большими, громкими глотками, останавливаясь, чтобы перевести духъ. И опять все стихло, Размѣренно лопалась въ груди землемѣра тонкая перепонка, жалобно билась о стекло муха, и часто-часто, какъ маленькіе паровозики, дышали дѣтскія грудки. Старшая дѣвочка вдругъ проснулась и сѣла на кровати. Она долго силилась что-то выговорить, но не могла и только стучала зубами въ страшномъ ознобѣ. «Хо-о-ло-дно!» — разслышалъ наконецъ Сердюковъ прерывистые, заикающіеся звуки. Марья со вздохами и нѣжнымъ шопотомъ укутала дѣвочку тулупомъ, но студентъ долго еще слышалъ въ темнотѣ сухое и частое щелканье ея зубовъ.

Сердюковъ напрасно употреблялъ всѣ знакомыя ему средства, чтобы уснуть. Считалъ онъ до ста и далѣе, повторялъ знакомые стихи и jus'ы изъ пандектовъ, старался представить себѣ блестящую точку и волнующуюся поверхность моря. Но испытанныя средства не помогали. Кругомъ часто и жарко дышали больныя груды, и въ душной темнотѣ чудилось таинственное присутствіе кроваждаго и незримаго духа, который, какъ проклятіе, поселился въ избѣ лѣсника.

Около кровати заплакалъ ребенокъ. Мать спросонья толкнула люльку и, сама борясь съ дремотой, зашла подъ жалобный скрипъ веревокъ старинную колыбельную пѣсню:

Аа—аа—аа—а!
И всѣ лю-ю-ди-и спать,
И всѣ звѣ-ѣ-ри-и спать...

Лѣниво и зловѣще раздавалась въ тишинѣ, переходя изъ полутона въ полутонъ, эта печальная, усыпляющая пѣсня, и чѣмъ-то древнимъ, чудовищно-далекимъ вѣяло отъ ея наивной, грубой мелодіи. Казалось, что именно такъ, хотя и безъ словъ, должны были пѣть загадочные и жалкіе полулюди на зарѣ человѣческой жизни, глубоко за предѣлами исторіи. Вымирающіе, подавленные ужасами ночи и своею беспомощностью, сидѣли они голые въ прибрежныхъ пещерахъ, у первобытнаго огня, глядѣли на таинственное пламя и, обхвативъ руками острыя колѣни, качались взадъ и впередъ подъ звуки унылаго, безконечно долгаго, воющаго мотива.

Кто-то постучалъ снаружи въ окно, надъ самой головой студента, который вздрогнулъ отъ неожиданности. Степанъ поднялся съ полу. Онъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, чмокалъ губами и, точно жалѣя разстаться съ дремотою, лѣниво чесалъ грудь и голову. Потомъ, сразу очнувшись, онъ подошелъ къ окну, прильнулъ къ нему лицомъ и крикнулъ въ темноту:

— Кто тамъ?

— Гу-у-у, — глухо, черезъ стекло, загудѣлъ чей-то голосъ.

— Въ Кислинской? — спросилъ вдругъ Степанъ невидимаго человѣка. — Ага, слышу. Поѣзжай съ Богѣмъ, я сейчасъ.

— Чтò? Чтò такое, Степанъ? — тревожно спросилъ студентъ.

Степанъ шарилъ наугадъ рукой въ пекѣ, ища спичекъ.

— Эхъ... иттить надо-тъ, — сказалъ онъ съ сожалѣніемъ. — Ну, да ничего не подѣлаешь... Пожаръ, видишь, перекинулся къ намъ въ Кислинскую дачу, такъ вотъ лѣсниціи велѣлъ всѣхъ лѣсниковъ согнать... Сейчасъ объѣзчикъ пріѣзжалъ верхомъ.

Вздыхая, кряхтя и позѣвывая, Степанъ зажегъ лампу и одѣлся. Когда онъ вышелъ въ сѣни, Марья быстро и легко скользнула съ кровати и пошла затворить за нимъ двери. Изъ сѣней вдругъ ворвался въ нагрѣтую комнату вмѣстѣ съ холодомъ, точно чье-то ядовитое дыханіе, гнилой, приторный запахъ тумана.

— Взялъ бы фонарь-то съ собою, — сказала за дверями Марья.

— Чего тамъ! Съ фонаремъ еще хуже дорогу потеряешь, — отвѣтилъ глухо, точно изъ-подъ полу, спокойный голосъ Степана.

Опершись подбородкомъ о подоконникъ, Сердюковъ прижался лицомъ къ стеклу. На дворѣ было темно отъ ночи и сѣро отъ тумана. Изъ отверстій, которыя оставались между рамой и плохо пригнанными стеклами, дулъ острыми, тонкими струйками холодный воздухъ. Подъ окномъ слышались тяжелые, торопливые шаги Степана, но его самого не было видно, — туманъ и ночь поглотили его. Безъ разсужденій, безъ жалобъ, разбитый лихорадкой, онъ всталъ среди ночи и пошелъ въ эту сырую тьму, въ это ужасное, таинственное безмолвіе. Здѣсь было что-то совершенно непонятное для студента. Онъ вспомнилъ сегодняшнюю вечернюю дорогу, мутно-бѣлыя завѣсы тумана по сторонамъ плотины, мягкое колебаніе почвы подъ ногами, низкій протяжный крикъ выпи, — и ему стало нестерпимо, по-дѣтски жутко. Какая загадочная, невѣроятная жизнь копошилась по ночамъ въ этомъ огромномъ, густомъ, мѣстами бездонномъ болотѣ? Какіе уродливые гады извивались и ползали въ немъ между мокрымъ камышомъ и корявыми кустами вербы? А Степанъ шелъ теперь черезъ это болото, совсѣмъ одинъ, тихо повинуваясь судьбѣ, безъ страха въ сердцѣ, но дрожа отъ холода, отъ сырости и отъ пожирившей его лихорадки, отъ той самой лихорадки, которая унесла въ мо-

гилу трехъ его дѣтей и, навѣрное, унесеть остальныхъ. И этотъ простосердечный человѣкъ, съ его наѣженной бородой и кроткими, усталыми глазами, былъ теперь непостижимъ, почти жутокъ для Сердюкова.

На студента нашло тяжелое, чуткое забытье. Онъ видѣлъ блѣдные, неясные образы лицъ и предметовъ и въ то же время сознавалъ, что спитъ, и говорилъ себѣ: «Вѣдь это сонъ, это мнѣ только кажется...» Въ смутныхъ и печальныхъ грезахъ мѣшались все тѣ же самыя впечатлѣнія, которыя онъ переживалъ днемъ: съемка въ пахучемъ сосновомъ лѣсу, подъ солнечнымъ припекомъ, узкая лѣсная тропинка, туманъ по бокамъ плотины, изба Степана и онъ самъ съ его женой и дѣтьми. Снилось также Сердюкову, что онъ горячо, до боли въ сердцѣ, спорить съ землемѣромъ. «Къ чему эта жизнь? — говорить онъ со страстными слезами на глазахъ. — Кому нужно это жалкое, нечеловѣческое прозябаніе? Какой смыслъ въ болѣзняхъ и въ смерти милыхъ, ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей, у которыхъ высасываетъ кровь уродливый болотный вампиръ? Какой отвѣтъ, какое оправданіе можетъ дать судьба въ ихъ страданіяхъ?» Но землемѣръ досадливо морщился и отворачивалъ лицо. Ему давно надоѣли философскіе разговоры. А Степанъ стоялъ тутъ же и улыбался ласково и снисходительно. Онъ тихо покачивалъ головой, какъ будто жалѣя этого нервнаго и добраго юношу, который не понимаетъ, что человѣческая жизнь скучна, бѣдна и противна, и что не все ли равно, гдѣ умереть, — на войнѣ или въ путешествіи, дома или въ гнилой болотной трясинѣ?

И когда Сердюковъ очнулся, то ему показалось, что онъ не спалъ, а только думалъ упорно и беспорядочно объ этихъ вещахъ. На дворѣ уже начиналось утро. Въ туманѣ попрежнему нельзя было ничего разобрать, но онъ былъ уже бѣлаго молочнаго цвѣта и медленно

колебался, какъ тяжелая, готовая подняться занавѣсъ.

Сердюкову вдругъ жадно, до страданія, захотѣлось увидѣть солнце и вздохнуть яснымъ, чистымъ воздухомъ лѣтняго утра. Онъ быстро одѣлся и вышелъ на крыльцо. Влажная волна густого ѣдкаго тумана, хлынувъ ему въ ротъ, заставила его откашляться. Низко нагибаясь, чтобы различить дорогу, Сердюковъ перебѣжалъ плотину и быстрыми шагами пошелъ вверхъ. Туманъ садился ему на лицо, смачивалъ усы и рѣсницы, чувствовался на губахъ, но съ каждымъ шагомъ дышать становилось легче и легче. Точно карабкаясь изъ глубокой и сырой пропасти, взбѣжалъ наконецъ Сердюковъ на высокій песчаный бугоръ и задохнулся отъ прилива невыразимой радости. Туманъ лежалъ бѣлой колыхающеюся безконечною гладью у его ногъ, но надъ нимъ сіяло голубое небо, шептались душистыя зеленыя вѣтви, а золотые лучи солнца звенѣли ликующимъ торжествомъ побѣды.

НА ПОКОѢ.

I.

Когда единственный сынъ купца I-й гильдіи Нила Овсянникова, послѣ долгихъ безпутныхъ скитаній изъ труппы въ труппу, умеръ отъ чахотки и пьянства въ наровчатской городской больницѣ, то отецъ, не только отказывавшій сыну при его жизни въ помощи, но даже грозившій ему торжественнымъ проклятіемъ при отверстыхъ царскихъ вратахъ, основалъ въ годовщину его смерти «Убѣжище для престарѣлыхъ и немощныхъ артистовъ, имени Алексѣя Ниловича Овсянникова». Оттого ли, что учрежденіе это находилось въ глухомъ губернскомъ городѣ, или по другимъ причинамъ, но жильцовъ въ немъ всегда бывало мало. Убѣжище помѣщалось въ опустѣвшемъ барскомъ особнякѣ, всѣ комнаты котораго давнымъ-давно пришли въ ветхость, за исключеніемъ громадной залы съ паркетнымъ поломъ, венеціанскими окнами и бѣлыми, крашеными известкой, кривыми отъ времени колоннами. Въ этой залѣ и ютились осенью 1899-го года пятеро старыхъ, бездомныхъ актеровъ, загнанныхъ сюда нуждой и болѣзнями.

Посрединѣ залы стоялъ овальный обѣденный столъ, обтянутый желтой, подъ мраморъ, клеенкой, а у стѣнъ между колоннами размѣщались кровати, и около каждой

по шкапчику, совершенно такъ же, какъ это заведено въ больницахъ и пансіонахъ. Венеціанскихъ оконъ никогда не отворяли, изъ боязни сквозняка, отъ этого въ комнатѣ прочно установился запахъ нечистоплотной, холстой старости, — запахъ застоявшагося табачнаго дыма, грязнаго бѣлья и больницы. Вверху, между стѣнами и потолкомъ, всегда висѣла сѣрая, пыльная бахрама прошлогодней паутины.

Лучшимъ мѣстомъ считался уголъ около большой голландской печи, старинные изразцы которой были разрисованы синими тюльпанами. Здѣсь зимой бывало очень тепло, а широкая печь, отгораживая съ одной стороны кровать, придавала ей, до нѣкоторой степени, видъ отдѣльнаго жилья. Въ этомъ привилегированномъ мѣстѣ устроился самый давній обитатель Овсянниковскаго дома, бывшій опереточный теноръ Лидинъ-Байдаровъ, слабоумный, тупой и необыкновенно спѣсивый мужчина, съ трудомъ носившій на тонкихъ, изуродованныхъ подагрой ногахъ свое грузное и немощное тѣло. Попавъ въ убѣжище съ самаго дня его основанія, онъ держалъ себя въ немъ хозяиномъ и первый далъ тонъ сквернымъ анекдотамъ и циничнымъ ругательствамъ, никогда не прекращавшимся въ общихъ разговорахъ. Онъ же покрывалъ бѣлыя колонны залы и стѣнки уборной тѣми гнусными рисунками и омерзительными изреченіями въ стихахъ и прозѣ, на которые было неистощимо его болѣзненное воображеніе тайнаго эротомана.

По другую сторону печи, ближе къ окнамъ, помѣщался бывшій суфлеръ Иванъ Степановичъ, — плѣшивый, беззубый, сморщенный старикашка. Въ былыя времена весь театральнй міръ звалъ его фамиллярно «Стаканычемъ»; это прозвище сохранилось за нимъ и въ убѣжищѣ. Стаканычъ былъ человекъ кроткій, набожный, сильно глуховатый на оба уха и, какъ все глухіе, застѣви-

чивый. Ежедневно, по нѣскольку разъ, Лидинъ-Байдаровъ развлекался тѣмъ, что, сохраняя на лицѣ озабоченное выраженіе, говорилъ старому суфлеру издали всякія сальности, на что Стаканычъ улыбался ласковой смущенной улыбкой, торопливо кивалъ головой и отвѣчалъ невпопадъ, къ великому удовольствію бывшего опереточнаго премьера, которому эта шутка никогда не надоѣдала.

Съ утра до вечера Стаканычъ мастерилъ изъ разноцвѣтныхъ бумажекъ, тонкой проволоки и бисера какія-то удивительно хитрыя коробочки. Разъ или два въ годъ онъ отсылалъ ихъ партіями своему сыну Васѣ, служившему гдѣ-то въ уѣздномъ театрѣ, «на выходахъ». Если же онъ не клеилъ коробочекъ, то раскладывалъ на своей кровати пасьянсы, которыхъ зналъ чрезвычайно много.

По ту же сторону, но совсѣмъ у оконъ, обиталъ старый трагикъ Славяновъ-Райскій. Изъ всѣхъ пятерыхъ онъ одинъ пользовался нѣкогда широкой и шумной извѣстностью. Въ продолженіе семи лѣтъ его имя, напечатанное въ афишахъ аршинными буквами, гремѣло по всѣмъ провинціальнымъ городамъ Россіи. Но черезъ годъ послѣ его угарнаго заката публика и печать сразу и совершенно позабыли о немъ. За кулисами, впрочемъ, старые актеры долго еще вспоминали о небывалыхъ и безумныхъ успѣхахъ его гастролей, о бѣшенныхъ деньгахъ, которыя онъ разбрасывалъ въ своихъ легендарныхъ кутежахъ, и о скандалахъ и дракахъ, которые онъ устраивалъ въ каждомъ городѣ.

Съ товарищами по общежитію Славяновъ-Райскій держался надменно и былъ презрительно неразговорчивъ. По цѣлымъ днямъ онъ лежалъ на кровати, молчалъ и безъ перерыва курилъ огромныя самодѣльные папиросы. Иногда же, внезапно вскочивъ, онъ принимался ходить взадъ и впередъ по залѣ, отъ оконъ къ дверямъ и обратно, мел-

кими и быстрыми шагами. И во время этой лихорадочной бѣготни онъ дѣлалъ руками передъ лицомъ короткія негодующія движенія и отрывисто бормоталъ непонятныя фразы...

Напротивъ стояла кровать «дѣдушки», котораго, такъ же, какъ и Стаканыча, весь актерскій міръ зналъ больше по этому прозвищу, чѣмъ по фамиліи. Уже цѣлыхъ три мѣсяца дѣдушка не вставалъ съ постели и, обросшій бѣлыми мягкими длинными волосами, лежалъ изсохшій и благообразный, напоминая въ своей бѣлой рубашкѣ иконописное изображеніе отходящаго угодника. Онъ говорилъ мало, съ передышками, глухимъ и тонкимъ старческимъ голосомъ и съ такимъ трудомъ, какъ будто бы стоналъ на каждомъ словѣ. У него болѣла грудь, но кашлять по-настоящему ему было трудно, и онъ только кряхтѣлъ слабо и жалобно. Дѣдушка былъ очень старъ, вѣроятно, старше всѣхъ современныхъ русскихъ актеровъ. Въ прежнее же время онъ былъ извѣстенъ во многихъ труппахъ, какъ хорошій актеръ на амплуа резонеровъ и дѣльный, грамотный режиссеръ.

Пятымъ и послѣднимъ обитателемъ убѣжища былъ комическій актеръ Михаленко, — раздутый водянкой, задыхающійся отъ астмы циникъ. Хрипя, еле переводя дыханіе, съ трудомъ выжимая изъ своей оплывшей груди слова, онъ, едва проснувшись, принимался браниться съ кѣмъ-нибудь изъ сосѣдей и прекращалъ это занятіе, только ложась вечеромъ въ постель. Языкъ у него былъ острый, злой и беспощадно, по-актерски, грубый. Въ немъ вѣчно кипѣла завистливая, истерическая злоба, заставлявшая его интриговать, сплетничать и писать на своихъ товарищей нелѣпыя анонимныя доносы попечителямъ убѣжища. Въ сквернословіи Михаленко состязался съ Лидинымъ-Байдаровымъ, уступая опереточному тенору въ изумительной способности изобрѣтать и сплетать между со-

бою самая невѣроятная гнусности, но превосходя его злой и мѣткой язвительностью. Живая память сохранила ему неизсякаемый запасъ мерзостей закулисной жизни: любовныхъ связей, скандаловъ, дракъ, неудачъ и преступленій. Ссорясь съ сосѣдями, онъ умѣлъ извлекать изъ ихъ театральнаго прошлаго наиболее постыдныя, наиболее чувствительныя страницы и такъ разрисовывалъ ихъ своимъ беззащитнымъ юморомъ, что за нимъ всегда оставалось послѣднее слово. Одинъ глазъ у него былъ вставной, — тусклый, маленькій и слезливый, зато здоровый огромнымъ голубымъ шаромъ вылѣзалъ изъ своей орбиты и всегда носилъ разгнѣванное выраженіе.

Жизнь въ убѣжищѣ текла однообразно и скучно. Просыпались актеры очень рано, зимою задолго до свѣта, и тотчасъ же, въ ожиданіи чая, еще не умывшись, принимались курить. Со сна всѣ чувствовали себя злыми и обезсилѣвшими и кашляли утреннимъ старческимъ, давящимся кашлемъ. И такъ какъ въ этой убогой жизни неизмѣнно повторялись не только дни, но и слова и жесты, то всякій заранѣе ждалъ, что Михаленко, задыхаясь и откашливаясь, непременно скажетъ старую остроту:

— Вотъ это настоящій акцизный кашель!..

А дѣдушка, знавшій когда-то иностранные языки и до сихъ поръ не упускавшій случая хвастнуть этимъ, прибавлялъ своимъ стонущимъ фальцетомъ:

— Bierhusten. Это у нѣмцевъ называется Bierhusten. Пивной кашель...

Потомъ служившій при убѣжищѣ отставной николаевскій солдатъ Тихонъ приносилъ кипятокъ и неизмѣнныя сайки. Актеры заваривали чайники и уносили ихъ къ своимъ столикамъ. Пили чай очень долго и по многу, пили съ кряхтѣньемъ и вздохами, но молча. Послѣ чая рассказывали сны и толковали ихъ: видѣть рѣку означало близкую дорогу, вши и грязь предвѣщали неожиданныя

деньги, мертвецъ — дурную погоду. Сновидѣнья Лидина-Байдарова всегда заключали въ себѣ какую-нибудь сладострастную пакость. Затѣмъ шло на цѣлый день лежанье на грязныхъ, всклоченныхъ постеляхъ съ неприбранными, засаленными одѣялами. Отъ скуки и бездѣлья курили страшно много. Иногда посылали Тихона за газетой, но читали ее только двое: Михаленко, ревниво слѣдившій до сихъ поръ за именами бывшихъ товарищей по сценѣ, и Стаканычъ, котораго больше-всего интересовали описанія грабежей, столкновений поѣздовъ и военныхъ парадовъ. Дѣдушка плохо видѣлъ и потому просилъ изрѣдка почитать себѣ вслухъ. Но изъ этого мало выходило толку: беззубый суфлеръ шепелявилъ, брызгалъ слюной, и у него нельзя было разобрать ни слова, а Михаленко, читая, придѣлывалъ къ каждой фразѣ такія непристойныя окончанія, что дѣдушка въ концѣ концовъ махалъ рукою и говорилъ сердито:

— Ну, пошелъ врать, дуракъ. Эка мелеть мелево!.. Уходи, не хочу слушать.

Разговаривали рѣдко, но подолгу, и всегда кончали ссорой и уличали другъ друга въ лганьѣ. Въ большомъ ходу были анекдоты, при чемъ у каждаго обозначалась своя область... Стаканычъ, который происходилъ изъ духовнаго званія, умѣлъ рассказывать про семинаристовъ, поповъ и архіереевъ; Михаленко былъ неистощимъ въ закулисныхъ исторіяхъ и помнилъ наизусть безчисленное множество неприличныхъ стихотворныхъ эпиграммъ, приписываемыхъ Ленскому, Милославскому, Каратыгину и другимъ актерамъ; Байдаровъ говорилъ противоестественныя и совершенно нелѣпыя гадости о женщинахъ. Впрочемъ, на послѣднюю тему всѣ они, не исключая набожнаго Стаканыча и не встававшего съ постели дѣдушки, любили поговорить, и ихъ собственное безсиліе, ихъ физическая и душевная немощь придавали этимъ

разговорамъ уродливый и страшный характеръ. Ни разу, хотя бы случайно, ни одинъ изъ нихъ не помянулъ приличнымъ словомъ женщину, какъ мать, жену или сестру; женщина была въ ихъ представленіи исключительно самою, — красивымъ, лукавымъ и безобразно-похотливымъ животнымъ.

Иногда актеры вспоминали и свои собственные театральныя приключенія. Михаленко называлъ это «кислыми разсказами изъ прежней жизни». И, сами не замѣчая, они передавали одинъ и тотъ же эпизодъ по нѣскольку разъ, въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, съ одинаковыми жестами и интонаціями; даже цѣплялись у нихъ анекдоты и кислые разсказы одинъ за другой все въ томъ же порядкѣ, по однѣмъ и тѣмъ же ассоціациямъ мыслей. Отъ этого часто случалось, что, проговоривъ часъ или два подъ рядъ, актеры вдругъ ощущали вмѣстѣ съ усталостью и скукой чувство нестерпимаго отвращенія къ самимъ себѣ и къ своимъ сожителямъ.

Для нихъ не было ничего святого. Всѣ они, не переставая, богохульствовали, и даже полумертвый дѣдушка любилъ разсказывать очень длинный и запутанный анекдотъ, гдѣ Авраамъ и три странника у дуба Мамврійскаго играли въ карты и совершали разныя неприличныя вещи. Но по ночамъ, во время тоскливой старческой бессонницы, когда такъ назойливо лѣзли въ голову мысли о безтолково прожженной жизни, о собственномъ немощемъ одиночествѣ, о близкой смерти, — актеры горячо и трусливо вѣровали въ Бога, и въ ангеловъ-хранителей, и въ святыхъ чудотворцевъ, и крестились тайкомъ подъ одеяломъ и шептали дикія, импровизированныя молитвы. Утромъ вмѣстѣ съ ночными страхами проходила и вѣра. Одинъ только Стаканычъ былъ сдержаннѣе и послѣдовательнѣе другихъ. Онъ даже пробовалъ кое-когда, вставши съ постели, торопливо, украдкой, креститься на образъ, но

каждый разъ ему мѣшалъ Михаленко, который, стоя за нимъ, шутовски кланялся, размахивалъ правой рукой, какъ будто въ ней было кадило, и хриплымъ дьячковскимъ басомъ вытягивалъ:

— Паки и паки, съѣли попа собаки, если бы не дьячки, разорвали бы въ клочки...

Въ два часа актеры обѣдали и за обѣдомъ неизмѣнно ругали непечатной бранью основателя убѣжища, купца I-й гильдіи Овсянникова. Прислуживалъ имъ все тотъ же солдатъ Тихонъ; его огорчало, что господа говорятъ за столомъ гадости, и иногда онъ пробовалъ остановить Михаленку, который былъ на языкъ невоздержаннѣе прочихъ:

— Не выражались бы вы, господинъ Михаленко. Кажется, образованный человѣкъ, а такія послѣднія слова за хлѣбомъ-солью... Совсѣмъ даже некрасиво.

Послѣ обѣда актеры спали тяжелымъ, нездоровымъ сномъ, съ храпѣньемъ и стонами, спали очень долго, часа по четыре, и просыпались только къ вечернему чаю, съ налитыми кровью глазами, со сквернымъ вкусомъ во рту, съ шумомъ въ ушахъ и съ вялымъ тѣломъ. Во время сна они отлеживали себѣ руки, ноги и даже головы и, вставши съ кроватей, шатались, какъ пьяные, и долго не могли сообразить, утро теперь или вечеръ. Послѣ чая опять лежали, курили и рассказывали анекдоты. Часто играли въ карты; — въ пикетъ и въ шестьдесятъ шесть, — и непременно на деньги, а проигрышъ приписывали къ старымъ карточнымъ долгамъ, которые иногда достигали десятковъ тысячъ рублей. Удивительнѣе всего было то, что всѣ они не переставали вѣрить въ свое будущее: пройдетъ сама собою болѣзнь, подвернется ангажементъ, найдутся старые товарищи, и опять начнется веселая, прятая актерская жизнь. Поэтому-то они и хранили, какъ святыню, въ глубинѣ своихъ

спальных шкапчиковъ старыя афиши и газетныя вырѣзки, на которыхъ стояли ихъ имена.

Въ 8 часовъ подавали ужинъ, состоявшій изъ разогрѣтыхъ остатковъ отъ обѣда. Тотчасъ же послѣ ужина актеры раздѣвались и укладывались спать. Но засыпали не скоро. Долго всѣ пятеро ворочались на своихъ кроватяхъ, и это было самое мучительное время сутокъ. Сильнѣе давали о себѣ знать старыя, запущенныя болѣзни, нельзя было отогнать печальныхъ и ядовитыхъ мыслей о прошломъ, оскорбительнѣе чувствовалось убожество настоящей жизни. Но страшнѣе всего было думать о томъ, что, быть-можетъ, одинъ изъ сосѣдей тихо, незамѣтно ни для кого, уже умеръ среди этой ночи и будетъ лежать до самаго утра молчаливый, таинственный, ужасный. И актеры по нѣскольку разъ въ ночь окликались другъ друга, спрашивая дрожащими и кроткими голосами, который часъ, или прося одолжить спичку. И долго, долго, до ранняго свѣта, слышались въ большой комнатѣ, вмѣстѣ съ трескомъ разсыхающагося паркета, старческіе вздохи, невнятный бредъ, глухое покашливаніе и торопливый шопотъ...

И такъ тянулось изо дня въ день сѣрое, мелочное существованіе этихъ людей, когда-то жадно объѣдавшихся жизнью. Пріятно разнообразилось оно хожденіемъ въ городъ, но это удовольствіе было сравнительно очень рѣдкимъ, потому что деньги почти никогда не водились въ убѣжищѣ, а безъ денегъ не стоило и выходить за ворота. Безъ денегъ нельзя было ни купить табаку, ни прокатиться на извозчикѣ, ни зайти къ дешевой раскрашенной проституткѣ, ни посидѣть часокъ-другой въ излюбленномъ ресторанѣ, который болѣе всего притягиваетъ къ себѣ бродяжническіе вкусы старыхъ актеровъ.

II.

14 сентября, въ праздникъ Воздвиженія, въ убѣжищѣ остались только двое жильцовъ: суфлеръ Стаканычъ и дѣдушка. Остальные ушли съ утра въ городъ. Михаленко принималъ участіе въ какомъ-то утреннемъ спектаклѣ (онъ время отъ времени добивался для себя такихъ приглашеній отъ бывшихъ товарищей по сценѣ). Поэтому онъ еще за два дня началъ низко и безъ всякой мѣры льстить Лидину-Байдарову, превознося его замѣчательный голосъ и поразительные успѣхи у женщинъ, и въ концѣ концовъ выпросилъ у опереточнаго премьера бумажный воротничокъ и манжеты, бывшіе всего разъ въ употребленіи, а также красный, заношенный до лоска галстукъ. Самъ Байдаровъ по большимъ праздникамъ ходилъ обѣдать въ знакомое купеческое семейство, гдѣ его снабжали кое-какимъ застираннымъ и перештопаннымъ бѣльишкомъ, папиросами, мелкими деньгами и кирпичнымъ чаемъ. Впрочемъ, эти унизительныя подробности своихъ праздничныхъ визитовъ онъ скрывалъ отъ товарищей, отчасти изъ боязни насмѣшекъ, а отчасти изъ скупости, такъ какъ онъ очень не любилъ, если у него просили займы. Что касается Славянова-Райскаго, то онъ наканунѣ получилъ субсидію изъ театральнаго фонда и теперь отправился въ городъ съ единственной цѣлью — провести весь день въ излюбленномъ трактирчикѣ, носившемъ библейское названіе «Капернаумъ», и вернуться въ убѣжище совершенно пьянымъ.

Дѣдушка лежалъ, сложивъ на животѣ и сцѣпивъ одну съ другой большія исхудалыя руки съ коричневой кожей и рѣзко выступающими наружу костяжками. Весь бѣлый, съ бѣлыми волосами, неподвижный и благообразный, онъ теперь болѣе чѣмъ когда-либо походилъ на

святого старца, готовящагося къ праведной кончинѣ. Его блѣдно-сѣрые, выцвѣтшіе глаза были упорно устремлены въ широкое венеціанское окно, гдѣ на густой осенней синевѣ неба медленно раскачивалась, вся озаренная солнцемъ, золотая круглая верхушка липы. Даже здѣсь, въ душной, пропитанной тяжелымъ запахомъ, комнатѣ, чувствовалось, что тамъ, за окномъ, стоитъ бодрый и холодный осенній день, сіяетъ яркое, но не грѣющее солнце и тянетъ крѣпкимъ ароматомъ увядающаго листа.

Стаканычъ, сидя на кровати по-турецки, раскладывалъ на одѣялѣ старыми, почернѣвшими и распухшими отъ времени картами одинъ изъ самыхъ длинныхъ своихъ пасьянсовъ, — «двѣнадцать спящихъ дѣвъ», который онъ, изъ уваженія къ его сложности и числовому наименованію, раскладывалъ только по двенадесатымъ праздникамъ. Видъ у Стаканыча былъ сосредоточенный. Онъ то подымалъ вверхъ брови, морща дряблую кожу на лбу въ длинныя, волнообразныя складки, то опускалъ ихъ внизъ и сдвигалъ вмѣстѣ, отчего надъ переносьемъ появлялась короткая, прямая, озабоченная морщинка. Когда же онъ муслилъ во рту палецъ, чтобы взять съ колоды карту, отъ которой пахло стекольной замазкой, и въ то же время задумчиво пробѣгалъ прищуренными глазами пасьянсъ, то его губы круглились, какъ будто онъ собирался свистать.

— Иванъ Степанычъ, поди-ка, братецъ, ко мнѣ, — позвалъ вдругъ дѣдушка своимъ тонкимъ старческимъ голосомъ.

— А? Ты меня, что ли, дѣдушка? — обернулся суфлеръ.

— Поди, говорю, на минуточку. Поговорить хочу.

— Сейчасъ, сейчасъ, дѣдушка, дай только рядъ докончу. Ну вотъ, и вся недолга.

Стаканычъ перешелъ на кровать дѣдушки и усѣлся

у него въ ногахъ. Старикъ опять посмотрѣлъ въ окно на густое, синее, спокойное небо, потомъ пошевелилъ сложенными на животѣ пальцами и длинно вздохнулъ.

— Ну, что, дѣдушка, скажешь? — осторожно спросилъ Стаканычъ, слегка похлопывая старика по большой ступнѣ, которая горбомъ выпячивалась подъ одѣяломъ.

— Вотъ что, Стаканычъ... — Дѣдушка перевелъ глаза на суфлера, но глядѣлъ на него такъ равнодушно, какъ будто бы разглядывалъ что-то сквозь него. — Вотъ какую я тебѣ исторію скажу. Видѣлъ я сегодня во снѣ Машутку, свою внучку... Есть, братъ, у меня такая внучка въ Ростовѣ-на-Дону, Марьей ее зовутъ. Она портниха...

— Портниха? — озабоченно спросилъ Стаканычъ. — Портнихъ видѣть — не знаю, что значить. А вотъ иголку съ ниткой или вообще шить что-нибудь, — это непременно къ дорогѣ...

— Къ дорогѣ, такъ къ дорогѣ. Оно такъ, пожалуй, и выходитъ, что къ дальней дорогѣ... Но очень бы мнѣ хотѣлось ее еще разъ повидать передъ тѣмъ, какъ закончу земныя гастроли.

— Что кончу? — переспросилъ Стаканычъ, приставивъ ладонь рупоромъ къ уху.

— Аберъ глупости... ничего. — У дѣдушки было любимое словцо «аберъ», которое онъ безъ нужды совалъ въ свою рѣчь. — Потомъ глядѣлъ я все на небо. Осень теперь; Стаканычъ, и воздухъ на дворѣ, какъ вино... Прежде, бывало; въ такіе ядреные дни все куда-то тянуло... на мѣстѣ не усидишь... Бывало, нюхаешь-нюхаешь воздухъ, да ни съ того ни съ сего и закатаишь изъ Ярославля въ Одессу.

— Изъ Вологды въ Керчь, — подсказалъ Стаканычъ, вспомнивъ, по суфлерской привычкѣ, слова изъ старой пьесы.

— Чушь! — съ усиліемъ поморщился дѣдушка. —

Аберъ... я думалъ, что прошло ужъ это у меня. Но, какъ сегодня съ утра поглядѣлъ туда, — дѣдушка медленно перевелъ глаза на окно: — такъ и сталъ собираться. Выражаясь высокимъ штилемъ, вижу, что мое земное турне окончено. Но... все равно.

— Что за мысли, дѣдушка! — разсудительнымъ баскомъ перебилъ Стаканычъ и развелъ руки съ растопыренными пальцами. — Просто напустилъ ты на себя мехлюзію. Еще на наши могилки пескомъ посыплешь.

— Нѣ-ѣтъ, братъ... Вижу, что довольно. Поигралъ пятакомъ, да и за щеку, какъ говорили у насъ въ Орлѣ уличные мальчишки. Аберъ ты постой, Стаканычъ, не егози, — остановилъ онъ рукой суфлера. — Мнѣ, братъ, это все равно...

— И не боишься, дѣдушка? — спросилъ вдругъ неожиданно для самого себя съ жаднымъ любопытствомъ Стаканычъ.

— Ни чуточки. Наплевать!.. Гнусно мы съ тобой, братецъ, нашу жизнь прошлепали! Это вотъ плохо... А бояться — чего же? «Таковъ нашъ жребій, всѣхъ живущихъ — умирать». Ты не думай, Стаканычъ, и тебѣ не долго-ждать своей очереди.

Дѣдушка говорилъ эти страшныя слова со своими обычными передышками, такимъ слабымъ и безучастнымъ голосомъ, съ такимъ равнодушнымъ выраженіемъ усталыхъ, запавшихъ глазъ, что казалось, будто внутри его говорила старая, испорченная машина.

— Такъ-то вотъ, Стаканычъ. Рожденіе человека — случайность, а смерть — законъ. Но ты былъ все-таки добрый малый и самый замѣчательный изъ суфлеровъ, какихъ я только встрѣчалъ въ своей большой и дурацкой жизни. Знакомы мы съ тобой безъ малаго лѣтъ сто, и никогда ты не былъ противъ меня жуликомъ. Поэтому я хочу тебѣ сдѣлать презентъ. Возьми, братъ, себѣ на

память портсигаръ... вотъ онъ на столикѣ... бери, бери, не стѣсняйся... Портсигаръ хорошій, черенаховый... теперь такихъ больше не дѣлаютъ. Антикъ. Была на немъ даже золотая монограмма, аберъ украли гдѣ-то, а то, можетъ-быть, я и самъ ее потерялъ, или того... какъ его... продалъ. Возьми, Стаканычъ.

— Спасибо, дѣдушка... Только напрасно ты все это...

— Ну, ну, ну, чего тамъ!.. Въ немъ еще лежитъ мундштукъ пѣнковый. И мундштукъ возьми. Хорошій мундштукъ, обкуренный...

Стаканычъ вынулъ мундштукъ, повертѣлъ его и вздохнулъ.

— Спасибо, дѣдушка. Штучка великолѣпная. А у меня вотъ былъ тесть-брандмейстеръ, знаешь, стараго закала человекъ, изъ кантонистовъ. Такъ онъ давалъ пѣнки обкуривать своимъ пожарнымъ. Совсѣмъ черныя дѣлались.

— Очень просто, — равнодушно согласился дѣдушка. — Такъ бери, Стаканычъ, и мундштукъ. Все-таки когда-нибудь вспомнишь товарища. А вотъ только о чемъ я тебя попрошу. Тутъ останется послѣ меня разная хурда-мурда... одѣялишко, подушки и изъ платья кое-что... Конечно, рухлядь, аберъ на худой конецъ все рублей пятнадцать дадутъ.

— Да? — выжидательно произнесъ суфлеръ.

— Жду я, видишь, не пріѣдетъ ли внучка. Писала она мнѣ письмо. Такъ отдашь ей. Путь не близкій, большихъ денегъ стоитъ.

Оба помолчали. Дѣдушка поигралъ пальцами по одѣялу и протянулъ суфлеру руку.

— Ну, а теперь того... прощай, Стаканычъ. Полежу, подумаю...

— Священника бы? — нерѣшительно предложилъ Стаканычъ.

— Аберъ... оставь. Былъ у насъ въ Крыжополѣ па-

рикмахеръ Теофиль... изъ хохловъ. Такъ онъ все говорилъ: обойдется цыганское веселье безъ марцыпановъ. Чудакъ былъ человекъ. Смѣшно мнѣ всегда это бывало, Стаканычъ, что какъ ни парикмахеръ, такъ самый строгій театральный критикъ... Эхъ, Стаканычъ, помнишь Тамбовъ? Конскія ярмарки? Смольскую? Гусаровъ? Много, братъ, мы съ тобой пережили, аберь все впустую, и все это мнѣ теперь кажется, точно старая-престарая повѣсть... Ну, иди, иди, братъ...

Стаканычъ пожалъ его холодную, негнущуюся большую руку и, вернувшись на свою кровать, сѣлъ за прерванный пасьянсъ. И до самаго обѣда оба старика не произнесли больше ни слова, и въ комнатѣ стояла такая, по-осеннему, ясная, задумчивая и грустная тишина, что обманутыя ею мыши, которыхъ пропасть водилось въ старомъ домѣ, много разъ пугливо и нагло выбѣгали изъ своего подполья на середину комнаты и, блестя черными глазенками, суетливо подбирали разсыпанныя вокругъ стола хлѣбныя крошки.

III.

Передъ обѣдомъ пришли столкнувшіеся на подъѣздѣ Михаленко и Лидинъ-Байдаровъ. У опереточнаго премьера торчалъ подъ мышкой красный платочекъ, въ который были завязаны какіе-то припасы. Михаленко же вернулся въ убѣжище злой и усталый. Ему не заплатили обѣщанной за спектакль платы, а такъ какъ свои деньги онъ оставилъ въ театральномъ буфетѣ, то ему и пришлось возвращаться черезъ весь городъ пѣшкомъ. Войдя въ залу, онъ съ силою швырнулъ свою шляпу-котелокъ о полъ, цинично и длинно выругался и повалился на кровать. Онъ задыхался; его жирное лицо было блѣдно, единственный глазъ выкатился наружу съ выраженіемъ ненависти,

а отвисшія щеки блестѣли отъ пота. Безпредметная злоба, сдавливавшая ему горло и разливавшаяся горечью во рту, искала какого-нибудь выхода. Онъ увидѣлъ на шкапчикѣ у Лидина-Байдарова свою мѣдную машинку для папиросъ и тотчасъ же придрался къ этому.

— Послушай ты, старый павіанъ, надо раньше спрашивать, когда берешь чужую собственность. Подай сюда машинку, — сказалъ Михаленко.

— Какую тамъ еще машинку? — надменно и въ носъ спросилъ Лидинъ-Байдаровъ. — Вотъ тебѣ твоя машинка, подавись!

— Прошу не швыряться чужими вещами, которыя вы украли! — закричалъ Михаленко страшнымъ голосомъ и быстро сѣлъ на кровати. Глазъ его еще больше вылѣзъ изъ орбиты, а дряблыя щеки запрыгали. — Вы мерзавецъ! Я знаю васъ, вамъ не въ первый разъ присваивать чужое. Вы въ Перми свели изъ гостиницы чужую собаку и сидѣли за это въ тюрьмѣ. Арестантъ вы!

Отъ злости, болѣзни и усталости у него не хватало въ груди воздуха, и концы фразъ онъ выдавливалъ изъ груди хрипящимъ и кашляющимъ шопотомъ.

Байдаровъ обидѣлся. Обычная спѣсивая манера покинула его, и онъ визгливо закричалъ, брызгая отъ торопливости слюнями:

— А я васъ попрошу, господинъ Михаленко, немедленно возвратитъ мнѣ взятые у меня манжеты и галстукъ. И десять штукъ папиросъ, которыя вы мнѣ должны. Х-ха! Нечего сказать, хорошъ драматическій актеръ: никогда своего табаку не имѣетъ. Потерянная личность!..

— Молчите, старый дуракъ. Я вамъ размозжу голову первымъ попавшимся предметомъ! — захрипѣлъ Михаленко, хватаясь за спинку стула и тряся имъ. — Я могу быть страшенъ, чортъ возьми!..

— Ак-теръ! — язвилъ тономъ театральнаго презрѣнія

Лидинъ-Байдаровъ. — Вы на ярмаркахъ карликовъ представляли.

— А вы — воръ! Вы въ Иркутскѣ свистнули изъ уборной у Вилламова серебряный вѣнокъ и потомъ поднесли его сами себѣ въ бенефисъ. Низкій, слюнявый субъектъ!

Они ругались долго и ожесточенно, ругались до тѣхъ поръ, пока самыя безобразныя слова не потеряли своего смысла и перестали быть обидными. И самое нелѣпое въ этой руготнѣ было то, что они съ обычнаго актерскаго «ты» перешли для большей язвительности на «вы», и это вѣжливое мѣстоименіе смѣшно и дико звучало рядомъ съ бранными выраженіями кабаковъ и базаровъ. Потомъ, уставши, они стали браниться лѣнивѣе, съ большими перерывами, подобно тому, какъ ворчатъ, постепенно затихая, но все-таки огрызаясь время отъ времени, окончившія драку собаки. Но изъ Михаленки не успѣло еще выкипѣть безсильное, старческое раздраженіе. Когда принесли обѣдъ, онъ сначала привязался къ Стаканычу за то, что тотъ взялъ стулъ, который Михаленко считалъ почему-то принадлежащимъ ему, а затѣмъ напалъ на Тихона, разставлявшаго посуду.

— Ты, гарнизонная крыса, не мажь пальцами по тарелкѣ. Ты думаешь, пріятно ѣсть послѣ твоихъ поганыхъ рукъ!

— Да развѣ я... Ахъ, Господи! — обидѣлся Тихонъ. — Откуда же у меня руки будутъ поганыя, когда я мыль ихъ передъ обѣдомъ съ мыломъ?

— Знаю я тебя, кислая шерсть, — продолжалъ ворчать Михаленко. — Тоже подумаешь — севастополецъ. Герой съ дырой... Севастополь-то вы свой за картошку продали... герои...

Тихонъ всегда довольно терпѣливо сносилъ крупную соль актерскихъ остротъ, но онъ никогда не прощалъ Михаленкѣ Севастополя и легендарной картошки. И те-

перь, побагровѣвъ отъ негодованія, съ дрожащими руками, онъ закричалъ плачущимъ и угрожающимъ голосомъ:

— А вы вотъ что, господинъ Михаленко! Если вы про Севастополь еще одно слово, я завтра же пойду къ смотрителю. Такъ и скажу, что житья миѣ отъ васъ нѣтъ. Только пьянствуете и ругаетесь. Небось, какъ изъ богадѣльни васъ попросятъ, куда вы сунетесь? Одно останется: руку горсточкой протягивать.

Передъ обѣдомъ Стаканычъ готовилъ себѣ салатъ изъ свеклы, огурцовъ и прованскаго масла. Всѣ эти припасы принесъ ему Тихонъ, дружившій со старымъ суфлеромъ. Лидинъ-Байдаровъ жадно слѣдилъ за стряпней Стаканыча и разговаривалъ о томъ, какой онъ замѣчательный салатъ изобрѣлъ въ Екатеринбургѣ.

— Стоялъ я тогда въ Европейской, — говорилъ онъ, не отрывая глазъ отъ рукъ суфлера. — Поваръ, понимаешь, французъ, шесть тысячъ жалованья въ годъ. Тамъ вѣдь на Уралѣ, когда наѣдутъ золотопромышленники, такіе кутежи идутъ... милліонами пахнетъ!..

— Все вы врите, актеръ Байдаровъ, — вставилъ, прожевывая говядину, Михаленко.

— Убирайтесь къ чорту! Можете спросить кого угодно въ Екатеринбургѣ, вамъ всякій подтвердитъ... Вотъ я этого француза и научилъ. Потомъ весь городъ нарочно ѣздилъ въ гостиницу пробовать. Такъ и въ меню стояло: салатъ а ла Лидинъ-Байдаровъ. Понимаешь: положить груздочковъ солененькихъ, нарѣзать тоненько крымское яблоко и одинъ помидорчикъ и крошить туда головку лука, картофеля варенаго, свеклы и огурчиковъ. Потомъ все это, понимаешь, смѣшать, посолить, поперчить и полить уксусомъ съ прованскимъ масломъ, а сверху чуть-чуть посыпать мелкимъ сахаромъ. И къ этому еще подается въ соусникѣ растопленное малороссійское сало;

знаешь, чтобы въ немъ шкварки плавали и шипѣли... Уд-дивительная вещь! — прошепталъ Байдаровъ, даже зажмурясь отъ удовольствія. — А ну-ка, Стаканычъ, дай-ка попробоватъ, что ты тамъ накулинарилъ?..

Дѣдушка отказался отъ обѣда. Садясь за столъ, Михаленко и его задѣлъ ядовитымъ словомъ:

— Что, дѣдушка, помирать собрался? Пора бы ужъ, старикъ, пора; землей пахнешь. Тебѣ, чай, на томъ свѣтѣ давно провіантъ отпускаютъ.

Дѣдушка спокойно, безъ всякаго выраженія скользнулъ взглядомъ по Михаленкѣ, точно поглядѣлъ мимоходомъ на неодушевленный предметъ.

— Противный ты человѣкъ, Михаленко, — сказалъ онъ равнодушно.

Когда актеры кончили обѣдъ и Тихонъ принялся убирать со стола, дѣдушка поманилъ его къ себѣ рукой и спросилъ:

— А что, Тихонъ, обо мнѣ никто тамъ не справлялся?

— Гдѣ-съ, Николай Николаевичъ?—изумился Тихонъ.

— Говорю, не приходили ли ко мнѣ?... Дама одна...

— Никакъ нѣтъ, никто не приходилъ.

Тихонъ отъ удивленія даже развелъ руками, нагруженными посудой.

— Аберъ... ты вотъ что, Тихонъ... Если я засну, или что, а тамъ придутъ ко мнѣ, такъ ты меня того... разбуди. Барыня одна придетъ... внучка моя... Такъ ты разбуди...

Дѣдушка слабо махнулъ рукой и отвернулся отъ Тихона. И до глубокой ночи онъ лежалъ молча, еле замѣтно двигая пальцами по одѣялу и пристально, со строгой важностью глядя то въ противоположную стѣну, то въ широкое венеціанское окно, за которымъ тихо и ярко горѣла вечерняя заря.

А Михаленко съ Лидинымъ-Байдаровымъ послѣ обѣда,

какъ ни въ чемъ не бывало, сѣли играть въ шестьдесятъ шесть. Но Михаленкѣ не везло и въ картахъ. Онъ проигралъ два съ полтиной, что вмѣстѣ со старымъ долгомъ составило круглую сумму въ двѣ тысячи рублей. Это разсердило Михаленку. Онъ сталъ провѣрять записи партнера и кончилъ тѣмъ, что уличилъ его въ нечестной игрѣ. Актеры опять сцѣпились и въ продолженіе двухъ часовъ выдумывали другъ о другѣ самыя грязныя и неправдоподобныя исторіи.

IV.

Славяновъ-Райскій съ утра не покидалъ Капернаума. Стоя у прилавка, онъ держалъ рюмку двумя пальцами, оттопыривъ мизинецъ, и жирнымъ актерскимъ баритономъ благосклонно и вѣско бесѣдовалъ съ хозяиномъ о томъ, какъ идутъ дѣла ресторана, и о старыхъ актерахъ, посѣщавшихъ въ былыя времена изъ года въ годъ Капернаумъ. Ресторанный воздухъ точно воскресилъ въ немъ ту наигранную, преувеличенную и манерную любезность, которой отличаются актеры внѣ кулисъ, на глазахъ публики. Случалось, что кто-нибудь тянулся черезъ него къ стойкѣ. Тогда онъ учтиво и предупредительно отодвигался вбокъ, дѣлалъ свободной отъ рюмки рукой плавный, приглашающій жестъ и произносилъ великолѣпнымъ тономъ театральнаго стараго барина:

— Тысячу извиненій... Пра-ашу васъ.

Уставъ стоять, онъ сѣлъ за ближайшій къ прилавку столикъ, облюбованный, по старой привычкѣ, завсегда таями Капернаума, и спросилъ газету. Ресторанъ быстро наполнялся. Сюда обыкновенно ходили, привлекаемые дешевизной и уютностью, студенты, мелкіе чиновники и приказчики. Скоро не осталось ни одного свободного мѣста. Два запоздавшіе посѣтителя — одинъ, постарше,

хохластый, съ крѣчковатымъ носомъ, похожій на степеннаго попугая, а другой маленькій, подвижный, съ длинными масляными волосами и въ пенсне — не находили гдѣ присѣсть и, смѣясь, озирались по сторонамъ. Райскій перехватилъ взглядъ длинноволосаго. Слегка приподнявшись, онъ произнесъ съ напыщенной вѣжливостью:

— Если васъ только не стѣснить... э-э... я позволю себѣ предложить вамъ мѣсто за своимъ столомъ...

Посѣтители разсыпались въ благодарностяхъ и пошли къ буфету пить водку. Оба они считались въ ресторанѣ почетными гостями, «дававшими хорошо торговать». Они поздоровались съ хозяиномъ за руку и заговорили съ нимъ вполголоса. Славяновъ-Райскій понялъ, что рѣчь шла о немъ. Притворяясь углубленнымъ въ «Новое Время», онъ ловилъ привычнымъ ухомъ отрывки фразъ, которыя шопотомъ говорилъ хозяинъ, наклоняясь черезъ стойку.

— Ну да, тотъ самый... Помилуйте, пятьсотъ за выходъ. Это въ тѣ-то времена! Талантище замѣчательный... Только двое: онъ да Ивановъ-Козельскій... Чтò?.. Ну, конечно, если бы не пилъ...

Гости, дававшіе торговать, были польщены. Прежде, чѣмъ сѣсть, тотъ, чтò былъ похожъ на попугая, сморщилъ лицо въ заискивающую улыбку и, кланяясь и потирая руки, сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ... хе-хе-хе... нельзя ли ужъ намъ всѣмъ познакомиться... Знаете ли, въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ... Позвольте представиться...

Онъ оказался оцѣнщикомъ земельного банка, а его товарищъ — воскреснымъ фельетонистомъ мѣстнаго листка. Фельетонистъ встряхивалъ масляными волосами и бормоталъ:

— Мы оба съ вами представители искусства... Ваше

громкое имя... Печать и сцена, какъ два полюса, всегда должны идти рука объ руку.

Славяновъ-Райскій, падкій на ресторанныя знакомства, пожималъ имъ руки, привѣтливо кивалъ головой и улыбался широкой, дѣланной актерской улыбкой, обнаруживавшей беззубый ротъ.

— Очень пріятно встрѣтиться... Въ теперешнее время забываютъ насъ, старыхъ артистовъ, и тѣмъ болѣе отрадно... Нѣтъ, нѣтъ, благодарствуйте, отъ завтрака я откажусь... Но если вы уже такъ настаиваете, то развѣ одну только м-маленькую рюмочку водки... за компанію. Только уговоръ: расчетъ по-американски, каждый за себя... Мерсі. Ваше здоровье!.. Пожалуйста, не беспокойтесь, мнѣ отлично сидѣть. Благодарю васъ, коллега, благодарю, — говорилъ онъ покровительственнымъ баскомъ, пожимая съ фамиллярной лаской руку фельетониста выше локтя.

Славяновъ и вправду не хотѣлъ ѣсть, потому что, какъ застарѣлый алкоголикъ, давно страдалъ отсутствіемъ аппетита. Водку же и пиво онъ пилъ благосклонно, по опьянѣлъ отъ четырехъ рюмокъ и сталъ врать. Поклонники ѣли порціонный завтракъ, а онъ критиковалъ кушанья и объяснялъ подробно, какъ выкармливаютъ въ Тамбовѣ поросятъ, какъ отпаиваютъ телятъ въ Суздалѣ, и какую уху онъ ѣлъ у рыбаковъ на Волгѣ. Потомъ онъ рассказывалъ о баснословныхъ кутежахъ, которые въ его честь задавалъ въ какомъ-то губернскомъ городѣ директоръ банка, угодившій впоследствии подъ судъ, и о торжественномъ обѣдѣ, устроенномъ ему въ Москвѣ печатью. При этомъ онъ безъ затрудненія сыпалъ фамиліями, выхватывая ихъ изъ старыхъ пьесъ или просто сочиняя, и всѣхъ называлъ уменьшительными именами: — «Сашка Путята... сверхъестественный мужчина... двадцать четыре тысячи въ годъ, не считая суточныхъ!.. И съ

нимъ вмѣстѣ Измаилка Александровскій... Измаилушка! Вотъ это были люди! Измаиль на вытянутой рукѣ подымалъ восемнадцать пудовъ... Пойми ты, огарокъ, восемнадцать пудовъ! — Онъ уже обращался къ своимъ новымъ знакомымъ на ты и, забывъ американскій расчетъ, безцеремонно распоряжался за столомъ.

Затѣмъ онъ началъ читать монологи пьянымъ, хриплымъ голосомъ, съ воплями, завываніями и неожиданной икотой въ драматическихъ мѣстахъ. Иногда онъ забывалъ слова и, съ трудомъ вспоминая ихъ, дѣлалъ видъ, что длинной паузой усиливаетъ смыслъ фразы; тогда онъ молча и безсильно раскачивался на стулѣ съ рукой, застывшей въ трагическомъ жестѣ, и со страшными, вращающимися глазами. Но такъ какъ оба его сосѣда начинали чувствовать себя неловко, а многіе посѣтители, оставивъ свои мѣста, собирались вокругъ почетнаго столика, то самъ хозяинъ подошелъ къ пьяному актеру и сталъ его уговаривать:

— Меркурій Иванычъ, не разоряйтесь, пожалуйста. Знаете ли, безобразно... и другіе гости обижаются. Ну развѣ нельзя честь-честью? Тихо, мирно, благородно...

— Уйди отъ меня, буржуй! — закричалъ Славяновъ, отмахиваясь отъ хозяина локтемъ и мѣряя его грознымъ взглядомъ. — Съ кѣмъ говоришь!...

И онъ принялся скандалить, какъ скандалилъ послѣ выпивки всю свою жизнь, во всѣхъ городахъ и во всѣхъ ресторанахъ. Сначала онъ обозвалъ скверными словами хозяина, потомъ своихъ собесѣдниковъ, пытавшихся его образумить, и наконецъ обрушился на всю глазѣвшую на него публику.

— Всѣ вы свиньи, ненавидимыя мной! — кричалъ онъ, качаясь взадъ и впередъ на стулѣ и стуча кулаками по столу. — Ненавижу васъ и презираю!.. Публика! Есть ли на свѣтѣ слово изменнѣе этого? А-а! Вы сбѣжались

посмотрѣть на скандалъ? Ну, такъ вотъ вамъ, глядите! — Славяновъ съ размаху хлопнулъ себя ладонью по груди. — Вотъ передъ вами первый въ Россіи трагическій актеръ, который влачитъ нищенское существованіе. Любопытно? И все-таки я презираю васъ, хамы, всѣми фибрами своей души! Вы, кажется, смѣтаетесь, молодой идіотъ въ розовомъ галстукѣ? — обратился онъ вдругъ къ кому-то за сосѣднимъ столикомъ. — Кто вы такой? Вы приказчикъ? Камердинеръ? Бильярдный шулеръ? Парикмахеръ? Ага! Улыбка уже исчезла съ вашего лошадинаго лица. Вы — букашка, вы въ жизни жалкій статистъ, и ваши полосатые панталоны переживутъ ваше ничтожное имя. Да, да, смотрите на меня, жвачныя животныя! Я былъ гордостью русской сцены, я оставилъ слѣдъ въ исторіи русскаго театра, и если я палъ, то въ этомъ трагедія, болваны! А вы, — Славяновъ обвелъ широкимъ пьянымъ жестомъ всѣхъ глазѣвшихъ на него встревоженныхъ людей: — вы мелочь, соръ, инфузоріи!..

— Позвольте!.. Это скандалъ!.. Мы этого не потерпимъ! — раздались негодующія восклицанія. — Гдѣ хозяинъ? Выкинуть этого субъекта! Послать за полиціей!..

Трактирный слуга бережно взялъ Славянова подъ мышки и повлекъ къ выходу. Славяновъ не сопротивлялся, но и не переставалъ браниться. Когда же его просовывали въ двери, онъ разбилъ кулакомъ оконное стекло и окровавилъ себѣ руку. Оцѣнщикъ банка и фельетонистъ рѣшили вдругъ, что съ ихъ стороны будетъ постыдно бросить на произволъ судьбы пьянаго, больного старика. Съ большимъ трудомъ узнали они у перваго трагическаго актера его адресъ и при помощи дворника усадили его на пролетку. Но, отѣхавъ два шага, Славяновъ вдругъ остановилъ извозчика.

— Послушайте, какъ васъ? — пьянымъ движеніемъ

руки подозвалъ онъ къ себѣ оцѣнщика. — Это я съ вами, кажется, сидѣлъ? Дайте рубль.

— Ахъ, пожалуйста, — любезно заторопился бухгалтеръ, вынимая изъ кармана портмоне.

— Давайте сюда... Отлично. Запишите этотъ день красными чернилами въ своемъ гроссбухѣ. Сегодня вы подали милостыню артисту Славянову-Райскому. Чортъ васъ побери!..

И всю дорогу, до самаго убѣжища, онъ бранился скверными словами, раскачиваясь въ разныя стороны на пролеткѣ.

V.

Въ убѣжище онъ явился совершенно пьяный. Глаза у него остеклянѣли, нижняя челюсть отвисла, изъ-подъ сидѣвшей на затылкѣ шляпы спускались на лобъ мокрыми сосульками волосы. Войдя въ общую комнату, онъ скрестилъ руки, свѣсилъ низко на грудь голову и, глядя впередъ изъ-подъ грозно нахмуренныхъ бровей, такъ что вмѣсто глазъ виднѣлись одни только бѣлки, началъ неистовымъ голосомъ гамлетовскій монологъ:

Для чего

Ты не растаешь, ты не распадешься прахомъ,
О, для чего ты крѣпко, тѣло человека!

— Н-да-а, хоро-ошъ! — сказалъ Стаканычъ, качая головой,

— Тихонъ, — взвизгнулъ фистулой Михаленко: — уберите немедленно этого пьянаго господина!

Но Славяновъ продолжалъ декламировать, не обращая на него вниманія. И, несмотря на сильное опьянѣнiе, несмотря на хрипоту и бляенiе въ голосѣ, онъ все-таки, по бессознательной привычкѣ, читалъ очень хорошо, въ старинной благородной и утрированной манерѣ:

И если бы Всесильный намъ не запретилъ
Самоубійства... Боже мой, великій Боже!
Какъ гнусны, бесполезны, какъ ничтожны
Дѣянья человѣка на землѣ!

— Эй, суфлеръ, что же ты не подаешь? Заснулъ! —
крикнулъ Славяновъ на Стаканыча, который смотрѣлъ на
него, сидя на кровати и кривя ротъ въ довольную
усмѣшку.

— Меркурь Ивановъ, вы же знаете, что я по Поле-
вому не могу. Я по Кронебергу.

— Подавай, какъ тебѣ велятъ...

Жизнь! Что ты? Садъ, заглохшій
Подъ дикими безплодными гровами!..
Едва лишь шесть недѣль прошло...

— Прошу васъ, пьяный актеръ Райскій, прекратить
вашу дурацкую декламацію! — опять закричалъ Миха-
ленко. — Вы не въ кабакъ, гдѣ вы привыкли кривляться
за рюмку водки и бутербродъ съ килькой.

— Молчи, червякъ! — бросилъ ему съ трагическимъ
жестомъ Славяновъ. — Съ кѣмъ говоришь?.. Подумай, съ
кѣмъ ты говоришь... Ты, считавшій за честь подать ка-
лоши артисту Славянову-Райскому, когда онъ уходилъ
съ репетиціи, ты, актеръ, игравшій толпу и голоса за
сценой! Рабъ! Неодушевленная вещь!..

— У! Дуракъ пьяный! — выдавилъ изъ себя вмѣстѣ съ
припадкомъ кашля Михаленко.

— А-а! Ты забылъ разницу между нами? Негодный!
Это цѣлая бездна. Во мнѣ каждый вершокъ — великій
артистъ, вы же всѣ — гниль и паразиты сцены.

— Однако вы потише, господинъ Райскій, — гордымъ
тономъ вмѣшался Лидинъ-Байдаровъ. — Если вы будете
продолжать ваши пьяныя оскорбленія людей, которые
васъ не трогаютъ, то вы можете сильно за это запла-
титься, чортъ возьми!..

— Ты... ты... ты!.. — захлебнулся Славяновъ отъ негодованія. — Какъ у тебя повернулся языкъ? Этотъ вотъ, — онъ величественно указаль на Михаленку:—этотъ хоть ходилъ по сценѣ, подавая стаканы, но онъ все-таки актеръ...

— Эюіопъ вы! — болѣе спокойнымъ тономъ огрызнулся Михаленко.

— А ты, кан-наля, ты вылѣзь на сцену, не имѣя на это никакихъ правъ, кромѣ толстыхъ ляжекъ въ розовомъ трико. Ты пѣль козломъ и дѣлалъ гнусныя тѣлодвиженія. — «О, сновидѣнье, о, наслажденье!», — передразнилъ Славяновъ, сдѣлавъ непристойный жестъ. — Ты попалъ въ храмъ искусства по недоразумѣнію, случайно, какъ могъ бы попасть въ распорядители кафе-шантана или открыть публичный домъ. Ты — мѣдная голова, ты — безстыдникъ! Вотъ, именно, без-стыд-никъ! У тебя, какъ у медкаго, гаденькаго и похотливаго звѣрюшки, никогда не было стыда за свой жестъ, за свою мимику, не было стыда лица и тѣла. Тебѣ, съ твоей развязностью продажнаго мужчины, ничего не стоило бы голымъ выско-чить предъ публику, если бы только на это далъ позво-леніе околоточный надзиратель, котораго одного ты боялся и уважалъ во всю свою презрѣнную жизнь.

— Я не понимаю, что меня удерживаетъ отъ удоволь-ствія вышвырнуть васъ въ окно! — воскликнулъ напы-щенно Лидинъ-Байдаровъ.

— У-у, кретинъ! Вѣдь въ каждомъ звукѣ твоего голоса слышна глупость, въ каждомъ твоёмъ движеніи видно разжиженіе мозга. Но у тебя никогда нельзя было разо-братъ, гдѣ у тебя кончается глупость и гдѣ начинается подлость. Даже отъ твоего театральнаго имени вѣтъ по-шлостью и нахальствомъ. «Лидинъ-Байдаровъ»! Скажите, пожалуйста!.. А ты просто шкловскій мѣщанинъ Мовша Розентуль, сынъ старьевщика и самъ въ душѣ ростовщикъ.

— Пропойца, скандалистъ, дутая знаменитость!

— Пропойца! — презрительнымъ басомъ и выпятивъ нижнюю губу, протянулъ Славяновъ. — Соглашаюсь, былъ Славяновъ-Райскій пропойцей. Пилъ чрезмѣрно и много безобразничалъ, билъ портныхъ и реквизиторовъ, билъ антрепренеровъ и рецензятъ, іудино племя. Но спроси, кто помнитъ зло на Славяновъ-Райскомъ? Черезъ мои руки прошли сотни тысячъ денегъ, но спроси, гдѣ онѣ? Отъ меня ни одинъ бѣднякъ, ни одинъ маленькій актериска не вышелъ безъ помощи. Шарманщики, уличные акробаты, слѣпые музыканты были моими друзьями. А сколько пѣвоковъ питалось около меня!.. И такъ я жилъ!.. Широко жилъ, съ размахомъ. Вонъ Стаканычъ знаетъ меня пятнадцать лѣтъ, онъ скажетъ. Правду я говорю, Стаканычъ?

— Вы мнѣ, что ли, Меркурь Иванычъ? — спросилъ суфлеръ, отрываясь отъ своихъ коробочекъ и дѣлая руку надъ глазами щиткомъ.

— Всегда первый номеръ въ самой дорогой гостиницѣ. Прислугѣ швырялъ золото, какъ индійскій принцъ. Лучшій экипажъ, лошади — львы, кучеръ — страшилище, идоломъ сидитъ на козлахъ. Свой собственный лакей былъ — Мишка. Кто не зналъ моего Мишку? Антрепренеры въ немъ заискивали, чтобы узнать, въ какомъ духѣ я проснулся сегодня... за руку съ нимъ здоровались. А какъ я одѣвался! Всегда фракъ и англійское бѣлье. Каждый день Мишка покупалъ для меня новую сорочку: стиранаго не носилъ, гнушался. Портные за честь считали шить для меня въ долгъ. Городскіе франты нарочно ходили въ театръ поучиться у меня, какъ надо носить платье.

— Вотъ, братъ, и проносился, — ехидно вставилъ Лидинъ-Байдаровъ.

— О, тварь, ненавидимая мною! — завопилъ Славя-

новъ. — Да, я проносился, пропился и палъ до того, что живу въ одной грязной клѣткѣ съ такой мерзкой обезьяной, какъ ты. Но я прожилъ огромную жизнь, я испыталъ сладость вдохновенія, и за мною шла сказочная, царственная слава. Я заставлялъ людей плакать и радоваться. О, что я дѣлалъ съ толпой! Когда въ «Макбетѣ» въ сценѣ съ кинжаломъ я показывалъ рукой въ пространство, то полторы тысячи зрителей вставали съ своихъ мѣстъ, какъ одинъ человекъ. А какимъ я былъ Коррадо! Въ Харьковѣ полиція не дала мнѣ доиграть послѣдняго акта, потому что тогда разрыдались всѣ, — и мужчины и женщины, и даже на глазахъ у актеровъ, игравшихъ со мною, я видѣлъ слезы. Пойми же, орангутангъ, слезы!.. Ты, балаганный Петрушка, безчестилъ швеекъ, обѣщая сдѣлать изъ нихъ опереточныхъ примадоннъ, въ тебя стрѣляли, какъ въ бѣшеную собаку, когда ты убѣгалъ изъ опозоренныхъ тобою спаленъ, ты дрожалъ надъ каждой копейкой и отдавалъ тайкомъ деньги въ незаконный ростъ, и только потому не сдѣлался подъ старость содержателемъ ссудной кассы, что тебя, когда ты сталъ скорбенъ главою, обобрала первая попавшаяся судомойка. Ты въ каждомъ городѣ оставлялъ грязные хвосты, и есть тысячи людей, которымъ ты, при всей своей наглости, не посмѣешь поглядѣть въ глаза. А я по всей Россіи, отъ Архангельска до Ялты и отъ Варшавы до Томска, прошелъ съ гордо поднятой головой, не чувствуя ни стыда ни страха. Со мною губернаторы считались! Когда на Волгѣ описали за долги мой театръ и ко всѣмъ дверямъ приложили печати, что я сдѣлалъ? Я не тронулъ печатей, но снялъ съ петель всѣ двери и все-таки далъ спектакль. Кто бы могъ это сдѣлать, кромѣ Славянова-Райскаго?.. Стой, Тихонъ! — остановилъ онъ солдата, который въ это время бережно несъ къ образу зажженную лампадку. — Дай закурить...

Славяновъ потянулся къ огню, но Тихонъ сурово посмотрѣлъ на актера и отвелъ руку съ лампадкой въ сторону.

— Стыдитесь, господинъ Райскій, — сказалъ онъ внушительно. — Пора бы ужъ и о смертномъ часѣ подумать, а вы святотатствуете. Гдѣ же это видано, чтобы отъ лампы закуривали? Да еще въ такой праздникъ?

— Ну, ну, гарниза-пуза, пошелъ разговаривать! — крикнулъ со своей кровати Михаленко. — Вотъ, постой, я перебую всѣ твои лампы. Только вонь разводишь. Идолопоклонникъ!..

— Эхъ, ужъ вы-ы! — безнадежно махнулъ рукой Тихонъ. — Одно слово, безбожники вы, господинъ Михаленко. Вотъ господинъ Райскій... они хоть и выпитши, а я на нихъ никакъ не надѣюсь, чтобы они такое слово сказали.

Обличительная рѣчь Тихона дала вдругъ новое направление пьянымъ мыслямъ Славянова. Онъ умилился и со слезами полѣзъ цѣловать солдата.

— Тихонъ, душа моя!.. Добрый, старый, вѣрный Тихонъ! Понимаешь ты Славянова-Райскаго? Жалѣешь? Дай, я поцѣлую твою честную, сѣдую голову.

— Господи, да какъ же намъ не понимать! — расчувствовался въ свою очередь Тихонъ. Онъ утерся рукавомъ и съ готовностью подставилъ губы Славянову. Потомъ, съ кряхтѣньемъ установивъ лампадку и слѣзая съ табурета, онъ сказалъ, добродушно и укоризненно покачивая головой:

— А нѣтъ того, чтобы отставному севастополю по жертвовать на построение полдиковинки. Сами кушаете водочку, а свою вѣрную слугу забываете.

— Тихонъ! Радость моя! Голубка! Все я растрянжилъ, старый крокодилъ... Впрочемъ, постой... Тамъ у меня, кажется, еще что-то осталось. — Онъ пошарилъ

въ карманѣ и вытащилъ оттуда вмѣстѣ съ грязной ватой, обломками спичекъ, крошками табаку и другимъ соромъ, нѣсколько мѣдныхъ монетъ. — На, получай, старый воинъ. И знай, Тихонъ, — вдругъ съ паѳосомъ воскликнулъ Славяновъ, ударивъ себя въ грудь кулакомъ: — знай, что тебя одного даритъ своей дружбой жалкая развалина того, что раньше называлось великимъ артистомъ Славяновымъ-Райскимъ!

И онъ расплакался обильными, пьяными, истерическими слезами. Плакавалъ онъ свою погибшую шумную жизнь, и свою сиротливую старость, и то, что его никто не понимаетъ, и то, что его давеча такъ оскорбительно вывели изъ ресторана. Его сожители давно уже лежали подъ одѣялами, а онъ все говорилъ и говорилъ, изрѣдка обращаясь къ своему сосѣду Стаканычу, который отвѣчалъ соннымъ, невнятнымъ мычаніемъ. И въ этомъ неясномъ бредѣ безобразно сплетались экипажи, фраки, губернаторы, серебряные сервизы, отрывки ролей и грязная ругань. И когда онъ наконецъ заснулъ, то все еще продолжалъ бормотать въ тяжеломъ, полномъ призраковъ, пьяномъ снѣ.

VI.

Къ часу ночи на дворѣ поднялся упорный осенній вѣтеръ съ мелкимъ дождемъ. Липа подъ окномъ раскачивалась широко и шумно, а горѣвшій на улицѣ фонарь бросалъ сквозь ея вѣтви слабый, причудливый свѣтъ, который узорчатыми пятнами ходилъ взадъ и впередъ по потолку. Лампадка передъ образомъ теплилась розовымъ, кротко мерцающимъ сіяніемъ, и каждый разъ, когда длинный язычокъ огня съ легкимъ трескомъ вспыхивалъ сильнѣе, то изъ угла вырисовывалось въ золоченой ризѣ темное лицо Спасителя и Его благословляющая рука.

Все актеры, кроме Славянова, бредившаго во снѣ, проснулись среди ночи и лежали молча, со страхомъ и тоскою въ душѣ. Лидинъ-Байдаровъ, у котораго отъ прежнихъ привычекъ осталась только жадная любовь къ сладкому, вѣль принесенную имъ днемъ ватрушку съ вареньемъ и старался дѣлать это какъ можно тише, чтобы не услышали сосѣди. Михаленко, покрывшись съ головой одѣяломъ, пугливо прислушивался къ глухому и тревожному біенію своего сердца. Каждый разъ, когда вѣтеръ, напирая на стекла и потрясая ими, бросалъ въ нихъ съ яростной силой брызги дождя, Михаленко глубже прятался головой въ подушку и наивно, какъ это дѣлаютъ въ темнотѣ боязливые дѣти, закрепщивалъ мелкими быстрыми крестами всѣ щелочки между своимъ тѣломъ и одѣяломъ. Стаканычъ слѣзъ съ кровати и стоялъ на колѣняхъ. Въ темнотѣ слышались его глубокіе вздохи, однообразный, непрерывный и торопливый шопотъ и глухой стукъ его лба о полъ. Напротивъ его, все такъ же прямо и неподвижно вытянувшись, лежалъ дѣдушка. Глаза его медленно переходили съ чернаго окна на нѣжно-розовый мерцающій свѣтъ лампадки и на тѣни, качавшіяся по потолку. Лицо у него было важное, спокойное и задумчивое.

Позднѣе другихъ проснулся Славяновъ-Райскій. Онъ былъ въ тяжеломъ, грузномъ похмельѣ, съ оцѣпенѣвшими руками и ногами, съ отвратительнымъ вкусомъ во рту. Сознаніе возвращалось къ нему очень медленно, и каждое движеніе причиняло боль въ головѣ и тошноту. Ему съ трудомъ удалось вспомнить, гдѣ онъ былъ днемъ, какъ напился пьянымъ и какъ попалъ изъ ресторана въ убѣжище.

Онъ вспомнилъ также, что у него въ карманѣ пальто лежитъ полбутылка водки, которую онъ всегда, даже въ самомъ пьяномъ состояніи, запасалъ себѣ на утро.

Это у него была своеобразная, приобретенная долгимъ пьянымъ опытомъ и обратившаяся въ инстинктъ привычка стараго алкоголика. Онъ всталъ и прошелъ босикомъ къ шкапу, гдѣ висѣло верхнее платье. Черезъ минуту оттуда послышалось, какъ задрезжало въ его дрожащихъ рукахъ, стуча о зубы, горлышко бутылки, какъ забулькала въ ней жидкость, и какъ самъ Славяновъ закричалъ и зафыркалъ губами отъ отвращенія.

— Райскій, душечка, одолжи и мнѣ, — молящимъ шопотомъ попросилъ Михаленко: — такая тоска... такая тоска...

Славяновъ поднялъ бутылку и нерѣшительно посмотрѣлъ сквозь нее на свѣтъ лампадки. Ему было жаль водки, но онъ никогда не умѣлъ отказать, если его о чемъ-нибудь просили.

— Эхъ, ну ужъ ладно, давай стаканъ, — сказалъ онъ, сморщившись.

Въ темнотѣ опять заплескала жидкость и зазвенѣло стекло о стаканъ.

— Ну, вотъ, спасибо, братикъ, спасибо, — говорилъ Михаленко. — Ффа-а-а, ожгло!.. Славный ты товарищъ, Меркурій Ивановичъ...

— Ну ладно ужъ... чего ужъ тамъ... Давеча я наговорилъ тебѣ неприятностей, такъ ты ужъ того... не очень сердись.

— Вотъ глупости. Чай, мы съ тобой не чужіе. Свой братъ, Исакій. Ты мнѣ, я тебѣ, безъ этого не обойдешься.

— Вѣрно, вѣрно, милый... именно не обойдешься, — со вздохомъ зашепталъ Славяновъ, усаживаясь на кровати Михаленки. — Трудно безъ этого. Живемъ мы кучей, тѣсно и все другъ о друга тремся. Видалъ ты, въ нѣкоторыхъ домахъ ставятъ такія стеклянныя мухоловки съ пивомъ? Наберется туда мухъ видимо-невидимо, и всѣ

онъ въ собственномъ соку киснуть да киснуть, пока не подохнуть. Такъ и мы, братъ Саша, въ своей мухоловкѣ закисло и обозлились... А кромѣ того, я и особо сердить на этого идіота, Байдарова. Ну, скажи на милость, какой онъ намъ товарищъ? Какой онъ артистъ? Все равно, что изъ грязи пуля. Другое дѣло, взять хоть бы насъ съ тобой, Сашуха... все-таки мы какъ-никакъ, а послужили театру.

— Что ужъ вы, Меркурій Ивановичъ, ровняете меня съ собой. Вы, можно сказать — кить сцены, а я такъ... пескаришка маленькій...

— Оставь, Саша. Оставь это, братецъ мой. У тебя тоже талантище былъ: теплота, юморъ, свѣжести сколько. У теперешнихъ механиковъ этого нѣтъ. Другой шерсти люди. Нутра имъ вовсе не дадено отъ природы. А ты нутромъ игралъ.

— Гдѣ ужъ намъ, Меркурій Ивановичъ! Наше дѣло маленькое. За васъ вотъ обидно.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не грѣши, Саша, ты этого не говори. Я вѣдь тебя хорошо помню въ «Женитьбѣ Бѣлугина». Весь театръ ты тогда морилъ со смѣху. Я стою за кулисами и злюсь: сейчасъ мой выходъ, сильное мѣсто, а ты публику въ лоскъ уложилъ хохотомъ. «Эка, думаю, переигрываетъ, прохвость! Весь мой выходъ обгадилъ». А самъ, понимаешь, не могу отъ смѣха удержаться, трясусь, прыскаю, и шабашъ. Вотъ ты какъ игралъ, Сашецъ! У нынѣшнихъ этого не сыщешь. Шалишь!.. Но не везло тебѣ, Михаленко, судьбы не было.

— Что жъ, Меркурій Ивановичъ, — согласился польщенный Михаленко: — это вѣрно, что и меня публика хорошо принимала. Только голосу у меня нѣтъ настоящаго, вотъ что скверно. Астма эта проклятая.

— Вотъ, вотъ, вотъ... я это самое и говорю. Астма, или тамъ, скажемъ, судьба, — это все равно. Мнѣ вотъ

повезло, и я покатишь въ гору, а ты хоть и талантливъ, и знаешь сцену, какъ никто, а тебѣ не поперло. Но это и не суть важно. Главное, что упали-то мы съ тобой все равно въ одно мѣсто, въ одну и ту же отравленную мухоловку, и тутъ намъ пришелъ и сундукъ и крышка.

— Не пили бы, такъ и не падали бы, Меркурій Ивановичъ, — съ горькой насмѣшкой вставилъ Михаленко.

— Молчи, молчи, Саша, — испуганно и умоляюще зашепталъ Славяновъ: — не смѣйся надъ этимъ... Развѣ легко падать-то? Погляди на меня. Я ли не былъ вознесенъ, а теперь что? Живу на изживеніи купчишки, хожу по трактирамъ, норовлю выпить на чужой счетъ, кривляюсь... Бываетъ вѣдь и мнѣ стыдно, Саша... охъ, какъ стыдно!.. Вѣдь мнѣ, Саша, голубушка ты моя, шестьдесятъ пять лѣтъ въ декабрѣ стукнетъ. Шестьдесятъ пя-ать... Цифра!.. Въ дѣтствѣ, я помню, начну, бывало, считать свои года и все радуюсь, какой я большой, сколько времени на одинъ счетъ уходитъ. А ну-ка, посчитай теперь-то! — неудержимо зарыдалъ вдругъ Славяновъ. — Дѣдушка вѣдь я, маститый старецъ, патриархъ, а гдѣ мои внуки, гдѣ мои дѣти? Чортъ!

Темнота ночи все сильнѣе взвинчивала нервы Славянова, разбитые тяжелымъ похмельемъ. Онъ билъ себя въ грудь кулаками, плакалъ, сморкался въ рубашку и, качаясь, точно отъ зубной боли, взадъ и впередъ на кровати Михаленки, говорилъ всхлипывающимъ, тоскливымъ шопотомъ:

— Мира я хочу, тишины, простого мѣщанскаго счастья!.. Иду я иной разъ вечеромъ по улицѣ и — привычка у меня такая — все въ чужія окна гляжу. И вотъ, бывало, видишь: комнатка этакая мирная, лампа, круглый столъ, самоварчикъ... тепло, должно-быть, тамъ... пахнетъ жильемъ, домовитостью, геранью. А кругомъ народъ, молодой, бодрый, веселый, любящій... И стари-

кашка тутъ же гдѣ-нибудь пристроился, — сѣденькій, опрятненькій, благодушный. Сидитъ себѣ съ черешневымъ чубукомъ, и всѣ къ нему такъ ласково, съ почтениемъ... А я, старый шутъ, стою на улицѣ и мерзну, и плачу, и все смотрю... Слыхалъ я и по пьесамъ знаю, что бываютъ милыя, вѣрныя на всю жизнь женщины, сидѣлки въ болѣзни, добрые друзья въ старости. Гдѣ онѣ, эти женщины, Михаленко? Любили, братъ, и меня, — но какая это была любовь? Послѣ бенефиса поѣхали за городъ, тройки, галдежъ, пьяное вранье, закулисныя прибаутки, и тутъ же затрепанныя, загаженные слова: «Люблю тебя свободною любовью! Возьми меня, я вся твоя!» Отдѣльный кабинетъ, грязь, пьяная, угарная любовь, скитаніе вмѣстѣ по трупамъ, и вѣчно — старый, гнусный водевиль: «Ревнивый мужъ и храбрый любовникъ». И вотъ жизнь прошла, и нѣтъ у меня во всемъ мірѣ ни души. Н-ни души! Тоска, мерзость... Знаешь, Саша, — Славяновъ наклонился къ самому уху Михаленки, и въ его шопотѣ слышался ужасъ: — знаешь, вижу я теперь часто во снѣ, будто меня кто-то все догоняетъ. Бѣгу я будто по комнатѣ, и много-много этихъ комнатъ впереди, и всѣ онѣ заперты... И знаю я, что надо мнѣ успѣть открыть двери, вытащить ключъ и запереться съ другой стороны. И тороплюсь я, тороплюсь, и страшно мнѣ до тошноты, до боли... Но ключи заржавѣли, не слушаются, и руки у меня, какъ деревянные. А «онъ» все ближе, все ближе... Едва успѣю я запереться, а онъ ужъ тутъ, рядомъ, напираетъ на двери и гремитъ ключомъ въ замкѣ... И знаю я, чувствую я, что не спастись мнѣ отъ него, но бѣгу изъ комнаты въ комнату, бѣгу, бѣгу, бѣгу...

— Эхъ, не скулилъ бы ты, Меркурій Ивановичъ, — съ безнадежнымъ уныніемъ перебилъ Михаленко.

— Но хуже всего, что гадокъ я себѣ самому, га-

докъ! — страстнымъ шопотомъ восклицалъ Славяновъ. — Отвратителенъ!.. Милостыней вѣдь живу, Христа ради... И всѣ, всѣ мы такіе. Мертвецы ходячіе, рухлядь! Старая бутафорская рухлядь! О-о-о, гнусно, гнусно мнѣ!..

Онъ схватился обѣими руками за воротъ рубашки и разодралъ ее съ верху до низу. Въ груди у него что-то клокотало и взвизгивало, а плечи тряслись.

— Уйди ты, уйди, ради Бога, Меркурій Ивановичъ! — умолялъ Михаленко. — Не надо, родной... боюсь я... страшно мнѣ...

Шлепая по полу босыми ногами, съ мокрымъ лицомъ, шатаясь на ходу отъ рыданій, Славяновъ тяжело перевалился на свою кровать. Но онъ еще долго метался головой по подушкѣ и всхлипывалъ, и горячо шепталъ что-то, сморкаясь въ простыню. Не спалъ и Лидинъ-Байдаровъ. Крошки отъ ватрушки набились ему подъ одѣяло, прилипали къ тѣлу и царапались, а въ голову лѣзли все такія скучныя, ненужныя и позорныя мысли о прошломъ. Стаканычъ, намазавшій на ночь грудь и поясницу бобковой мазью, кряхтѣлъ и ворочался съ боку на бокъ. Его грызъ застарѣлый ревматизмъ, который всегда съ особенной силой разыгрывался въ непогоду. И вмѣстѣ со словами молитвъ и привычными мыслями о сынѣ въ его памяти назойливо вставали отрывки изъ старыхъ, забытыхъ всѣмъ міромъ пьесъ.

Одинъ дѣдушка лежалъ неподвижно. Его руки были сложены на груди, поверхъ одѣяла, и не шевелились больше, а глаза были устремлены впередъ съ такимъ строгимъ и глубокимъ выраженіемъ, какъ будто дѣдушка думалъ о чемъ-то громадномъ и неизмѣримо превышающемъ всѣ человѣческіе помыслы. И въ этихъ немигающихъ, полузакрытыхъ глазахъ, не проникая въ нихъ, отражался стекляннымъ блескомъ розовый свѣтъ лампы.

А ночь тянулась нестерпимо долго и тоскливо. Было еще темно, когда Михаленко, охваченный внезапнымъ страхомъ, вдругъ сѣлъ на кровати и спросилъ громкимъ, дрожащимъ шопотомъ:

— Дѣдушка, ты спишь?

Но дѣдушка не отвѣтилъ. Въ комнатѣ была грозная, точно стерегущая кого-то тишина, а за чернымъ окномъ бушевалъ вѣтеръ и бросалъ въ стекла брызги дождя.

ВЪ ЦИРКЪ.

I.

Докторъ Луховицынъ, считавшійся постояннымъ врачомъ при циркѣ, велѣлъ Арбузову раздѣться. Несмотря на свой горбъ, а можетъ-быть, именно вслѣдствіе этого недостатка, докторъ питалъ къ цирковымъ зрѣлищамъ острую и нѣсколько смѣшную для человѣка его возраста любовь. Правда, къ его медицинской помощи прибѣгали въ циркѣ очень рѣдко, потому что въ этомъ мірѣ лѣчатъ ушибы, выводятъ изъ обморочнаго состоянія и вправляютъ вывихи своими собственными средствами, передающимися неизмѣнно изъ поколѣнія въ поколѣніе, вѣроятно, со временъ олимпійскихъ игръ. Это однако не мѣшало ему не пропускать ни одного вечерняго представленія, знать близко всѣхъ выдающихся наѣздниковъ, акробатовъ и жонглеровъ и щеголять въ разговорахъ словечками, выхваченными изъ лексикона цирковой арены и конюшни.

Но изъ всѣхъ людей, причастныхъ цирку, атлеты и профессиональные борцы вызывали у доктора Луховицына особенное восхищеніе, достигавшее размѣровъ настоящей страсти. Поэтому, когда Арбузовъ, освободившись отъ крахмальной сорочки и снявъ вязаную фуфайку, которую обязательно носятъ всѣ цирковые, остался голымъ до пояса, маленькій докторъ отъ удовольствія даже потеръ ладонь о ладонь, обходя атлета со всѣхъ сторонъ и любясь его огромнымъ, выхоленнымъ, блестящимъ, блѣдно-розовымъ тѣломъ, съ рѣзко выступающими буграми твердыхъ, какъ дерево, мускуловъ.

— И чортъ же васъ возьми, какая силища! — говорилъ онъ, тискавая изо всѣхъ силъ своими тонкими, цѣпкими пальцами попеременно то одно, то другое плечо Арбузова. — Это ужъ что-то даже не человѣческое, а лошадиное, ей-Богу. На вашемъ тѣлѣ хоть сейчасъ лекцію по анатоміи читай — и атласа никакого не нужно. Ну-ка, дружокъ, согните-ка руку въ локтѣ.

Атлетъ вздохнулъ и, сонно покосившись на свою лѣвую руку, согнулъ ее, отчего выше сгиба подъ тонкой кожей, надувая и растягивая ее, выросъ и прокатился къ плечу большой и упругій шаръ, величиной съ дѣтскую голову. Въ то же время все обнаженное тѣло Арбузова отъ прикосновенія холодныхъ пальцевъ доктора вдругъ покрылось мелкими и жесткими пупырышками.

— Да, батенька, ужъ подлинно надѣлилъ васъ Господь, — продолжалъ восторгаться докторъ. — Видите эти вотъ шары? Они у насъ въ анатоміи называются бицепсами, т.-е. двухглавыми. А это — такъ называемые супинаторы и пронаторы. Поверните кулакъ, какъ будто вы открываете ключомъ замѣкъ. Такъ, такъ, прекрасно. Видите, какъ они ходятъ? А это — слышите, я нащупываю на плечѣ? Это — дельтовидныя мышцы. Онѣ у васъ точно полковничьи эполеты. Ахъ, и сильный же вы человѣчина. Чтѣ, если вы кого-нибудь этакъ... нечаянно? А? Или, если съ вами этакъ... въ темномъ мѣстѣ встрѣтятся? А? Я думаю, не приведи Богъ! Хе-хе-хе! Ну-съ, итакъ, значить, мы жалуемся на плохой сонъ и на легкую общую слабость?

Атлетъ все время улыбался застѣнчиво и снисходительно. Хотя онъ уже давно привыкъ показываться полуобнаженнымъ передъ одѣтыми людьми, но въ присутствіи щедушнаго доктора ему было неловко, почти стыдно, за свое большое, мускулистое, сильное тѣло.

— Боюсь, докторъ, не простудился ли, — сказалъ онъ

тонкимъ, слабымъ и немного сирымъ голосомъ, совсѣмъ не идущимъ къ его массивной фигурѣ. — Главное дѣло — уборныя у насъ безобразныя, вездѣ дуетъ. Во время номера, сами знаете, вспотѣешь, а переодѣваться приходится на сквознякѣ. Такъ и прохватываетъ.

— Голова не болитъ? Не кашляете ли?

— Нѣтъ, кашлять не кашляю, а голова, — Арбузовъ потеръ ладонью низко остриженный затылокъ; — голова, правда, что-то не въ порядкѣ. Не болитъ, а такъ... будто тяжесть какая-то... И вотъ еще сплю плохо. Особенно сначала. Знаете, засыпаю-засыпаю, и вдругъ меня точно что-то подброситъ на кровати; точно, понимаете, я чего-то испугался. Даже сердце заколотится отъ испуга. И этакъ раза три-четыре: все просыпаюсь. А утромъ голова и вообще... кисло какъ-то себя чувствую.

— Кровь носомъ не идетъ ли?

— Бываетъ иногда, докторъ.

— Мн-да-съ. Такъ-съ... — значительно протянулъ Луховицынъ и, поднявъ брови, тотчасъ же опустилъ ихъ. — Должно-быть, много упражняетесь въ послѣднее время? Устаете?

— Много, докторъ. Вѣдь масленица теперь, такъ каждый день приходится съ тяжестью работать. А иногда, съ утренними представленіями, и по два раза въ день. Да еще черезъ день, кромѣ обыкновеннаго номера, приходится бороться... Конечно, устанешь немного...

— Такъ, такъ, такъ, — втягивая въ себя воздухъ и трясая головой, поддакивалъ докторъ. — А вотъ мы васъ сейчасъ слушаемъ. Раздвиньте руки въ стороны. Прекрасно. Дышите теперь. Спокойно, спокойно. Дышите... глубже... ровнѣй...

Маленькій докторъ, едва доставая до груди Арбузова, приложилъ къ ней стетоскопъ и сталъ выслушивать. Испуганно глядя доктору въ затылокъ, Арбузовъ шумно

вдыхалъ воздухъ и выпускалъ его изо рта, сдѣлавъ губы трубочкой, чтобы не дышать на ровный, глянцовитый приборъ докторскихъ волосъ.

Выслушавъ и выстукавъ пациента, докторъ присѣлъ на уголь письменнаго стола, положивъ ногу на ногу и обхвативъ руками острия колѣни. Его птичье, выдавшееся впередъ лицо, широкое въ скулахъ и острое къ подбородку, стало серьезнымъ, почти строгимъ. Подумавъ съ минуту, онъ заговорилъ, глядя мимо плеча Арбузова на шкапъ съ книгами:

— Опаснаго, дружочекъ, я у васъ ничего не нахожу, хотя эти перебои сердца и кровотеченіе изъ носа можно, пожалуй, считать деликатными предостереженіями съ того свѣта. Видите ли, у васъ есть нѣкоторая склонность къ гипертрофіи сердца. Гипертрофія сердца — это, какъ бы вамъ сказать, это такая болѣзнь, которой подвержены всѣ люди, занимающіеся усиленной мускульной работой: кузнецы, матросы, гимнасты и такъ далѣе. Стѣнки сердца у нихъ отъ постояннаго и чрезмѣрнаго напряженія необыкновенно расширяются, и получается то, что мы въ медицинѣ называемъ «*cor bovinum*», т.-е. бычачье сердце. Такое сердце въ одинъ прекрасный день отказывается работать, съ нимъ дѣлается параличъ — и тогда — баста, представленіе окончено. Вы не беспокойтесь, вамъ до этого непріятнаго момента очень далеко, но на всякій случай посоветую: не пить кофе, крѣпкаго чаю, спиртныхъ напитковъ и прочихъ возбуждающихъ вещей. Понимаете? — спросилъ Луховицынъ, слегка барабаня пальцами по столу и исподлобья взглядывая на Арбузова.

— Понимаю, докторъ.

— И въ остальномъ рекомендуется такое же воздержаніе. Вы, конечно, понимаете, про что я говорю?

Атлетъ, который въ это время застегивалъ запонки у рубашки, покраснѣлъ и смущенно улыбнулся.

— Понимаю... но вѣдь вы знаете, докторъ, что въ нашей профессіи и безъ того приходится быть умѣреннымъ. Да, по правдѣ, и думать-то объ этомъ некогда.

— И прекрасно, дружокъ. Затѣмъ отдохните денекъ-другой, а то и больше, если можете. Вы сегодня, кажется, съ Реберомъ боретесь? Постарайтесь отложить борьбу на другой разъ. Нельзя? Ну, скажите, что нездоровится, и все тутъ. А я вамъ прямо запрещаю, слышите? Покажите-ка языкъ. Ну вотъ, и языкъ скверный. Вѣдь слабо себя чувствуете, дружокъ? Э! Да говорите прямо. Я васъ все равно никому не выдамъ, такъ какого же чорта вы мнетесь! Попы и доктора за то и деньги берутъ, чтобы хранить чужіе секреты. Вѣдь совсѣмъ плохо? Да?

Арбузовъ признался, что и въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ себя нехорошо. Временами находить слабость и точно лѣнь какая-то, аппетита нѣтъ, по вечерамъ знобитъ. Вотъ если бы докторъ прописалъ какихъ-нибудь капель?

— Нѣтъ, дружокъ, какъ хотите, а бороться вамъ нельзя, — рѣшительно сказалъ докторъ, соскакивая со стола. — Я въ этомъ дѣлѣ, какъ вамъ извѣстно, не новичокъ, и всѣмъ борцамъ, которыхъ мнѣ приходилось знать, я всегда говорилъ одно: передъ состязаніемъ соблюдайте четыре правила: первое — накануне нужно хорошо выспаться, второе — днемъ вкусно и питательно пообѣдать, но при этомъ — третье — выступать на борьбу съ пустымъ желудкомъ, и наконецъ четвертое — это уже психологія — ни на минуту не терять увѣренности въ побѣдѣ. Спрашивается, какъ же вы будете состязаться, если вы съ утра обрѣтаетесь въ такой мехлюзіи? Вы извините меня за нескромный вопросъ... я вѣдь человекъ свой... у васъ борьба не того?.. Не фиктивная? То-есть заранѣе не условлено, кто кого и въ какое состязаніе положить?

— О, нѣтъ, докторъ, что вы... Мы съ Реберомъ уже давно гонялись по всей Европѣ другъ за другомъ. Даже и залогъ настоящій, а не для приманки. И онъ и я внесли по сто рублей въ третьи руки.

— Все-таки я не вижу резона, почему нельзя отложить состязаніе на будущее время.

— Наоборотъ, докторъ, очень важные резоны. Да вы посудите сами. У насъ борьба состоитъ изъ трехъ состязаній. Положимъ, первое взялъ Реберъ, второе — я, третье, значить, остается рѣшающимъ. Но ужъ мы настолько хорошо узнали другъ друга, что можно безошибочно сказать, за кѣмъ будетъ третья борьба, и тогда — если я не увѣренъ въ своихъ силахъ — что мнѣ мѣшаетъ заболѣть, или захромать и т. д. и взять свои деньги обратно? Тогда выходитъ, для чего же Реберъ боролся первые два раза? Для своего удовольствія? Вотъ на этотъ случай, докторъ, мы и заключаемъ между собой условіе, по которому тотъ, кто въ день рѣшительной борьбы окажется больнымъ, считается все равно проигравшимъ, и деньги его пропадаютъ.

— Да-съ, это дѣло скверное, — сказалъ докторъ и опять значительно поднялъ и опустилъ брови. — Ну, что же, дружочекъ, чортъ съ ними, съ этими ста рублями?

— Съ двумястами, докторъ, — поправилъ Арбузовъ: — по контракту съ дирекціей я плачу неустойку въ сто рублей, если откажусь въ самый день представленія, хотя бы по болѣзни, отъ работы.

— Ну, чортъ... ну, двѣсти! — разсердился докторъ. — Я бы на вашемъ мѣстѣ все равно отказался... Чортъ съ ними, пускай пропадаютъ, свое здоровье дороже. Да наконецъ, дружочекъ, вы и такъ рискуете потерять вашъ залогъ, если будете больной бороться съ такимъ опаснымъ противникомъ, какъ этотъ американецъ.

Арбузовъ самоувѣренно мотнулъ головой, и его крупныя губы сложились въ презрительную усмѣшку.

— Э, пустяки, — уронилъ онъ пренебрежительно: — въ Реберъ всего шесть пудовъ вѣсу, и онъ едва достаетъ мнѣ подъ подбородокъ. Увидите, что я его черезъ три минуты положу на обѣ лопатки. Я бы его бросилъ и во второй борьбѣ, если бы онъ не прижалъ меня къ барьеру. Собственно говоря, со стороны жюри было свинствомъ засчитать такую подлую борьбу. Даже публика, и та протестовала.

Докторъ улыбнулся чуть замѣтной лукавой улыбкой. Постоянно сталкиваясь съ цирковой жизнью, онъ уже давно изучилъ эту непоколебимую и хвастливую самоувѣренность всѣхъ профессиональныхъ борцовъ, атлетовъ и боксеровъ и ихъ склонность сваливать свое поражение на какія-нибудь случайныя причины. Отпуская Арбузова, онъ прописалъ ему бромъ, который велѣлъ принять за часъ до состязанія, и, дружески похлопавъ атлета по широкой спинѣ, пожелалъ ему побѣды.

II.

Арбузовъ вышелъ на улицу. Былъ послѣдній день масленой недѣли, которая въ этомъ году пришлась поздно. Холода еще не сдали, но въ воздухѣ уже слышался неопредѣленный, тонкій, радостно щекочущій грудъ запахъ весны. По наѣзженному грязному снѣгу безшумно неслись, въ противоположныхъ направленіяхъ, двѣ вереницы саней и каретъ, и окрики кучеровъ раздавались съ особенно ясной и мягкой звучностью. На перекресткахъ продавали моченыя яблоки въ бѣлыхъ новыхъ ушатахъ, халву, похожую цвѣтомъ на уличный снѣгъ, и воздушныя шары. Эти шары были видны издалека. Разноцвѣтными блестящими гроздьями они подымались и плавали

надъ головами прохожихъ, запрудившихъ чернымъ кипящимъ потокомъ тротуары, и въ ихъ движеніяхъ — то стремительныхъ, то лѣнивыхъ — было что-то весеннее и дѣтски-радостное.

У доктора Арбузовъ чувствовалъ себя почти здоровымъ, но на свѣжемъ воздухѣ имъ опять овладѣли томительныя ощущенія болѣзни. Голова казалась большой, отяжелѣвшей и точно пустой, и каждый шагъ отзывался въ ней непріятнымъ гуломъ. Въ пересохшемъ рту опять слышался вкусъ гари, въ глазахъ была тупая боль, какъ будто кто-то надавливалъ на нихъ снаружи пальцами, а когда Арбузовъ переводилъ глаза съ предмета на предметъ, то вмѣстѣ съ этимъ по снѣгу, по домамъ и по небу двигались два большія желтыя пятна.

У перекрестка на кругломъ столбѣ Арбузову кинулась въ глаза его собственная фамилія, напечатанная крупными буквами. Машинально онъ подошелъ къ столбу. Среди пестрыхъ афишъ, объявлявшихъ о праздничныхъ развлеченіяхъ, подъ обычной красной цирковой афишей былъ приклеенъ отдѣльный зеленый аншлагъ, и Арбузовъ равнодушно, точно во снѣ, прочиталъ его съ начала до конца.

ЦИРКЪ бр. ДЮВЕРНУА.
Сегодня состоится 3-я рѣшительная борьба
ПО РИМСКО-ФРАНЦУЗСКИМЪ ПРАВИЛАМЪ
МЕЖДУ ИЗВѢСТНЫМЪ АМЕРИКАНСКИМЪ ЧЕМПИОНОМЪ
Г. ДЖОНОМЪ РЕБЕРОМЪ
и ЗНАМЕНИТЫМЪ РУССКИМЪ БОРЦОМЪ и ГЕРКУЛЕСОМЪ
Г. АРБУЗОВЫМЪ,
на призъ въ 100 руб. Подробности въ афишахъ.

У столба остановились двое мастеровыхъ, судя по запачканнымъ копотью лицамъ, слесарей, и одинъ изъ нихъ сталъ читать объявленіе о борьбѣ вслухъ, коверкая слова. Арбузовъ услышалъ свою фамилію, и она прозвучала для него блѣднымъ, оборваннымъ, чуждымъ, потерявшимъ всякій смыслъ звукомъ, какъ это бываетъ иногда, если долго повторяешь подъ-рядъ одно и то же слово. Мастеровые узнали атлета. Одинъ изъ нихъ толкнулъ товарища локтемъ и почтительно посторонился. Арбузовъ сердито отвернулся и, засунувъ руки въ карманы пальто, пошелъ дальше.

Въ циркѣ уже отошло дневное представленіе. Такъ какъ свѣтъ проникалъ на арену только черезъ стеклянное, заваленное снѣгомъ окно въ куполѣ, то въ полумракѣ циркъ казался огромнымъ, пустымъ и холоднымъ сараемъ.

Войдя съ улицы, Арбузовъ съ трудомъ различалъ стулья перваго ряда, бархатъ на барьерахъ и на канатахъ, отдѣляющихъ проходы, позолоту на бокахъ ложъ и бѣлые столбы съ прибитыми къ нимъ щитами, изображающими лошадиныя морды, клоунскія маски и какіе-то вензеля. Амфитеатръ и галерея тонули въ темнотѣ. Вверху, подъ куполомъ, подтянутыя на блокахъ, холодно поблескивали сталью и никелемъ гимнастическія машины: лѣстницы, кольца, турники и трапеціи.

На аренѣ, припавъ къ полу, барахтались два человѣка. Арбузовъ долго всматривался въ нихъ, щуря глаза, пока не узналъ своего противника, американскаго борца, который, какъ и всегда по утрамъ, тренировался въ борьбѣ съ однимъ изъ своимъ помощниковъ, тоже американцемъ, Гарваномъ. На жаргонѣ профессиональныхъ атлетовъ такихъ помощниковъ называютъ «волками» или «собачками». Разъѣзжая по всѣмъ странамъ и городамъ вмѣстѣ съ знаменитымъ борцомъ, они помогаютъ ему въ ежедневной тренировкѣ, заботятся объ его гардеробѣ, если ему не

сопутствуетъ въ поѣздѣ жена, растираютъ, послѣ обычной утренней ванны и холоднаго душа, жесткими рукавицами его мускулы и вообще оказываютъ ему множество мелкихъ услугъ, относящихся непосредственно къ его профессіи. Такъ какъ въ «волки» идутъ или молодые, неуверенные въ себѣ атлеты, еще не овладѣвшіе разными секретами и не выработавшіе приемовъ, или старые, но посредственные борцы, то они рѣдко одерживаютъ побѣды въ состязаніяхъ на призы. Но передъ матчемъ съ серьезнымъ борцомъ профессоръ непременно сначала выпуститъ на него своихъ «собачекъ», чтобы, слѣдя за борьбой, уловить слабыя стороны и привычныя промахи своего будущаго противника и оцѣнить его преимущества, которыхъ слѣдуетъ остерегаться. Реберъ уже спускалъ на Арбузова одного изъ своихъ помощниковъ — англичанина Симпсона, второстепеннаго борца, сырого и неповоротливаго, но извѣстнаго среди атлетовъ чудовищной силой грифа, т.-е. кистей и пальцевъ рукъ. Борьба велась безъ приза, по просьбѣ дирекціи, и Арбузовъ два раза бросалъ англичанина, почти шутя, рѣдкими и эффектными трюками, которые онъ не рискнулъ бы употребить въ состязаніи съ мало-мальски опаснымъ борцомъ. Реберъ уже тогда отмѣтилъ про себя главные недостатки и преимущества Арбузова: тяжелый вѣсъ и большой ростъ, при страшной мускульной силѣ рукъ и ногъ, смѣлость и рѣшительность въ приемахъ, а также пластическую красоту движеній, всегда подкупающую симпатіи публики, но въ то же время сравнительно слабыя кисти рукъ и шею, короткое дыханіе и чрезмѣрную горячность. И онъ тогда же рѣшилъ, что съ такимъ противникомъ надо держаться системы обороны, обезсиливая и разгорячая его до тѣхъ поръ, пока онъ не выдохнется; избѣгать охватовъ спереди и сзади, отъ которыхъ трудно будетъ защищаться, и главное — сумѣть выдержать первые на-

тиски, въ которыхъ этотъ русскій дикарь проявляетъ дѣйствительно чудовищную силу и энергію. Такой системы Реберъ и держался въ первыхъ двухъ состязаніяхъ, изъ которыхъ одно осталось за Арбузовымъ, а другое за нимъ.

Привыкнувъ къ полусвѣту, Арбузовъ явственно различилъ обоихъ атлетовъ. Они были въ сѣрыхъ фуфайкахъ, оставлявшихъ руки голыми, въ широкихъ кожаныхъ поясахъ и въ панталонахъ, прихваченныхъ у щиколотокъ ремнями. Реберъ находился въ одномъ изъ самыхъ трудныхъ и важныхъ для борьбы положеній, которое называется «мостомъ». Лежа на землѣ, лицомъ вверхъ, и касаясь ея затылкомъ съ одной стороны, а пятками — съ другой, круто выгнувъ спину и поддерживая равновѣсіе руками, которыя глубоко ушли въ тырсу *), онъ изображалъ такимъ образомъ изъ своего тѣла живую упругую арку, между тѣмъ какъ Гарванъ, навалившись сверху на выпяченный животъ и грудь профессора, напрягалъ всѣ силы, чтобы выпрямить эту выгнувшуюся массу мускуловъ, опрокинуть ее, прижать къ землѣ.

Каждый разъ, когда Гарванъ дѣлалъ новый толчокъ, оба борца съ напряженіемъ кряхтѣли и съ усиліемъ, огромными вздохами, переводили дыханіе. Большіе, тяжелые, со страшными выпучившимися мускулами голыхъ рукъ и точно застывшіе на полу арены въ причудливыхъ позахъ, они напоминали при невѣрномъ полусвѣтѣ, разлитомъ въ пустомъ циркѣ, двухъ чудовищныхъ краббовъ, оплетшихъ другъ друга клешнями.

Такъ какъ между атлетами существуетъ своеобразная этика, въ силу которой считается предосудительнымъ глядѣть на упражненія своего противника, то Арбузовъ,

*) Смѣсь песка и деревянныхъ опилокъ, которой посыпается арена цирка.

огибающа барьеръ и дѣлая видъ, что не замѣчаетъ борцовъ, прошелъ къ выходу, ведущему въ уборныя. Въ то время, когда онъ отодвигалъ массивную красную занавѣсь, отдѣляющую манежъ отъ коридоровъ, кто-то отодвинулъ ее съ другой стороны, и Арбузовъ увидѣлъ передъ собой, подъ блестящимъ, сдвинутымъ на бокъ цилиндромъ — черные усы и смѣющіеся черные глаза своего большого пріятеля, акробата Антоніо Батисто.

— *Bone giorno, mon cher monsieur Arbusoffff!* — воскликнулъ нараспѣвъ акробатъ, сверкая бѣлыми, прекрасными зубами и широко разводя руки, точно желая обнять Арбузова. — Я только чичасъ окончилъ мой *répétition*. *Allons donc prendre quelque chose*. Пойдемъ что-нибудь себѣ немножко взять? Одинъ рюмокъ коньякъ? О-о, только не сломай мнѣ руку. Пойдемъ на буфетъ.

Этого акробата любили въ циркѣ всѣ, начиная съ директора и кончая конюхами. Артистъ онъ былъ исключительный и всесторонній: одинаково хорошо жонглировалъ, работалъ на трапеціи и на турникѣ, подготовлялъ лошадей высшей школы, ставилъ пантомимы и, главное, былъ неистощимъ въ изобрѣтеніи новыхъ «номеровъ», что особенно цѣнится въ цирковомъ мірѣ, гдѣ искусство, по самымъ своимъ свойствамъ, почти не двигается впередъ, оставаясь и теперь чуть ли не въ такомъ же видѣ, въ какомъ оно было при римскихъ цезаряхъ.

Все въ немъ нравилось Арбузову: веселый характеръ, щедрость, утонченная деликатность, выдающаяся даже въ средѣ цирковыхъ артистовъ, которые внѣ манежа — допускающаго по традиціи нѣкоторую жестокость въ обращеніи — отличаются обыкновенно джентльменской вѣжливостью. Несмотря на свою молодость, онъ успѣлъ объѣхать всѣ большіе города Европы и во всѣхъ труппахъ считался наиболѣе желательнымъ и популярнымъ товарищемъ. Онъ владѣлъ одинаково плохо всѣми европей-

скими языками и въ разговорѣ постоянно перемѣшивалъ ихъ, коверкая слова, можетъ-быть, нѣсколько умышленно, потому что въ каждомъ акробатѣ всегда сидитъ немного клоуна.

— Не знаете ли, гдѣ директоръ? — спросилъ Арбузовъ.

— Il est à l'écurie. Онъ ходилъ на конюшенъ, смотрѣлъ одинъ больной лошады. Mais allons donc. Пойдемъ немножка. Я очень имѣю радъ васъ видѣть. Мой голу-бушка? — вдругъ вопросительно сказалъ Антонио, смѣясь самъ надъ своимъ произношеніемъ и продѣвая руку подъ локоть Арбузова. — Карашо, будьте здоровы, самоваръ, извочикъ, — скороговоркой добавилъ онъ, видя, что атлетъ улыбнулся.

У буфета они выпили по рюмкѣ коньяку и пожевали кусочки лимона, обмокнутаго въ сахаръ. Арбузовъ почувствовалъ, что послѣ вина у него въ животѣ стало сначала холодно, а потомъ тепло и пріятно. Но тотчасъ же у него закружилась голова, а по всему тѣлу разлилась какая-то сонная слабость.

— Oh, sans doute, вы будете имѣть une victoire, — одна побѣда, — говорилъ Антонио, быстро вертя между пальцевъ лѣвой руки палку и блестя изъ-подъ черныхъ усовъ бѣлыми, ровными, крупными зубами. — Вы такой brave homme, такой прекрасный и сильный борецъ. Я зналъ одинъ замѣчательный борецъ — онъ назывался Карль Абсъ... да, Карль Абсъ. И онъ теперь уже ist gestorben... онъ есть умеръ. О, хотя онъ былъ нѣмецъ, но онъ былъ великій профессоръ! И онъ однажды сказалъ: французскій борьба есть одна пустячокъ. И хорошій борецъ, ein guter Kämpfer, долженъ имѣть очень, очень мало: всего только сильный шея, какъ у одинъ буйволъ, весьма крѣпкій спина, какъ у носильщикъ, длинная рука съ твердымъ мускуль und ein

gewaltiger Griff... Какъ это называется по-русску? (Антонио нѣсколько разъ сжалъ и разжалъ передъ своимъ лицомъ пальцы правой руки). О! Очень сильный пальцы. Et puis, тоже необходимо имѣть устойчивый нога, какъ у одинъ монументъ, и, конечно, самый большой... какъ это?... самый большой тяжесть въ корпусъ. Если еще взять здоровый сердца, les roumons... какъ это по-русску?... легкія, точно у лошадь, потомъ еще немножко кладнокровіе и немножко смѣлость, и еще немножко savoir les règles de la lutte, знать всѣ правила борьба, то консѣ консовъ вотъ и всѣ пустячки, которые нуженъ для одинъ хорошій борецъ! Ха-ха-ха!

Засмѣявшись своей шуткѣ, Антонио нѣжно схватилъ Арбузова поверхъ пальто подъ мышками, точно хотѣлъ его пощекотать, и тотчасъ же лицо его сдѣлалось серьезнымъ. Въ этомъ красивомъ, загорѣломъ и подвижномъ лицѣ была одна удивительная особенность: переставая смѣяться, оно принимало суровый и сумрачный, почти трагическій характеръ, и эта смѣна выраженій наступала такъ быстро и такъ неожиданно, что казалось, будто у Антонио два лица, — одно смѣющееся, другое серьезное, — и что онъ непонятнымъ образомъ замѣняетъ одно другимъ, по своему желанію.

— Конечно, Реберъ есть опасный соперникъ... У нихъ въ Америкѣ борются comme les bouchers, какъ мясники. Я видѣлъ борьба въ Чикаго и въ Нью-Йоркѣ... Пфуй, какая гадость!

Со своими быстрыми итальянскими жестами, поясняющими рѣчь, Антонио сталъ подробно и занимательно рассказывать объ американскихъ борцахъ. У нихъ считаются дозволенными всѣ тѣ жестокіе и опасные трюки, которые безусловно запрещено употреблять на европейскихъ аренахъ. Тамъ борцы давятъ другъ друга за горло, зажимаютъ противнику ротъ и носъ, охватывая его голову

страшнымъ приѣмомъ, называемымъ желѣзнымъ ошейникомъ — *collier de fer*, лишаютъ его сознанія искуснымъ нажатіемъ на сонныя артеріи. Тамъ передаются отъ учителей къ ученикамъ, составляя непроницаемую профессиональную тайну, ужасные секретные приѣмы, дѣйствіе которыхъ не всегда бываетъ ясно даже для врачей. Обладая знаніемъ такихъ приѣмовъ, можно, на примѣръ, легкимъ и какъ будто нечаяннымъ ударомъ по *triceps*'у вызвать минутный параличъ въ рукѣ у противника, или незамѣтнымъ ни для кого движеніемъ причинить ему такую нестерпимую боль, которая заставитъ его забыть о всякой осторожности. Тотъ же Реберъ привлекался недавно къ суду за то, что въ Лодзи, во время состязанія съ извѣстнымъ польскимъ атлетомъ Владиславскимъ, онъ, захвативъ его руку черезъ свое плечо приѣмомъ *tour de bras*, сталъ ее выгибать, несмотря на протесты публики и самого Владиславскаго, въ сторону, противоположную естественному сгибу, и выгибалъ до тѣхъ поръ, пока не разорвалъ ему сухожилій, связывающихъ плечо съ предплечьемъ. У американцевъ нѣтъ никакого артистическаго самолюбія, и они борются, имѣя въ виду только одинъ денежный призъ. Завѣтная цѣль американскаго атлета — скопить свои 50.000 долларовъ, тотчасъ же послѣ этого разжирѣть, опуститься и открыть гдѣ-нибудь въ Санъ-Франциско кабачокъ, въ которомъ потихоньку отъ полиціи процвѣтаютъ травля крысъ и самые жестокіе виды американскаго бокса.

Все это, не исключая лодзинскаго скандала, было давно извѣстно Арбузову, и его больше занимало не то, что рассказывалъ Антоніо, а свои собственныя, странныя и болезненныя ощущенія, къ которымъ онъ съ удивленіемъ прислушивался. Иногда ему казалось, что лицо Антоніо придвигается совсѣмъ вплотную къ его лицу, и каждое слово звучитъ такъ громко и рѣзко, что даже отдается

смутнымъ гуломъ въ его головѣ, но минуто спустя Антонио начиналъ отодвигаться, уходилъ все дальше и дальше, пока его лицо не становилось мутнымъ и до смѣшного маленькимъ, и тогда его голосъ раздавался тихо и сдавленно, какъ будто бы онъ говорилъ съ Арбузовымъ по телефону или черезъ нѣсколько комнатъ. И всего удивительнѣе было то, что перемѣна этихъ впечатлѣній зависѣла отъ самого Арбузова и происходила отъ того, поддавался ли онъ пріятной, лѣтливой и дремотной истомѣ, овладѣвавшей имъ, или стряхивалъ ее съ себя усиленіемъ воли.

— О, я не сомнѣваюсь, что вы будете его бросать. *mon cher Arbusoff*, мой дюшенька, мой голюпшикъ, — говорилъ Антонио, смѣясь и коверкая русскія ласкательныя имена. — Реберъ *c'est un animal, un assarateur*. Онъ есть ремесленникъ, какъ бываетъ одинъ водовозъ, одинъ сапожникъ, одинъ... *un tailleur*, который шить панталонъ. Онъ не имѣетъ себѣ вотъ тутъ... *dans le coeur...* ничего, никакой чувство и никакой *tempérament*. Онъ есть одинъ большой грубый мясникъ, а вы есть настоящій артистъ. Вы есть художникъ, и я всегда имѣю удовольствіе на васъ смотрѣть.

Въ буфетъ быстро вошелъ директоръ, маленькій, толстый и тонконогій человекъ, съ поднятыми вверхъ плечами, безъ шеи, въ цилиндрѣ и распахнутой шубѣ, очень похожій своимъ круглымъ бульдожьимъ лицомъ, толстыми усами и жесткимъ выраженіемъ бровей и глазъ на портретъ Бисмарка. Антонио и Арбузовъ слегка притронулись къ шляпамъ. Директоръ отвѣтилъ тѣмъ же и тотчасъ же, точно онъ долго воздерживался и ждалъ только случая, принялся ругать разсердившаго его конюха.

— Мужикъ, русская каналья... напоилъ потную лошадь, чортъ его побирай!.. Я буду ходить на мировой судья, и онъ будетъ мнѣ присудить триста рублей штрафъ

съ этого мерзавца. Я... чортъ его побирай!.. Я пойду и буду ему разбивать морду, я его буду стегать съ моимъ Reitpeitsch!

Точно ухватившись за эту мысль, онъ быстро повернулся и, сѣменя тонкими, слабыми ногами, побѣжалъ въ конюшню. Арбузовъ нагналъ его у дверей.

— Господинъ директоръ...

Директоръ круто остановился и съ тѣмъ же недовольнымъ лицомъ выжидательно засунулъ руки въ карманы шубы.

Арбузовъ сталъ просить его отложить сегодняшнюю борьбу на день или на два. Если директору угодно, онъ, Арбузовъ, дастъ за это внѣ заключенныхъ условій два или даже три вечернихъ упражненій съ гирями. Вмѣстѣ съ тѣмъ не возьметъ ли на себя г. директоръ трудъ переговорить съ Реберомъ относительно перемѣны дня состязанія.

Директоръ слушалъ атлета, повернувшись къ нему въ полъ-оборота и глядя мимо его головы въ окно. Убѣдившись, что Арбузовъ кончилъ, онъ перевелъ на него свои жесткіе глаза, съ нависшими подъ ними землистыми мѣшками, и отрѣзалъ коротко и внушительно:

— Сто рублей неустойки.

— Господинъ директоръ...

— Я, чортъ побирай, самъ знаю, что я есть господинъ директоръ, — перебилъ онъ, закипая. — Устраивайтесь съ Реберомъ сами, это не мое дѣло. Мое дѣло — контрактъ, ваше дѣло — неустойка.

Онъ рѣзко повернулся спиной къ Арбузову и пошелъ, часто перебирая присѣдающими ногами, къ дверямъ, но передъ ними вдругъ остановился, обернулся и внезапно, затрясшись отъ злости, съ прыгающими дряблыми щеками, съ побагровѣвшимъ лицомъ, раздувшейся шеей и выкатившимися глазами, закричалъ, задыхаясь:

— Чортъ побирай! У меня подыхаетъ Фатиница, первая лошадь парфорсной ѣзды!.. Русскій конюхъ, сволочь, свинья, русская обезьяна опоилъ самую лучшую лошадь, а вы позволяете просить разныя глупости. Чортъ побирай! Сегодня послѣдній день этой идиотской русской масленицы, и у меня не хватаетъ даже приставной стулья, и публикумъ будетъ мнѣ дѣлать ein grosser Scandal, если я отмѣню борьбу. Чортъ побирай! У меня потребуютъ назадъ деньги и разломать мой циркъ на маленькіе кусочки! Schwamm drüber! Я не хочу слушать глупости, я ничего не слышалъ и ничего не знаю!

И онъ выскочилъ изъ бѣфета, захлопнувъ за собой тяжелую дверь съ такой силой, что рюмки на стойкѣ отозвались тонкимъ, дребезжащимъ звономъ.

III.

Простившись съ Антонию, Арбузовъ пошелъ домой. Надо было до борьбы пообѣдать и постараться выспаться, чтобы хоть немного освѣжить голову. Но опять, выйдя на улицу, онъ почувствовалъ себя больнымъ. Уличный шумъ и суета происходили гдѣ-то далеко - далеко отъ него и казались ему такими посторонними, ненастоящими, точно онъ разсматривалъ пеструю движущуюся картину. Переходя черезъ улицы, онъ испытывалъ острую боязнь, что на него налетятъ сзади лошади и собьютъ съ ногъ.

Онъ жилъ недалеко отъ цирка въ мебелированныхъ комнатахъ. Еще на лѣстницѣ онъ услышалъ запахъ, который всегда стоялъ въ коридорахъ, — запахъ кухни, керосинового чада и мышей. Пробираясь ощупью темнымъ коридоромъ въ свой номеръ, Арбузовъ все ждалъ, что онъ вотъ - вотъ наткнется впотьмахъ на какое-нибудь препятствіе, и къ этому чувству напряженнаго ожиданія невольно и мучительно примѣшивалось чувство

тоски, потерянности, страха и сознанія своего одиночества.

Бсть ему не хотѣлось, но когда снизу, изъ столовой «Эврика», принесли обѣдъ, онъ принудилъ себя съѣсть нѣсколько ложекъ краснаго борща, отдававшего грязной кухонной тряпкой, и половину блѣдной волокнистой котлеты съ морковнымъ соусомъ. Послѣ обѣда ему захотѣлось пить. Онъ послалъ мальчишку за квасомъ и легъ на кровать:

И тотчасъ же ему показалось, что кровать тихо заколыхалась и поплыла подъ нимъ, точно лодка, а стѣны и потолокъ медленно поползли въ противоположную сторону. Но въ этомъ ощущеніи не было ничего страшнаго или непріятнаго; наоборотъ, вмѣстѣ съ нимъ въ тѣло вступала все сильнѣе усталая, лѣнивая, теплая истома. Закоптѣлый потолокъ, изборожденный, точно жилами, тонкими извилистыми трещинами, то уходилъ далеко вверхъ, то надвигался совсѣмъ близко, и въ его колебаніяхъ была расслабляющая дремотная плавность.

Гдѣ-то за стѣной гремѣли чашками, по коридору непрерывно сновали торопливые, заглушаемые половикомъ, шаги, въ окно широко и неясно несся уличный гулъ. Всѣ эти звуки долго цѣплялись, перегоняли другъ друга, спутывались и вдругъ, слившись на нѣсколько мгновеній, выстраивались въ чудесную мелодію, такую полную, неожиданную и красивую, что отъ нея становилось щекотно въ груди и хотѣлось смѣяться.

Приподнявшись на кровати, чтобы напиться, атлетъ оглядѣлъ свою комнату. Въ густомъ лиловомъ сумракѣ зимняго вечера вся мебель представилась ему совсѣмъ не такой, какой онъ ее привыкъ до сихъ поръ видѣть: на ней лежало странное, загадочное, живое выраженіе. И низенькій, приземистый, серьезный комодъ, и высокій узкій шкапъ, съ его дѣловитой, но черствой и

насмѣшливой наружностью, и добродушный круглый столъ, и нарядное, кокетливое зеркало — всѣ они сквозь лѣнивую и томную дремоту зорко, выжидательно и угрожающе стерегли Арбузова.

«Значить, у меня лихорадка», — подумалъ Арбузовъ и повторилъ вслухъ: — У меня лихорадка, — и его голосъ отозвался въ его ушахъ откуда-то издалека слабымъ, пустымъ и равнодушнымъ звукомъ.

Подъ колыханіе кровати, съ пріятной сонной рѣзью въ глазахъ, Арбузовъ забылся въ прерывистомъ, тревожномъ, лихорадочномъ бредѣ. Но въ бреду, какъ и наяву, онъ испытывалъ такую же чередующуюся смѣну впечатлѣній. То ему казалось, что онъ ворочаетъ со страшными усиліями и громоздитъ одна на другую гранитныя глыбы съ отполированными боками, гладкими и твердыми наощупь, но въ то же время мягко, какъ вата, поддающимися подъ его руками. Потомъ эти глыбы рушились и катились внизъ, а вмѣсто нихъ оставалось что-то ровное, зыбкое, зловѣще-спокойное; имени ему не было, но оно одинаково походило и на гладкую поверхность озера, и на тонкую проволоку, которая, безконечно вытягиваясь, жужжитъ однообразно, утомительно и сонно. Но исчезала проволока, и опять Арбузовъ воздвигалъ громадныя глыбы, и опять онѣ рушились съ громомъ, и опять оставалась во всемъ мірѣ одна только зловѣщая, тоскливая проволока. Въ то же время Арбузовъ не переставалъ видѣть потолокъ съ трещинами и слышать странно переплетающіеся звуки, но все это принадлежало къ чужому, стерегущему, враждебному міру, жалкому и неинтересному по сравненію съ тѣми грезами, въ которыхъ онъ жилъ.

Было уже совсѣмъ темно, когда Арбузовъ вдругъ вскочилъ и сѣлъ на кровати, охваченный чувствомъ дикаго ужаса и нестерпимой физической тоски, которая начина-

лаеъ отъ сердца, переставшаго биться, наполняла всю грудь, подымалась до горла и сжимала его. Легкимъ не хватало воздуха, что-то изнутри мѣшало ему войти. Арбузовъ судорожно раскрывалъ ротъ, стараясь вздохнуть, но не умѣлъ, не могъ этого сдѣлать и задыхался. Эти страшныя ощущенія продолжались всего три-четыре секунды, но атлету казалось, что припадокъ начался много лѣтъ тому назадъ, и что онъ успѣлъ состариться за это время. «Смерть идетъ!» — мелькнуло у него въ головѣ, но въ тотъ же моментъ чья-то невидимая рука тронула остановившееся сердце, какъ трогаютъ остановившійся маятникъ, и оно, сдѣлавъ бѣшеный толчокъ, готовый разбить грудь, забилося пугливо, жадно и безтолково. Вмѣстѣ съ тѣмъ жаркія волны крови бросились Арбузову въ лицо, въ руки и въ ноги и покрыли все его тѣло испариной.

Въ отворенную дверь просунулась большая стриженная голова, съ тонкими, оттопыренными, какъ крылья у летучей мыши, ушами. Это пришелъ Гришутка, мальчишка, помощникъ коридорнаго, справиться о чаѣ. Изъ-за его спины весело и ободряюще скользнулъ въ номеръ свѣтъ отъ лампы, зажженной въ коридорѣ.

— Прикажете самоварчикъ, Никитъ Іонычъ?

Арбузовъ хорошо слышалъ эти слова, и они ясно отпечатлѣлись въ его памяти, но онъ никакъ не могъ заставить себя понять, что они значатъ. Мысль его въ это время усиленно работала, стараясь уловить какое-то необыкновенное, рѣдкое и очень важное слово, которое онъ слышалъ во снѣ передъ тѣмъ, какъ вскочить въ припадкѣ.

— Никитъ Іонычъ, подавать, что ли, самоваръ-то? Седьмой часъ.

— Постой, Гришутка, постой, сейчасъ, — отозвался Арбузовъ, попережнему слыша и не понимая мальчишки,

и вдругъ поймалъ забытое слово: «Бумерангъ». Бумерангъ — это такая изогнутая, смѣшная деревяжка, которую въ циркѣ на Монмартрѣ бросали какіе-то черные дикари, маленькіе, голые, ловкіе и мускулистые чело-вѣчки. И тотчасъ же, точно освободившись отъ путъ, вниманіе Арбузова перенеслось на слова мальчишки, все еще звучащія въ памяти.

— Седьмой часъ, ты говоришь? Ну, такъ неси скорѣе самоваръ, Гриша.

Мальчикъ ушелъ. Арбузовъ долго сидѣлъ на кровати, спустивъ на полъ ноги, и прислушивался, глядя въ темные углы, къ своему сердцу, все еще бившемуся тревожно и суетливо. А губы его тихо шевелились, повторяя раздѣльно все одно и то же, поразившее его, звучное, упругое слово:

— Бу-ме-рангъ!

IV.

Къ девяти часамъ Арбузовъ пошелъ въ циркъ. Больше-головой мальчишка изъ номеровъ, страстный поклонникъ цирковаго искусства, несъ за нимъ соломенный сакъ съ костюмомъ. У ярко освѣщеннаго подъѣзда было шумно и весело. Непрерывно, одинъ за другимъ, подъѣзжали извозчики и, по мановенію руки величественнаго, какъ статуя, городского, описавъ полукругъ, отъѣзжали дальше, въ темноту, гдѣ длинной вереницей стояли вдоль улицы сани и кареты. Красныя цирковыя афиши и зеленые анонсы о борьбѣ виднѣлись повсюду — по обѣимъ сторонамъ входа, около кассъ, въ вестибюлѣ и коридорахъ, и вездѣ Арбузовъ видѣлъ свою фамилію, напечатанную громаднымъ шрифтомъ. Въ коридорахъ пахло конюшней, газомъ, тырсой, которой посыпаютъ арену, и обыкновеннымъ запахомъ зрительныхъ залъ — смѣшан-

нымъ запахомъ новыхъ лайковыхъ перчатокъ и пудры. Эти запахи, всегда немного волновавшіе и возбуждавшіе Арбузова въ вечера передъ борьбою, теперь болѣзненно и непріятно скользнули по его нервамъ.

За кулисами, около того прохода, изъ котораго выходятъ на арену артисты, висѣло за проволочной сѣткой освѣщенное газовымъ рожкомъ, рукописное расписание вечера съ печатными заголовками: «Arbeit. Pferd. Clown». Арбузовъ заглянулъ въ него съ неясной и наивной надеждой не найти своего имени. Но во II-мъ отдѣленіи, противъ знакомаго ему слова — Kampf, — стояли написанныя крупнымъ, катящимся внизъ почеркомъ полуграмотнаго человѣка двѣ фамиліи: Arbusow и Roeber.

На аренѣ кричали картавыми деревянными голосами и хохотали идиотскимъ смѣхомъ клоуны. Антоніо Батисто и его жена, Генріетта, дожидались въ проходѣ окончанія номера. На обоихъ были одинаковые костюмы изъ нѣжно-«фіолетоваго, расшитаго золотыми блестками трико, отливавшаго на сгибахъ противъ свѣта шелковымъ гляncемъ, и бѣлыя атласныя туфли.

Юбки на Генріеттѣ не было, вмѣсто нея вокругъ пояса висѣла длинная и частая золотая бахрома, сверкавшая при каждомъ ея движеніи. Атласная рубашечка фіолетоваго цвѣта, надѣтая прямо поверхъ тѣла, безъ корсета, была свободна и совсѣмъ не стѣсняла движеній гибкаго торса. Поверхъ трико на Генріеттѣ былъ наброшенъ длинный бѣлый арабскій бурнусъ, мягко отѣнявшій ея хорошенькую, черноволосую, смуглую головку.

— Et bien, monsieur Arbusoff? — сказала Генріетта, ласково улыбаясь и протягивая изъ-подъ бурнуса обнаженную, тонкую, но сильную и красивую руку — Какъ вамъ нравятся наши новые костюмы? Это идея моего Антоніо. Вы придете на манежъ смотрѣть нашъ номеръ?

Пожалуйста, приходите. У васъ хорошій глазъ, и вы мнѣ приносите удачу.

Подошедшій Антоніо дружелюбно похлопалъ Арбузова по плечу.

— Ну какъ дѣла, мой голубушка? All right! Я держу за васъ пари съ Винченцо на одна бутылка коньякъ. Смотрите же!

По цирку прокатился смѣхъ, и затрещали аплодисменты. Два клоуна съ бѣлыми лицами, вымазанными черной и малиновой краской, выбѣжали съ арены въ коридоръ. Они точно позабыли на своихъ лицахъ широкія, бессмысленныя улыбки, но ихъ груди послѣ утомительныхъ сальто-мортале дышали глубоко и быстро. Ихъ вызвали и заставили еще что-то сдѣлать, потомъ еще разъ, и еще, и только, когда музыка заиграла вальсъ, и публика утихла, они ушли въ уборную, оба потные, какъ-то сразу опустившіеся, разбитые усталостью.

Незанятыя въ этотъ вечеръ артисты, во фракахъ и въ панталонахъ съ золотыми лампасами, быстро и ловко опустили съ потолка большую сѣтку, притянувъ ее веревками къ столбамъ. Потомъ они выстроились по обѣ стороны прохода, и кто-то отдернулъ занавѣсъ. Ласково и кокетливо сверкнувъ глазами изъ-подъ тонкихъ смѣлыхъ бровей, Генриетта сбросила свой бурнусъ на руку Арбузову, быстрымъ женскимъ привычнымъ движеніемъ поправила волосы и, взявшись съ мужемъ за руки, граціозно выбѣжала на арену. Слѣдомъ за ними, передавъ бурнусъ конюху, вышелъ и Арбузовъ.

Въ труппѣ всѣ любили смотрѣть на ихъ работу. Въ ней, кромѣ красоты и легкости движеній, изумляло цирковыхъ артистовъ доведенное до невѣроятной точности чувство темпа — особенное, шестое чувство, врядъ ли понятное гдѣ-нибудь, кромѣ балета и цирка, но необходимое при всѣхъ трудныхъ и согласованныхъ дви-

женіяхъ подь музыку. Не теряя даромъ ни одной секунды и соразмѣряя каждое движеніе съ плавными звуками вальса, Антонію и Генріетта проворно поднялись подь куполь, на высоту верхнихъ рядовъ галлерей. Съ разныхъ концовъ цирка они посылали публикѣ воздушные поцѣлуи: онъ, сидя на трапеціи, она, стоя на легкомъ табуретѣ, обитомъ такимъ же фіолетовымъ атласомъ, какой былъ на ея рубашкѣ, съ золотой бахромой на краяхъ и съ инициалами А и В посрединѣ.

Все, что они дѣлали, было одновременно, согласно и, повидимому, такъ легко и просто, что даже у цирковыхъ артистовъ, глядѣвшихъ на нихъ, исчезало представление о трудности и опасности этихъ упражненій. Опрокинувшись всѣмъ тѣломъ назадъ, точно падая въ сѣтку, Антонію вдругъ повисалъ внизъ головой и, уцѣпившись ногами за стальную палку, начиналъ раскачиваться назадъ и впередъ. Генріетта, стоя на своемъ фіолетовомъ возвышеніи и держась вытянутыми руками за трапецію, напряженно и выжидательно слѣдила за каждымъ движеніемъ мужа и вдругъ, поймавъ темпъ, отталкивалась отъ табурета ногами и летѣла навстрѣчу мужу, выгибаясь всѣмъ тѣломъ и вытягивая назадъ стройныя ноги. Ея трапеція была вдвое длиннѣе и дѣлала вдвое большіе размахи: поэтому ихъ движенія то шли параллельно, то сходились, то расходились...

И вотъ, по какому-то незамѣтному ни для кого сигналу, она бросала палку своей трапеціи, падала ничѣмъ не поддерживаемая внизъ и вдругъ, скользнувъ руками вдоль рукъ Антонію, крѣпко сплеталась съ нимъ кисть за кисть. Нѣсколько секундъ ихъ тѣла, связавшись въ одно гибкое, сильное тѣло, плавно и широко качались въ воздухѣ, и атласныя туфельки Генріетты чертили по поднятому вверхъ краю сѣтки; затѣмъ онъ переворачивалъ ее и опять бросалъ въ пространство, какъ разъ

въ тотъ моментъ, когда надъ ея головою пролетала брошенная ею и все еще качающаяся трапеція, за которую она быстро хваталась, чтобы однимъ размахомъ вновь перенестись на другой конецъ цирка, на свой фіолетовый табуретъ.

Послѣднимъ упражненіемъ въ ихъ номерѣ былъ полетъ съ высоты. Шталмейстеры подтянули трапецію на блокахъ подъ самый куполь цирка, вмѣстѣ съ сидящей на ней Генріеттой. Тамъ, на семисаженной высотѣ, артистка осторожно перешла на неподвижный турникъ, почти касаясь головой стеколь слухового окна. Арбузовъ смотрѣлъ на нее, съ усиліемъ подымая вверхъ голову, и думалъ, что, должно-быть, Антонію кажется ей теперь сверху совсѣмъ маленькимъ, и у него отъ этой мысли кружилась голова.

Убѣдившись, что жена прочно утвердилась на турникѣ, Антонію опять свѣсился головой внизъ и сталъ раскачиваться. Музыка, игравшая до сихъ поръ меланхолическій вальсъ, вдругъ рѣзко оборвала его и замолкла. Слышалось только однотонное, жалобное шипѣніе углей въ электрическихъ фонаряхъ. Жуткое напряженіе чувствовалось въ тишинѣ, которая наступила вдругъ среди тысячной толпы, жадно и боязливо слѣдившей за каждымъ движеніемъ артистовъ...

— Pronta! — рѣзко, увѣренно и весело крикнулъ Антонію и бросилъ внизъ, въ сѣтку, бѣлый платокъ, которымъ онъ до сихъ поръ, не переставая качаться взадъ и впередъ, вытиралъ руки. Арбузовъ увидѣлъ, какъ при этомъ восклицаніи Генріетта, стоявшая подъ куполомъ и державшаяся обѣими руками за проволоки, нервно, быстро и выжидательно подалась всѣмъ тѣломъ впередъ.

— Attenti! — опять крикнулъ Антонію.

Угли въ фонаряхъ тянули все ту же жалобную, одно-

образную ноту, а молчаніе въ циркѣ становилось тягостнымъ и грознымъ.

— Allez! — раздался отрывисто и властно голосъ Антоніо.

Казалось, этотъ повелительный крикъ столкнулъ Генриетту съ турника. Арбузовъ увидѣлъ, какъ въ воздухѣ, падая стремглавъ внизъ и крутясь, пронеслось что-то большое фіолетовое, сверкающее золотыми искрами. Съ похолодѣвшимъ сердцемъ и съ чувствомъ внезапной раздражающей слабости въ ногахъ, атлетъ закрылъ глаза и открылъ ихъ только тогда, когда, вслѣдъ за радостнымъ, высокимъ, гортаннымъ крикомъ Генриетты, весь циркъ вздохнулъ шумно и глубоко, какъ великанъ, сбросившій со спины тяжкій грузъ. Музыка заиграла бѣшеный галопъ, и, раскачиваясь подъ него въ рукахъ Антоніо, Генриетта весело перебирала ногами и била ими одна о другую. Брошенная мужемъ въ сѣтку, она провалилась въ нее глубоко и мягко, но тотчасъ же, упруго подброшенная обратно, стала на ноги, и, балансируя на трясущейся сѣткѣ, вся сіяющая неподдѣльной, радостной улыбкой, раскраснѣвшаяся, прелестная, кланялась кричащимъ зрителямъ... Накидывая на нее за кулисами бурнусъ, Арбузовъ замѣтилъ, какъ часто подымалась и опускалась ея грудь, и какъ напряженно бились у нея на вискахъ тонкія голубыя жилки...

V.

Звонокъ прозвонилъ антрактъ, и Арбузовъ пошелъ въ свою уборную одѣваться. Въ сосѣдней уборной одѣвался Реберъ. Арбузову сквозь широкія щели наскоро сколоченной перегородки было видно каждое его движеніе. Одѣваясь, американецъ то напѣвалъ фальшивымъ баскомъ какой-то мотивъ, то принимался насвистывать и изрѣдка

обмѣнивался со своимъ тренеромъ короткими, отрывистыми словами, раздававшимися такъ странно и глухо, какъ будто бы они выходили изъ самой глубины его желудка. Арбузовъ не зналъ англійскаго языка, но каждый разъ, когда Реберъ смѣялся, или когда интонація его словъ становилась сердитой, ему казалось, что рѣчь идетъ о немъ и о его сегодняшнемъ состязаніи, и отъ звуковъ этого увѣреннаго, квакающаго голоса имъ все сильнѣе овладѣвало чувство страха и физической слабости.

Снявъ верхнее платье, онъ почувствовалъ холодъ и вдругъ задрожалъ крупной дрожью лихорадочнаго озноба, отъ которой затряслись его ноги, животъ и плечи, а челюсти громко застучали одна о другую. Чтобы согрѣться, онъ послалъ Гришутку въ буфетъ за коньякомъ. Коньякъ нѣсколько успокоилъ и согрѣлъ атлета, но послѣ него, такъ же, какъ и утромъ, по всему тѣлу разлилась тихая, сонная усталость.

Въ уборную поминутно стучали и входили какіе-то люди. Тутъ были кавалерійскіе офицеры, съ ногами, обтянутыми, точно трико, тѣсными рейтузами, рослые гимназисты въ смѣшныхъ узенькихъ шапкахъ и всѣ почему-то въ пенсне и съ папиросами въ зубахъ, щеголеватые студенты, говорившіе очень громко и называвшіе другъ друга уменьшительными именами. Всѣ они трогали Арбузова за руки, за грудь и за шею, восхищались видомъ его напруженныхъ мускуловъ. Нѣкоторые ласково, одобрительно похлопывали его по спинѣ, точно призовую лошадь, и давали ему совѣты, какъ вести борьбу. Ихъ голоса то звучали для Арбузова откуда-то издали, снизу, изъ-подъ земли, то вдругъ надвигались на него и невыносимо болѣзненно били его по головѣ. Въ то же время онъ одѣвался машинальными, привычными движеніями, заботливо расправляя и натягивая на своемъ тѣлѣ тонкое трико и крѣпко затягивая вокругъ живота широкій кожаный поясъ.

Заиграла музыка, и назойливые посѣтители одинъ за другимъ вышли изъ уборной. Остался только докторъ Луховицынъ. Онъ взялъ руку Арбузова, нащупалъ пульсъ и покачалъ головой.

— Вамъ теперь бороться — чистое безуміе. Пульсъ какъ молотокъ, и руки совсѣмъ холодныя. Поглядите въ зеркало, какъ у васъ расширены зрачки.

Арбузовъ взглянулъ въ маленькое наклонное зеркало, стоявшее на столѣ, и увидѣлъ показавшееся ему незнакомымъ, большое, блѣдное, равнодушное лицо.

— Ну, все равно, докторъ, — сказалъ онъ лѣниво и, поставивъ ногу на свободный стулъ, сталъ тщательно обматывать вокругъ икры тонкіе ремни отъ туфли.

Кто-то, пробѣгая быстро по коридору, крикнулъ поочередно въ двери обѣихъ уборныхъ:

— Monsieur Реберъ, monsieur Арбузовъ, на манежъ!

Непобѣдимая истома вдругъ охватила тѣло Арбузова, и ему захотѣлось долго и сладко, какъ передъ сномъ, тянуться руками и спиной. Въ углу уборной были навалены большой беспорядочной кучей черкесскіе костюмы для пантомимы III-го отдѣленія. Глядя на этотъ хламъ, Арбузовъ подумалъ, что нѣтъ ничего лучше въ мірѣ, какъ забратъся туда, улечься поуютнѣе и зарыться съ головой въ теплыя, мягкія одежды.

— Надо итти, — сказалъ онъ, подымаясь со вздохомъ. — Докторъ, вы знаете, что такое бумерангъ?

— Бумерангъ? — съ удивленіемъ переспросилъ докторъ. — Это, кажется, такой особенный инструментъ, которымъ австралійцы бьютъ попугаевъ. А впрочемъ, можетъ-быть, вовсе и не попугаевъ... Такъ въ чемъ же дѣло?

— Просто вспомнилось... Ну, пойдете, докторъ.

У занавѣса въ дощатомъ широкомъ проходѣ тѣснились, завсегдатаи цирка — артисты, служащіе и конюхи;

когда показался Арбузовъ, они зашептались и быстро очистили ему мѣсто передъ занавѣсомъ. Слѣдомъ за Арбузовымъ подходилъ Реберъ. Избѣгая глядѣть другъ на друга, оба атлета стали рядомъ, и въ эту минуту Арбузову съ необыкновенной ясностью пришла въ голову мысль о томъ, какъ дико, бесполезно, нелѣпо и жестоко то, что онъ собирается сейчасъ дѣлать. Но онъ также зналъ и чувствовалъ, что его держать здѣсь и заставляетъ именно такъ поступать какая-то безыменная беспощадная сила. И онъ стоялъ неподвижно, глядя на тяжелыя складки занавѣса съ тупой и печальной покорностью.

— Готово? — спросилъ сверху, съ музыкантской эстрады, чей-то голосъ.

— Готово, давай! — отозвались внизу.

Послышался тревожный стукъ капельмейстерской палочки, и первые такты марша понеслись по цирку веселыми, возбуждающими, мѣдными звуками. Кто-то быстро распахнулъ занавѣсъ, кто-то хлопнулъ Арбузова по плечу и отрывисто скомандовалъ ему: «*allez!*». Плечо о плечо, ступая съ тяжелой, самоувѣренной граціей, попрежнему, не глядя другъ на друга, борцы прошли между двухъ рядовъ выстроившихся артистовъ и, дойдя до середины арены, разошлись въ разныя стороны.

Одинъ изъ шталмейстеровъ также вышелъ на арену и, ставъ между атлетами, началъ читать по бумажкѣ съ сильнымъ иностраннымъ акцентомъ и со множествомъ ошибокъ объявленіе о борьбѣ.

— Сейчасъ состоится борьба, по римско-французскимъ правиламъ, между знаменитыми атлетами и борцами, г. Джономъ Реберомъ и г. Арбузовымъ. Правила борьбы заключаются въ томъ, что борцы могутъ, какъ угодно, хватать другъ друга отъ головы до пояса. Побѣжденнымъ считается тотъ, кто коснется двумя лопатками земли. Царапать другъ друга, хватать за ноги и за волосы и

душить за шею — запрещается. Борьба эта — третья, рѣшительная и послѣдняя. Поборовшій своего противника получаетъ призъ въ 100 рублей... Передъ началомъ состязанія борцы подаютъ другъ другу руки, какъ бы въ видѣ клятвеннаго обѣщанія, что борьба будетъ вестись ими честно и по всѣмъ правиламъ.

Зрители слушали его въ такомъ напряженномъ, внимательномъ молчаніи, что казалось, будто каждый изъ нихъ удерживаетъ дыханіе. Вѣроятно, это былъ самый жгучій моментъ во всемъ вечерѣ, — моментъ нетерпѣливаго ожиданія. Лица поблѣднѣли, рты полураскрылись, головы выдвинулись впередъ, глаза съ жаднымъ любопытствомъ приковались къ фигурамъ атлетовъ, неподвижно стоявшихъ на брезентѣ, покрывавшемъ песокъ арены.

Оба борца были въ черномъ трико, благодаря которому ихъ туловища и ноги казались тоньше и стройнѣе, чѣмъ они были въ самомъ дѣлѣ, а обнаженные руки и голыя шеи — массивнѣе и сильнѣе. Реберъ стоялъ, слегка выдвинувъ впередъ ногу, упираясь одной рукой въ бокъ, въ небрежной и самоувѣренной позѣ, и, закинувъ назадъ голову, обводилъ глазами верхніе ряды. Онъ зналъ по опыту, что симпатіи галлерей будутъ на сторонѣ его противника, какъ болѣе молодого, красиваго, изящнаго, а главное, носящаго русскую фамилію борца, и этимъ небрежнымъ, спокойнымъ взглядомъ точно посылалъ вызовъ разглядывавшей его толпѣ. Онъ былъ средняго роста, широкой въ плечахъ и еще болѣе широкой къ тазу, съ короткими, толстыми и кривыми, какъ корни могучаго дерева, ногами, длиннорукій и сгорбленный, какъ большая, сильная обезьяна. У него была маленькая лысая голова съ бычачьимъ затылкомъ, который, начиная отъ макушки, ровно и плоско, безъ всякихъ изгибовъ, переходилъ въ шею, такъ же, какъ и шея, расширяясь книзу, непосредственно сливалась съ плечами. Этотъ

страшный затылок невольно возбуждалъ въ зрителяхъ смутное и боязливое представленіе о жестокой, нечеловѣческой силѣ.

Арбузовъ стоялъ въ той обычной позѣ профессиональныхъ атлетовъ, въ которой они снимаются всегда на фотографіяхъ, т.-е. со скрещенными на груди руками и со втянутымъ въ грудь подбородкомъ. Его тѣло было бѣлѣе, чѣмъ у Ребера, а сложеніе почти безукоризненное: шея выступала изъ низкаго вырѣза трико ровнымъ, круглымъ, мощнымъ стволомъ, и на ней держалась свободно и легко красивая, рыжеватая, коротко остриженная голова съ низкимъ лбомъ и равнодушными чертами лица. Грудныя мышцы, стиснутыя сложенными руками, обрисовывались подъ трико двумя выпуклыми шарами, круглыя плечи отливали блескомъ розоваго атласа подъ голубымъ сіяніемъ электрическихъ фонарей.

Арбузовъ пристально глядѣлъ на читающаго шталмейстера. Одинъ только разъ онъ отвелъ отъ него глаза и обернулся на зрителей. Весь циркъ, съ верху до низу наполненный людьми, былъ точно залитъ сплошной черной волной, на которой, громоздясь одно надъ другимъ, выдѣлялись правильными рядами бѣлыя круглыя пятна лицъ. Какимъ-то беспощаднымъ, роковымъ холодомъ повѣяло на Арбузова отъ этой черной, безличной массы. Онъ всѣмъ существомъ понялъ, что ему уже нѣтъ возврата съ этого ярко освѣщеннаго заколдованнаго круга, что чья-то чужая, огромная воля привела его сюда, и нѣтъ силы, которая могла бы заставить его вернуться назадъ. И отъ этой мысли атлетъ вдругъ почувствовалъ себя беспомощнымъ, растеряннымъ и слабымъ, какъ заблудившійся ребенокъ, и въ его душѣ тяжело шевельнулся настоящій животный страхъ, темный, инстинктивный ужасъ, который, вѣроятно, овладѣваетъ молодымъ быкомъ, когда его по залитому кровью асфальту вводятъ на бойню.

Шталмейстеръ кончилъ и отошелъ къ выходу. Музыка опять заиграла отчетливо, весело и осторожно, и въ рѣзкихъ звукахъ трубъ слышалось теперь лукавое, скрытое и жестокое торжество. Былъ одинъ страшный моментъ, когда Арбузову представилось, что эти вкрадчивые звуки марша, и печальное шипѣнье углей, и жуткое молчаніе зрителей служатъ продолженіемъ его послѣобѣденнаго бреда, въ которомъ онъ видѣлъ тянущуюся передъ нимъ длинную, монотонную проволоку. И опять въ его умѣ кто-то произнесъ причудливое названіе австралийскаго инструмента.

До сихъ поръ однако Арбузовъ надѣялся на то, что въ самый послѣдній моментъ передъ борьбой въ немъ, какъ это всегда бывало раньше, вдругъ вспыхнетъ злоба, а вмѣстѣ съ нею увѣренность въ побѣдѣ и быстрый приливъ физической силы. Но теперь, когда борцы повернулись другъ къ другу и Арбузовъ въ первый разъ встрѣтилъ острый и холодный взглядъ маленькихъ голубыхъ глазъ американца, онъ понялъ, что исходъ сегодняшней борьбы уже рѣшенъ.

Атлеты пошли другъ къ другу навстрѣчу. Реберъ приближался быстрыми, мягкими и упругими шагами, наклонивъ впередъ свой страшный затылокъ и слегка сгибая ноги, похожій на хищное животное, собирающееся сдѣлать скачокъ. Сойдясь на серединѣ арены, они обмѣнялись быстрымъ, сильнымъ рукопожатіемъ, разошлись и тотчасъ же одновременнымъ прыжкомъ повернулись другъ къ другу лицами. И въ отрывистомъ прикосновеніи горячѣй, сильной, мозолистой руки Ребера Арбузовъ почувствовалъ такую же увѣренность въ побѣдѣ, какъ и въ его колючихъ глазахъ.

Сначала они пробовали захватить другъ друга за кисти рукъ, за локти и за плечи, вывертываясь и уклоняясь въ то же время отъ захватовъ противника. Движенія ихъ

были медленны, мягки, осторожны и расчетливы, какъ движенія двухъ большихъ кошекъ, начинающихъ играть. Упираясь вискомъ въ високъ и горячо дыша другъ другу въ плечи, они постоянно перемѣняли мѣсто и обошли кругомъ всю арену. Пользуясь своимъ высокимъ ростомъ, Арбузовъ обхватилъ ладонью затылокъ Ребера и попробовалъ нагнуть его, но голова американца быстро, какъ голова прячущейся черепахи, ушла въ плечи, шея сдѣлалась твердой, точно стальной, а широко разставленныя ноги крѣпко уперлись въ землю. Въ то же время Арбузовъ почувствовалъ, что Реберъ изо всѣхъ силъ мнетъ пальцами его бицепсы, стараясь причинить имъ боль и скорѣе обезсилить ихъ.

Такъ они ходили по аренѣ, едва переступая ногами, не отрываясь другъ отъ друга и дѣлая медленныя, точно лѣнныя и нерѣшительныя движенія. Вдругъ Реберъ, поймавъ обѣими руками руку своего противника, съ силой рванулъ ее на себя. Не предвидѣвшій этого приема, Арбузовъ сдѣлалъ впередъ два шага и въ ту же секунду почувствовалъ, что его сзади опоясали и поднимаютъ отъ земли сильныя, сплетшіяся у него на груди руки. Инстинктивно, для того, чтобы увеличить свой вѣсъ, Арбузовъ перегнулся верхней частью туловища впередъ и, на случай нападенія, широко разставилъ руки и ноги. Реберъ сдѣлалъ нѣсколько усилій притянуть къ своей груди его спину, но, видя, что ему не удастся поднять тяжелаго атлета, быстрымъ толчкомъ заставилъ его опуститься на четвереньки и самъ присѣлъ рядомъ съ нимъ на колѣни, обхвативъ его за шею и за спину.

Нѣкоторое время Реберъ точно раздумывалъ и примѣривался. Потомъ искуснымъ движеніемъ онъ просунулъ свою руку сзади, подъ мышкой у Арбузова, изогнулъ ее вверхъ, обхватилъ жесткой и сильной ладонью его шею и сталъ нагибать ее внизъ, между тѣмъ какъ

другая рука, окруживъ снизу животъ Арбузова, старалась перевернуть его тѣло по оси. Арбузовъ сопротивлялся, напрягая шею, шире разставляя руки и ближе пригибаясь къ землѣ. Борцы не двигались съ мѣста, точно застывъ въ одномъ положеніи, и со стороны можно было бы подумать, что они забавляются или отдыхаютъ, если бы не было замѣтно, какъ постепенно наливаются кровью ихъ лица и шеи, и какъ ихъ напряженные мускулы все рѣзче выпячиваются подъ трико. Они дышали тяжело и громко, и острый запахъ ихъ пота былъ слышенъ въ первыхъ рядахъ партера.

И вдругъ прежняя, знакомая физическая тоска разрослась у Арбузова около сердца, наполнила ему всю грудь, сжала судорожно за горло, и все тотчасъ же стало для него скучнымъ, пустымъ и безразличнымъ: и мѣдныя звуки музыки, и печальное пѣніе фонарей, и циркъ, и Реберъ, и самая борьба. Что-то въ родѣ давней привычки еще заставляло его сопротивляться, но онъ уже слышалъ въ прерывистомъ, обдававшемъ ему затылокъ дыханіи Ребера хриплые звуки, похожіе на торжествующее звѣриное рычаніе, и уже одна его рука, оторвавшись отъ земли, напрасно искала въ воздухѣ опоры. Потомъ и все его тѣло потеряло равновѣсіе, и онъ, неожиданно и крѣпко прижатый спиной къ холодному брезенту, увидѣлъ надъ собой красное, потное лицо Ребера съ растрепанными, свалывшимися усами, съ оскаленными зубами, съ глазами, искаженными безуміемъ и злобой...

Поднявшись на ноги, Арбузовъ, точно въ туманѣ, видѣлъ Ребера, который на всѣ стороны кивалъ головой публикѣ. Зрители, вскочивъ съ мѣсть, кричали какъ изступленные, двигались, махали платками, но все это казалось Арбузову давно знакомымъ сномъ, — сномъ нелѣпымъ, фантастическимъ и въ то же время мелкимъ и скучнымъ, по сравненію съ тоской, разрывавшей его

грудь. Шатаясь, онъ добрался до уборной. Видъ сваленнаго въ кучу хлама напомнилъ ему что-то неясное, о чемъ онъ недавно думалъ, и онъ опустился на него, держа обѣими руками за сердце и хватая воздухъ раскрытымъ ртомъ.

Внезапно, вмѣстѣ съ чувствомъ тоски и потери дыханія, имъ овладѣли тошнота и слабость. Все позеленѣло въ его глазахъ, потомъ стало темнѣть и проваливаться въ глубокую черную пропасть. Въ его мозгу рѣзкимъ, высокимъ звукомъ — точно тамъ лопнула тонкая струна — кто-то явственно и раздѣльно крикнулъ: бу-ме-рангъ! Потомъ все исчезло: и мысль, и сознаніе, и боль, и тоска. И это случилось такъ же просто и быстро, какъ если бы кто дунулъ на свѣчу, горѣвшую въ темной комнатѣ, и погасилъ ее...

ЛѢСНАЯ ГЛУШЬ.

Середина апрѣля. Вечеръ. Я иду по узкой, твердой, корчеватой лѣсной дорожкѣ, которая двумя глубокими песчаными колеями вьется среди хвойнаго молодняка, выросшаго вокругъ сѣрыхъ дряблыхъ пней. Рядомъ со мною идетъ Кирила, сотскій изъ Зульни, впереди — полѣсовщикъ Талимонъ. Оба они шагаютъ рѣдко, но размашисто: подъ ихъ ногами, обутыми въ лыковыя постолы, не треснетъ ни одна сухая вѣточка. Время отъ времени Талимонъ сходитъ съ тропинки, нагибается и шаритъ руками въ буреломѣ. Онъ разыскиваетъ лучину, которую еще утромъ нащипалъ для костра, и никакъ не можетъ найти ее. Вѣроятно, онъ забылъ мѣсто, но сознаться ему въ этомъ, какъ старому охотнику, особенно передъ своимъ всегдашнимъ соперникомъ — сотскимъ, не хочется, и я слышу, какъ онъ, не выпуская изо рта короткой трубки, ворчитъ что-то про «злодіевъ» и «бисовыхъ сыновъ».

Сегодня мы разложимъ въ лѣсу костеръ и около него вздремнемъ часа три-четыре, до той поры, когда начнетъ чуть-чуть брезжить разсвѣтъ. Къ зарѣ мы уже должны быть въ «будкахъ», чтобы не прозѣвать перваго тетеревиного тока.

Сотскій Кирила и Талимонъ — мои всегдашніе спут-

ники по охотѣ. Кирила — высокій, костлявый и весь какой-то развинченный мужикъ. У него худое, желтое лицо, впалыя щеки, плохо выбритый острый подбородокъ и огромный лобъ, по обѣ стороны котораго падаютъ прямыя, длинныя волосы; въ общемъ его голова напоминаетъ голову опереточнаго математика или астронома. На немъ надѣтъ поверхъ кожуха войлочный «латунь», уже старенькій, но чистый и франтоватый, — правая сторона у латуна коричневая, а лѣвая — сѣрая, и всѣ швы оторочены краснымъ шнуркомъ. Баранью шапку, отправляясь на охоту, Кирила надѣваетъ набекрень такъ, что она закрываетъ ему одинъ глазъ, и тогда вся деревня знаетъ, что «сотникъ иде на пановку».

Кирила служилъ въ «москаляхъ», былъ подъ Плевной и получилъ георгиевскій крестъ, — за что получилъ? — добиться отъ него толкомъ невозможно. Изъ его же собственнаго разсказа выходитъ только, что «Якъ турци насъ забрали въ плинъ, то разомъ узяли съ нами и майора Птицына, а потомъ, якъ мы вси стали утекать, то майора Птицына турци забили геть до смерти»... Въ настоящее время онъ уже десятый годъ подъ рядъ служитъ по выборамъ сотскимъ, получаетъ за это восемь рублей въ годъ, исполняетъ свои обязанности съ неугасаемымъ «административнымъ восторгомъ» и въ душѣ чрезмѣрно преувеличиваетъ размѣры облакающей его власти. Арестанты изъ его села отправляются до слѣдующаго этапа не иначе, какъ со связанными назадъ руками, между которыми продѣта длинная веревка; за каждый изъ концовъ этой веревки держатся конвоирующіе двое мужиковъ, что придаетъ всей процессіи внушительный и комическій видъ. Сотскій ведетъ очередь, кому изъ хозяевъ итти на какія общественныя работы, и хотя увѣряетъ, что у него на это есть какая-то «ханстрюкція», но, кажется, руководствуется при распределеніи наряда болѣе симпа-

тіями, заключенными за чаркой, нежели указаніями таинственной инструкціи. Онъ до нѣкоторой степени предводительствуетъ общественнымъ мнѣніемъ, и по праздникамъ въ толпѣ, собравшейся на лужайкѣ около монопольнаго забора (эта лужайка — своеобразный сельскій клубъ), особенно громко раздается его голосъ. До моего окна доносятся неизмѣнно однѣ и тѣ же задорныя фразы: «Я ему докажу»... «Законъ не позволяетъ»... «Якъ мене поставили начальствомъ»... Пьянъ онъ бываетъ рѣдко, но, выпивши, безобразничаетъ. Тогда онъ ходитъ непременно по самой серединѣ улицы и требуетъ, чтобы передъ нимъ снимали шапки. — «Що жъ ты? Не бачишь, що начальство иде?» — кричитъ онъ, подпираясь руками въ бока. Въ эти пьяныя минуты случается, что ему приходитъ въ голову какая-нибудь сумасбродно-административная затѣя, на примѣръ, отдать приказъ, чтобы завтра же все село выѣзжало строить новый мостъ черезъ Горынь, и съ непременною условіемъ окончить постройку къ вечеру. Крестьяне ему не противорѣчатъ, отлично зная, что на другой день сотскій даже и не вспомнитъ о своемъ вдохновенномъ предпріятіи.

Кирила ужасно любитъ разговаривать со всякимъ начальствомъ. При этомъ разговорѣ онъ отъ излишняго усердія вихляетъ всѣмъ туловищемъ, подергиваетъ бедрами и отчаянно жестикулируетъ большимъ пальцемъ правой руки, оттопыреннымъ въ сторону отъ остальныхъ пальцевъ, сжатыхъ въ кулакъ. Многословная его рѣчь такъ и пестритъ кудреватыми выраженіями, въ родѣ: «какая разница!»... «окончательно совсѣмъ»... «безъ никакого вниманія». Титулы, которыми онъ величаетъ исправника и становаго, всегда разнообразны и нелѣпо преувеличены. Если же въ присутствіи властей сотскому приходится вести разговоръ съ лицомъ, ему самому подчиненнымъ, то, хотя голова сотскаго и обращена къ этому подчиненному, но

глаза устремлены все время на власть съ заигрывающимъ выраженіемъ, а въ тонѣ его словъ слышится угодливая пренебрежительность, — дескать, «видите, пане, какая мужицкая необразованность, и какъ мы съ вами все это хорошо и тонко понимаемъ»...

Въ комнатахъ съ нимъ разговаривать неудобно, потому что онъ кричитъ, какъ на пожарѣ (голосъ у него — фальцетъ, — осипшій и надсаженный), тотчасъ же перебиваетъ всякаго, кто при немъ заговоритъ, самъ тараторитъ безъ умолку и ничего не слышитъ, кромѣ своихъ собственныхъ витіеватыхъ фразъ. Дома у себя и съ крестьянами онъ гораздо проще, естественнѣе, но съ начальствомъ и съ господами почему-то считаетъ необходимымъ быть какъ можно безтолковѣе и при первомъ же удобномъ случаѣ охотно впадаетъ въ роль шута. Начальство, кажется, любитъ его, но при каждомъ проѣздѣ не преминетъ собственноручно прибить, о чемъ Кирилла потомъ рассказываетъ со всѣми признаками хвастливаго удовольствія: «Отъ якъ мини врядникъ въ пыку запалилъ! Бѣда!..» Получивъ служебную бумагу, онъ, прежде чѣмъ ее распечатать, со значительнымъ видомъ надѣваетъ на носъ огромныя, круглыя, прадѣдовскія очки въ роговой оправѣ и затѣмъ уже, наморщивъ лобъ и сжавъ губы, разсматриваетъ документъ, держа его нерѣдко вверхъ ногами. Конечно, эти внушительныя приемы никого не обманываютъ, потому что всякому извѣстно, что ни въ Зульнѣ, ни въ Крешевѣ, ни въ Яблонномъ, съ его окрестностями, ни одинъ человекъ не умѣетъ читать, кромѣ бывшаго шинкаря Лейбы Фикуса, къ которому потомъ сотскій и отнесетъ бумагу для прочтенія.

Кирилла недурной стрѣлокъ, но охотникъ — несчастливый, а, главное дѣло, хвастунъ. Отправляясь на охоту и заломивъ шапку набокъ, онъ кричитъ на весь лѣсъ и божится, что сегодня ужъ навѣрняка принесетъ домой

полную сумку, а сумка у него чудовищныхъ размѣровъ. При промахѣ онъ сначала съ изумленіемъ смотритъ на ружье, пожимаетъ плечами и въ недоумѣніи спрашиваетъ: «Що це таке съ моей стрѣльбой зробилось?», — потомъ идетъ на то мѣсто, гдѣ сидѣла дичь, и тщательно разыскиваетъ перья или слѣды крови. Если же ему случится убить что-нибудь, то онъ несетъ дичь на ксендзовскій дворъ или къ органисту и продаетъ тамъ. Каждый разъ послѣ охоты онъ доводитъ меня до калитки и, снявъ шапку и склонивъ просительно набокъ свою водевильную голову, говоритъ заискивающимъ, тихимъ голосомъ:

— Паньчу, а якъ бы вы сотнику пожаловали на крючокъ водки?..

Талимонъ — человекъ другого склада. Онъ совсѣмъ плохой хозяинъ, и его хату можно безошибочно найти, потому что она самая худшая во всемъ селѣ: дрань на крышѣ дырявая, еле держится, стекла въ окнахъ почти всѣ powyбиты и замѣнены тряпками, стѣны ушли въ землю и покосились. Кожухъ у Талимона испещренъ заплатами и разодранъ подъ мышками, изъ шапки кое-гдѣ повылѣзли клочья ваты, но вся одежда сидитъ на немъ хорошо, почти изящно. Онъ невысокъ ростомъ, поджаръ и очень ловокъ въ движеніяхъ. Все его лицо отъ самыхъ глазъ заросло волосами; черные усы сливаются съ черной бородой, короткой, но чрезвычайно густой и жесткой. Подъ широкими черными бровями глубоко сидятъ большіе круглые черные глаза, которые смотрятъ сурово, недовѣрчиво и немного испуганно: я это странное выраженіе не разъ подмѣчалъ у людей, проводящихъ большую часть жизни въ лѣсу. Голосъ у Талимона глуховатый, носового тембра, не лишенный пріятности, но говоритъ онъ рѣдко и мало, — тоже какъ всѣ лѣсные люди. Смѣется онъ еще рѣже, но зато улыбка совершенно измѣ-

няетъ его лицо: оно вдругъ становится такимъ ласковымъ и добродушнымъ, что на него просто залюбуешься.

Талимонъ скромень, застѣнчивъ и уступчивъ. Онъ ни про кого не отзывается дурно, развѣ только, если при немъ похвалятъ плохого охотника, то онъ слабо и презрительно махнетъ рукой. Про свои охотничьи успѣхи онъ никогда не говоритъ безъ особеннаго повода, но рассказъ его, при всей суровой сжатости, всегда занимателенъ и картиненъ. Когда сотскій съ крикомъ и нелѣпыми тѣлодвиженіями начинаетъ руководить порядкомъ охоты, Талимонъ не возражаетъ ему, а дѣлаетъ по-своему, что выходитъ гораздо лучше и чему сотскій безпрекословно подчиняется, приписывая однако успѣхъ охоты своимъ распоряженіямъ.

У Талимона есть одна дорогая и трогательная общественная черта: онъ охотно беретъ на себя самыя неприятныя, хлопотливыя обязанности и безропотно становится на охотѣ на худшія мѣста. Онъ первый лѣзетъ по поясъ въ болото, первый переправляется по жидкому весеннему льду, строитъ шалаши, разводитъ костры, чиститъ ружья... Здоровье у него плохое. Часто, идя вмѣстѣ на охоту, я слышу его кашель, такой странный, отрывистый и сухой, что я долго не могъ къ нему привыкнуть: все мнѣ казалось, что Талимонъ чему-то внезапно разсмѣялся, и я съ любопытствомъ оборачивался въ его сторону. Я думаю, что у него наследственная чахотка, и что онъ не проживетъ долго, особенно при его молчаливой, упорной страсти къ спиртному. Если же кашель начинаетъ его мучить черезчуръ сильно, тогда Талимонъ приходитъ ко мнѣ за лѣкарствомъ. Лѣкарство это, изобрѣтенное едва ли не самимъ Талимономъ, состоитъ изъ большой рюмки водки, куда я капаю четыре или пять капель французскаго скипидару. — «А ну-ка, панычъ, дайте мини трошки тѣрпѣтыны... що-сь у меня

въ грудяхъ заложило», — говоритъ онъ въ этихъ случаяхъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ нерѣшительнаго колебанія на порогѣ моей комнаты. Я боюсь ошибиться, но мнѣ кажется, что, если бы я предложилъ Талимону принимать скипидаръ на водѣ, я бы рисковалъ потерять навсегда единственнаго своего пациента.

Въ хозяйственномъ быту Талимонъ лѣнтяй, какихъ свѣтъ не создавалъ. Вмѣсто самаго необходимаго домашняго дѣла, онъ предпочитаетъ цѣлыя сутки бродить по лѣсу съ ружьемъ за плечами. Когда его тринадцатилѣтняя дочь Варка вмѣстѣ со своимъ братишкой Архипомъ вспахиваютъ кое-какъ, неумѣлыми слабыми руками, жалкій клочокъ поля, Талимонъ только смотритъ на нихъ съ завалинки, равнодушно покуривая трубку, околоченную мѣдью.

Оба они — и сотскій и Талимонъ — стрѣляютъ изъ такихъ ружей, какихъ я болѣе нигдѣ не встрѣчалъ: фунтовъ по пятнадцати вѣсомъ, около вершка калибромъ, съ самодѣльными ложами и чудовищной отдачей, способной свалить на землю телеграфный столбъ. Эти рѣдкіе предметы достались имъ по наслѣдству, и оба охотника не согласятся промѣнять ихъ ни на какую централку.

— Теперь такой «стрѣльбы» не могутъ сдѣлать, — говоритъ иногда Талимонъ, любовно поглядывая на свой аркебузъ. — Это «стрѣльба» настоящая, бо она ще за Катерину Великую зроблена. О!..

И надо видѣть, съ какимъ многозначительнымъ видомъ подымается кверху черный палецъ Талимоновъ при этомъ: о!

У нихъ обоихъ есть собаки — отдаленные ублюдки гончихъ, у Кирилы — «Соколь», а у Талимона — «Свирьга». Собаки, надо отдать имъ справедливость, прескверныя, но меня онѣ интересуютъ въ томъ отношеніи, что на нихъ до смѣшного отразился характеръ ихъ господъ. Рыжій

Кириловъ Соколь, едва почуя заячій слѣдъ, бросается бѣжать по прямой линіи и громкимъ лаемъ даетъ знать о себѣ звѣрю за цѣлую версту. На убитаго зайца онъ тотчасъ же накидывается и начинаетъ его съ ожесточеніемъ пожирать, и отогнать его удается, только пустивъ въ ходъ ружейный прикладъ. Подходя на зовъ къ человеку, Соколь волнообразно изгибается туловищемъ, крутитъ головой, подобострастно взвизгиваетъ, лихорадочно машетъ хвостомъ и наконецъ, дойдя до вашихъ ногъ, переворачивается на спину. Куски, которые ему даютъ, онъ вырываетъ изъ рукъ и уноситъ ихъ куда-нибудь подальше. Взглядъ у него напряженный, заискивающій и фальшивый.

Свирьга — маленькая черная гладкая сучка, съ остренькой мордочкой и желтыми подпалинами на бровяхъ. Звѣря она гонитъ молча, «нышкомъ», какъ говоритъ Талимонъ. Нравъ у нея нелюдимый, нервный и довольно дикій; ласкъ она, повидимому, терпѣть не можетъ. Она страшно худая. Талимонъ ее никогда не кормитъ, потому что, по его мнѣнію, «песъ и жинка мусятъ сами себя годувать», т.-е. должны сами себя пропитывать. Собака относится къ хозяину съ полнымъ равнодушіемъ, но я знаю, что, несмотря на эту кажущуюся холодность, Свирьга и Талимонъ сильно привязаны другъ къ другу.

Теплый безвѣтреный день угасъ. Только далеко на горизонтѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ зашло солнце, небо еще рдѣло багровыми полосами, точно оно было вымазано широкими ударами огромной кисти, омоченной въ кровь. На этомъ странномъ и грозномъ фонѣ зубчатая стѣна казеннаго хвѣйнаго лѣса отчетливо рисовалась грубымъ, темнымъ силуэтомъ, а кое-гдѣ торчавшія надъ ней прозрачныя круглыя верхушки голыхъ березъ, казалось, были нарисованы на небѣ легкими штрихами нѣжной зеленоватой туши. Чуть-чуть выше розовый отблескъ гаснущаго

заката незамѣтно для глазъ переходилъ въ слабый оттѣнокъ выцвѣтшей бирюзы... Воздухъ уже потемнѣлъ, и въ немъ выдѣлялся стволъ каждаго дерева, каждая вѣточка, съ той мягкой и пріятной ясностью, которую можно наблюдать только раннею весной, по вечерамъ. Слышалось иногда, какъ густымъ басомъ гудитъ, пролетая гдѣ-то очень близко, невидимый жукъ, и какъ онъ, сухо шелкнувшись о какое-то препятствіе, сразу замолкаетъ. Коегдѣ сквозь чащу деревьевъ мелькали серебряныя нити лѣсныхъ ручейковъ и болотецъ. Лягушки заливались въ нихъ своимъ торопливымъ, оглушительнымъ крикомъ; жабы вторили имъ болѣе рѣдкимъ, мелодическимъ и грустнымъ уханьемъ. Изрѣдка надъ головой пролетала съ пугливымъ кряканьемъ утка, да слышно было, какъ съ громкимъ и короткимъ бляньемъ перелетаетъ съ мѣста на мѣсто бекасъ-баранчикъ. Высыпали первыя звѣзды, и никогда ихъ мерцающее сіянье не казалось мнѣ такимъ золотымъ, такимъ чистымъ, кроткимъ и радостнымъ.

— Стойте, панычъ... заждитъ трошки, — сказалъ вдругъ Талимонъ, присѣвъ на корточки сбоку дороги. — Сдается, здѣсь и заночуемъ....

Дѣйствительно, изъ-подъ густой сосновой вѣтки онъ вытащилъ охапку лучины, загодя наколотой имъ изъ стараго смоляного пня. Я далъ ему спичку, и сухое сосновое дерево тотчасъ же вспыхнуло яркимъ, безпокойнымъ пламенемъ, распространяя сильный запахъ смолы. Затѣмъ онъ навалилъ сверхъ лучины сухой прошлогодней желтой хвои, которая сразу задымилась и затрещала.

Сотскій не утерпѣлъ, чтобы не вмѣшаться.

— Атъ! — крикнулъ онъ съ досадой. — Ничего не умѣешь сдѣлать. Пусти меня.

Талимонъ сейчасъ же уступилъ ему свое мѣсто и только съ застѣнчивымъ видомъ вытеръ носъ рукавомъ лагуна.

Но у сотскаго дѣло не спорилось, и начавшій-было разгораться костеръ чуть-чуть совсѣмъ не потухъ.

— Что же ты не помогаешь... стоишь, якъ пень! — крикнулъ онъ съ сердцемъ на Талимона.

Съ помощью Талимона, притащившаго кучи хвороста, костеръ разгорѣлся веселымъ, шумнымъ огнемъ. Я въ это время доставалъ изъ сумки провизию, къ большому удовольствию сотскаго, провожавшаго глазами каждый предметъ, появлявшійся изъ нея. Талимонъ изъ деликатности дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ моихъ движеній. Я предложилъ имъ водки. Сотскій торопливо принялъ изъ моихъ рукъ серебряный стаканчикъ, гаркнулъ своимъ сильнымъ фальцетомъ: «За ваше здоровье, ваше выскородіе», опрокинулъ залпомъ водку въ ротъ, а воображаемые остатки слихо выплеснулъ себѣ черезъ плечо. Талимонъ — хотя я видѣлъ, что ему хочется выпить не меньше сотскаго — сначала немного поцеремонился.

— Пейте, пейте, панычъ, — уговаривалъ онъ меня такимъ ласковымъ тономъ, какъ будто хотѣлъ сказать, что ему ничего, онъ какъ-нибудь потерпитъ, обойдется, но что мнѣ не выпить никакъ нельзя.

Я настаивалъ. Сдавшись наконецъ и взявъ стаканчикъ, онъ снялъ шапку и нѣсколько секундъ нерѣшительно глядѣлъ на водку; потомъ слегка кивнулъ мнѣ головой и промолвилъ: «Ну! Будьте здоровы, панычъ», и съ видимымъ наслажденіемъ выпилъ. Послѣ этого оба мои спутника отрѣзали по толстому куску свиного сала, надѣли его на шомпола и сунули въ огонь. Поджариваемое сало заворчало и, растапливаясь, капало въ огонь синими горящими каплями.

Раскаленные угольки съ трескомъ выпрыгивали изъ костра и, описавъ въ воздухѣ искристую дугу, падали за нами. Становилось жарко. Мы разлеглись поудобнѣе, ногами къ огню, головой наружу, и долго всѣ трое во-

зились, уминая подь собой мѣсто и выгребая сухія вѣточки и сосновыя шишки, мѣшавшія лежать. Потомъ всѣ притихли и молча глядѣли на пламя, охваченные тѣмъ непонятнымъ, тихимъ очарованіемъ, которое ночью такъ властно и такъ пріятно притягиваетъ глаза къ яркому огню.

Надъ костромъ вдругъ низко и прямо пролетѣла большая сѣрая птица, медленно махая крыльями и жалобно пища. Мы проводили ее глазами, пока она не утонула во мракѣ.

— Это канюка, — сказалъ Талимонъ, поправляя ногой полѣно, выбросившее отъ толчка густой снопъ искръ.

— Что такое? — переспросилъ я.

— Канюка, ваше благородіе... такая птаха! — закричалъ сотскій и весь заерзалъ на своемъ мѣстѣ. — Звѣсно, такъ мы ее называемъ — канюка... То-есть, ей, значить, такое названіе — канюка.

— А панычъ знаетъ, чего она такъ кричитъ? — спросилъ съ легкой усмѣшкой Талимонъ.

— Нѣтъ, не знаю... Почему же?

— Не могу сказать: чи правда тому, чи нѣтъ, а только старые люди кажутъ, что ее Господь проклялъ.

— Атъ! — пренебрежительно мотнулъ головой сотскій: — очень нужно панычу твои байки слушать... Какая разница...

— Нѣтъ, отчего же, — возразилъ я. — Расскажи, пожалуйста, Талимонъ. Это очень интересно.

— Что жь... вѣдь не я ее выдумалъ... старые люди говорятъ, — обратился Талимонъ къ сотскому, точно оправдываясь передъ нимъ. — Бачите, панычъ, якъ это дѣло вышло, — продолжалъ онъ болѣе спокойно. — Случилось одинъ разъ... давно это было... можетъ, сколько сотъ лѣтъ тому назадъ... случилось какъ-то, что зроби-лась на землѣ великая суша. Дождь не падалъ цѣлое

лѣто, и всѣ рѣчки и болота повысыхали... Птицы первыя зажурились... Звѣсно: птаха пьетъ хотъ и помалу, але вельми часто, и безъ воды ей кепсько... Вотъ и стали птицы просить у Господа Бога: «Дай Ты намъ, Господи Боже, хотъ трошки водицы, а то мы безъ нея всѣ, сколько насъ есть, скоро поумираемъ». Сжалился надъ птицами Богъ и говоритъ имъ:—«Хорошо, дамъ Я вамъ воды. Соберитесь всѣ вы, сколько васъ есть, въ одно мѣсто и ройте землю, и какъ докопаетесь до воды, тогда и напѣтесь... на всю вашу братію, пока что, хватитъ»... Какъ услышали эти слова птицы, зѣразъ слетѣлись въ одно мѣсто... въ лѣсъ, скажемъ, чи въ долинку... и давай копать лапками землю. Всѣ птицы собрались: и бузько, и кныга, и шулякъ, и крукъ, и ворона... роютъ, роютъ, одно передъ другимъ старается... Только одна канюка ничего не хочетъ дѣлать. Сидитъ и смотритъ, какъ другія работаютъ, да перышки свои перебираетъ. Увидѣлъ это Господь Богъ и спрашиваетъ: «Отчего же ты, сѣрая птаха, не хочешь слушать Моего приказа? Развѣ ты не чула, какъ Я всѣмъ птицамъ велѣлъ копать криницу?» А канюка отвѣчаетъ Господу Богу:—«Какъ же, Господи, буду я копать криницу? Бачишь, якія у меня ножки гарненькія! Боюсь я ихъ испачкать землею, не стану я копать криницы». А ножки у нея, панычу, и правда, гарненькія, желтенькія такія. Да... Разсердился тогда Господь Богъ на канюку и сказалъ: «Будь же ты, сѣрая птица, проклята отнынѣ и до вѣка!.. Пусть теперь и ты и весь родъ твой не смѣетъ пить воды: а ни изъ рѣчки, а ни изъ ривчака, а ни изъ болота, а ни изъ криницы или става, ни изъ стоячей воды ни изъ текучей. А только позволяю Я тебѣ пить воду послѣ дождя съ зеленаго листика»... Вотъ съ тѣхъ поръ летаетъ эта самая птица и кричитъ, а наибольше лѣтомъ... Хочется ей пить, а напиться

нельзя. Подлетитъ къ рѣчкѣ — рѣчка ей воды не даетъ, подлетитъ къ лужицѣ — и та передъ ней разступается. Такъ она отъ воды до воды и летаетъ, и все канючить... жалостливо такъ, вотъ какъ сейчасъ, панычъ, слышали... За это самое, что она канючить, ее и называютъ канюкой... И это вѣрно, панычъ, — закончилъ онъ убѣжденнымъ тономъ: — я самъ бачилъ, какъ она сидитъ около рѣчки и кричитъ... Хочется ей пить, да, видно, Господне проклятіе крѣпче... Вотъ такъ-то...

— Атъ!.. Байки! — отозвался сотскій.

— Такъ что же, что байки? — заступился я за Талимона. — Байку тоже занятно послушать. Ночь длинна... торопиться намъ некуда.

Кирила тотчасъ же съ обычной неустойчивостью и безтолковостью перемѣнилъ мнѣніе.

— Ну да... воно такъ, — захихикалъ онъ угодливо. — Я жъ понимаю, что панычу любопытно... Панычъ думаетъ, я не понимаю? Я усе понимаю. Звѣсно, что старые люди больше нашего знаютъ... Я жъ могу понимать!..

Мы притихли. Вдругъ Талимонъ быстро приподнялся на локтѣ и, сдвинувъ брови, острымъ неподвижнымъ взглядомъ уставился въ лѣсную чащу.

— Кто-то идетъ, — сказалъ онъ вполголоса.

Сотскій тоже приподнялся и повернулъ голову по направлению взгляда Талимона. Я, какъ ни напрягалъ вниманіе, ничего не могъ слышать за трескомъ разгорѣвшагося костра.

— Кто тамъ иде-еть? Что ты бреше-ешь? — протянулъ насмѣшливо Кирила.

— Тихо! — махнулъ на него рукой, не оборачиваясь, Талимонъ.

Дѣйствительно, его не обманулъ тонкій охотничій слухъ. Черезъ минуты двѣ или три послышался легкій трескъ

сухихъ вѣтокъ подъ чьими-то ногами, и изъ чащи точно вынырнула высокая фигура мужика въ новомъ кожухѣ и картузѣ.

— Помогай Богъ! — сказалъ онъ глухимъ, сильно простуженнымъ голосомъ и слегка приподнялъ картузъ.

— Здорово! — отвѣтили разомъ Талимонъ и Кирила, прикоснувшись къ своимъ шапкамъ.

— Ишелъ я по лѣсу и вижу вашъ огонь, — продолжалъ пришедшій, присаживаясь на корточки. — Дай, думаю, посмотрю, что за люди... Скучно одному.

— Сѣдайте, — проговорилъ изъ вѣжливости Талимонъ, несмотря на то, что гость уже успѣлъ усѣсться.

Этого мужика зовутъ Александромъ. Мнѣ никогда не доводилось съ нимъ разговаривать, но я нерѣдко видѣлъ его и особенно много о немъ слышалъ, благодаря той простой и въ то же время тяжелой крестьянской драмѣ, которая на глазахъ всей деревни разыгрывалась въ его семьѣ. Два года тому назадъ его жена Ониська — хорошенькая, но распутная и глупая бабенка — вернулась изъ ближняго городка, гдѣ она служила въ разныхъ мѣстахъ за кухарку. Вернулась она въ деревню не по своей охотѣ. Уже давно до Александра доходили слухи, что его жена ведетъ себя нехорошо, путается со всѣми городскими господами и съ ихъ мужской прислугой, и что даже проѣзжіе посылаютъ «изъ номерей» мищуреса за Ониськой. Александръ не разъ являлся въ городъ, отнималъ у жены всѣ зажитыя ею платья и вещи и рубилъ ихъ въ мелкіе кусочки на порогѣ, а жену избивалъ и уводилъ въ деревню. Но она улучала минуту и тайкомъ сбѣгала опять въ городъ. Въ послѣднее время ее «водворила на мѣсто жительства» полиція, къ содѣйствію которой обратился — не знаю ужъ, по чьему совѣту — Александръ.

Вмѣстѣ съ городскимъ гардеробомъ Ониська привезла

съ собою легкость городскихъ нравовъ и презрѣніе къ деревенской необразованности. Держала она себя съ сосѣдями заносчиво, употребляла въ разговорѣ никому невѣдомыя слова, ѣла въ постѣ скоромное и даже въ одно воскресенье—смѣшно сказать—явилась въ церковь съ синимъ пенсне на носу, за что Александръ получилъ отъ священника, отца Анатолія, строгій выговоръ.

Поведеніе ея не стало лучше въ деревнѣ. Она таскалась сначала съ сыномъ волостного писаря, потомъ съ конторщиками сосѣдняго лѣсного имѣнія, потомъ съ помѣщичьими кучерами, и наконецъ въ настоящее время ея постояннымъ кавалеромъ сдѣлался вольнопрактикующій фельдшеръ Кацѣйовскій, вертлявый и наглый человѣчекъ, съ темнымъ прошлымъ, лѣчившій съ одинаковымъ неуспѣхомъ и лошадей, и коровъ, и бабъ съ ихъ ребятами. Зналъ ли обо всемъ этомъ Александръ—трудно сказать. Онъ никогда не отличался общительностью, а за послѣдній годъ сталъ еще больше сторониться отъ людей, но съ лица его не сходило угрюмое выраженіе упорной, затаенной мужицкой тоски. Глядя на него, крестьяне покачивали головами и со свойственнымъ имъ безошибочнымъ инстинктивнымъ чутьемъ говорили: «Не добромъ кончится это дѣло... що-съ буде промежъ Онисьи съ Александромъ...»

— Ты коней, что ли, пасешь?—спросилъ нѣсколько минутъ спустя сотскій.

Александръ, неподвижно глядѣвшій въ огонь, вдругъ встрепенулся, точно его внезапно разбудили.

— Я-то?—протянулъ онъ, съ усиліемъ отрываясь отъ огня и, повидимому, стараясь понять, о чемъ его спрашиваютъ.—Коней, ты говоришь? Да, да, коней.

— Оно дѣвствительно... теперъ злодій какъ разъ подкрадется,—поучительно замѣтилъ Кирила.

Александръ опять уставился на огонь. Я вглядѣлся

пристальнѣе въ его большое, носатое, изрытое оспой лицо, и меня поразило его равнодушно-тоскливое выраженіе. И поза, въ которой онъ сидѣлъ, сгорбившись, съ головой, ушедшей въ плечи, охвативъ обѣими руками острия колѣни, показалась мнѣ усталой и безпомощной. Самый голосъ у Александра былъ какой-то жалкій, пришибленный и до страннаго глухой, какъ будто бы онъ раздавался сквозь закрывавшую ротъ мягкую подушку.

Пламя костра трепетало съ бурнымъ ропотомъ, а на лицахъ трехъ крестьянъ бѣгали длинныя дрожащія тѣни отъ носовъ и глазныхъ впадинъ. Когда же огонь вспыхивалъ особенно ярко, эти лица принимали мѣдный оттѣнокъ, а въ глазахъ ярко загорались красныя точки.

Около костра было тепло, свѣтло и уютно, но тамъ, дальше, куда не достигалъ освѣщенный колеблющійся кругъ, тамъ ночь стала непроницаемо черной, и временами до насъ доносилось ея холодное, сырое дыханіе. Обступившія насъ вокругъ деревья слились въ одну сплошную, темную—темнѣе ночи—живую толпу, точно со всего лѣса сбѣжались сюда ночныя тѣни и съ любопытствомъ глядѣли сверху, покачиваясь и перешептываясь. Иногда, на мгновеніе, выдѣлялся изъ этого заколдованнаго круга голый прямой стволъ сосны, внезапно облитый красноватымъ свѣтомъ, но тотчасъ же пугливо прятался въ густую толпу ночныхъ призраковъ.

Я легъ на спину и долго глядѣлъ на темное, спокойное, безоблачное небо,—до того долго, что минутами мнѣ казалось, будто я гляжу въ глубокую пропасть, и тогда у меня начинала слабо, но пріятно кружиться голова. А въ душу мою сходилъ какой-то томный, согрѣвающій миръ. Кто-то стиралъ съ нея властной рукою всю горечь прошедшихъ неудачъ, мелкую и озлобленную суету городскихъ интересовъ, мучительный позоръ обиженнаго самолюбія, никогда не засыпающую заботу о

насущномъ хлѣбѣ. И вся жизнь, со всѣми ея мудреными задачами, вдругъ ясно и просто сосредоточилась для меня на этомъ песчаномъ бугрѣ около костра, въ обществѣ этихъ трехъ человѣкъ, несложныхъ, наивныхъ и понятныхъ, почти какъ сама природа.

Странный звукъ внезапно нарушилъ глубокое ночное молчаніе: точно вдали кто-то вздохнулъ во всю ширину необъятной груди... Даже трудно было опредѣлить, съ какой стороны послышался этотъ звукъ: онъ пронесся по лѣсу низко, надъ самой землею, и стихъ.

— Птаха яка-сь, — замѣтилъ вполголоса Александръ.

— Сова! — рѣшилъ тотчасъ же увѣренно сотскій.

— Нѣтъ, это не птаха, — задумчиво отозвался Талимонъ. — Господь его знаетъ, что оно такое... Трапляется это часомъ въ лѣсу, когда ночь тихая...

— Трапляется, трапляется, — съ задоромъ передразнилъ сотскій: — а что трапляется, и самъ не знаетъ... Ну, что такое трапляется?

— Разное бываетъ... — мягко и уклончиво возразилъ Талимонъ. — Лѣсъ у насъ великій, въ ишее мѣсто никто не заглядаетъ, даже лоси и волки... Одному Богу звѣстно, что тамъ ночью робится... Старые полѣсовщики много чего баютъ, потому что они цѣлый день въ лѣсу, да въ лѣсу... все видятъ, все слышатъ... Да что жъ? — обвелъ онъ насъ глазами. — Я и самъ многое слыхалъ...

— Ты слыхалъ... Много ты слыхалъ!..

— А что жъ? — съ добродушной настойчивостью продолжалъ Талимонъ. — Вотъ и слыхалъ. Бываетъ часомъ такъ, что идешь, примѣрно, въ ночной обходъ. Тихо такъ въ лѣсу... ажъ листикъ не колыхнетъ... А вдругъ какъ зарегочетъ що-сь, какъ зарегочетъ... чудно такъ... не то человѣкъ смѣется, не то конь ржетъ, не то заплакалъ кто-то.

— Атъ!..

— А вотъ еще однажды слыхаль я въ ночь на Свѣтлое Воскресенье, какъ печаловскій колоколъ звонить. Чтò жъ скажешь, можетъ-быть, неправду тому? — укоризненно обратился Талимонъ къ сотскому.

— Нѣтъ, это правда. Печаловскій колоколъ звонить, я это знаю, — подтвердилъ своимъ глухимъ голосомъ Александръ.

Я заинтересовался: чтò такое означаетъ звонъ печаловскаго колокола. Сотскій въ ту же минуту завозился туловищемъ, ногами и руками и закричалъ такъ громко, что по лѣсу побѣжало эхо:

— Чтò вы ихъ слухаете, панычъ! Они вамъ съ три короба наговорятъ. Атъ! Бабья брехня... Не слухайте ихъ, ваше благородіе.

Но я гораздо энергичнѣе, чѣмъ прежде, попросилъ сотскаго молчать. Талимонъ принялся рассказывать, но сначала немного стѣснялся и все озирался на своего противника. Александръ попрежнему тупо и печально глядѣлъ на огонь, не измѣняя своей жалкой позы. Время отъ времени онъ коротко кивалъ головой и приговаривалъ: «Да, да... это вѣрно... это такъ». Сотскій съ умышленной небрежностью повернулся спиной къ рассказчику.

— Это тоже, панычъ, дуже старое дѣло, чтò я вамъ хочу рассказывать, за той самый печаловскій колоколъ. Случилось оно еще тѣ годы окоче была у насъ панцица. Давнымъ-давно... лѣтъ... може быть... (онъ задумался и вопросительно посмотрѣлъ на меня). Лѣтъ триста, аль бо четыреста будетъ?... А мабудь, и больше? Не могу сказать, не знаю, Богъ его знаетъ, сколько лѣтъ... Собирались одинъ разъ казаки въ походъ. Шли они тогда войной на турецкаго салтана. И вотъ стали они прощаться со своими... Журьба по всему селу, плачь такой великій... ажъ стонъ стоитъ!.. Тотъ съ баткой своимъ расстаётся, съ маткой старой, того сестра право-

жаеть... Но больше всего голосили дивчата. Звѣсно, у каждой былъ въ войскѣ свой зарученный... И ужъ эти бабы завше одинаковы. Сама плачетъ, якъ рѣка разливается, а все жъ таки не утерпитъ на ухо шепнуть: «Будешь ты, Грицко, аль бо тамъ Павло, чи Юрко, будешь вертаться назадъ изъ Туреччины, привези мнѣ памятку какую-нибудь, чи перстенекъ, чи намисто, чи хустку червонную...»

«Былъ въ томъ селѣ казакъ, по имени Опанасъ: гарный хлопецъ, веселый и шворный такой, але жъ только совсѣмъ бѣдный, якъ собака. Всего у него богатства только и было, что на немъ. Служилъ Опанасъ за наймита у мельника. А у мельника была дочка, такая красивая дивчина, что лѣпше ея нигдѣ на всю округу не было. Полюбилась эта мельничиха Опанасу; такъ онъ ее полюбилъ, что только изъ-за нея одной и жилъ на млынѣ, потому что старый мельникъ былъ человекъ гордый и скупой, кормилъ наймитовъ плохо и даже за людей ихъ не считалъ... И дочка его такая жъ была. Знала она, что Опанасъ ее крѣпко любитъ, но только надъ нимъ смѣялась.

«Какъ услышалъ Опанасъ, что идутъ казаки на войну, сталъ и онъ собираться... Вотъ пришло время и въ походъ выступать. Приѣхалъ Опанасъ въ опушній разъ на млынъ, прощается, бѣдака, со своей любой. А ей ничего, только смѣется съ него. «Привези, каже, мнѣ изъ турецкой земли такое намисто, чтобъ такого еще ни у кого не было, чтобъ всѣ молодицы и дивчины—и Гапка, и Катерына, и Прусъка—чтобы всѣ онѣ съ зависти пожелтѣли. Тогда, говорить, можетъ, и пойду за тебя замужъ. Да помни одно: если твое намисто хоть изъ золотыхъ дукатовъ будетъ, я и то его не приму, а брошу его тебѣ въ твою наймичью пыку. Бо такое намисто я вже у одной проѣзжей пани бачила».

— Ахъ, ты, стерва!—не утерпѣлъ наконецъ сотскій и быстро повернулся лицомъ къ рассказчику.—Я бы ей самой въ пыку за такія слова далъ!..

Сотскій, хотя и старался до сихъ поръ подчеркнуть свое невниманіе къ разсказу, но, очевидно, слушалъ его съ захватывающимъ интересомъ, несмотря на то, что, навѣрно, зналъ его наизусть съ самаго дѣтства. Онъ, какъ многіе крестьяне, новымъ байкамъ предпочиталъ старинныя, давно ему-привычныя, уже освоенныя и усвоенныя его тугимъ, короткимъ воображеніемъ.

— Да. Такъ она ему и сказала, — продолжалъ Талимонъ, замѣтно польщенный и подбодренный искренней выходкой сотскаго:—привези мнѣ, говоритъ, такое наместо, какого еще никто и не бачилъ.—«Хорошо,—говоритъ Опанасъ:—хорошо, привезу я тебѣ такое наместо!»... а самъ вельми разсердился,—даже прощаться съ нею больше не сталъ,—вскочилъ на коня и поѣхалъ догонять товарищей.

«Въ ту пору, какъ шли казаки походомъ, подружилъ Опанасъ съ однимъ казакомъ, Левкомъ, — такъ подружилъ, что просто они другъ безъ дружки жить не могутъ, а напоследокъ даже крестами помѣнялись. «Будь ты мнѣ,—говоритъ Опанасъ:—за родного брата. Куда ты, туда и я. Будемъ вездѣ стоять другъ за дружку и выручать отъ всякой бѣды».

«Наконецъ пришли наши казаки и въ Туреччину. Долго они тамъ сражались. Сколько селъ и деревень попалили, сколько скота угнали, сколько ихнихъ церквей разорили... а поганыхъ турокъ такъ богацько набили, что даже счетъ потеряли... золотыя монеты забирали прямо жменями, ажъ казацкія кишени не могли выдержать, лоцались... И вездѣ Левко вмѣстѣ съ Опанасомъ: и турокъ вмѣстѣ бьютъ, и кашу изъ одного горшка ѣдятъ, и спятъ подъ однимъ козухомъ...

«Завоевали одинъ разъ казаки самый великій турецкій городъ—Константиновъ, и стали тотъ городъ разорять. Опанасъ съ Левкомъ забрались въ бо-огатый-пребогатый палацъ и давай хозяйевать въ немъ, какъ въ своей хатѣ. Набрали дукатовъ золотыхъ, посуды разной срибною, дорогихъ каменьева... Вдругъ бачать: лежитъ въ щека-тункѣ намисто, и такъ-то блещетъ намисто, что ажъ глаза колетъ. Левко съ Опанасомъ разомъ хватъ за намисто!.. Одинъ каже—мое, другой гово́ритъ—мое. Слово за слово, стали лаяться казаки. Дальше, больше,—вынулъ Левко шаблюку, вынулъ и Опанасъ свою шаблюку. Начали биться. Бились часъ, бились другой: пересилилъ-таки Опанасъ Левка и отрубилъ своему названному брату, казацкую голову, и взялъ себѣ то гарное намисто...

«Никому онъ не сказалъ изъ товарищей, что убилъ Левка, а намисто сховалъ у себя на груди, подъ свиткой, чтобъ никто его не замѣтилъ. Такъ всѣ и подумали, что пропалъ Левко безъ вѣсти, чи взяли его въ плѣнъ, чи зарѣзалъ его гдѣ-нибудь поганый турка.

«Въ скорости повернули казаки до дому,—ужъ больше года прошло, какъ они выѣхали въ походъ. Поѣхалъ съ ними и Опанасъ. Только совсѣмъ не такой поѣхалъ, какъ изъ дому выѣзжалъ. Тогда былъ веселый такой: все пѣсни спѣвалъ, да жартовалъ съ товарищами, а теперь ѣдетъ тихій, сумный, пѣсенъ не поетъ, не говоритъ ни съ кѣмъ и все—нѣтъ, нѣтъ,—рукой лапаетъ за грудь, гдѣ у него спрятано намисто.

«На Страстной недѣлѣ вступили казаки на русскую землю. Ёдутъ они однажды вечеромъ и видятъ въ степи огонь.—«Вотъ здѣсь, говорятъ, и заночуемъ». Подѣхали, глядятъ—цыганскій таборъ. Ну, что же? Хоть и цыгане, а все же таки подорожные люди. Говорятъ имъ казаки: «Слава Богу!». Тѣ имъ отвѣчаютъ: «Во вѣки слава». Просятъ сѣдать. Сѣли наши казаки, вы-

нули изъ сумокъ хлѣбъ, соль, цыбулю... стали вечерять, послали за горилкой, — тутъ корчма близко оказалась. Пьютъ и цыганъ частуютъ. Только одна молодая цыганка — красивая такая — замѣтила, что Опанасъ все за грудь тремается, и пытается въ шутку: «Что у тебя, хлопецъ, на груди скрыто? Можетъ, намисто везешь своей дивчинѣ?» Испугался Опанасъ, ажъ весь затрусился. — «А ты почему знаешь? Нема у меня никакого намиста. Отчепись ты отъ меня, ради Бога». Цыганка еще больше смѣется. — «Чего же ты, говорить, злякался? Или ты кого зарѣзалъ за то намисто, що такъ побѣлѣлъ?» И пристала эта цыганка къ Опанасу: «Пойдемъ со мной въ мой наметъ... Я тебя виномъ угощу добрымъ, и постель тебѣ постелю, и сама съ тобою ляжу». Говорить она такъ, а сама на Опанаса дивится; очи у нея черныя, блескучія, а лицо темное, а зубы бѣлыя, какъ цукаръ. Послушался казакъ, пошелъ съ ней въ наметъ, сѣлъ... Подаетъ она ему великую чару: «пей!», — каже. Выпилъ онъ одну, цыганка ему заразъ другую наливаетъ. Выпилъ другую Опанасъ и пытается: — «А что же ты сама не пьешь? Меня поишь, а сама не пьешь?» Усмѣхнулась цыганка, однако выпила трошки; только, какъ выпила, сейчасъ же воды хлебнула. Казакъ спрашиваетъ: — «Ты для чего же воду пьешь?» — «А это у насъ, говорить, свычай такой... намъ иньше по нашей вѣрѣ не можно». И наливаетъ еще одну чарку. Какъ выпилъ Опанасъ третью чару, помѣшалось у него все въ головѣ, обомлѣлъ онъ и упалъ, какъ неживой. Чуетъ онъ, что кто-то мацаетъ его за грудь и свитку раскрываетъ, а поворохнуться не можетъ: точно ему руки и ноги веревками повязали...

«Проснулся на утро Опанасъ и первымъ дѣломъ лапъ-лапъ по пидъ свиткой: нема намиста! Онъ къ товарищамъ: «Гдѣ цыгане?» А тѣхъ цыганъ уже давно и званія нема, еще до солнца поднялись, погыгортали-погыгортали что-

то по-своему и всѣмъ таборомъ подались на полдень. «Нѣтъ, — думаетъ казакъ: — я ей, бисовой дочкѣ, моего намиста не подарю». Вскочилъ на коня и поѣхалъ вдогонку за цыганами.

«Ѣдетъ онъ милю, другую, десять миль, и все людей пытается: — «А что, добрые люди, не видали вы, не проходилъ ли здѣсь цыганскій таборъ?» — «Какъ же, говорятъ, видѣли: вотъ только-только передъ тобой проѣхали по шляху». Опять Ѣдетъ казакъ, погоняетъ коня со всѣхъ силъ, а догнать никакъ не можетъ, и вездѣ ему люди кажутъ: — «Бачили мы цыганъ, всего только часъ какой назадъ, вонъ въ ту сторону потянули». А тѣмъ временемъ вечеръ зашелъ, стало темно. А когда казакъ черезъ Печаловку проѣзжалъ, то уже дѣло подходило близко полуночи. Сталъ онъ и въ Печаловкѣ пытаться: «Бачили цыганъ, добры люди?» — «Бачили, кажутъ, ѣзжай скорійше, они еще двухъ верстовъ не успѣли сдѣлать».

«Только-что опять выѣхалъ Опанасъ въ поле, видитъ — стоитъ церковь, а въ церкви малый огонекъ чуть-чуть мигаетъ. Посмотрѣлъ Опанасъ и думаетъ: «А вѣдь нынче у людей Страстная суббота, и сейчасъ настанетъ Христова Воскресеніе. Богъ вѣсть, когда я еще до церкви доберусь. Треба зайти, хоть лба перекрестить». Слѣзъ съ коня и зашелъ въ церкву. Звѣсно, такъ себѣ зашелъ, бо у него на душѣ совсѣмъ не молитва была.

«Зашелъ онъ въ церкву и видитъ, что тамъ всего только одна свѣчка горитъ передъ иконой Божьей Матери, а людей въ церкви нема. Даже сторожъ, и тотъ куда-сь на минутку вышелъ. Подошелъ казакъ къ образу, да такъ и захололъ. Смотритъ онъ, а у Божьей Матери округъ сіянія надѣто намисто, аккуратъ такое, какъ у него цыганка украдала, только еще краше. Всего одна свѣчечка въ церкви, а намисто такъ и горитъ, такъ и горитъ, — аже въ глазахъ больно... А коло образа, какъ

на грѣхъ, лѣсенка маленькая приставлена... Звѣсно, что все это дѣло злой наробилъ. Потомъ оказалось, что и цыгане тѣ, что намисто украли, совсѣмъ не цыгане были, а мара.

«Обернулся Опанасъ въ одну сторону, въ другую... видитъ—никого въ церкви нѣтъ. Влѣзъ онъ на лѣсенку и протянулъ руку. И ледве онъ доторкнулся рукой до намиста,—загремѣлъ громъ, заблискала блискавица, и вся церковь, какъ стояла, такъ и провалилась скривъ землю... Сбѣжались изъ села люди, смотрять, а на мѣстѣ церкви стоитъ великое озеро, а въ озерѣ колоколъ звонитъ...»

— Да.. это вѣрно.... это такъ,—тихо замѣтилъ Александръ.

— И съ той самой поры,—продолжалъ въ торжественномъ тонѣ Талимонъ:—съ той самой поры каждый разъ въ Свѣтлое Воскресенье слышатъ люди звонъ изъ того озера. То звонитъ колоколъ въ потонувшей церкви. И это все правда... я самъ чулъ одинъ разъ. Не такъ, чтобы вельми громко, но, якъ пригуглить ухо до земли, то совсѣмъ добре чутно.

Талимонъ замолчалъ, выбросилъ изъ костра уголекъ и, перекинувъ его нѣсколько разъ съ ладони на ладонь, сталъ раскуривать свою короткую трубку. Я спросилъ, что сталося потомъ съ жестокой мельничихой?

Талимонъ сплюнулъ въ сторону.

— Этого ужъ я не знаю, панычъ. Чего не знаю, того не могу казать. За мельникову дочку я больше ничего не чулъ.

— А что же съ ней зробилося? Погубила, трясьца ея собачьей матери, христіанскую душу, и все тутъ,—съ горькой злобой вставилъ Александръ.—Нѣтъ на свѣтѣ ни одного такого поскуднаго гада, якъ баба!..

— Всѣ хороши: и бабы и чоловики,—равнодушно сказалъ Талимонъ.

Александръ вдругъ какъ-то разомъ заволновался.

— Нѣтъ, ты этого не говори, Талимонъ... Это ты напрасно такъ говоришь,—заторопился онъ, суетливо и неловко тыча передъ собою руками.—Хоть мы, чоловіки, и пьемъ, и свѣримся, и воруемъ часомъ, але все же таки мы Бога не забываемъ... А баба? Або она что̀ понимаетъ? Або она что̀ чувствуетъ?..

— Это ты правильно,—поддакнулъ сотскій.—У бабы замѣсто души паръ, якъ у собаки. Это даже въ двѣнадцати викторіяхъ сказано.

— Чи паръ, чи другое що, я ужъ за то не знаю,—нетерпѣливо отмахнулся отъ него Александръ.—А только я одно скажу, что всякая шкода, всякая швара,—все черезъ нихъ робится. Какъ въ святыхъ книгахъ сказано? Черезъ кого Господь прогналъ Адама изъ раю? Черезъ бабу... Шкодливы, пакостницы, сокотухи *). Плещутъ не вѣсть что̀... Вотъ ужъ это вправду сказано: лучше желѣзо варить, чѣмъ съ злою женою жить.

Вѣроятно, еще и раньше, до разсказа Талимона про намисто, Александръ находился въ томъ состояніи, когда накипѣвшія въ человѣкѣ и долго сдерживаемыя чувства ищутъ себѣ исхода, и тогда достаточно ничтожнаго предлога, чтобы они прорвались въ самой необузданной формѣ. Видно было, глядя на неожиданную горячность Александра, что теперь ему уже трудно остановиться, разъ онъ началъ высказываться. И хотя, повидимому, онъ громилъ всѣхъ женщинъ вообще, но какъ-то невольно чувствовалось, что всѣ его проникнутыя жестокой ненавистью слова относятся къ одной Ониськѣ.

— Стыда онѣ въ себѣ никакого не имѣють!—продолжалъ еще возбужденнѣе Александръ.—У, суки, и у той

*) Болтунья. Когда кричитъ сорока, про нее говорятъ, что она «сокочеть».

стыда больше, чѣмъ у бабы... Только одна мерзость у нея на думкѣ. А этого ей ничего, что изъ-за нея чоловику нельзя на село показаться, что отъ страму не знаешь, куда голову спрятать. Мужей бросаютъ, сволочи, даромъ, что въ церкви Божьей присягали на вѣрность... Хуже кошекъ онѣ, эти бабы! Кошка хоть къ хатѣ своей привычна, а баба ни къ чему ни привыкнетъ. Развѣ ей дѣти нужны? Мужъ нуженъ? Страмъ ей нуженъ... Тьфу!—Александръ съ омерзѣніемъ плюнулъ на землю:— вотъ что ей нужно!..

— Батога ей треба!—сочувственно и серьезно замѣтилъ Талимонъ.

Сотскій поддержалъ это мнѣніе.

— Да и до-обраго батога. Старики кажутъ не даромъ: якъ больше бабу бьешь, то борщъ вкуснѣе.

Но Александръ какъ будто бы не замѣтилъ словъ сотскаго. Во все время своей беспорядочной, злобной рѣчи онъ обращался къ Талимону, въ черныхъ печальныхъ глазахъ котораго отражалось настоящее состраданіе.

— Эхъ! Або она боится батога?—махнулъ безнадежно рукой Александръ.—Баба какъ гадюка: пополамъ ее перрви, а она все вертится. Да и не можно все бить да бить. Ты вотъ на нее серчаешь, а она подсунулась къ тебѣ теплая да ласая... такъ, стерва, душу изъ тебя руками и вынетъ. Нѣтъ, это что жъ, бить-то... А вотъ такъ зробить, какъ Семень Башмуръ въ позапрошломъ годѣ зробилъ...

— Ну, братъ, этого тоже начальство не одобряетъ... какая разница!—многозначительно сказалъ сотскій.

— А что такое Башмуръ сдѣлалъ съ женой?—полюбопытствовалъ я.

На этотъ вопросъ долго не было отвѣта, точно каждый изъ мужиковъ дожидался, чтобы заговорилъ другой. Наконецъ сотскій началъ медленно и неохотно:

— Жинка его... Башмурова жинка, значитъ... связалась тутъ съ однимъ хлопцемъ... Петро его зовутъ... онъ и теперь на селѣ живетъ... женился на Покрову. Ну, и застучалъ онъ ее одинъ разъ съ этимъ съ самымъ Петромъ въ хлѣвѣ...

Сотскій замолчалъ, точно ему неприятно было продолжать. Александръ и Талимонъ какъ-то ужъ черезчуръ равнодушно уставились глазами на свои лапти.

— Ну, и что же дальше?—спросилъ я...

— Да что же? Повалилъ ее на землю и засунулъ ей квача *) съ дегтемъ въ ротъ... ну, и того.... задохнулась. Атъ! Да что объ этомъ толковать!.. Ты куда же, Александръ?—спросилъ сотскій, видя, что тотъ всталъ со своего мѣста и оправляетъ ремень, стягивающій кожухъ.—Идешь, что ли?

— Пойду,—коротко отвѣтилъ Александръ, ни на кого не глядя.—Что жъ сидѣть.... скоро утро. Ну, бывайте здоровы...

Пока онъ былъ виденъ, мы всѣ трое провожали его глазами. Въ его вялой, тяжелой и медленной походкѣ, въ очертаніяхъ его натруженной, полусогнутой спины было что-то удрученное, жалкое... Глядя на эту походку и на эту спину, я невольно подумалъ, что еще долго онъ будетъ бродить сегодня по лѣсу со своей одинокой, молчаливой тоской.

Послѣ его ухода мы долго молчали. Такъ всегда бываетъ, если изъ компаніи уйдетъ одинъ человекъ: пусть даже онъ молчалъ все время, но остальные безъ него нѣсколько минутъ чувствуютъ себя неловко, точно отъ нихъ отняли что-то, подогрѣвающее бесѣду.

Сотскій первый заговорилъ:

*) Квачъ—тряпка; туго свернутая; кляпъ.

— А все черезъ свою Ониську человекъ сохнетъ... Совсѣмъ извела его, подлюка.

— Что жь... не наше это дѣло, — осторожно, какъ бы вскользь, замѣтилъ Талимонъ.

— Какъ это не мое дѣло? — вскипѣлъ сотскій. — Ежели, примѣрно, я начальствомъ здѣсь состою?.. Какая разница!..

Талимонъ немного смутился.

— Ну, да... оно такъ, конечно... а все жь таки...

— То-то вотъ — «все жь таки». Какъ это ты могъ сказать: не мое дѣло? А если, упаси Господи, бѣда якая случится?.. Жаль мужика, пропадаетъ ни за грошъ, — совсѣмъ ужь другимъ тономъ обратился сотскій ко мнѣ, — Трудящій онъ, старательный человека... И ужь чего-чего онъ ни дѣлалъ: къ попу, водилъ свою Ониську отчитывать, господину вряднику жалобу приносилъ... ничего пользы нѣтъ. Онъ и къ Недилькѣ даже ходилъ...

— Къ какой это Недилькѣ? — спросилъ я.

— А тутъ, бачите, есть у насъ одна ворожка, Недилькой мы ее зовемъ... такъ онъ къ ней и ходилъ. Велѣла, говорятъ, она ему поймать кожана *) и сварить его живого, а потомъ закопать на ночь въ муравельникѣ, чтобъ муравли его обглодали до костей. А въ тѣхъ костяхъ, каже, есть такія маленькія грабельки и вилочка. Якъ ты, каже, захочешь, чтобъ тебя дивчина, чи молодица полюбила, то ты только этими граблями проведи ей по спидницѣ, чи по камизелькѣ. А если хочешь, чтобы она тебя разлюбила, то вилами ее торкни легонько...

— Ну что же, и Недилька не помогла?

— Э, какія теперь ворожки! — сдѣлалъ сотскій презрительную гримасу. — Або теперешнія ворожки что-нибудь

*) Летучая мышь.

знають? Вотъ прежнія—тѣ, дѣйствительно, много могли. Кровь, зубы заговаривали, отмовляли, если кого бѣшеная собака укуситъ или гадюка... узнавали, гдѣ злодѣй вещи спряталъ...

— Ну да... Бо имъ раньше черти воспособляли, — пояснилъ Талимонъ.

— А звѣсно, помогали... У иньшей даже не одинъ и не два, а скольконадцать чертякъ служило въ найми-тахъ. Ну, а теперь совсѣмъ нема чертей...

— Какъ нема? Куда же они дѣлись?—спросилъ я, заинтересованный судьбой чертей.

Признаться, я не ожидалъ, да и не могъ ожидать хоть сколько-нибудь опредѣленнаго отвѣта, но, къ моему чрезвычайному удивленію, Талимонъ и Кирила тотчасъ же, нимало не задумавшись, отвѣтили въ одинъ голосъ:

— На машину ушли.

— Чтò-о? На машину? На какую машину?

— А на зализную дорогу, — хладнокровно и увѣренно объяснилъ сотскій. — Имъ тамъ теперь вельми добре жить... Вотъ, какъ разобьется вагоновъ съ пятнадцать, тутъ сейчасъ чертякамъ и работа. Богацько тогда умираетъ людей безъ причастія, а это злomu и потѣха, потому, что человекъ весь въ грѣхахъ, якъ въ кожухѣ. А чертяка его разомъ цапъ за комиръ и въ пекло. Може, за одну недѣлю душъ съ тысячу приставить. Ну, а ему, звѣсно, отъ самага главнаго сатаны за это награда... А въ селѣ ему, чтò за польза? Коли-николи одну якую-сь душонку зловить, да и то старушечью, лядащую. Вотъ потому-то они всѣ изъ села и поутекали. А чтò, Талимонъ? Развидняетъ?—обратился онъ къ Талимону, пристально смотрящему на востокъ.

— Уже. Ну, панычъ, давайте собираться, — сказалъ Талимонъ, подымаясь. — Какъ придемъ на токъ, зѣразъ и день будетъ.

Мы наскоро собрали свои вещи, растащили костеръ и тронулись. Небо еще не измѣнило своего темнаго цвѣта, но востокъ уже поблѣднѣлъ, и звѣзды потеряли яркость. Легкій утренній вѣтерокъ, суевливый и холодный, набѣгалъ изрѣдка и чуть трепеталъ въ вершинахъ деревьевъ.

До тока намъ пришлось итти около трехъ четвертей часа. Самый токъ представляетъ изъ себя большую, десятинь въ двадцать, полянку, окруженную молодымъ лѣскомъ. Кое-гдѣ по ней были разбросаны небольшія группы кустовъ.

Въ темнотѣ, въ полужнакомомъ мѣстѣ, я скоро потерялся и покорно шелъ за Талимономъ, то и дѣло попадая ногами въ какія-то ямы. Наконецъ Талимонъ остановился и шепнулъ мнѣ на ухо:

— Сѣдайте, панычъ, вонъ въ ту будку. Сидите «нышкомъ», не ворошитесь. А якъ стрѣлите тетерука, то, спаси Господи, не вылѣзайте изъ кучки... Заразъ другіе прилетятъ на то же мѣсто.

Онъ указалъ мнѣ на нѣсколько маленькихъ березокъ, едва бѣлѣвшихъ шагахъ въ пяти отъ насъ, а самъ пошелъ въ другую сторону и тотчасъ же безшумно пропалъ въ темнотѣ.

Я съ трудомъ отыскалъ свою будку. Она состояла изъ двухъ тонкихъ березокъ, связанныхъ верхушками и густо закрытыхъ съ боковъ сосновыми вѣтками. Раздвинувъ вѣтки, я влѣзъ въ будку на четверенькахъ, усѣлся поудобнѣе, прислонилъ ружье къ стволу и сталъ оглядываться.

Прямо передо мною тянулись ровныя сѣрыя широкія грядки прошлогодней нивы (въ борозды между этими грядами я все и проваливался, когда шелъ за Талимономъ). Востокъ уже началъ розовѣть. Деревья и кусты вырисовывались блѣдными, неясными, однотонными пятнами. Къ смолистому, крѣпкому запаху сосновыхъ вѣтвей, изъ ко-

торыхъ была сдѣлана моя будка, пріятно примѣшивался запахъ утренней сыроватой свѣжести. Пахла и молодая травка, сѣрая отъ росы...

Гдѣ-то очень близко — мнѣ показалось, что надъ самой моей головой — робко чирикнула птичка, ей отвѣтила другая, третья... Въ лѣсу пронзительно захохотала сова, и ея крикъ звучно и рѣзко пронесся между деревьевъ. Утка пролетѣла стороной, и долго не смолкало ея кряканье, все тише и тише! доносясь до меня. Высоко на деревьяхъ томно застонали дикіе голуби.

Вдругъ совсѣмъ около меня, на землѣ, раздалось громкое хлопанье крѣпкихъ крыльевъ. Я невольно вздрогнулъ. Не далѣе, какъ въ шагъ отъ моей будки, упалъ тетеревъ; если бы я протянулъ руку, я могъ бы дотронуться до того мѣста, гдѣ онъ опустился. Весь черный, съ красными мясистыми бровями и короткимъ острымъ клювомъ, онъ стоялъ неподвижно, какъ каменный, показываясь мнѣ всѣмъ своимъ стройнымъ, красивымъ профилемъ. Его блестящій черный глазокъ тревожно и зорко заглядывалъ въ будку. Я затаилъ дыханіе и замеръ, не отводя отъ него глазъ. Но тетеревъ уже замѣтилъ меня. Онъ вдругъ поднялся и, громко хлопая крыльями, полетѣлъ низко надъ землею.

«Ну, пропала сегодня охота», — подумалъ я съ досадой, но въ ту же секунду съ двухъ сторонъ — впереди меня и справа — такъ же громко и коротко захлопали крылья. Нѣсколько минутъ оба тетерева молчали, должно-быть, внимательно оглядываясь кругомъ и прислушиваясь. Но вотъ одинъ изъ нихъ, тотъ, что упалъ справа, издалъ громкій боевой крикъ: «чу! чшшш...» — странный звукъ, который трудно передать, похожій отчасти на испорченный, осипшій пѣтушиный крикъ, отчасти на шипѣніе, а также на свистъ ножа подъ колесомъ точильщика: «чу! чшшш...» — тотчасъ же отозвался другой. Какъ мнѣ ни хотѣлось

увидѣть самихъ тетеревовъ, но я боялся пошевелиться и только слушалъ.

Такъ они перекликнулись нѣсколько разъ. Вдругъ первый, закричавъ особенно задорно и громко, подпрыгнулъ вверхъ и забилъ крыльями; то же самое немедленно сдѣлалъ и второй. Самцы подходили одинъ къ другому все ближе и ближе, возбуждая себя передъ битвой воинственными криками...

Но, еще не сойдясь, они оба сердито заболботали: совсѣмъ какъ индюки, только нѣжнѣе, продолжительнѣе и не такъ отрывисто. Иногда они прерывали свое болботаніе, чтобы закричать и перелетѣть поближе къ противнику. Я осторожно, стараясь не шумѣть одеждой, повернулся и сталъ всматриваться сквозь просвѣты вѣтвей.

Сначала я увидѣлъ только одного. До него было не больше тридцати шаговъ. Онъ токовалъ, вытянувъ надъ самой землей шею, и медленно, плавно поворачивался то въ одну, то въ другую сторону. Когда онъ становился ко мнѣ задомъ, я видѣлъ только изнанку его поднятаго вверхъ хвоста, похожую на развернутый бѣлый пушистый вѣеръ. Скоро я увидѣлъ и другого: онъ токовалъ отъ перваго шагахъ въ десяти, такъ же сердито и плавно топчасъ на мѣстѣ. Иногда оба они, одинъ вслѣдъ за другимъ, подымали свои головы и прямо и широко растопыривали крылья, что придавало имъ надутый, гнѣвный и комическій видъ.

Вдругъ недалеко отъ меня грянулъ оглушительный, точно пушечный выстрѣлъ. Эхо подхватило его, бросило въ лѣсъ, и онъ, разбившись объ деревья на тысячи звуковъ, долго, то стихая, то усиливаясь, грохоталъ въ чистомъ утреннемъ воздухѣ. Оба тетерева, насторожившись, замерли на нѣсколько секундъ, но потомъ, закричавъ съ новымъ ожесточеніемъ, разомъ подпрыгнули вверхъ и съ такой силой ударились въ воздухъ грудь

объ грудь, что нѣсколько маленькихъ перышекъ полетѣло отъ нихъ въ разныя стороны. Упавъ на землю, тетерева опять принялись за свое сердитое болботанье.

Я осторожно просунулъ ружье между вѣтвями и, страшно волнуясь, слыша ускоренное бѣненіе своего сердца, сталъ цѣлить. Одна хвоинка закрывала мнѣ мушку. Едва переводя дыханіе, я отщипнулъ ее, сѣлъ поудобнѣе и приложился... Выстрѣлъ вышелъ неожиданный и очень громкій. За облакомъ дыма я ничего не могъ разсмотрѣть, но уже услышалъ судорожное хлопанье крыльевъ и зналъ, что не промахнулся. Дѣйствительно, когда дымъ разсѣялся, я увидалъ тетерева; онъ свалился въ борозду и лежалъ въ ней неподвижной черной грудкой. Противникъ его не сорвался, онъ только застылъ на мѣстѣ въ чуткой и недоумѣвающей позѣ. Принимая ружье, я нечаянно произвелъ едва слышный шорохъ. Тетеревъ испуганно поднялся и быстро полетѣлъ по направленію къ лѣсу.

Вокругъ меня со всѣхъ сторонъ еще токовали невидимые мнѣ тетерева, но все тише, все слабѣе. Наступало затишье, которое бываетъ всегда между первымъ и вторымъ токомъ... Заря разгорѣлась въ полъ-неба. Солнца еще не было видно, но верхушки высокихъ деревьевъ уже подернулись точно золотой пылью...

Черезъ часъ мы возвращались домой. Талимонъ, который стрѣлялъ два раза — одинъ разъ передо мною, а другой во время второго тока — убилъ двухъ тетеревовъ, я одного, а сотскій возвращался съ пустыми руками и потому замѣтно дулся и не хотѣлъ глядѣть на дичь. Талимонъ изъ крыльевъ каждой птицы выдернулъ по два пера, просунулъ ихъ толстыми концами въ носовыя отверстія тетеревовъ, тонкіе концы связалъ, и несъ, такимъ образомъ дичь какъ бы на петляхъ.

Намъ оставалось до деревни не болѣе полуверсты, и мы подходили уже къ большому деревянному кресту, стоявшему на пересѣченіи зуленской и печаловской дорогъ. Эти кресты, съ прибитыми на верху ихъ, сдѣланными изъ дерева орудіями страданій Христовыхъ — копьемъ, лѣстницей, молоткомъ и тридцатью сребрениками — всегда можно увидѣть на перекресткахъ полѣсскихъ дорогъ. Снизу на эти кресты молодницы и дѣвки вѣшаютъ сшитые ими по обѣту пестрые фартуки и полотенца, что придаетъ кресту своеобразный—дикій и живописный видъ.

Когда мы поровнялись съ крестомъ, то всѣ трое замѣтили фигуру какого-то человѣка, бѣжавшаго намъ навстрѣчу изъ деревни. Талимонъ своимъ зоркимъ глазомъ первый узналъ его и сказалъ, обращаясь къ сотскому:

— Это вашъ Грицко бѣжить, сотникъ.

Дѣйствительно, это былъ Грицко, сынъ сотскаго, малый лѣтъ восемнадцати, уже женатый, большой весельчакъ, вѣчно скалившій свои огромные бѣлые, какъ у молодой собаки, зубы.

— Тату! Тату! — закричалъ онъ еще на ходу. — Бѣжите скорѣй... у насъ на селѣ бѣда!..

— Что тамъ за бѣда? — недовольнымъ голосомъ отзывался сотскій. — Яка така бѣда?..

Грицко добѣжалъ до насъ и продолжалъ, съ трудомъ переводя духъ:

— Великая бѣда, тату... чоловикъ одинъ... жинку свою убилъ...

Мы переглянулись, и одна и та же мысль мелькнула у насъ въ глазахъ. Мнѣ показалось, что Талимонъ поблѣднѣлъ.

— Атъ! Что ты брешешь! — воскликнулъ сотскій, дѣлая строгое и важное начальническое лицо. — Какой чоловикъ? Когда убилъ?..

— Александръ, тату, Ониськинъ чоловикъ...

— Да когда? Когда, я тебя спрашиваю? — закричалъ сотскій. Онъ прибавилъ шагу, и Грицко едва пѣспѣвалъ за нимъ, пускаясь по временамъ вприпрыжку. Мы съ Талимономъ тоже пошли скорѣе.

— Ахъ, Боже мой, Боже жъ мой, — растерянно причиталъ Грицко. — Вотъ только, только — и часу не будетъ... Самъ пришелъ подъ хату къ Кузьмѣ Борійчуку, вызвалъ Кузьму и каже: вяжите меня, бо я свою жинку забилъ геть до смерти!.. сѣкирой... Я и Ониську бачилъ, тату... Ку-у-да!.. Вже и не дышитъ... Мозги вывалились... Люди говорятъ, что онъ фѣршала съ ней засталъ...

Подходя къ деревнѣ, мы еще издали увидали большую толпу, собравшуюся на монопольной лужайкѣ. Всѣ галдѣли разомъ и безъ толку. Бабы, подперши ладонью лѣвой руки щеку, а правой поддерживая лѣвую за локоть, стояли сзади мужиковъ, въ этихъ неизмѣнныхъ позахъ русскаго женскаго горя, и всхлипывали.

При нашемъ приближеніи толпа разступилась на обѣ стороны, образовавъ родъ широкой дорожки. Въ серединѣ круга на деревянномъ обрубкѣ сидѣлъ Александръ. Онъ былъ безъ шапки, съ блѣднымъ, испачканнымъ чѣмъ-то темнымъ — можетъ-быть, даже кровью — лицомъ. Увидя насъ, онъ поднялъ голову и вдругъ улыбнулся. Странная это была улыбка — мучительная, болѣзненная, невыносимо тяжелая... Я поспѣшно прошелъ мимо, дальше отъ этой ненавистой мнѣ толпы, которая всегда съ такой омерзительной жадностью слетается на кровь, на грязь и на падалъ...

Уже подходя къ своей квартирѣ, я слышалъ, какъ сотскій безобразно оралъ пронзительнымъ начальническимъ фальцетомъ:

— Ты людей убивать, сукинъ сынъ! Я тебѣ покажу, иродъ проклятый. Грицко, бѣжи за веревками... Я т-тебѣ покажу-у!..

ЖИДОВКА.

— Проѣхали, проѣ-ѣ-хали! — жалобно зазвенѣлъ дѣтскій голосокъ. — Направо! — крикнулъ сзади, сердитый басъ. — Направо, право, прраво! — подхватили впереди весело и торопливо. Кто-то заскрежеталъ зубами, кто-то пронзительно свистнулъ... Стая собакъ залилась тонкимъ, злобнымъ и радостнымъ лаемъ. — О-о-о! Ха-ха-ха! — засмѣялась и застонала толпа.

Сани подбросило и стукнуло на ухабѣ. Кашинцевъ открылъ глаза.

— Чтò? — спросилъ онъ съ испугомъ.

Но дорога была попрежнему пустынна и безмолвна. Морозная ночь молчала надъ безконечными, мертвыми, бѣлыми полями. Полный мѣсяцъ стоялъ на срединѣ неба, и четкая синяя тѣнь, скользившая сбоку саней, ломаясь на взрытыхъ сугробахъ, была коротка и уродлива. Упругій, сухой снѣгъ скрипѣлъ и визжалъ подъ полозьями, какъ резиновый.

«Ахъ, вѣдь это снѣгъ скрипитъ», — подумалъ Кашинцевъ. — Какъ странно! — произнесъ онъ вслухъ.

Услыхавъ голосъ, ямщикъ обернулся назадъ. Его темное лицо, съ бѣлыми отъ холода усами и бородой, было похоже на большую, грубую звѣриную маску, облѣпленную ватой.

— Чтò? Еще двѣ версты осталось. Немного, — сказалъ ямщикъ.

«Это — снѣгъ, — думалъ Кашинцевъ, опять поддаваясь дремотѣ. — Это только снѣгъ. Какъ странно...»

— Странно, странно! — вдругъ суетливо и отчетливо залепеталъ колокольчикъ на концѣ дышла. — Стран-но, стран-но, стран-но...

— Ай-ай-ай! Посмотрите же! — крикнула впереди саней женщина.

Толпа, которая тѣсно шла ей навстрѣчу, вдругъ заговорила разомъ, заплакала и запѣла. Опять, злобно волнуясь, залаяли собаки.

Гдѣ-то далеко загудѣлъ паровозъ... И тотчасъ же, сквозь дремоту, Кашинцеву съ необыкновенной ясностью вспомнился вокзальный буфетъ съ его жалкой, запыленной роскошью: гроздья электрическихъ лампочекъ подъ грязнымъ потолкомъ и на запачканныхъ стѣнахъ, огромныя окна, искусственныя пальмы на столахъ, жесткія стоячія салфетки, мельхиоровыя вазы, букеты изъ сухихъ травъ, пирамиды бутылокъ, рюмки розоваго и зеленаго стекла...

Это было вчера вечеромъ. Товарищи-врачи провожали Кашинцева, только-что получившаго новое назначеніе — младшимъ врачомъ въ отдаленный пѣхотный полкъ. Ихъ было пять человѣкъ. Сдвинувъ вокругъ углового «докторскаго» столика тяжелые вокзальные стулья, они пили пиво и разговаривали съ натянутой сердечностью и напускнымъ оживленіемъ, точно разыгрывали на спектаклѣ сцену проводовъ. Красивый и самоувѣренный Рюль, преувеличенно блестя глазами, кокетничая и оглядываясь по сторонамъ, чтобы его слышали и чужіе, говорилъ фамиллярнымъ, фатовскимъ тономъ:

— Такъ-то, старикъ. Вся наша жизнь, отъ рожденія и до самой смерти, заключается только въ томъ, что

мы встрѣчаемъ и провожаемъ другъ друга. Можешь записать это себѣ на память въ книжку: «вечерніе афоризмы и максимы доктора фонъ-Рюля».

Едва онъ кончилъ говорить, у выходныхъ дверей показался толстый швейцаръ, съ лицомъ сердитаго бульдога, затрясъ звонкомъ и закричалъ нараспѣвъ, обрываясь и давясь:

— Пе-ервый звонокъ! Кі-евъ, Жмеринка, Одессъ! По-о-ѣздъ стои-ить на втор-омъ путѣ!..

И теперь, сидя глубоко и неудобно въ дергающихся саняхъ, Кашинцевъ засмѣялся отъ удовольствія, — такъ необыкновенно ярко и красочно вышло это воспоминаіе. Но тотчасъ же къ нему вернулось утомительное, нудное впечатлѣніе безконечности этой однообразной дороги. Съ того времени, когда, утромъ, выйдя на маленькой желѣзнодорожной станціи, онъ сѣлъ въ почтовые сани, прошло всего шесть-семь часовъ, но Кашинцеву постоянно представлялось, что онъ ѣдетъ такимъ образомъ уже цѣлыя недѣли и мѣсяцы, что онъ самъ успѣлъ измѣниться, сдѣлаться старше, скучнѣе и равнодушнѣе ко всему со вчерашняго вечера. Гдѣ-то на пути ему встрѣтился нищій, пьяный и оборванный, съ провалившимся носомъ и съ оголеннымъ на морозѣ плечомъ; гдѣ-то артачилась и не хотѣла входить въ запряжку длинная худая лошадь съ задранной кверху шеей и съ шоколадной, густой, какъ бархатъ, шерстью; кто-то, казалось, давнымъ-давно, сказалъ ему добродушно: «Дорога, пане, сегодня добрая, не оглянетесь, какъ докатите», а самъ Кашинцевъ въ эту минуту засмотрѣлся на снѣжную равнину, которая была совсѣмъ алая отъ вечерней зари. Но все это смѣшалось, отошло въ какую-то мутную, неправдоподобную даль, и нельзя было вспомнить, гдѣ, когда, въ какой послѣдовательности это происходило. По временамъ легкій сонъ смыкалъ глаза Кашинцеву, и тогда его отуманен-

ному сознанию слышались странные визги, скрежетъ, собачій лай, человѣческіе крики, хохоть и бормотаніе; но онъ открывалъ глаза, и фантастическіе звуки превращались въ простой скрипъ полозьевъ, въ звонъ колокольчика на дышлѣ; и попережнему разстилались налѣво и направо спящія бѣлыя поля, попережнему торчала передъ нимъ черная, согнутая спина очередного ямщика, попережнему равномерно двигались лошадиныя крупы и мотались завязанные въ узелъ хвосты...

— Васъ куда везти, пане, прямо на почту или въ заѣздъ? — спросилъ ямщикъ.

Кашинцевъ поднялъ голову. Теперь онъ ѣхалъ по длинной, прямой улицѣ какого-то села. Накатанная дорога блестѣла впереди въ лучахъ мѣсяца, какъ полированная синяя сталь. По обѣимъ ея сторонамъ едва выглядывали изъ глубокихъ сугробовъ темныя, жалкіе домики, придавленные сверху тяжелыми снѣжными шапками. Село точно вымерло: не лаяли собаки, огонь не свѣтился въ окнахъ, не попадались навстрѣчу люди. Было что-то жуткое и печальное въ этомъ безмолвіи человѣческихъ жилищъ, которыя, затерявшись въ глубокихъ снѣгахъ, боязливо жались другъ къ другу.

— Куда это — въ заѣздъ? — спросилъ Кашинцевъ.

— А панъ не знаетъ? Въ заѣздъ къ Мойшѣ Хацкелю... Тамъ завсегда паны стоятъ. Напримѣръ, самоваръ, яишница, чего закусить... Заночевать тоже можно. Пять номерей...

— Ну, хорошо, поѣдемъ въ заѣздъ, — согласился Кашинцевъ.

Только теперь, при мысли о ѣдѣ и тепломъ помѣщеніи, Кашинцевъ почувствовалъ, какъ сильно онъ озябъ и проголодался. А низенькіе, слѣпыя, зарывшіеся въ снѣгъ домики все шли навстрѣчу и уходили назадъ, и, казалось, имъ не будетъ конца.

— Когда же мы придемъ? — нетерпѣливо спросилъ Кашинцевъ.

— А скоро. Село великое, на версту съ половиной... Въе, малы! — сипло и свирѣпо крикнулъ ямщикъ на лошадей и, привставъ, завертѣлъ надъ головой кнутомъ и задергалъ вожжи.

Вдали показалась красная свѣтлая точка и стала расти, то прячась за темныя невидимыя преграды, то выныривая на мгновение изъ мрака. Наконецъ лошади, точно игрушки, у которыхъ кончился заводъ, сами остановились у воротъ заѣзжаго дома и тотчасъ же расслабленно опустили головы къ землѣ. Сводчатый полукруглый въѣздъ тянулся чернымъ огромнымъ, зіяющимъ коридоромъ черезъ весь домъ, но дальше, во дворѣ, ярко освѣщенномъ луной, виднѣлись повозки съ поднятыми вверхъ оглоблями, солома на снѣгу и очертанія лошадиныхъ фигуръ подъ плоскими навѣсами. Слева отъ воротъ два окна, сплошь занесенныя снѣгомъ, сіяли теплымъ, невидимымъ, внутреннимъ огнемъ.

Кто-то отворилъ дверь, пронзительно завизжавшую на блокъ, и Кашинцевъ вошелъ въ комнату. Бѣлыя облака морознаго воздуха, которыя, казалось, только этого и ждали, ворвались слѣдомъ за нимъ, бѣшено крутятся. Сначала Кашинцевъ ничего не могъ разсмотрѣть: стекла его очковъ сразу запотѣли отъ тепла, и онъ видѣлъ передъ собою только два сіяющихъ, мутно-радужныхъ круга.

Ямщикъ, вошедшій сзади, крикнулъ:

— Слухай, Мовша, до тебя панъ приѣхалъ... Гдѣ ты тутъ?

Откуда-то поспѣшно выскочилъ низенькій, коренастый свѣтлобородый еврей въ высокомъ картузѣ и въ вязаной жилеткѣ табачнаго цвѣта. Онъ что-то дожевывалъ на ходу и суетливо вытиралъ ротъ рукой.

— Добрый вечеръ, пане, добрый вечеръ, — сказалъ онъ

дружелюбно и тотчасъ же съ участливымъ видомъ за- качалъ головой и зачмокалъ губами. — Тце, тце, тце... Ой, какъ панъ смерзъ, не дай Богъ! Позвольте, позвольте мнѣ вашу шубу, я ее повѣшу на гвоздь. Панъ прикажетъ самоваръ? Можетъ, что-нибудь покушать? Ой, ой, какъ панъ смерзъ!

— Благодарю васъ. Пожалуйста, — проговорилъ Кашинцевъ.

Отъ холода у него такъ съежились губы, что онъ съ трудомъ ими ворочалъ; подбородокъ сдѣлался неподвижнымъ и точно чужимъ, а собственные ноги казались ему такими мягкими, слабыми и нечувствительными, какъ будто онѣ были изъ ваты.

Когда его очки отошли въ теплѣ, онъ оглянулся кругомъ. Большая комната, съ кривыми окнами и землянымъ поломъ, была вся вымазана свѣтло-голубой известкой, которая въ иныхъ мѣстахъ отвалилась большими кусками, обнаруживъ переплетъ изъ деревянной драни. Вдоль стѣнъ тянулись узкія скамейки и стояли раскосые столы, съ мокрыми и жирными отъ времени досками. Подъ самымъ потолкомъ горѣла лампа-молнія. Задняя, меньшая часть комнаты была отгорожена пестрой ситцевой занавѣской, изъ-за которой шелъ запахъ грязныхъ постелей, дѣтскихъ пеленокъ и какой-то острой ѣды. Передъ занавѣской помѣщалась деревянная стойка.

За однимъ изъ столовъ, напротивъ Кашинцева, сидѣлъ, положивъ лохматую голову на разставленные локти, мужикъ въ коричневой свиткѣ и въ бараньей шапкѣ. Онъ былъ пьянъ тяжелымъ, безсильнымъ опьянѣніемъ, мотался головой по столу, икалъ и все время бурлилъ что-то невнятное хриплымъ, надсаженнымъ, клокочущимъ отъ слюней голосомъ.

— Что вы мнѣ дадите поѣсть? — спросилъ Кашинцевъ. — Я очень проголодался.

Хацкель поднялъ кверху плечи, разставилъ врозь руки, прищурилъ лѣвый глазъ и нѣсколько секундъ оставался въ такомъ положеніи.

— Чего я дамъ пану поѣсть? — переспросилъ онъ съ лукаво-проницательнымъ видомъ. — А что панъ хочетъ? Можно достать все. Можно поставить самоваръ, можно заварить яйца, можно достать молока... Ну, вы сами понимаете, пане, что можно достать въ такой паршивой деревнѣ! Можно сварить куру, но только это будетъ очень долго времени.

— Давайте яйца, давайте молока. Еще что?

— Что еще-е? — какъ будто удивился Хацкель. — Я могъ бы предложить пану фаршированную еврейскую рыбу. Но, можетъ-быть, панъ не любитъ еврейской кухни? Знаете, обыкновенная еврейская рыба, фишъ, которую моя жинка готовить на шабесъ.

— Давайте и фишъ. И, пожалуйста, рюмку водки.

Еврей закрылъ оба глаза, затрясъ головой и зачмокалъ съ сокрушеніемъ.

— Водки нема, — сказалъ онъ шопотомъ. — Вы же знаете, какъ нынче строго. А панъ далеко ѣдетъ?

— Въ Гусятинъ.

— Панъ, извините, служить по полиціи?

— Нѣтъ, я докторъ. Военный врачъ.

— Ахъ, панъ — докторъ! Это очень пріятно. Повѣрьте моей совѣсти, я очень жалѣю, что не могу вамъ достать водки. Вирочемъ... Этля! — крикнулъ Хацкель, отходя отъ стола. — Этля!

Онъ скрылся за занавѣску и заговорилъ по-еврейски быстро, точно сердясь. И потомъ онъ нѣсколько разъ то появлялся въ общей комнатѣ, то опять исчезалъ и, видимо, очень суетился. Въ это время мужикъ, лежавшій за столомъ, вдругъ поднялъ кверху голову съ раскрытымъ, мокрымъ ртомъ и остеклянѣвшими глазами и запѣлъ хри-

плымъ голосомъ, при чемъ у него въ горлѣ что-то щелкало и хлюпало:

Ой, чи не мо-ожно бь бу-у-уло...

Хацкель поспѣшно подбѣжалъ къ нему и затрясъ его за плечо.

— Трохимъ... Слушайте, Трохиме... Я жь васъ такъ просилъ, щобъ вы не разорялись! Вонъ панъ обижается... Ну, выпили вы, и хорошо, и дай вамъ Богъ счастья, и идите себѣ до дому, Трохимъ!

— Жиды! — заревѣлъ вдругъ мужикъ страшнымъ голосомъ и изо всей силы треснулъ кулакомъ по столу. — Жиды, матери вашей чортъ! Уб-бью!..

Онъ грузно упалъ головой на столъ и забормоталъ.

Хацкель съ поблѣднѣвшимъ лицомъ отскочилъ отъ стола. Его губы кривились презрительной и въ то же время смущенной и безсильной улыбкой.

— Вотъ видите, панъ докторъ, какой мой кусокъ хлѣба! — сказалъ онъ съ горечью, обращаясь къ Кашинцеву. — Ну, скажите мнѣ, что я могу съ этимъ человекомъ сдѣлать? Что я могу? Этля! — крикнулъ онъ въ сторону занавѣски. — Когда же ты, наконецъ подашь пану щупака?

Онъ опять нырнулъ въ отгороженную часть комнаты, но тотчасъ же вернулся съ блюдомъ, на которомъ лежала рыба, нарѣзанная тонкими ломтями и облитая темнымъ соусомъ. Онъ также принесъ со собою большой бѣлый хлѣбъ, съ твердой плетеной коркой, испещренной черными зернышками какой-то ароматной приправы.

— Пане, — сказалъ Хацкель таинственно. — Тамъ у жены отыскалось немного водки. Попробуйте, это хорошая фруктовая водка. Мы ее пьемъ на нашу пасху, и она такъ и называется пейсачная. Вотъ.

Онъ извлекъ изъ-за жилета крошечный узкогорлый

графинчикъ и рюмку и поставилъ ихъ передъ Кашинцевымъ. Водка была желтоватаго цвѣта, слегка пахла коньякомъ, но, когда докторъ проглотилъ рюмку, ему показалось, что весь его ротъ и гортань наполнились какимъ-то жгучимъ и душистымъ газомъ. Тотчасъ же онъ почувствовалъ въ животѣ холодъ, а потомъ мягкую теплоту и страшный аппетитъ. Рыба оказалась чрезвычайно вкусной и такой пряной, что отъ нея щипало языкъ. «Какъ ее готовить?»—мелькнула-было у Кашинцева опасливая мысль, но онъ тутъ же засмѣялся, вспомнивъ одинъ изъ знакомыхъ ему вечернихъ афоризмовъ доктора фонъ-Рюля: «Никогда не надо думать о томъ, что ѣшь и кого любишь».

А Хацкель стоялъ поодаль, заложивъ руки за спину. Точно угадывая, о чемъ думалъ Кашинцевъ, онъ говорилъ съ угодливымъ и ласковымъ видомъ:

— Можетъ, пану кажется, что это приготовлено какъ-нибудь грязно? Псс... никогда въ жизни! Наши еврейскія женщины все дѣлаютъ по святымъ книгамъ, а тамъ ужъ все сказано: и какъ чистить, и какъ рѣзать, и когда мыть руки. А если не такъ — это у насъ считается грѣхъ. Пусть панъ кушаетъ себѣ на здоровье... Этля, принеси еще рыбы!

Изъ-за занавѣски вышла женщина и стала сзади прилавка, кутаясь съ головой въ большой сѣрый платокъ. Когда Кашинцевъ повернулся къ ней лицомъ, ему показалось, что какая-то невидимая сила внезапно толкнула его въ грудь, и чья-то холодная рука сжала его затрепыхавшееся сердце. Онъ никогда не только не видалъ такой сіяющей, гордой, совершенной красоты, но даже не смѣлъ и думать, что она можетъ существовать на свѣтѣ. Прежде, когда ему случалось видѣть прекрасныя женскія головки на картинахъ знаменитыхъ художниковъ, онъ про себя, внутренно, былъ увѣренъ, что такихъ пра-

вильныхъ, безукоризненныхъ лицъ не бываетъ въ натурѣ, что они — вымыселъ творческой фантазіи. И тѣмъ удивительнѣе, тѣмъ неправдоподобнѣе было для него это ослѣпительно-прекрасное лицо, которое онъ теперь видѣлъ въ грязномъ заѣзжемъ домѣ, пропахшемъ запахомъ нечистаго жилья, въ этой ободранной, пустой и холодной комнатѣ, за прилавкомъ, рядомъ съ пьянымъ, храпящимъ и икающимъ во снѣ мужикомъ.

— Кто это? — шопотомъ спросилъ Кашинцевъ. — Вотъ эта... — онъ хотѣлъ по привычкѣ сказать — жидовка, но запнулся: — эта женщина?

— Кто? Это? — небрежно спросилъ Хацкель, кивнувъ головой назадъ. — Это, пане, моя жинка.

— Какъ она красива!

Хацкель коротко засмѣялся и съ презрѣніемъ пожалъ плечами.

— Панъ съ меня смѣется? — спросилъ онъ укоризненно. — Чтò такое она? Обыкновенная, бѣдная еврейка, и больше ничего. Развѣ панъ не видалъ въ большихъ городахъ настоящихъ красивыхъ женщинъ? Этля! — обернулся онъ къ женѣ и проговорилъ что-то скороговоркой по-еврейски, отъ чего она вдругъ засмѣялась, блеснувъ множествомъ бѣлыхъ, ровныхъ зубовъ, и повела такъ высоко однимъ плечомъ, точно хотѣла потереть объ него щеку.

— А панъ холостой, чи женатый? — спросилъ Хацкель съ вкрадчивой осторожностью.

— Нѣтъ, я холостой. А чтò?

— Нѣтъ, я только такъ себѣ... Значить, панъ холостой. А почему же панъ, такой солидный и образованный человѣкъ, не захотѣлъ жениться?

— Ну, это длинная исторія... По многимъ причинамъ. Да, я думаю, еще и теперь не поздно. Не такъ ужъ я старъ. А?

Хацкель вдругъ придвинулся вплотную къ доктору, оглянулся съ боязливымъ видомъ по сторонамъ и сказалъ, выразительно понизивъ голосъ:

— А можетъ, вы, пане, заночуете у насъ въ заѣздѣ? Вы, пожалуйста, не безпокойтесь, у меня всегда останавливаются самые хорошіе паны: панъ Варпаховскій изъ Монастырища, панъ посессоръ Луцкій, бывають изъ господъ офицерей...

— Нѣтъ, мнѣ надо торопиться. Некогда.

Но Хацкель съ лукавымъ, проницательнымъ и заманивающимъ видомъ, прищуривая то одинъ, то другой глазъ, продолжалъ настаивать:

— Лучше жъ, ей-Богу, заночуйте, пане. Куда панъ поѣдетъ по такой холодюкѣ? Дай мнѣ Богъ не видать завтрашняго дня, если я говорю неправду!.. Послушайте только, что я вамъ скажу, пане докторъ... Тутъ есть одна бывшая гувернантка...

Одна быстрая сумасшедшая мысль блеснула у Кашинцева. Онъ украдкою, воровато взглянулъ на Этлю, которая равнодушно, какъ будто не понимая, о чемъ идетъ разговоръ между ея мужемъ и гостемъ, глядѣла издали въ запорошенное бѣлое окно, но ему въ ту же минуту стало стыдно.

— Оставьте меня въ покоѣ, уйдите! — рѣзко приказалъ онъ Хацкелю.

Кашинцевъ, не столько по словамъ, сколько по выраженію лица Хацкеля, понималъ, о чемъ онъ говоритъ, но не могъ разсердиться, какъ, вѣроятно, счелъ бы долгомъ разсердиться при другихъ обстоятельствахъ. Теплота комнаты, послѣ долгой холодной дороги, разморила и разнѣжила его тѣло. Отъ выпитой водки голова тихо и сладко кружилась, кожа на лицѣ пріятно горѣла. Хотѣлось сидѣть, не шевелясь, испытывая томное чувство сытости, теплоты и легкаго опьянѣнія, не думая о томъ,

что через нѣсколько минутъ надо опять садиться въ сани и ѣхать безконечной, скучной, морозной дорогой.

И въ этомъ странномъ, легкомъ и блаженномъ состояніи ему доставляло невыразимое удовольствіе время отъ времени, какъ будто нечаянно, точно обманывая самого себя, останавливаться на прекрасномъ лицѣ еврейки и думать о ней, но не мыслями, а словами, какъ будто разговаривая съ какимъ-то невидимымъ собесѣдникомъ.

«Можно ли описать кому-нибудь это лицо? — говорилъ про себя Кашинцевъ. — Можно ли передать обыкновеннымъ, бѣднымъ, повседневнымъ языкомъ эти изумительныя черты, эти нѣжныя и яркія краски? Вотъ она теперь повернулась почти прямо ко мнѣ лицомъ. Какъ чиста, какъ изумительно изящна эта линія, что идетъ отъ виска къ уху и опускается внизъ, къ подбородку, опредѣляя щеку. Лобъ низкій, заросшій сбоку тонкими, пушистыми волосами, — какъ это прелестно, и женственно, и колоритно! Глаза огромные, черные, до того огромные и черные, что кажутся подрисованными, и въ нихъ, около зрачковъ, сіяютъ живыя, прозрачныя золотыя точки, точно свѣтлые блики въ желтомъ топазѣ. Глаза окружены темной, чуть-чуть влажной тѣнью, и какъ неуволимо переходитъ этотъ темный тонъ, придающій взгляду такое лѣнивое и страстное выраженіе, въ смуглый, крѣпкій румянецъ щекъ. Губы полныя, красныя, и хотя въ настоящую минуту сомкнуты, но кажутся раскрытыми, отдающимися, а на верхней губѣ, нѣсколько затѣненной, хорошенькая черная родинка около угла рта. Какой прямой, благородный носъ и какія тонкія, гордыя ноздри! О, милая, прекрасная!» — повторялъ про себя съ умиленіемъ Кашинцевъ, и ему хотѣлось заплакать отъ восторга и нѣжности, которые овладѣли имъ и стѣсняли ему грудь и щекотали глаза.

Сверхъ яркаго и смуглаго румянца щекъ видны были

коричневые полосы засохшей грязи, но Кашинцеву казалось, что никакая небрежность не может исказить этой торжествующей, цвѣтущей красоты. Онъ также замѣтилъ, когда она выходила изъ-за прилавка, что нижній край ея розовой ситцевой короткой юбки былъ тяжелъ и мокръ отъ грязи и шлепался при каждомъ шагѣ, и что на ногахъ у нея были огромные истасканные башмаки съ торчащими ушками; онъ замѣтилъ, что иногда, разговаривая съ мужемъ, она быстро дергала себя за кончикъ носа двумя пальцами, дѣлая при этомъ шмыгающій звукъ, и потомъ такъ же быстро проводила подъ носомъ ребромъ указательнаго пальца. Но все-таки ничто вульгарное, ничто смѣшное и жалкое не могло повредить ея красотѣ!

«Въ чемъ счастье?» — спросилъ самого себя Кашинцевъ и тотчасъ же отвѣтилъ:—«Единственное счастье— обладать такой женщиной, знать, что эта божественная красота — твоя. Гм... пошлое, армейское слово — обладать, но что въ сравненіи съ этимъ все остальное въ жизни: служебная карьера, честолюбіе, философія, извѣстность, твердость убѣжденій, общественные вопросы?.. Вотъ пройдетъ годъ, два или три, и, можетъ-быть, я женюсь. Жена моя будетъ изъ благородной фамиліи, тощая бѣлобрысая дѣвица, съ жидкими завитушками на лбу, образованная и истеричная, съ узкимъ тазомъ и съ холоднымъ синимъ тѣломъ въ пупырышкахъ, какъ у ошипанной курицы, она будетъ играть на роялѣ, толковать о вопросахъ и страдать женскими болѣзнями, и мы оба, какъ самецъ и самка, будемъ чувствовать другъ къ другу равнодушіе, если не отвращеніе. А почему знать, не заключается ли вся цѣль, весь смыслъ, вся радость моей жизни въ томъ, чтобы всѣми правдами и неправдами завладѣть вотъ такой женщиной, какъ эта, украсть, отнять, соблазнить, — не все ли равно? Пусть

она будетъ грязна, невѣжественна, неразвита, жадна, — о, Боже мой! — какія это мелочи въ сравненіи съ ея чудесной красотой!»

Хацкель опять подошелъ, остановился около Кашинцева, засунулъ руки въ карманы панталонъ, и вздохнулъ.

— А вы не читали, пане, что пишутъ въ газетахъ? — спросилъ онъ съ вѣжливой осторожностью. — Что слышно новаго за войну?

— Да все попрежнему. Мы отступаемъ, насъ бьютъ... Впрочемъ, я сегодня газетъ не читалъ, — отвѣтилъ Кашинцевъ.

— Панъ не читалъ! Какъ жаль! Мы, знаете, пане, живемъ здѣсь въ степи и ничего не слышимъ, что дѣлается на свѣтѣ. Вотъ тоже писали за сіонистовъ. Панъ читалъ, что въ Парижѣ собирался конгрессъ?

— Какъ же. Конечно.

Кашинцевъ внимательно поглядѣлъ на него. Въ немъ, подъ внѣшней расторопной пронырливостью, чувствовалось что-то заморенное, хилое, говорящее о бѣдности, приниженности и плохомъ питаніи. Самое жалкое впечатлѣніе производила его длинная шея, выходящая изъ гаруснаго шарфа, — худая, грязно-желтая; на ней, точно толстыя струны, выступали впередъ, по бокамъ глотки, двѣ длинныя, напряженныя жилы съ проваломъ посрединѣ.

— Чѣмъ вы здѣсь вообще занимаетесь? — спросилъ Кашинцевъ, охваченный какимъ-то виноватымъ сожалѣніемъ.

— Ну-ну! — Хацкель пожалъ плечами съ безнадежнымъ и презрительнымъ видомъ. — Ну, чѣмъ можетъ заниматься бѣдный еврей въ чертѣ осѣдлости? Крутимся какъ-нибудь. Покупаемъ и продаемъ, когда бываетъ базаръ. Отбиваемъ другъ у друга послѣдній кусочекъ хлѣба. Эхъ! Что много говорить! Развѣ же кому интересно знать, какъ мы здѣсь страдаемъ?..

Онъ устало махнулъ рукой и ушелъ за занавѣску.

а - Кашинцевъ опять вернулся къ прерваннымъ мыслямъ. Эти мысли были похожи на тѣ подвижныя, разноцвѣтныя полуслова, полуобразы, которые приходятъ къ человѣку утромъ, на границѣ между сномъ и пробужденіемъ, и которыя, пока не проснешься окончательно, кажутся такими тонкими, послушно-легкими и въ то же время полными такой глубокой важности.

Никогда еще Кашинцевъ не испытывалъ такого удовольствія мечтать, какъ теперь, когда, разнѣженный тепломъ и сытостью, онъ сидѣлъ, опираясь спиной о стѣну и вытянувъ впередъ ноги. Большое значеніе имѣла въ этомъ удовольствіи какая-то неопредѣленная точка на рисункѣ пестрой занавѣски. Нужно было непременно отыскать ее глазами, остановиться на ней, и тогда мысли начинали сами собою течь ровно, свободно и ярко, не задерживаясь въ головѣ, не оставляя слѣда и принося съ собою какую-то тихую, щекоющую радость. И тогда все исчезало въ голубоватомъ, колеблющемся туманѣ: и оббитыя стѣны заѣзжей комнаты, и покосившіеся столы, и грязный прилавокъ. Оставалось только одно прекрасное лицо, которое Кашинцевъ видѣлъ и которое чувствовалъ, несмотря на то, что глядѣлъ не на него, а на ту же неопредѣленную, неизвѣстную ему самому точку.

«Удивительный, непостижимый еврейскій народъ!—думалъ Кашинцевъ. — Чтò ему суждено испытать дальше? Сквозь десятки столѣтій прошелъ онъ, ни съ кѣмъ не смѣшиваясь, брезгливо обособляясь отъ всѣхъ націй, тая въ своемъ сердцѣ вѣковую скорбь и вѣковой пламень. Пестрая, огромная жизнь Рима, Греціи и Египта давнымъ-давно сдѣлалась достояніемъ музейныхъ коллекцій, стала историческимъ бредомъ, далекой сказкой, а этотъ таинственный народъ, бывший уже патриархомъ во дни ихъ младенчества, не только существуетъ, но сохранилъ повсюду свой крѣпкій, горячій южный типъ, сохранилъ

свою вѣру, полную великихъ надеждъ и мелочныхъ обрядовъ, сохранилъ священный языкъ своихъ вдохновенныхъ божественныхъ книгъ, сохранилъ свою мистическую азбуку, отъ самаго начертанія которой вѣтъ тысячелѣтней древностью! Что онъ перенесъ въ дни своей юности? Съ кѣмъ торговалъ и заключалъ союзы, съ кѣмъ воевалъ? Нигдѣ не осталось слѣда отъ его загадочныхъ враговъ, отъ всѣхъ этихъ филистимлянъ, амалекитянъ, моавитянъ и другихъ полумиѳическихъ народовъ, а онъ, гибкій и бессмертный, все еще живетъ, точно выполняя чье-то сверхъестественное предопредѣленіе. Его исторія вся проникнута трагическимъ ужасомъ и вся залита собственной кровью: столѣтнія плѣненія, насиліе, ненависть, рабство, пытки, костры изъ человѣческаго мяса, изгнаніе, безправіе... Какъ могъ онъ оставаться въ живыхъ? Или, въ самомъ дѣлѣ, у судьбы народовъ есть свои, непонятныя намъ, таинственныя цѣли?.. Почему знать: можетъ-быть, какой-нибудь Высшей Силѣ было угодно, чтобы евреи, потерявъ свою родину, играли роль вѣчной закваски въ огромномъ міровомъ броженіи?

«Вотъ стоитъ эта женщина, на лицѣ которой отражается божественная красота, внушающая священный восторгъ. Сколько тысячелѣтій ея народъ долженъ былъ ни съ кѣмъ не смѣшиваться, чтобы сохранить эти изумительныя библейскія черты. Съ тѣмъ же гладкимъ платкомъ на головѣ, съ тѣми же глубокими глазами и скорбной складкой около губъ рисуютъ Матерь Іисуса Христа. Той же самой безукоризненной чистой прелестью сіяли и мрачная Юдиѳъ, и кроткая Руѳъ, и нѣжная Лія, и прекрасная Рахиль, и Агарь, и Сарра. Глядя на нее, вѣришь, чувствуешь и точно видишь, какъ этотъ народъ идетъ въ своей умопомрачительной генеалогіи къ Моисею, подымается къ Аврааму и выше, еще выше — прямо до великаго, грознаго, мстительнаго библейскаго Бога!

«Съ кѣмъ я спорилъ недавно?—вдругъ вспомнилось Кашинцеву.—Спорилъ объ евреяхъ. Кажется, съ полковникомъ генеральнаго штаба въ вагонѣ? Или, впрочемъ, нѣтъ: это было съ городскимъ врачомъ изъ Степани. Онъ говорилъ: евреи одряхлѣли, евреи потеряли національность и родину, еврейскій народъ долженъ выродиться, такъ какъ въ него не проникаетъ ни одна капля свѣжей крови. Ему остается одно изъ двухъ: или слиться съ другими народами, разсосаться въ нихъ, или погибнуть... Да: тогда я не находилъ возраженій, но теперь я подвелъ бы его къ этой женщинѣ за прилавкомъ и сказалъ бы: вотъ онъ, поглядите, вотъ залогъ безсмертія еврейскаго народа! Пусть Хацкель хилъ, жалокъ и болѣзненъ, пусть вѣчная борьба съ жизнью положила на его лицо жестокіе слѣды плутовства, робости и недовѣрія: вѣдь онъ тысячи лѣтъ «крутился какъ-нибудь», задыхался въ разныхъ гетто. Но еврейская женщина стережетъ духъ и типъ расы, бережно несетъ сквозь ручьи крови, подъ гнетомъ насилія, священный огонь народнаго генія и никогда не дастъ потушить его. Вотъ я гляжу на нее и чувствую, какъ за ней раскрывается черная бездна вѣковъ. Здѣсь чудо, здѣсь какая-то божественная тайна. О, что же я, вчерашній дикарь, а сегодняшній интеллигентъ, — что я значу въ ея глазахъ, что я значу въ сравненіи съ этой живой загадкой, можетъ-быть, самой необъяснимой и самой великой въ исторіи человѣчества?»

Кашинцевъ вдругъ очнулся. Въ заѣздѣ поднялась суета. Хацкель метался отъ окна къ окну и, прикладывая ладони къ вискамъ, старался что-то разглядѣть въ ночной темнотѣ. Этля съ отвращеніемъ и досадой дергала за воротъ пьянаго мужика, который то подымалъ, то опускалъ красное, бессмысленное, опухшее отъ сна лицо съ набрякшими подъ глазами гулями, и дико хрипѣлъ.

— Трохиме, слушайте — ну! Трохи-имъ! Я жъ васъ

прошу: встаньте! — нетерпѣливо говорила еврейка, коверкая малорусскій языкъ.

— Ша! Приставъ! — закричалъ вдругъ испуганнымъ шопотомъ Хацкель. Онъ скоро-скоро зачмокалъ губами, съ отчаяніемъ затрясъ головой и, стрѣмительно бросившись къ двери, распахнулъ ее какъ разъ въ тотъ моментъ, когда въ нее входилъ высокій полицейскій чиновникъ, освобождавшій на ходу свою голову изъ густого бараньяго воротника шубы.

— Слушайте жъ, Трохимъ. Вставайте! — воскликнула Этля трагическимъ шопотомъ.

Мужикъ поднялъ налившееся кровью лицо и, перекосивъ ротъ, заоралъ:

„Ой, чи не мо-о-ожно бѣ...“

— Эт-то что т-такое! — крикнулъ приставъ, грозно выкатывая глаза. Онъ съ негодованіемъ сбросилъ баранью шубу на руки подбѣжавшему Хацкелю и, выпятивъ грудь колесомъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ великолѣпной походкой опернаго полководца.

Мужикъ поднялся, шатаясь и задѣвая руками, ногами и туловищемъ за столъ. Что-то похожее на сознательный испугъ мелькнуло на его сизомъ, оплывшемъ лицѣ.

— Вашесоко... пане... пане коханий! — забормоталъ онъ, колеблясь безпомощно на мѣстѣ.

— Вонъ! — загремѣлъ вдругъ приставъ такимъ страшнымъ голосомъ, что нервный Кашинцевъ вздрогнулъ и съежился за своимъ столомъ. — Сейчасъ вонъ!

Мужикъ качнулся-было впередъ и расслабленно протянулъ руки, чтобы поймать и поцѣловать начальственную десницу, но Хацкель уже тащилъ его, схвативъ сзади за воротъ, къ дверямъ.

— Ты!.. — закричалъ приставъ, сердито сверкая глазами на Этлю. — Водкой торгуешь? Безпатентно? Конокрадовъ принимаешь? См-мот-три! Я т-тебя зак-катаю!

Женщина уродливо подняла кверху плечи, совсѣмъ склонила на бокъ голову и съ жалостнымъ и покорнымъ выраженіемъ закрыла глаза, точно ожидая удара сверху. Кашинцевъ почувствовалъ, что цѣпь его легкихъ, пріятныхъ и важныхъ мыслей внезапно разбилась и больше не возстановится, и ему стало неловко, стыдно передъ самимъ собою за эти мысли.

— Нехай меня Богъ покараетъ, пане полковникъ! — клялась со страстной убѣдительностью Этля. — Дай мнѣ Богъ ослѣпнуть и не видѣть завтрашняго дня и моихъ собственныхъ дѣтей! Панъ полковникъ самъ знаетъ, ну что я могу сдѣлать, если къ намъ въ заѣздъ зайдетъ пьяный мужикъ? Мой мужъ больной человекъ, а я слабая, бѣдная женщина.

— Ну ладно! — сурово остановилъ ее приставъ. — Будетъ.

Въ это мгновеніе онъ замѣтилъ Кашинцева и тотчасъ же, побѣдоносно и строго закинувъ вверхъ голову, напряжилъ грудь и размахнулъ рукой налѣво и направо свои прекрасные русые бакенбарды. Но вдругъ на лицѣ его показалась улыбка.

— Базиль Базиличъ! Старый крокодилъ! Какими попутными вѣтрами? — воскликнулъ онъ театрално радостнымъ тономъ. — Чортъ тебя знаетъ, сколько времени не видались!.. Виновать, — круто остановился приставъ у стола. — Я, кажется... обознался.

Онъ щегольски приложилъ ладонь къ козырьку фуражки. Кашинцевъ, полупривставъ, довольно неуклюже сдѣлалъ то же самое.

— Простите великодушно... Принялъ васъ за своего коллегу, почайновскаго пристава, — этакое фатальное совпаденіе. Еще разъ — виновать... Впрочемъ, знаете, такое сходство формы, что-о... Во всякомъ случаѣ, позвольте представиться: мѣстный приставъ я, такъ

сказать, громовержецъ — Ирисовъ, Павелъ Аоиного-нычъ.

Кашинцевъ опять всталъ и назвалъ себя.

— Если ужъ все такъ необычайно вышло, то, позвольте, ужъ присяду къ вамъ, — сказалъ Ирисовъ и опять ловко прикоснулся къ козырьку и прищелкнулъ каблуками. — Очень, очень пріятно познакомиться. Эй, Хацкель, принеси изъ моихъ саней кожаный ящикъ, онъ въ ногахъ подъ сидѣньемъ. Извините, вы далеко изволите ѣхать, докторъ?

— Въ Гусятинъ. Я только-что назначенъ туда.

— А-а! Въ пѣхотный полкъ? Есть между офицерами претеплые ребята, хотя пьютъ, какъ лошади! Городишко па-аршивый, но по нашимъ мѣстамъ въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, резиденція. Значить, будемъ съ вами встрѣчаться? Оч-чень радъ... А вы только-что... ха-ха!.. были свидѣтелемъ отеческаго внушенія, которое я дѣлалъ.

— Да... отчасти, — сказалъ, насильно улыбнувшись, Кашинцевъ.

— Что дѣлать-съ... Что дѣлать... Такой ужъ у меня характеръ: люблю построжить... Я, знаете, не охотникъ до всякихъ кляузъ и жалобъ и тому подобной дребедени — у меня своя собственная расправа-съ.

Приставъ былъ представительный, какъ говорятъ провинціальныя дамы, красивый, рослый мужчина, съ растущими въ стороны лихими скобелевскими баками и высокимъ, бѣлымъ, безмятежнымъ лбомъ. Глаза у него были прекраснаго голубого цвѣта, со всегдашнимъ выраженіемъ томной и какой-то неприличной, не мужской, капризной усталости; все лицо имѣло нѣжный, ровный, фарфорово-розовый оттѣнокъ, а малиновыя, гибкія губы постоянно кокетливо шевелились и растягивались, точно два подвижныхъ красныхъ червяка. Видно было по всему,

что приставъ Ирисовъ — мѣстный красавецъ, молодчи- нище и сердцеѣдъ, бывшій кавалеристъ, вѣроятно, игрокъ и кутила, который въ состоянїи не спать трое сутокъ подъ-рядъ и никогда не бываетъ пьянымъ. Говорилъ онъ быстро и отчетливо, дѣлая преувеличенно-внимательное лицо на слова собесѣдника, но, очевидно, слушая только самого себя.

— Я имъ всѣмъ отецъ, но отецъ строгій, — продол- жалъ приставъ, внушительно приподнявъ кверху указа- тельный палецъ. — Поставъ ящикъ на столъ, Хацкель, вотъ такъ. Я строгъ, это дѣйствительно, я себѣ не по- зволю на шею сѣсть, какъ другіе, но зато я знаю наизусть каждыаго изъ своихъ... хе-хе-хе... такъ сказать, поддан- ныхъ. Видали сейчасъ мужичонку? Это орѣховскій кре- стьянинъ Трофимъ, по-уличному Хвостъ. Вы думаете, я не знаю, что онъ конокрадъ? Знаю великолѣпно! Но до времени я молчу, а въ одно прекрасное майское утро—чикъ!.. и Трофимъ Хвостъ изъять изъ употребле- нїя. Вотъ, поглядите вы на этого самаго Хацкеля. Не правда ли, пархатый жидишка? А я, повѣрьте, знаю, чѣмъ онъ, каналья, дышитъ. Чтò? Не вѣрно я говорю, Хацкель?

— Ой, Боже мой, развѣ жъ панъ полковникъ можетъ говорить неправду!—выкрикнулъ Хацкель съ подобо- страстной укоризной. — Мы всѣ, сколько насъ есть, бѣд- ныхъ, несчастныхъ еврейчиковъ, постоянно молимся Богу за пана пристава. Мы такъ и говоримъ промежь себя: «Зачѣмъ намъ родной отецъ, когда нашъ добрый, лю- бимый господинъ приставъ намъ лучше всякаго родного отца?..»

— Видали?—небрежно спросилъ приставъ, указавъ че- резъ плечо большимъ пальцемъ на Хацкеля и значи- тельно сощутивъ глаза.—Гласъ народа! Но вы не без- покойтесь, я ихъ вотъ гдѣ держу. Чтò? Правду я сказалъ?

— Что я буду на это говорить?—Хацкель весь сжался, присѣлъ почти на корточки и протянулъ впередъ руки, точно отталкивая отъ себя какое-то чудовищное, несправедливое обвиненіе.—Мы еще не успѣемъ что-нибудь подумать, а ужъ господинъ приставъ напередъ все знаетъ!

— Слыхали? — спросилъ коротко Ирисовъ. — Прошу, сказалъ Собакевичъ,—произнесъ онъ, указывая на раскрытый поставецъ.—Не прикажете ли жареной домашней утки? Шикарная утка!.. А это вотъ зубровка. Пирожки съ рыбой, лукомъ. Здѣсь ромъ. Нѣтъ, вы не сомнѣвайтесь, настоящій ямайскій ромъ и даже пахнетъ клопами... А это—вы только, пожалуйста, надо мной не смѣйтесь,—это шоколадъ. Такъ сказать, дамское развлеченіе. Рекомендую вамъ: въ дорогѣ—самое питательное средство. Это ужъ я узналъ, такъ сказать, изъ печальнаго опыта, по роду своей неблагодарной службы. Зимой, случается, во время мятели въ такое мѣсто тебя занесетъ, что торчишь двое сутокъ и корки хлѣба ни за какія деньги не допросишься. Но что я болтаю? Пожалуйста...

Кашинцевъ вѣжливо отказывался отъ угощенія, но приставъ проявилъ самую энергичную настойчивость. Пришлось выпить рюмку рома, отъ котораго пахло чѣмъ угодно, только не ромомъ. Кашинцеву было грустно, и стѣснительно, и тоскливо. Украдкой онъ взглядывалъ иногда на Этлю, которая шопотомъ оживленно разговаривала за прилавкомъ со своимъ мужемъ. Фантастическое обаяніе точно сошло съ нея. Что-то жалкое, приниженное, ужасное своей будничной современностью чувствовалось теперь въ ея лицѣ, но оно все-таки было попрежнему трогательно-прекрасно.

— А...а! Вотъ вы куда нацѣлились!—лукаво сказалъ вдругъ приставъ, прожевывая курицу и сочно шевеля своими гибкими, влажными губами.—Хорошенькая жидовочка, что?

— Необыкновенно красива. Прелесть!—невольно вырвалось у Кашинцева.

— Н-д-а... Товаръ. Н-но!..—Приставъ развелъ руками, дѣланно вздохнулъ и закрылъ на секунду глаза.—Но ничего не подѣлаешь. Пробовали. Нѣтъ никакой физической возможности. Нельзя... Хоть видить око... Да вотъ, позвольте, я его сейчасъ спрошу. Эй, Хацкель, кимѣрь...

— Ради Бога... Я васъ прошу!—умоляюще протянулъ къ нему руку Кашинцевъ и всталъ съ лавки.—Я васъ убѣдительно прошу.

— Э, пустяки... Хацкель.

Въ эту минуту отворилась дверь, и въ нее вошелъ очередной ямщикъ съ кнутомъ въ рукѣ и въ шапкѣ, въ видѣ конфедератки, на головѣ.

— Кому изъ пановъ кони до Гусятина?—спросилъ ямщикъ.

Но, увидѣвъ пристава, онъ торопливо сдернулъ шапку и гаркнулъ по-военному:

— Здравіемъ желаемъ вашему высокоблагородію!

— Здравствуй, Юрко!—снисходительно отвѣтилъ Ирисовъ.—Эхъ, посидѣли бы еще немного,—съ сожалѣніемъ сказалъ онъ доктору.—Въ кои-то вѣки удастся поболтать съ интеллигентнымъ человѣкомъ!

— Простите, некогда,—говорилъ Кашинцевъ, поспѣшно застегиваясь.—Сами знаете, долгъ службы. Сколько съ меня слѣдуетъ?

Онъ расплатился и, заранѣе вздрагивая при мысли о холодѣ, о ночи, объ утомительной дорогѣ, пошелъ къ выходу. По наивной, сохранившейся у него съ дѣтства привычкѣ загадывать по мелкимъ примѣтамъ, онъ, берясь за скобку двери, подумалъ: «если она поглядитъ на меня, то исполнится». Что должно было исполниться,—онъ самъ не зналъ, такъ же, какъ не зналъ имени той скуки, усталости и чувства неопредѣленнаго разочарованія, ко-

торыя теперь его угнетали. Но еврейка не оглянулась. Она стояла, повернувшись къ нему своимъ чудеснымъ нѣжнымъ профилемъ, ярко озаренная свѣтомъ лампы, и что-то дѣлала на прилавкѣ, опустивъ внизъ глаза.

— До свиданія, — сказалъ Кашинцевъ, отворяя дверь.

Упругія облака пара ворвались съ улицы, застлали прекрасное лицо и обдали доктора сухимъ холодомъ. У крыльца стояли, уныло понуривъ головы, почтовые лошади.

Миновали деревню, переѣхали по льду черезъ рѣчку, и опять потянулась длинная, тоскливая дорога съ мертвыми бѣлыми полями направо и налево. Кашинцевъ задремалъ. Тотчасъ же заговорили и зашѣли странные, обманчивые звуки спереди и сзади саней и сбоку ихъ. Залилась визгомъ и лаемъ собачья стая, зароптала человѣческая толпа, зазвенѣлъ серебряный дѣтскій смѣхъ, залепетали, какъ безумные, бубенчики, выговаривая отчетливыя слова. «Первое дѣло — строгость, строгость!» — крикнулъ голосъ пристава.

Кашинцевъ ударился локтемъ о бокъ саней и очнулся.

По обѣ стороны дороги бѣжали ему навстрѣчу высокіе темные стволы сосенъ, протянувшихъ черезъ дорогу, точно бѣлыя лапы, отягощенные снѣгомъ вѣтви. Между ними, далеко впереди, мерещились стройныя тонкія колонны, каменные ограды и балконы, высокія, бѣлыя стѣны съ черными готическими окнами, фантастическія линіи какого-то спящаго, заколдованнаго дворца. Но сани заворачивали по изгибу дороги, и призрачный дворецъ исчезалъ, обращаясь въ темные ряды деревьевъ и въ навісы изъ оснѣженныхъ вѣтокъ.

«Гдѣ я? Куда я ѣду? — спросилъ себя Кашинцевъ съ недоумѣніемъ и испугомъ. — Что со мной только-что было? Такое большое, радостное и важное?»

Въ его памяти съ поразительной ясностью всплыло пре-

лестное женское лицо, нѣжный очеркъ щекъ и подбородка, влажные, спокойно-страстные глаза, прекрасный изгибъ цвѣтущихъ губъ... И вдругъ вся его собственная жизнь—и та, что прошла, и та, что еще лежала впереди—представилась ему такой же печальной и одинокой, какъ эта ночная дорога, съ ея скукой, холодомъ, пуетотой и безлюдьемъ, съ ея раздражающими сонными обманами.

Мимоходомъ властная красота чуждой незнакомой женщины освѣтила и согрѣла ему душу, наполнила ее счастьемъ, чудными мыслями и сладкой тревогой, но уже пробѣжала, исчезла позади эта полоса жизни, и о ней осталось только одно воспоминаніе, какъ о скрывшемся вдали огонькѣ случайной станціи. А впереди не видно другого огня; лошади бѣгутъ мѣрной рысью, и равнодушный ямщикъ—Время—безучастно дремлетъ на козлахъ.

РѢКА ЖИЗНИ.

I.

Хозяйская комната въ номерахъ «Сербія». Желтые обои; два окна съ тюлевыми грязными занавѣсками; между ними раскосое овальное зеркало, наклонившись подъ угломъ въ 45 градусовъ, отражаетъ въ себѣ крашеный полъ и ножки кресель; на подоконникахъ пыльные, бородавчатые кактусы; подъ потолкомъ клѣтка съ канарейкой. Комната перегороджена красными ситцевыми ширмами. Меньшая, лѣвая часть — это спальня хозяйки и ея дѣтей, правая же тѣсно заставлена всякой случайной разнофасонной мебелью, просиженной, раскоряченной и хромоногой. По угламъ комнаты сваленъ безпорядочно всяческій, покрытый паутиной, хламъ: астролябія въ рыжемъ кожаномъ чехлѣ и при ней тренога съ цѣпью, нѣсколько старыхъ чемодановъ и сундуковъ, безструнная гитара, охотничьи сапоги, швейная машина, музыкальный ящикъ «Монопанъ», фотографическій аппаратъ, штукъ пять лампъ, груды книгъ, веревки, узлы бѣлья и многое другое. Всѣ эти вещи были въ разное время задержаны хозяйкой за неплатежъ или покинуты сбѣжавшими жильцами. Отъ нихъ въ комнату негдѣ повернуться.

«Сербія» — гостиница третьяго разбора. Постоянные жильцы въ ней рѣдкость, и тѣ — проститутки. Преобладаютъ случайные пассажиры, приплывающіе въ городъ по Днѣпру: мелкіе арендаторы, еврей-комиссіонеры, дальніе мѣщане, богомольцы, а также сельскіе попы, которые наѣзжаютъ въ городъ съ доносами или возвращаются домой послѣ доноса. Занимаются также номера въ «Сербіи» парочками изъ города на ночь и на время.

Весна. Четвертый часъ дня. Занавѣски на открытыхъ окнахъ тихо колеблются. Въ комнатѣ пахнетъ керосиновымъ чадомъ и тушоной капустой. Это хозяйка разогрѣваетъ на машинкѣ бигосъ по-польски изъ капусты, свиного сала и колбасы съ громаднымъ количествомъ перца и лавроваго листа. Она вдова лѣтъ 36 — 40, видная, крѣпкая, проворная женщина. Волосы, которые она завиваетъ на лбу въ мелкіе кудерьки, тронуты сильной сѣдиной, но лицо у нея свѣжее, чувственный большой ротъ красенъ, а темные, совсѣмъ молодые глаза влажны и игриво-хитры. Имя-отчество ея Анна Фридриховна — она полунѣмка, полуполька изъ Остзейскаго края, но близкіе знакомые называютъ ее просто Фридрихомъ, и это больше идетъ къ ея рѣшительному характеру. Она гнѣвлива, крикунья и страшная сквернословка; дерется иногда со своими швейцарами и съ подгулявшими жильцами; можетъ выпить на ряду съ мужчинами и до безумія любить танцы; переходы отъ ругани къ смѣху у нея мгновенны. Къ законамъ она чувствуетъ мало уваженія, принимаетъ гостей безъ паспортовъ, а неисправнаго жильца собственноручно «выкидаетъ на улицу», какъ она сама выражается, т.-е. въ отсутствіе жильца отпираетъ его номеръ и выноситъ его вещи въ коридоръ, или на лѣстницу, а то и въ свою комнату. Полиція съ ней дружна изъ-за ея гостепріимства, живого характера и въ особенности изъ-за той веселой, легкой, безцеремон-

ной и безкорыстной податливости, съ которой она отвѣчаетъ на каждое мимолетное мужское чувство.

У нея четверо дѣтей. Двое старшихъ, Ромка и Алечка, еще не пришли изъ гимназіи, а младшіе — семилѣтній Адька и пятилѣтній Эдька, здоровые мальчуганы со щеками, пестрыми отъ грязи, отъ лишаевъ, отъ размазанныхъ слезъ и отъ ранняго весенняго загара, торчатъ около матери. Они оба держатся руками за край стола и попрошайничаютъ. Они всегда голодны, потому что ихъ мать насчетъ стола безпечна: ѣдятъ кое-какъ въ разные часы, посылая въ мелочную лавочку за всякой всячиной.

Вытянувъ губы трубой, нахмуривъ брови, глядя исподлобья, Адька гудитъ угрюмымъ басомъ:

— Ишь ты кака-ая, не даешь попробовать...

— Да-ай попло-обуву-уть, — тянетъ за нимъ въ носъ Эдька и чешетъ босой ножкой икру другой ноги.

За столомъ у окна сидитъ поручикъ запаса арміи Валерьянъ Ивановичъ Чижевичъ. Передъ нимъ домовая книга, въ которую онъ вписываетъ паспорта постояльцевъ. Но, послѣ вчерашняго, работа идетъ у него плохо, буквы рябятъ и расползаются, дрожащія пальцы не ладятъ съ перомъ, а въ ушахъ гудитъ, какъ осенью въ телефонномъ столбѣ. Временами ему кажется, что голова у него начинаетъ пухнуть, пухнуть, и тогда столъ съ книгой, съ чернильницей и съ поручиковой рукой уходятъ страшно далеко и становятся совсѣмъ маленькими, потомъ, наоборотъ, книга приближается къ самымъ его глазамъ, чернильница растетъ и двоится, а голова уменьшается до смѣшныхъ и странныхъ размѣровъ.

Наружность поручика Чижевича говоритъ о бывшей красотѣ и утраченномъ благородствѣ: черные волосы ежикомъ, но на затылкѣ просвѣчиваетъ лысина, борода

острижена по-модному острымъ клинышкомъ, лицо худое, грязное, блѣдное, истасканное, и на немъ какъ будто написана вся исторія поручиковыхъ явныхъ слабостей и тайныхъ болѣзней.

Положеніе его въ номерахъ «Сербія» сложное: онъ ходитъ къ мировымъ судьямъ по дѣламъ Анны Фридриховны, репетируетъ ея дѣтей и учитъ ихъ свѣтскимъ манерамъ, ведетъ квартирную книгу, пишетъ счета постояльцамъ, читаетъ по утрамъ вслухъ газету и говоритъ о политикѣ. Ночуетъ онъ обыкновенно въ одномъ изъ пустующихъ номеровъ, а въ случаѣ наплыва гостей — и въ коридорѣ на древнемъ диванѣ, у котораго пружины вылѣзли наружу вмѣстѣ съ мочалкой. Въ послѣднемъ случаѣ поручикъ аккуратно развѣшиваетъ надъ диваномъ, на гвоздикахъ, все свое имущество: пальто, шапку, лоснящійся отъ старости, бѣлый по швамъ, но чистенькій сюртукъ, бумажный воротникъ «Монополь» и офицерскую фуражку съ синимъ околышемъ, а записную книжку и платокъ съ чужой мѣткой кладетъ подъ подушку.

Вдова держитъ своего поручика въ черномъ тѣлѣ. «Женись — тогда я тебѣ все заведу, — обѣщаетъ она: — полную кипировку и что нужно изъ бѣлья, и ботинки съ калошами приличные. Все у тебя будетъ, и даже по праздникамъ будешь носить часы моего покойника съ цѣпью». Но поручикъ покаместъ все еще раздумываетъ. Онъ дорожитъ свободой и слишкомъ высоко цѣнитъ свое бывшее офицерское достоинство. Однако кое-что старенькое изъ бѣлья покойника онъ донашиваетъ.

II.

Время отъ времени въ хозяйскомъ номерѣ происходятъ бури. То, бываетъ, поручикъ при помощи своего воспитанника Ромки продастъ букинисту кипу чужихъ книгъ,

то перехватить, пользуясь отсутствием хозяйки, суточную плату за номеръ, то заведетъ втайнѣ игривыя отношенія съ горничной. Какъ разъ наканунѣ поручикъ злоупотребилъ кредитомъ Анны Фридриховны въ трактирѣ напротивъ; это всплыло наружу, и вотъ вспыхнула ссора съ руганью и съ дракой въ коридорѣ. Двери всѣхъ номеровъ раскрылись, и изъ нихъ выглянули съ любопытствомъ мужскія и женскія головы. Анна Фридриховна кричала такъ, что ее было слышно на улицѣ:

— Вонъ отсюда, разбойникъ, вонъ, босявка! Я всѣ кровные труды на тебя потратила! Ты моихъ дѣтей кровную копейку заѣдаешь!..

— Нашу копейку заѣдаешь!—оралъ гимназистъ Ромка, кривляясь за материнской юбкой.

— Заѣда-аешь! — вторили ему въ отдаленіи Адька съ Эдькой.

Швейцаръ Арсеній молча, съ каменнымъ видомъ, сопя, напиралъ грудью на поручика. А изъ номера девятаго какой-то мужественный обладатель великолѣпной раздвоенной черной бороды, высунувшись изъ дверей до половины въ нижнемъ бѣльѣ и почему-то съ круглой шляпой на головѣ, совѣтовалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Арсень! Дай ему между глазъ.

Такимъ образомъ поручикъ былъ вытѣсненъ на лѣстницу. Но такъ какъ на эту же лѣстницу отворялось широкое окно изъ коридора, то Анна Фридриховна еще продолжала кричать вслѣдъ поручику, свѣсившись внизъ:

— Каналья, шарлатанчикъ, разбишака, босявка кievская!

— Босявка! босявка! — надсаживались въ коридорѣ мальчишки.

— И чтобы ноги твоей больше здѣсь не было! И вещи свои паршивыя забирай съ собой! Вотъ онѣ, вотъ тебѣ, вотъ!

Въ поручика полетѣли сверху позабытыя имъ впопы-
хахъ вещи: палка, бумажный воротничокъ и записная
книжка. На послѣдней ступенькѣ поручикъ остановился,
поднялъ голову и погрозилъ кулакомъ. Лицо у него было
блѣдно, подъ лѣвымъ глазомъ краснѣла ссадина.

— Под-дождите, сволочи, я все докажу, кому слѣдуетъ.
Ага! Сводничаютъ! Грабятъ жильцовъ!..

— А ты иди, иди, пока цѣль, — говорилъ сурово Арсе-
ній, наваливаясь сзади и тѣсня поручика плечомъ.

— Прочь, хамъ! Не имѣешь права касаться офи-
цера! — воскликнулъ гордо поручикъ. — Я все знаю! Вы
здѣсь безъ паспорта пускаете! Укрываете! Краденое укры-
ваете... Пристано...

Но тутъ Арсеній ловко обхватилъ поручика сзади,
дверь со звономъ и съ дребезгомъ хлопнула, два чело-
вѣка, свившись клубкомъ, выкатились на улицу, и уже
оттуда донеслось гнѣвное:

— ...держательствуете!

Сегодня утромъ, какъ это всегда бывало и раньше,
поручикъ Чижевичъ явился съ повинной, принесъ съ со-
бою букетъ наломанной въ чужомъ саду сирени. Лицо
у него утомлено, вокругъ ввалившихся глазъ тусклая
синева, виски желты, одежда нечищена, въ головѣ пухъ.
Примиреніе идетъ туго. Анна Фридриховна еще недоста-
точно насладилась униженнымъ видомъ своего любовника
и его покаянными словами. Кромѣ того она немного рев-
нуетъ Валерьяна къ тѣмъ тремъ ночамъ, которыя онъ
провелъ неизвѣстно гдѣ.

— Нюничка, а куда же... — начинаетъ поручикъ не-
обыкновенно кроткимъ и нѣжнымъ, даже слегка дрожа-
щимъ фальцетомъ.

— Что та-ко-е? Кто это вамъ здѣсь за Нюничка! —
презрительно обрываетъ его хозяйка. — Всякій гицель и
тоже — Нюничка!

— Нѣтъ, видишь ли, я только хотѣлъ спросить тебя, куда выписать Прасковью Увертышеву, 34-хъ лѣтъ? Тутъ нѣтъ помѣтки.

— Ну и выписывай на толчокъ. И себя туда же можешь выписать. Одна компанія. Или въ ночлежку.

«Стерва!» — думаетъ поручикъ, но только глубоко и покорно вздыхаетъ:

— Какая ты сегодня нервная, Нюничка!

— Нервная... Какая бы я тамъ ни была, а я знаю про себя, что я женщина честная и трудящая... Прочь, вы, байструки! — кричитъ она на дѣтей, и вдругъ — шлепъ! шлепъ! — два мѣткихъ удара ложкой влетаютъ по лбу Адькѣ и Эдькѣ. Мальчики хнычутъ.

— Проклятое мое дѣло, и судьба моя проклятая... — ворчитъ сердито хозяйка. — Какъ я за покойнымъ мужемъ жила, я никакого горя себѣ не видѣла. А теперь, что ни швейцаръ — такъ пьяница, а горничныя всѣ воровки. Цыцъ, вы, проклятики!.. Вотъ и эта Проська, двухъ дней не прожила, а ужъ изъ номера 12-го у дѣвушки чулки стащила. А то еще бываютъ нѣкоторые другіе, которые только по трактирамъ ходятъ за чужія деньги, а дѣла никакого не дѣлаютъ...

Поручикъ очень хорошо знаетъ, на кого намекаетъ Анна Фридриховна, но сосредоточенно молчитъ. Запахъ бигоса вселяетъ въ него кое-какія далекія надежды. Въ это время дверь отворяется, и входитъ, не снимая съ головы фуражки съ тремя золотыми позументами, швейцаръ Арсеній. У него наружность скопца и альбиноса, и все нечистое лицо въ буграхъ. Онъ служитъ у Анны Фридриховны по крайней мѣрѣ въ сороковой разъ и служитъ до перваго запоя, пока хозяйка собственноручно не прибьетъ его и не прогонитъ, отнявъ сначала у него символъ власти — фуражку съ позументами. Тогда Арсеній надѣнетъ бѣлую кавказскую папаху на голову и

темно-синее пенсне на носъ, будетъ куражиться въ трактирѣ напротивъ, пока весь не пропьется, а подъ конецъ загула будетъ горько плакать передъ равнодушнымъ половымъ о своей безнадежной любви къ Фридриху и будетъ угрожать смертью поручику Чижевичу. Протрезвившись, онъ явится въ «Сербію» и упадетъ хозяйкѣ въ ноги. И она опять приметъ его, потому что новый швейцаръ, замѣнившій Арсенія, уже успѣлъ за этотъ короткий срокъ обворовать ее, напиться и наскандалить и даже попасть въ участокъ.

— Ты что? Съ парохода? — спрашиваетъ Анна Фридриховна.

— Да. Привелъ шесть богомольцевъ. Насилу отнялъ у Якова изъ «Коммерческой». Онъ уже ихъ велъ, а я подошелъ къ одному и говорю на ухо: «Мнѣ, говорю, все равно, идите хочъ куда хотите, а какъ вы люди въ здѣшнихъ мѣстахъ неизвѣстные, и мнѣ васъ ужасно жалко, то я вамъ скажу, чтобы вы лучше за этимъ человѣкомъ не ходили, потому что у нихъ въ гостиницѣ на прошлой недѣлѣ богомольцу одному подсыпали порошокъ и обокрали». Такъ и увелъ ихъ. Яковъ потомъ мнѣ кулакомъ издальки грозился. Кричитъ: «Ты стой у меня, Арсеній, я тебя еще споймаю, ты моихъ рукъ не убѣжишь!» Но только я ему и самъ, если придется...

— Ладно! — прерываетъ его хозяйка. — Большое мнѣ дѣло до твоего Якова. По скольку сговорились?

— По тридцать копеекъ. Ей-Богу, барыня, какъ ни уговаривалъ, больше не даютъ.

— У, дурень ты, ничего не умѣешь. Отведи имъ номеръ второй.

— Всѣхъ въ одинъ?

— Дуракъ: нѣтъ, каждому по два номера. Конечно, въ одинъ. Принести имъ матрацовъ, изъ старыхъ, три матраца принести. А на диванъ — скажи, чтобы не

смѣли ложиться. Всегда отъ этихъ богомольцевъ клопы. Ступай!

По уходѣ его, поручикъ замѣчаетъ вполголоса нѣжнымъ и заботливымъ тономъ:

— Я удивляюсь, Нюточка, какъ это ты позволяешь ему входить въ комнату въ шапкѣ. Это же все-таки неуваженіе къ тебѣ, какъ къ дамѣ и какъ къ хозяйкѣ. И потомъ — посуди мое положеніе: я офицеръ въ запасѣ, а онъ все-таки... нижній чинъ. Неудобно какъ-то.

Но Анна Фридриховна набрасывается на него съ новымъ ожесточеніемъ.

— Нѣтъ, ужъ ты, пожалуйста, не суйся, куда тебя не спрашиваютъ. О-фи-церъ! Такихъ офицеровъ много у Терещенки въ пріютѣ ночуетъ. Арсеній человѣкъ трудящій, онъ свой кусокъ зарабатываетъ... не то что... Прочь, вы, лайдаки! Куда съ руками лѣзете!

— Да-а... не дае-ешь! — гудитъ Адька.

— Не да-е-ось!...

Между тѣмъ бигосъ готовъ. Анна Фридриховна гремитъ посудой на столѣ. Поручикъ въ это время старательно припаль головой къ домовой книгѣ. Онъ весь ушелъ въ дѣло.

— Что жъ, садись, что ли, — отрывисто приглашаетъ хозяйка.

— Нѣтъ, спасибо, Нюточка. Кушай сама. Мнѣ что-то не очень хочется, — говоритъ Чижевичъ, не обращаясь, сдавленнымъ голосомъ, и громко глотаетъ слюну.

— А ты иди, когда говорятъ. Тоже, скажите, задается. Ну, иди!..

— Сейчасъ, сію минуту, Нюничка. Вотъ только послѣдній листокъ донисать. По удостовѣренію, выданному изъ Бильдинскаго волостного правленія... губерніи... за номеромъ 2039... Готово. — Поручикъ встаетъ и потираетъ руки. — Люблю я поработать.

— Хм! Тоже работа! — презрительно фыркает хозяйка. — Садись.

— Нюничка, и если бы... одну... маленькую.

— Обойдется и безъ.

Но такъ какъ миръ почти уже водворенъ, то Анна Фридриховна достаетъ изъ шкапа маленькій пузатый гра-
ненный графинчикъ, изъ котораго пилъ еще отецъ по-
койнаго. Адька размазываетъ капусту по тарелкѣ и драз-
нитъ брата тѣмъ, что у него больше. Эдька обижается
и реветъ:

— Адькѣ больсе полози-ила. Да-а!

Хлопъ! — звонкій ударъ ложкой поражаетъ Эдьку въ
лобъ. И тотчасъ же, какъ ни въ чемъ не бывало, Анна
Фридриховна продолжаетъ разговоръ:

— Рассказывай! Тоже мастеръ врать. Навѣрно, ва-
лялся у какой-нибудь.

— Нюничка! — восклицаетъ поручикъ укоризненно и,
оставивъ ѣсть, прижимаетъ руки — въ одной изъ нихъ
вилка съ кускомъ колбасы — къ груди. — Чтобы я? О,
какъ ты меня мало знаешь. Я скорѣе дамъ голову на
отсѣченіе, чѣмъ позволю себѣ подобное. Когда я тотъ
разъ отъ тебя ушелъ, то такъ мнѣ горько было, такъ
обидно! Иду я по улицѣ и, можешь себѣ представить,
заливаюсь слезами. Господи, думаю, и я позволилъ себѣ
нанести ей оскорбленіе. Кому-у! Ей! Единственной жен-
щинѣ, которую я люблю такъ свято, такъ безумно...

— Хорошо поешь, — вставляетъ польщенная, хотя все
еще немного недовѣрчивая хозяйка.

— Да! ты не вѣришь мнѣ! — возражаетъ поручикъ
съ тихимъ, но глубокимъ трагизмомъ. — Ну что жъ, я
заслужилъ это. А я каждую ночь приходилъ подъ твои
окна и въ душѣ творилъ молитву за тебя. — Поручикъ
быстро опрокидываетъ рюмку, закусываетъ и продолжаетъ
съ набитымъ ртомъ и со слезящимися глазами: — И я

все думалъ, что если бы случился вдругъ пожаръ, или напали разбойники. Я бы тогда доказалъ тебѣ. Я бы съ радостью отдалъ за тебя жизнь... Увы, она и такъ недолга, — вздыхаетъ онъ. — Дни мои сочтены...

Въ это время хозяйка роется въ кошелекъ.

— Скажите, пожалуйста! — возражаетъ она съ кокетливой насмѣшкой. — Адька, вотъ тебѣ деньги, сбѣгай къ Василь Василичу за бутылкой пива. Только скажи, чтобы свѣжаго. Живо!

Завтракъ уже оконченъ, бигосъ съѣденъ и пиво выпито, когда появляется развращенный гимназистъ приготовительнаго класса Ромка, весь въ мѣлу и въ чернилахъ. Еще въ дверяхъ онъ оттопыриваетъ губы и дѣлаетъ сердитые глаза. Потомъ швыряетъ ранецъ на полъ и начинаетъ завывать:

— Да-а... безъ меня все поѣли. Я голодный, какъ со-ба-а-ака...

— А у меня еще есть, а я тебѣ не дамъ, — дразнить его Адька, показывая издали тарелку.

— Да-а-а... Это сви-инство, — тянетъ Ромка. — Мама, вели А-адькѣ...

— Молчать! — вскрикиваетъ пронзительно Анна Фридриховна. — Ты бы еще до ночи шлялся. Вотъ тебѣ пяточокъ. Купи колбасы, и довольно съ тебя.

— Да-а, пяточокъ! Сами съ Валерьяномъ Иванычемъ бигосъ ѣдятъ, а меня учиться заставляютъ. Я какъ со-ба-а-а...

— Вонъ! — кричитъ Анна Фридриховна страшнымъ голосомъ, и Ромка поспѣшно исчезаетъ. Однако онъ успѣваетъ схватить съ полу ранецъ: въ головѣ у него мгновенно родилась мысль — пойти продать свои учебники на толкучкѣ. Въ дверяхъ онъ сталкивается со старшей сестрой Алечкой и, пользуясь случаемъ, щиплетъ ее больно за руку. Алечка входитъ, громко жалуясь:

— Мама, вели Ромкѣ, чтобы онъ не щипался.

Она хорошенькая тринадцатилѣтняя дѣвочка, начинающая рано формироваться. Она желто-смуглая брюнетка, съ прелестными, но не дѣтскими темными глазами. Губы у нея красныя, полныя и блестящія, и надъ верхней губкой, слегка зачерненной легкимъ пушкомъ, двѣ милыя родинки. Она общая любимица въ номерахъ. Мужчины дарятъ ей конфеты, часто зазываютъ къ себѣ, цѣлуютъ и говорятъ безстыдныя вещи. Она все знаетъ, что можетъ знать взрослая дѣвушка, но никогда въ этихъ случаяхъ не краснѣетъ, а только опускаетъ внизъ свои черныя, длинныя рѣсницы, бросающія синія тѣни на янтарныя щеки, и улыбается странной, скромной, нѣжной и въ то же время сладострастной — какой-то ожидающей улыбкой. Ея лучшая пріятельница — дѣвица Женя, квартирующая въ номерѣ двѣнадцатомъ, тихая, аккуратная въ платѣ за квартиру, полная блондинка, которую содержитъ какой-то купецъ-дровяникъ, но которая въ свободные дни водить къ себѣ кавалеровъ съ улицы. Эту особу Анна Фридриховна весьма уважаетъ и говоритъ про нее: «Ну что жъ, что Женечка дѣвка, зато она женщина самостоятельная».

Увидѣвъ, что завтракъ съѣденъ, Алечка вдругъ дѣлаетъ одну изъ своихъ принужденныхъ улыбокъ и говоритъ тонкимъ голоскомъ, громко и нѣсколько театралью:

— Ахъ, вы уже позавтракали. Я опоздала. Мама, можно мнѣ пойти къ Евгеніи Николаевнѣ?

— Ахъ, иди, куда хочешь!

— Мерси.

Она уходитъ. Послѣ завтрака водворяется полный миръ. Поручикъ шепчетъ на ухо вдовѣ самыя пылкія слова и жметъ ей подъ столомъ круглое колѣно, а она, раскраснѣвшись отъ ѣды и отъ пива, то прижимается къ

нему плечомъ, то отталкиваетъ его и стонетъ съ нервнымъ смѣшкомъ:

— Да Валерьянъ! Да безстыдникъ! Дѣти!

Адъка и Эдъка смотрятъ на нихъ, засунувъ пальцы въ ротъ и широко разинувъ глаза. Мать вдругъ набрасывается на нихъ:

— Идите гулять, лаборданцы. Й-я васъ. Разсѣлись, точно въ музеѣ. Маршъ, живо!

— Когда я не хочу гулять, — гудитъ Адъка.

— Я не хоц-у-у.

— Я вотъ вамъ дамъ—не хочу. Двѣ копейки на леденцы—и маршъ!

Она запираетъ за ними дверь, садится къ поручику на колѣни, и они начинаютъ цѣловаться.

— Ты сердишься, мое золотце? — шепчетъ ей на ухо поручикъ.

Но въ дверь стучать. Приходится отпирать. Входитъ новая горничная, высокая, мрачная, одноглазая женщина, и говоритъ хрипло, съ свирѣпымъ выраженіемъ лица:

— Тамъ двѣнадцатый номеръ самоваръ требуетъ, и чай, и сахаръ.

Анна Фридриховна нетерпѣливо выдаетъ все, что нужно. Поручикъ, раскинувшійся на диванѣ, говоритъ томно:

— Я бы отдохнулъ немного, Нюничка. Нѣтъ ли свободнаго номера? Здѣсь все люди толкутся.

Свободный номеръ оказывается только одинъ—пятый, и они отправляются туда. Номеръ въ одно окно, темный, узкій и длинный, какъ кегельбанъ. Кровать, комодъ, облупленный коричневый умывальникъ и ночной столикъ составляютъ всю его меблировку. Хозяйка и поручикъ опять начинаютъ цѣловаться, при чемъ стонутъ, какъ голуби весною на крышѣ.

— Нюничка, если ты меня любишь, мое сокровище, по-

шли за папиросами «Плезиръ», шесть копеекъ десятокъ, — вкрадчиво говоритъ поручикъ, раздѣваясь.

— Потомъ...

Весенній вечеръ быстро темнѣетъ, и вотъ на дворѣ уже ночь. Въ окно слышны свистки пароходовъ на Днѣпрѣ, и скользитъ далекій запахъ травы, пыли, сирени, нагрѣтаго камня. Вода звонкими каплями мѣрно падаетъ внутри умывальника. Но въ дверь опять стучатся.

— Кто тамъ? Какого чорта все шляется! — кричитъ разбуженная Анна Фридриховна. Она босикомъ вскакиваетъ съ кровати и гнѣвно распахиваетъ дверь. — Ну, что еще нужно?

Поручикъ Чижевичъ стыдливо натягиваетъ на голову одѣяло.

— Студентъ спрашиваетъ номеръ, — суфлерскимъ шопотомъ говоритъ за дверью Арсеній.

— Какой студентъ? Скажи ему, что остался только одинъ номеръ и то въ два рубля. Онъ одинъ или съ женщиной?

— Одинъ.

— Такъ и скажи. И паспортъ и деньги впередъ. Знаю я этихъ студентовъ.

Поручикъ поспѣшно одѣвается. Благодаря привычкѣ, онъ дѣлаетъ свой туалетъ въ десять секундъ. Анна Фридриховна въ это время ловко и быстро оправляетъ постель. Возвращается Арсеній.

— Заплатилъ впередъ, — говоритъ онъ мрачно. — И паспортъ вотъ.

Хозяйка выходитъ въ коридоръ. Волосы у нея разбились и прилипли ко лбу, на пунцовыхъ щекахъ оттиснулись складки подушки, глаза необычайно блестятъ. За ея спиной поручикъ безшумной тѣнью пробирается въ хозяйскій номеръ.

У окна на лѣстницѣ дожидается студентъ. Онъ свѣтло-

волосый, худощавый, уже немолодой человекъ съ длиннымъ, блѣднымъ, болѣзненно-нѣжнымъ лицомъ. Голубоватые глаза смотрятъ точно сквозь туманъ, добродушны, близоруки и чуть-чуть косятъ. Онъ вѣжливо кланяется хозяйкѣ, отчего та смущенно улыбается и защелкиваетъ верхнюю кнопку на блузкѣ.

— Мнѣ бы номеръ, — говоритъ онъ мягко, точно робѣя. — Мнѣ надо ѣхать. И еще бы я попросилъ свѣчку, перо и чернила.

Ему показываютъ кегельбанъ. Онъ говоритъ:

— Прекрасно, лучше нельзя требовать. Здѣсь чудесно. Только вотъ, пожалуйста, перо и чернила.

Отъ чаю и отъ бѣлья онъ отказывается. Ему все равно.

III.

Въ хозяйскомъ номерѣ горитъ лампа. На открытомъ окнѣ сидитъ, поджавши ноги, Алечка и смотритъ, какъ колышется внизу темная, тяжелая масса воды, освѣщенной электричествомъ, какъ тихо покачивается жидкая, мертвенная зелень тополей вдоль набережной. На щекахъ у нея горятъ два круглыхъ, яркихъ, красныхъ пятна, а глаза влажно и устало мерцаютъ. Издалека, съ той стороны рѣки, гдѣ сіяетъ огнями кафешантанъ, красиво плывутъ въ холодѣющемъ воздухѣ рѣзвые звуки вальса.

Пьютъ чай съ покупнымъ малиновымъ вареньемъ. Адька и Эдька накрошили себѣ въ чашки чернаго хлѣба, сдѣлали тюрю, измазали ею щеки, лбы и носы и дѣлаютъ другъ другу рожи, пуская пузыри въ блюдечко. Ромка, вернувшійся съ синякомъ подъ глазомъ, торопливо, со свистомъ тянетъ чай изъ блюдечка. Поручикъ Чижевичъ, разстегнувъ жилетъ и выпустивъ наружу бумажную грудь манишки, благодушествуетъ среди этой домашней идилліи, полулежа на диванѣ.

— Всѣ номера, слава Богу, заняты, — вздыхаетъ мечтательно Анна Фридриховна.

— А что? Все моя легкая рука! — говоритъ поручикъ. — Какъ я пришелъ, такъ и дѣло пошло.

— Ну да, рассказывай.

— Нѣтъ, ей-Богу, у меня рука необыкновенно легкая. У насъ въ полку, когда, бывало, капитанъ Горжевскій мечетъ банкъ, то всегда сажаетъ меня около себя. Эхъ, какъ у насъ въ полку здорово рѣзались въ карты! Этотъ самый Горжевскій, еще подпоручикомъ, выигралъ во время турецкой войны двѣнадцать тысячъ. Пришелъ нашъ полкъ въ Букарештъ. Ну, конечно, денегъ у господъ офицерства гибель, дѣвать было некуда, женщинъ нѣтъ. Начали картежъ. И вдругъ Горжевскій налетаетъ на шулера. Прямо по мордѣ видать, что шулеръ, но такъ ловко передергиваетъ, что невозможно услѣдить...

— Подожди, я сейчасъ приду, — перебиваетъ его хозяйка: — мнѣ только надо выдать полотенце.

Она уходитъ. Поручикъ подкрадывается къ Алечкѣ и близко наклоняется къ ней. Ея прекрасный профиль, темный на фонѣ ночи, тонко, серебристо и нѣжно очерченъ сіяніемъ электрическихъ фонарей.

— О чемъ, Алечка, задумалась? Или, можетъ-быть, о комъ? — спрашиваетъ онъ сладко, съ дрожью въ голосѣ.

Она отворачивается отъ него. Но онъ быстро приподнимаетъ ея толстую косу, цѣлуетъ ее подъ волосы въ теплую тонкую шейку и жадно нюхаетъ запахъ ея кожи.

— Я мамѣ скажу, — шепчетъ Алечка, не отодвигаясь.

Дверь отворяется, — это возвратилась Анна Фридриховна. Поручикъ тотчасъ же начинаетъ говорить неестественно-громко и развязно.

— Дѣйствительно, славно въ такую чудную, весеннюю ночь прокатиться на лодкѣ съ любимымъ существомъ или

близкимъ другомъ. Да, Нюничка, такъ вотъ я продол-
жаю. Такимъ образомъ Горжевскій пропускаетъ цѣлыхъ
шесть тысячъ, чортъ побери! Наконецъ его кто-то на-
доумилъ, онъ и говоритъ: «Баста! Я такъ не буду играть.
А вотъ не угодно ли, прибьемъ колоду гвоздемъ къ
столу и будемъ отрывать по картѣ?» Тотъ-было на по-
пятный. Но Горжевскій вынулъ револьверъ: «Или играй,
собака, или пулю въ лобъ!» Ничего не подѣлаешь, шу-
леръ сѣлъ и, главное, такъ растерялся, что позабылъ,
что сзади него зеркало, а Горжевскій сидитъ напротивъ,
и ему въ зеркало всѣ карты партнера видны. И Горжевскій
не только свой отыгралъ, но еще выигралъ чистыхъ один-
надцать тысячъ. Онъ даже велѣлъ этотъ гвоздь опра-
вить въ золото и теперь носитъ при часахъ, въ видѣ
брелока. Очень оригинально.

IV.

Въ это время въ пятомъ номерѣ сидитъ на кровати
студентъ. Передъ нимъ на ночномъ столикѣ свѣча и листъ
почтовой бумаги. Студентъ быстро пишетъ, на минуту
останавливается, шепчетъ что-то про-себя, покачиваетъ
головой, напряженно улыбается и опять пишетъ. Вотъ
онъ глубоко обмакнулъ перо въ чернила, потомъ зачерп-
нулъ имъ, какъ ложечкой, жидкаго стеарина около фи-
тиля и суетъ эту смѣсь въ огонь. Она трещитъ и брыз-
жетъ во всѣ стороны бойкими синими огоньками. Этотъ
фейерверкъ напоминаетъ студенту что-то смѣшное, полу-
забытое изъ далекаго дѣтства. Онъ глядитъ на пламя
свѣчки, кося глаза и разсѣяннo и печально улыбаясь.
Потомъ вдругъ, точно очнувшись, встряхиваетъ головой,
вздыхаетъ и, быстро обтерши перо о рукавъ синей ру-
башки, продолжаетъ писать:

«Ты скажи имъ все, что скажетъ тебѣ мое письмо и

чему, я знаю, ты повѣришь. Меня они все равно не поймутъ, а у тебя есть слова, простыя и понятныя для нихъ. Странно одно: вотъ я пишу тебѣ и знаю, что черезъ десять-пятнадцать минутъ я застрѣлюсь, и эта мысль совсѣмъ не страшитъ меня. Но когда сѣдой огромный жандармскій полковникъ весь побагровѣлъ и съ руганью затопалъ на меня ногами, я растерялся. Когда онъ закричалъ, что мое упорство напрасно и только губить меня и моихъ товарищей, и что Бѣлоусовъ, и Книгге, и Соловейчикъ сознались, то я подтвердилъ. Я, не боящійся смерти, испугался окрика этого тупого, ограниченнаго человѣка, заостенѣвшаго въ своемъ профессиональномъ апломбѣ. И что всего подлѣе: вѣдь онъ на другихъ не смѣлъ кричать, а былъ любезенъ, предупредителенъ и слащавъ, какъ провинціальный зубной врачъ— былъ даже либераленъ. Во мнѣ же онъ сразу понялъ уступчивую и дряблую волю. Это чувствуется между людьми безъ слова, съ одного взгляда.

«Да, я сознаю, что все это вышло дико, и презрѣнно, и смѣшно, и отвратительно. Но иначе не могло быть, и если бы повторилось, то вышло бы попрежнему. Отчаянной храбрости боевые генералы очень часто боятся мышей. Они иногда даже бравируютъ этой маленькой слабостью. А я съ печалью говорю, что больше смерти боюсь этихъ деревянныхъ людей, жестко застывшихъ въ своемъ міросозерцаніи, глупо-самоувѣренныхъ, не знающихъ колебаній. Если бы ты зналъ, какъ робѣю я и стѣсняюсь передъ монументальными городскими, передъ откормленными, мордатými петербургскими швейцарами, передъ барышнями въ редакціяхъ журналовъ, передъ секретарями въ судахъ, передъ лающими начальниками станцій! Когда мнѣ однажды пришлось свидѣтельствовать въ участкѣ подпись, то одинъ видъ толстаго пристава съ рыжими подусниками въ ладонь, съ выпяченной грудью и съ ры-

бьими глазами, который все время меня перебивалъ, не дослушивалъ, на минуты забывалъ о моемъ присутствіи, или вдругъ притворялся непонимающимъ самой простой русской рѣчи,—одинъ его видъ привелъ меня въ такой гадкій трепеть, что я самъ слышалъ въ своемъ голосѣ заискивающія, рабскія интонаціи.

«Кто виновать въ этомъ? Я тебѣ скажу: моя мать. Это она была первой причиной того, что вся моя душа загажена, развращена подлой трусостью. Она рано овдовѣла, и мои первыя дѣтскія впечатлѣнія неразрывны со скитаньемъ по чужимъ домамъ, кланчаньемъ, подобострастными улыбками, мелкими, но нестерпимыми обидами, угодливостью, попрошайничествомъ, слезливыми, жалкими гримасами, съ этими подлыми уменьшительными словами: кусочекъ, капелька, чашечка чайку... Меня заставляли цѣловать ручки у благодѣтелей, — у мужчинъ и у женщинъ. Мать увѣряла, что я не люблю того-то и того-то лакомага блюда, лгала, что у меня золотуха, потому что знала, что отъ этого хозяйскимъ дѣтямъ останется больше, и что хозяевамъ это будетъ пріятно. Прислуга втихомолку издѣвалась надъ нами: дразнила меня горбатымъ, потому что я въ дѣтствѣ держался сутуловато, а мою мать называли при мнѣ приживалкой и салопницей. И сама мать, чтобы разсмѣшить благодѣтелей, приставляла себѣ къ носу свой старый, трепаный кожаный портсигаръ, перегнувъ его вдвое, и говорила: «А вотъ носъ моего сыночка Левушки». Они смѣялись, а я краснѣлъ и безконечно страдалъ въ эти минуты за нее и за себя и молчалъ, потому что мнѣ въ гостяхъ запрещалось говорить. Я ненавидѣлъ этихъ благодѣтелей, глядѣвшихъ на меня, какъ на неодушевленный предметъ, сонно, лѣниво и снисходительно совавшихъ мнѣ руку въ ротъ для поцѣлуя, и я ненавидѣлъ и боялся ихъ, какъ теперь ненавижу и боюсь всѣхъ опредѣленныхъ, самодоволь-

ныхъ, шаблонныхъ, трезвыхъ людей, знающихъ все напередъ:—кружковыхъ ораторовъ, старыхъ, волосатыхъ румяныхъ профессоровъ, кокетничающихъ невиннымъ либерализмомъ, внушительныхъ и елейныхъ соборныхъ протопоповъ, жандармскихъ полковниковъ, радикальныхъ женщинъ-врачей, твердящихъ впопыхахъ куски изъ прокламацій, но съ душой холодной, жестокой и плоской, какъ мраморная доска. Когда я говорю съ ними, я чувствую, что на моемъ лицѣ лежитъ противной маской чужая, поддакивающая, услужливая улыбка, и презираю себя за свой заискивающій тонкій голосъ, въ которомъ ловлю отзвукъ прежнихъ материнскихъ нотокъ. Души этихъ людей мертвы, мысли окоченѣли въ прямыхъ, твердыхъ линияхъ, и сами они безпощадны, какъ только можетъ быть безпощаденъ увѣренный и глупый человекъ.

«Отъ семи до десяти лѣтъ я пробылъ въ закрытомъ благотворительномъ казенномъ пансіонѣ съ фребелевской системой воспитанія. Тамъ классныя дамы, озлобленныя дѣвы, всѣ страдавшія флюсомъ, насаждали въ насъ почтеніе къ благодѣтельному начальству, взаимное подглядываніе и наущничество, зависть къ любимчикамъ и—главное—самое главное—тишайшее поведеніе; мы же, мальчишки, сами собою, культивировали воровство и онанизмъ. Потомъ изъ милости меня приняли въ казенный пансіонъ при гимназіи. Тамъ было все, что бываетъ въ казенныхъ пансіонахъ. Обыски и шпіонство со стороны надзирателей, безсмысленный зубрежъ, куренье въ третьемъ классѣ, водка въ четвертомъ, въ пятомъ — первая публичная женщина и первая нехорошая болѣзнь.

«Дальше вдругъ повѣяло новыми, молодыми словами, буйными мечтами, свободными, пламенными мыслями. Мой умъ съ жадностью развернулся имъ навстрѣчу, но моя душа была уже навѣки опустошена, мертва и опозорена. Низкая неврастичная боязливость впила въ нее, какъ

клещъ въ собачье ухо: оторвешь его, останется головка, и онъ опять вырастетъ въ цѣлое гнусное насѣкомое.

«Не я одинъ погибъ отъ этой моральной заразы. Я, можетъ-быть, былъ слабѣйшимъ изъ всѣхъ. Но вѣдь все прошлое поколѣніе выросло въ духѣ набожной тишины, насильственнаго почтенія къ старшимъ, безличности и безгласности. Будь же проклято это подлое время, время молчанія и нищенства, это благоденственное и мирное житіе подъ безмолвной сѣнію благочестивой реакціи! Потому что тихое оподленіе души человѣческой ужаснѣе всѣхъ баррикадъ и разстрѣловъ въ мірѣ.

«Странно: когда я одинъ-на-одинъ съ моей собственной волей, я не только не трусь, но я даже мало знаю людей, которые такъ легко способны рисковать жизнью. Я ходилъ по карнизамъ отъ окна къ окну на пятиэтажной высотѣ и глядѣлъ внизъ, я заплывалъ такъ далеко въ море, что руки и ноги отказывались служить мнѣ, и я, чтобы избѣгнуть судороги, ложился на спину и отдыхалъ. И многое, многое другое. Наконецъ черезъ десять минутъ я убью себя, а это тоже вѣдь чего-нибудь да стоить. Но людей я боюсь. Людей я боюсь! Когда я слышу, какъ пьяные ругаются и дерутся на улицѣ, я блѣднѣю отъ ужаса въ своей комнатѣ. А когда я ночью, лежа въ постели, представляю себѣ пустую площадь и несущійся по ней съ грохотомъ взводъ казаковъ, я чувствую, какъ сердце у меня перестаетъ биться, какъ холодѣетъ все мое тѣло, и мои пальцы судорожно корчатся. Я на всю жизнь испуганъ чѣмъ-то, что есть въ большинствѣ людей и чего я не умѣю объяснить. Таково было и все молодое поколѣніе предыдущаго, переходнаго времени. Мы въ умѣ презирали рабство, но сами росли трусливыми рабами. Наша ненависть была глубока, страстна, но безплодна, и была похожа на безумную влюбленность кастрата.

«Но ты все поймешь и все объяснишь товарищамъ, котормъ я передъ смертью говорю, что люблю ихъ и уважаю, несмотря ни на что. Можетъ-быть, они повѣрятъ тебѣ, что я умеръ вовсе не потому, что невольно и низко предалъ ихъ. Я знаю, что нѣтъ въ мѣрѣ ничего страшнѣе этого страшнаго слова «предатель», которое, идя отъ устъ къ ушамъ, отъ устъ къ ушамъ, заживо умерщвляетъ человѣка. О, я сумѣлъ бы загладить мою ошибку, не будь я рожденъ и воспитанъ рабомъ человѣческой наглости, трусости и глупости. Но именно оттого, что я таковъ, я и умираю. Въ теперешнее страшное, бредовое время позорно и тяжело и прямо невозможно жить такимъ, какъ я.

«Да, мой дорогой, я въ послѣдніе годы очень много слышалъ, видѣлъ и читалъ. Я говорю тебѣ: надъ нашей родиной прошло ужасное вулканическое изверженіе. Вырвалось пламя долго сдержаннаго гнѣва и потопило все: боязнь завтрашняго дня, почтеніе къ предкамъ, любовь къ жизни, мирныя радости семейнаго благополучія. Я знаю о мальчикахъ, почти дѣтяхъ, которые отказывались надѣвать повязку на глаза передъ разстрѣломъ. Я самъ видѣлъ людей, перенесшихъ пытки и не сказавшихъ ни слова. И все это родилось внезапно, появилось въ какомъ-то бурномъ дыханіи. Изъ лицъ индюшекъ вдругъ выклевывались орлята. Какъ недологъ, но какъ чудесенъ и героиченъ былъ ихъ полетъ къ пылающему солнцу свободы! Я видѣлъ, какъ въ дѣтяхъ, въ гимназистахъ, въ школьникахъ просыпалось и загоралось священное уваженіе къ своему радостному, гордому, свободному «я», именно къ тому, что изъ насъ вытравила духовная нищета и трепетная родительская мораль. Ну—и къ чорту насъ!

«Сейчасъ безъ восьми девять. Ровно въ девять—со мной будетъ кончено. Собака лаетъ на дворѣ—разъ, два, потомъ помолчить и—разъ, два, три. Можетъ-быть, когда

угаснетъ мое сознаніе и вмѣстѣ съ нимъ навѣки исчезнетъ для меня все: города, площади, пароходные свистки, утра и вечера, номера гостиницъ, тиканье часовъ, люди, звѣри, воздухъ, свѣтъ и тьма, время и пространство, и не будетъ ничего, даже не будетъ мысли объ этомъ «ничего»—можетъ-быть, эта собака долго будетъ лаять нынѣшнимъ вечеромъ—сначала два раза, потомъ три.

«Девять безъ пяти минутъ. Смѣшная идея меня занимаетъ. Я думаю: мысль человѣка — это какъ бы токъ отъ таинственнаго, еще невѣдомаго центра, это какая-то широкая напряженная вибрація невѣсомой матеріи, разлитой въ міровомъ пространствѣ и проникающей одинаково легко между атомами камня, желѣза и воздуха. Вотъ мысль вышла изъ моего мозга, и вся міровая сфера задрожала, заколебалась вокругъ меня, какъ вода отъ брошеннаго камня, какъ звукъ вокругъ звенящей струны. И мнѣ думается, что вотъ человѣкъ уходитъ, сознаніе его уже потухло, но мысль его еще остается, еще дрожитъ въ прежнемъ мѣстѣ. Можетъ-быть, мысли и сны всѣхъ людей, бывшихъ до меня въ этой длинной, мрачной комнатѣ, еще рѣютъ вокругъ меня и тайно направляютъ мою волю? И, можетъ-быть, завтра случайный посѣтитель этого номера задумается внезапно о жизни, о смерти, о самоубійствѣ, потому что я оставлю здѣсь послѣ себя мою мысль? И, почему знать, можетъ-быть, не завися ни отъ вѣса, ни отъ времени, ни отъ преградъ матеріи, мои мысли въ одинъ и тотъ же моментъ ловятся таинственными, чуткими, но бессознательными приѣмниками въ мозгу обитателя Марса, такъ же, какъ и въ мозгу собаки, лающей на дворѣ? Ахъ, я думаю, что ничто въ мірѣ не пропадаетъ — ничто! — не только сказанное, но и подуманное. Всѣ наши дѣла, слова и мысли—это ручейки, тонкіе подземные ключи. Мнѣ кажется, я вижу, какъ они встрѣчаются, сливаются въ

родники, просачиваются наверхъ, стекаются въ рѣчки—и вотъ уже мчатся бѣшено и широко въ неодолимой Рѣкѣ Жизни. Рѣка Жизни—какъ это громадно! Все она смоесть рано или поздно, снесетъ всѣ твердыни, оковавшія свободу духа. И гдѣ была раньше отмель пошлости—тамъ сдѣлается величайшая глубина героизма. Вотъ сейчасъ она увлечетъ меня въ непонятную, холодную даль, а можетъ-быть, не далѣе, какъ черезъ годъ, она хлынетъ на весь этотъ огромный городъ и потопитъ его, и унесетъ съ собою не только его развалины, но и самое его имя!

«А можетъ-быть, все это смѣшно, чтò я пишу. Осталось двѣ минуты. Горитъ свѣчка, часы торопливо постукиваютъ передо мною. Собака все еще лаетъ. А чтò, если ничего не останется ни отъ меня ни во мнѣ, но останется только одно, самое послѣднее ощущеніе—можетъ-быть, боль, можетъ-быть, звукъ выстрѣла, можетъ-быть, голый, дикій ужасъ, но останется навсегда, на тысячи милліоновъ вѣковъ, возведенныхъ въ милліардную степень?»

«Стрѣлка дошла. Сейчасъ мы все это увидимъ. Нѣтъ, подожди: какая-то смѣшная стыдливость заставила меня встать и запереть дверь на ключъ. Прощай. Еще два слова: а вѣдь темная душа собаки должна быть гораздо болѣе воспріимчива къ вибраціямъ мысли, чѣмъ человѣческая... Не оттого ли они и воютъ, почувавъ покойника. А? Вотъ и эта собака, чтò лаетъ внизу. Теперь она уже чувствуетъ тревогу. Но черезъ минуту отъ центральной батареи моего мозга побѣгутъ страшными скачками новые чудовищные токи и коснутся бѣднаго мозга собаки. И она завоетъ въ нестерпимомъ, слѣпомъ ужасѣ... Прощай. Иду».

Студентъ запечаталъ письмо, аккуратно заткнулъ для чего-то пробкой чернильницу, всталъ съ кровати и досталъ изъ кармана тужурки браунингъ. Перевелъ пред-

охранитель съ «sur» на «feu». Разставивъ ноги для устойчивости, зажмурился. И вдругъ, быстро поднеся обѣими руками револьверъ къ правому виску, онъ пажаль гашетку.

— Что это? — тревожно спрашиваетъ Анна Фридриховна.

— А это твой студентъ застрѣлился, — небрежно шутить поручикъ. — Такія все сволочи—эти студенты...

Но Анна Фридриховна вскакиваетъ и бѣжитъ въ коридоръ, поручикъ лѣниво слѣдуетъ за ней. Изъ номера пятого кисло пахнетъ газами бездымнаго пороха. Смотрятъ въ замочную щелку.—студентъ лежитъ на полу.

Черезъ пять минутъ у подъѣзда гостиницы уже стоитъ черная, густая, жадная толпа, и Арсеній съ озлобленіемъ гонитъ постороннихъ съ лѣстницы. Въ гостиницѣ суета. Слесарь взламываетъ дверь запертаго номера, дворникъ бѣжитъ за полиціей, горничная—за докторомъ. Черезъ нѣкоторое время появляется околоточный надзиратель, высокій, тонкій молодой человѣкъ съ бѣлыми волосами, бѣлыми рѣсницами и бѣлыми усами. Онъ въ мундирѣ и въ широчайшихъ шароварахъ, спускающихся до половины лакированныхъ сапогъ. Онъ тотчасъ же напираетъ грудью на публику и, выкативши свѣтлые глаза, гремитъ начальственно:

— Ос-сади назадъ! Р-р-разойдись! Я не понимаю, господа, что т-туть вы нашли любопытнаго? Ровно ничего. Господинъ... убѣдительно прошу... А еще, кажется, интеллигентный человѣкъ, въ котелкѣ... Что-съ? А вотъ я тебѣ покажу полицейскій произволь-съ. Михальчукъ замѣть этого. Эй, мальчишка, куда лѣзешь. Я-ть!..

Дверь взломана. Въ номеръ входятъ: надзиратель, Анна Фридриховна, поручикъ, четверо дѣтей, понятые, городской, два дворника—впослѣдствіи докторъ. Студентъ

лежитъ на полу, уткнувшись лицомъ въ сѣрый коврикъ передъ кроватью, лѣвая рука у него подогнута подъ грудь, правая откинута, револьверъ валяется въ сторонѣ. Подъ головой лужа темной крови, въ правомъ вискѣ круглая, маленькая дырочка. Свѣча еще горитъ, и часы на ночномъ столикѣ поспѣшно тикаютъ.

Составляется короткій протоколъ въ казенныхъ словахъ, и къ нему прилагается оставленное самоубійцей письмо... Двое дворниковъ и городской несутъ трупъ внизъ по лѣстницѣ. Арсеній свѣтитъ, высоко поднявъ лампу надъ головой. Анна Фридриховна, надзиратель и поручикъ смотрятъ сверху изъ окна въ коридорѣ. Несущіе на поворотѣ разладились въ движеніяхъ, застряли между стѣной и перилами, и тотъ, который поддерживалъ сзади голову, опускаетъ руки. Голова рѣзко стучается объ одну ступеньку, о другую, о третью.

— Такъ его! Такъ его!—озлобленно кричитъ изъ окна хозяйка.—Такъ ему и надо, подлецу! Я еще на чай дамъ!

— Какія вы кровожадныя, мадамъ Зигмайеръ,—игриво замѣчаетъ надзиратель и, закрутивъ усъ, скашиваетъ глаза на его кончикъ.

— А еще бы! Теперь въ газету изъ-за него попадешь. Я женщина бѣдная, трудящая, а теперь изъ-за него люди буду мою гостиницу обѣгать.

— Это конечно,—любезно соглашается надзиратель.— И удивляюсь я на этихъ господъ студентовъ. Учиться не хочуть, красные флаги какіе-то выбрасываютъ, стрѣляются. Не хочуть понять, каково это ихнимъ родителямъ. Ну, еще бѣдные—чортъ съ ними, прельщаются на жидовскія деньги. Но вѣдь и порядочные туда же, сыновья дворянъ, священниковъ, купцовъ... Нар-родъ! Однако, мадамъ, пожелавъ вамъ всего хорошаго...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ни за что!—схватывается

хозяйка.—У насъ сейчасъ ужинъ... селедочка. А такъ я васъ ни за что не пущу.

— Собственно говоря... — мнется околоточный. — А впрочемъ, пожалуй. Я, признаться, и такъ хотѣлъ зайти напротивъ къ Нагурному перехватить чего-нибудь. Наша служба,—говоритъ онъ, вѣжливо пропуская даму въ дверь:—наша служба тяжелая. Иногда и цѣлый день во рту куска не бываетъ.

За ужиномъ всѣ трое пьютъ много водки. Анна Фридриховна, вся раскрасившаяся, съ сіяющими глазами и губами, какъ кровь, сняла подъ столомъ одну туфлю и горячей ногой въ чулкѣ жметъ ногу околоточному. Поручикъ хмурится, ревнуетъ и все пытается рассказать о томъ, какъ «у насъ въ полку». Околоточный же не слушаетъ его, перебиваетъ и рассказываетъ о потрясающихъ случаяхъ «у насъ въ полиціи». Каждый изъ нихъ старается быть какъ можно небрежнѣе и невнимательнѣе къ другому, и оба они похожи на двухъ только-что встрѣтившихся во дворѣ кобелей.

— Вотъ вы все—«у насъ въ полку»,—говоритъ, глядя не на поручика, а на хозяйку, надзиратель.—А позвольте полюбопытствовать, почему вы вышли изъ военной службы?

— Позвольте-съ, — возражаетъ обидчиво поручикъ.— Однако я васъ не спрашиваю, какъ вы дошли до полиціи? Какъ дошли вы до жизни такой?

Но тутъ Анна Фридриховна вытаскиваетъ изъ угла музыкальный ящикъ «Монопанъ» и заставляетъ Чижевича вертѣть ручку. Послѣ небольшихъ упрашиваній околоточный танцуетъ съ нею польку—она скачетъ, какъ дѣвочка, а на лбу у нея прыгаютъ крутыя кудряшки. Затѣмъ вертитъ ручку околоточный, а танцуетъ поручикъ, прикрутивъ руку хозяйки къ своему лѣвому боку и высоко задравъ голову. Танцуетъ и Алечка съ опущенными рѣсни-

цами и своей странной, нѣжно-развратной улыбкой на губахъ.

Околоточный уже окончательно прощается, когда появляется Ромка.

— Да-а... Я студента провожалъ, а вы безъ меня-а-а. Я, какъ соба-а-ака...

А то, что было прежде студентомъ, уже лежитъ въ холодномъ подвалѣ анатомическаго театра, на цинковомъ ящикѣ, на льду, — лежитъ, освѣщенное газовымъ рожкомъ, обнаженное, желтое, отвратительное. На правой голѣ ногѣ выше щиколки толстыми чернильными цифрами у него написано 14. Это его номеръ въ анатомическомъ театрѣ.

ПУТАНИЦА.

— Мнѣ кажется, никто такъ оригинально не встрѣчалъ Рождества, какъ одинъ изъ моихъ паціентовъ въ 1896-мъ году, — сказалъ Бутынкій, довольно извѣстный въ городѣ врачъ-психіатръ. — Впрочемъ, я не буду ничего рассказывать объ этомъ трагикомическомъ происшествіи. Лучше будетъ, если вы сами прочтете, какъ его описываетъ главное дѣйствующее лицо.

Съ этими словами докторъ выдвинулъ средній ящикъ письменнаго стола, гдѣ въ величайшемъ порядкѣ лежали связки исписанной бумаги различнаго формата. Каждая связка была заномерована и обозначена какой-нибудь фамиліей.

— Все это — литература моихъ несчастныхъ больныхъ, — сказалъ Бутынкій, роясь въ ящикѣ. — Цѣлая коллекція составлена мною самымъ тщательнымъ образомъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Когда-нибудь въ другой разъ мы ее разберемъ вмѣстѣ. Тутъ очень много и забавнаго, и трогательнаго, и, пожалуй, даже поучительнаго... А теперь... вотъ, не угодно ли вамъ прочесть эту бумажку?

Я взялъ изъ рукъ доктора небольшую тетрадку, въ четвертую долю листа, исписанную крупнымъ, прямымъ, очень нажимистымъ, но неровнымъ почеркомъ. Вотъ что я прочелъ (оставляю рукопись цѣликомъ, съ любезнаго разрѣшенія доктора):

«Его Высокородію

«г-ну доктору Бутынскому,

«консультанту при психіатрическомъ отдѣленіи N—ской больницы.

«Содержащагося въ помянутомъ отдѣленіи дворянина Ивана Ефимовича Пчеловодова

ПРОШЕНІЕ.

«Милостивый государь!

«Находясь уже болѣе двухъ лѣтъ въ палатѣ умалишенныхъ, я неоднократно пробовалъ выяснить то прискорбное недоразумѣніе, которое привело меня, совершенно здороваго человѣка, сюда. Я обращался съ этой цѣлью и письменно и словесно къ главному врачу и ко всему медицинскому персоналу больницы и, въ томъ числѣ, если помните, и къ вашему любезному содѣйствію. Теперь я еще разъ беру на себя смѣлость просить вниманія вашего къ нижеслѣдующимъ строкамъ. Я дѣлаю это потому, что ваша симпатичная наружность, равно какъ и ваше человѣческое обращеніе съ больными заставляютъ предполагать въ васъ добраго человѣка, котораго еще не коснулось профессиональное доктринерство.

«Убѣдительно прошу васъ—дочитайте это письмо до конца. Пусть васъ не смущаетъ, если порой вы натолкнетесь на грамматическія погрѣшности или на невязку во фразахъ. Вѣдь трудно, согласитесь, проживая въ сумасшедшемъ домѣ два года и слыша только брань сторожей и безумныя рѣчи больныхъ, сохранить способность къ ясному изложенію мысли на письмѣ. Я окончилъ высшее учебное заведеніе, но, право, теперь сомнѣваюсь при употребленіи самыхъ дѣтскихъ правилъ синтаксиса.

«Прошу же я вашего особаго вниманія потому, что мнѣ хорошо извѣстно, что всѣ психически-больные склонны считать себя посаженными въ больницу по недоразумѣ-

нію или по проискамъ враговъ. Я знаю, какъ они любятъ доказывать это и докторамъ, и сторожамъ, и посѣтителямъ, и товарищамъ по несчастію. Поэтому мнѣ совершенно понятно недовѣріе, съ которымъ относятся врачи къ ихъ многочисленнымъ заявленіямъ и просьбамъ. Я же прошу у васъ только фактической провѣрки того, что я сейчасъ буду имѣть честь изложить.

«Это случилось 24-го декабря 1896 года. Я служилъ тогда старшимъ техникомъ на сталелитейномъ заводѣ «Наслѣдники Карла Вудта и К^о», но въ серединѣ декабря сильно поссорился съ директоромъ изъ-за безобразной системы штрафовъ, которой онъ опуталъ рабочихъ, вспылилъ въ объясненіи съ нимъ, накричалъ на него, наговорилъ пропасть жесткихъ и оскорбительныхъ вещей и, не дожидаясь, пока меня попросятъ объ удаленіи, самъ бросилъ службу.

«Дѣлать мнѣ больше на заводѣ было нечего, и вотъ, въ концѣ Рождества, я уѣхалъ оттуда, чтобы встрѣтить Новый годъ и провести рождественскіе праздники въ городѣ N., въ кругу близкихъ родственниковъ.

«Поездъ былъ переполненъ пассажирами. Въ томъ вагонѣ, гдѣ я помѣстился, на каждой скамейкѣ сидѣло по три человека. Моимъ сосѣдомъ слѣва оказался молодой человекъ, студентъ академіи художествъ. Напротивъ же меня сидѣлъ какой-то купчикъ, который выходилъ на всѣхъ большихъ станціяхъ пить коньякъ. Между прочимъ, купчикъ упомянулъ вскользь, что у него въ N., на Нижней улицѣ, есть своя мясная торговля. Онъ также называлъ свою фамилію; я теперь не могу ее припомнить съ точностью, но — что-то въ родѣ Сердюкъ... Среднякъ... Сердоликъ... однимъ словомъ, здѣсь была какая-то комбинація буквъ С. Р. Д. и К. Я такъ подробно останавливаюсь на его фамиліи потому, что, если бы вы отыскали этого купчика, онъ совершенно подтвер-

диль бы вамъ весь мой рассказъ. Онъ средняго роста, плотенъ, съ розовымъ, довольно миловиднымъ пухлымъ лицомъ, блондинъ, усы маленькіе, тщательно закрученные вверхъ, бороду бреетъ.

«Спать мы не могли и, чтобы убить время, болтали и немного пили. Но къ полуночи насъ совсѣмъ разморило, а впереди предстояла еще цѣлая бессонная ночь. Стоя въ коридорѣ, мы полушутя, полусерьезно стали придумывать различныя средства, какъ бы поудобнѣе устроиться, чтобы поспать хоть три или четыре часа. Вдругъ академикъ сказалъ:

«— Господа! Есть великолѣпное средство. Только не знаю, согласитесь ли вы. Пусть одинъ изъ насъ возьметъ на себя роль сумасшедшаго. Тогда другой долженъ остаться при немъ, а третій пойдетъ къ оберъ-кондуктору и заявить, что вотъ, молъ, мы везли нашего психически-разстроеннаго родственника, что онъ до сихъ поръ былъ спокоенъ, а теперь вдругъ началъ приходить въ нервное состояніе, и что, въ виду безопасности прочихъ пассажировъ, его не мѣшало бы заблаговременно изолировать.

«Мы согласились, что планъ академика простъ и вѣренъ. Но никто изъ насъ не высказывалъ первымъ желанія сыграть роль сумасшедшаго. Тогда купчикъ предложилъ, мигомъ разсѣявъ наши колебанія:

«— Бросимъ жребій, господа!

«Изо всѣхъ троихъ я былъ самый старшій, и мнѣ надлежало бы быть самымъ благоразумнымъ; но я все-таки принялъ участіе въ этой идіотской жеребьевкѣ и... конечно, вытащилъ узелокъ изъ зажатаго кулака мясоторговца.

«Комедія съ оберъ-кондукторомъ была продѣлана съ поразительной натуральностью. Намъ немедленно отвели купе.

«Иногда, во время больших остановокъ, мы слышали около нашей двери сердитые голоса, громко говорившіе:

«— Хорошо-съ... ну, а это купе?.. Потрудитесь его отворить!

«Вслѣдъ за этимъ приказаніемъ слышался голосъ кондуктора, отвѣчавшаго въ пониженномъ тонѣ и съ отгѣнкомъ боязни:

«— Извините, въ этомъ купе вамъ будетъ неудобно... здѣсь везутъ больного... сумасшедшаго... онъ не совсѣмъ спокоенъ....

«Разговоръ тотчасъ же обрывался, слышались удаляющіеся шаги. Планъ нашъ оказался вѣрнымъ, и мы заснули, насмѣявшись вдоволь. Спалъ я однако неспокойно, точно у меня во снѣ было предчувствіе бѣды. Душили меня какіе-то тяжкіе кошмары, и помню, что подъ утро я нѣсколько разъ просыпался отъ собственнаго громкаго крика.

«Я проснулся окончательно въ 10 часовъ утра. Моихъ компаньоновъ не было (они должны были сойти на одной станціи, куда поѣздъ приходилъ раннимъ утромъ). Зато на диванѣ противъ меня сидѣлъ рослый рыжій дѣтина въ форменномъ желѣзнодорожномъ картузѣ и внимательно смотрѣлъ на меня. Я привелъ свою одежду въ порядокъ, застегнулся, вынулъ изъ сака полотенце и хотѣлъ итти въ уборную умываться. Но едва я взялся за дверную ручку, какъ дѣтина быстро вскочилъ съ мѣста, обхватилъ меня сзади вокругъ туловища и повалилъ на диванъ. Взбѣшенный этой наглостью, я хотѣлъ вырваться, хотѣлъ ударить его по лицу, но не могъ даже пошевелиться. Руки этого добраго малаго сжимали меня точно стальными тисками.

«— Чего вы отъ меня хотите?—закричалъ я, задыхаясь подъ тяжестью его тѣла.—Убирайтесь!.. Оставьте меня!..

«Въ первые моменты въ моемъ мозгу мелькала мысль,

что я имѣю дѣло съ сумасшедшимъ. Дѣтина же, разгоряченный борьбой, давилъ меня все сильнѣе и повторялъ со злобнымъ нытьемъ:

«— погоди, голубчикъ, вотъ посадятъ тебя на цѣпурку, — тогда и узнаешь, чего отъ тебя хотятъ... Узнаешь тогда, братъ... узнаешь.

«Я началъ догадываться объ ужасной истинѣ и, давъ время моему мучителю успокоиться, сказалъ:

«— Хорошо, я обещаюсь не трогаться съ мѣста. Пустите меня. «Конечно, — думалъ я: — съ этимъ болваномъ напрасны всякія объясненія. Будемъ терпѣливы, и вся эта исторія, безъ сомнѣнія, разъяснится».

«Остолопъ сначала мнѣ не повѣрилъ, но, видя, что я лежу совершенно покойно, онъ сталъ понемногу разжимать руки и наконецъ, совсѣмъ освободивъ меня изъ своихъ жестокихъ объятій, усѣлся на диванъ, напротивъ. Но глаза его не переставали слѣдить за мною съ напряженной зоркостью кошки, стерегущей мышъ, и на всѣ мои вопросы я не добился отъ него въ отвѣтъ ни словечка.

«Когда поѣздъ остановился на станціи, я услышалъ, какъ въ коридорѣ вагона кто-то громко спросилъ:

«— Здѣсь больной?»

«Другой голосъ отвѣтилъ скороговоркой:

«— Точно такъ, господинъ начальникъ.

«Вслѣдъ затѣмъ щелкнулъ замокъ, и въ купе просунулась голова въ фуражкѣ съ краснымъ верхомъ.

«Я рванулся къ этой фуражкѣ съ отчаяннымъ воплемъ:

«— Господинъ начальникъ станціи, ради Бога!..

«Но въ то же мгновеніе голова проворно спряталась, громыкнулъ замокъ въ дверцѣ, а я уже лежалъ на диванѣ, барахтаясь подъ придавившимъ меня тѣломъ моего спутника.

«Наконецъ мы доѣхали до N. Только минутъ черезъ

десять послѣ остановки за мною пришли... трое артельщиковъ. Двое изъ нихъ схватили меня крѣпко за руки, а третій вмѣстѣ съ моимъ прежнимъ истязателемъ вцѣпились въ воротникъ моего пальто.

«Такимъ образомъ меня извлекли изъ вагона. Первый, кого я увидѣлъ на платформѣ, былъ жандармскій полковникъ съ великолѣпными подусниками и съ безмятежными голубыми глазами въ тонъ околышку фуражки. Я воскликнулъ, обращаясь къ нему:

«— Господинъ офицеръ, умоляю васъ, выслушайте меня...

«Онъ сдѣлалъ знакъ артельщикамъ остановиться, подошелъ ко мнѣ и спросилъ вѣжливымъ, почти ласковымъ тономъ:

«— Чѣмъ могу служить?

«Видно было, что онъ хотѣлъ казаться хладнокровнымъ, но его нетвердый взглядъ и безпокойная складка вокругъ губъ говорили, что онъ все время держится насторожѣ. Я понялъ, что все мое спасеніе въ спокойномъ тонѣ, и я, насколько могъ, связно, неторопливо и увѣренно рассказалъ офицеру все, что со мной произошло.

«Повѣрилъ онъ мнѣ или нѣтъ? Порою его лицо выражало живое, неподдѣльное участіе къ моему рассказу, временами же онъ какъ будто сомнѣвался и только кивалъ головой съ тѣмъ хорошо мнѣ знакомымъ выраженіемъ, съ которымъ слушаютъ болтовню дѣтей или сумасшедшихъ.

«Когда я кончилъ свой рассказъ, онъ сказалъ, избѣгая глядѣть мнѣ прямо въ глаза, но вѣжливо и мягко:

«— Видите ли... я, конечно, не сомнѣваюсь... но, право, мы получили такія телеграммы... И потомъ... ваши товарищи... О, я вполнѣ увѣренъ, что вы совершенно здоровы, но... знаете ли, вѣдь вамъ ничего не стоить поговорить съ докторомъ какихъ-нибудь десять минутъ.

Безъ сомнѣнія, онъ тотчасъ же убѣдится, что ваши умственныя способности находятся въ самомъ прекрасномъ состояніи, и отпустить васъ; согласитесь, что я вѣдь въ концѣ концовъ вовсе не компетентенъ въ этомъ дѣлѣ.

«Все-таки онъ былъ до того любезенъ, что назначилъ мнѣ въ провожатые только одного артельщика, взявъ съ меня предварительно честное слово, что я никоимъ образомъ не буду выражать на дорогѣ своего негодованія и дѣлать попытокъ къ бѣгству.

«Мы пріѣхали въ больницу какъ разъ къ часу визитацій. Ждать мнѣ пришлось недолго. Вскорѣ въ пріемную пришелъ главный врачъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ ординаторовъ, смотрителя психіатрическаго отдѣленія, сторожей и человѣкъ двадцати студентовъ. Онъ прямо подошелъ ко мнѣ и устремилъ на меня долгій, пристальный взглядъ. Я отвернулся. Мнѣ почему-то показалось, что этотъ человѣкъ сразу возненавидѣлъ меня.

«— Только, пожалуйста, не волнуйтесь, — сказалъ докторъ, не спуская съ меня своихъ тяжелыхъ глазъ. — Здѣсь у васъ нѣтъ враговъ. Никто васъ не будетъ преслѣдовать. Враги остались тамъ... въ другомъ городѣ... Они не посмѣютъ васъ здѣсь тронуть. Видите, кругомъ все добрые, славные люди, многіе васъ хорошо знаютъ и принимаютъ въ васъ участіе. Меня, напримѣръ, вы не узнаете?»

«Онъ уже заранѣе считалъ меня сумасшедшимъ. Я хотѣлъ возразить ему, но вѣ-время сдержался: я отлично понималъ, что каждый мой гнѣвный порывъ, каждое рѣзкое выраженіе сочтутъ за несомнѣнный признакъ сумасшествія. Поэтому я промолчалъ.

«Затѣмъ докторъ спросилъ у меня мое имя и фамилію, сколько мнѣ лѣтъ, чѣмъ занимаюсь, кто мои родители и т. д. На всѣ эти вопросы я отвѣчалъ коротко и точно.

«— А давно ли вы себя чувствуете больнымъ?—обратился ко мнѣ внезапно докторъ.

«Я отвѣчалъ, что я больнымъ себя совсѣмъ не чувствую и что вообще отличаюсь прекраснымъ здоровьемъ.

«— Ну, да, конечно... Я не говорю о какой-нибудь серьезной болѣзни, но... скажите, давно ли вы страдаете головной болью, бессонницей? Не бываетъ ли галлюцинацій? Головокруженія? Не испытываете ли вы иногда произвольныхъ сокращеній мышцъ?

«— Наоборотъ, господинъ докторъ, я сплю очень хорошо и почти не знаю, что такое головная боль. Единственный случай, когда я спалъ беспокойно, — это въ прошлую ночь.

«— Это мы уже знаемъ, — сказалъ спокойно докторъ. — Теперь не можете ли вы мнѣ подробно рассказать, что вы дѣлали съ того времени, когда сопровождавшіе васъ господа остались на станціи Криворѣчье, не успѣвъ сѣсть на поѣздъ? Какое, на примѣръ, побужденіе заставило васъ вступить въ драку съ младшимъ кондукторомъ? Или почему вслѣдъ за этимъ вы набросились съ какими-то угрозами на начальника станціи, вошедшаго въ ваше купе?

«Тогда я подробно передалъ доктору все, что раньше рассказывалъ жандармскому офицеру. Но рассказъ мой не былъ такъ связанъ и такъ увѣренъ, какъ раньше, — меня смущало безцеремонное вниманіе окружавшей меня толпы. Да кромѣ того и настойчивость доктора, желавшаго во что бы то ни стало сдѣлать меня сумасшедшимъ, волновала меня. Въ самой серединѣ моего повѣствованія главный врачъ обернулся къ студентамъ и произнесъ:

— Обратите вниманіе, господа, какъ иногда жизнь бываетъ неправдоподобнѣе всякаго вымысла. Приди въ голову писателю такая тема — публика ни за что не повѣритъ. Вотъ это я называю изобрѣтательностью.

«Я совершенно ясно понялъ иронию, звучащую въ его словахъ. Я покраснѣлъ отъ стыда и замолчалъ.

«— Продолжайте, продолжайте, пожалуйста, я васъ слушаю, — сказалъ главный врачъ съ притворной ласковостью.

«Но я еще не дошелъ до эпизода съ моимъ пробужденіемъ, какъ онъ вдругъ огорошилъ меня вопросомъ:

«— А скажите, какой у насъ сегодня мѣсяць?

«— Декабрь, — не сразу отвѣтилъ я, нѣсколько изумленный этимъ вопросомъ.

«— А раньше какой былъ?

«— Ноябрь...

«— А раньше?

«Я долженъ сказать, что эти мѣсяцы на «брь» всегда были для меня камнемъ преткновенія, и для того, чтобы сказать, какой мѣсяць раньше какого, мнѣ нужно мысленно назвать ихъ всѣ, начиная съ разбѣга отъ августа. Поэтому я нѣсколько замялся.

«— Ну да... порядокъ мѣсяцевъ вы не особенно хорошо помните, — замѣтилъ небрежно, точно вскользь, главный врачъ, обращаясь больше не ко мнѣ, а къ студентамъ. — Нѣкоторая путаница во времени... это ничего. Это бываетъ... Ну-съ... дальше-съ. Я слушаю-съ.

«Конечно, я былъ неправъ, сто разъ неправъ, и сдѣлалъ непріятность только самому себѣ, но эти іезуитскіе приемы доктора привели меня положительно въ ярость, и я закричалъ во все горло:

«— Волваль! Рутинеръ! Вы гораздо болѣе сумасшедшій, чѣмъ я!

«Повторяю, что это восклицаніе было неосторожно и глупо, но вѣдь я не передалъ и сотой доли того злобнаго издѣвательства, которымъ были полны всѣ вопросы главнаго врача.

«Онъ сдѣлалъ едва замѣтное движеніе глазами. Въ эту

же секунду на меня со всѣхъ сторонъ бросились сторожа. Внѣ себя отъ бѣшенства я ударилъ кого-то по щекѣ. Меня повалили, связали..

«— Это явленіе называется *garpus*, —неожиданный, бурный порывъ!—услышалъ я сзади себя размѣренный голосъ главнаго врача въ то время, когда сторожа выносили меня на рукахъ изъ пріемной.

.
«Прошу васъ, господинъ докторъ, провѣрьте все, написанное мною, и если оно окажется правдой, то отсюда только одинъ выводъ — что я сдѣлался жертвой медицинской ошибки. И я васъ прошу, умоляю освободить меня какъ можно скорѣе. Жизнь здѣсь невыносима. Служители, подкупленные смотрителемъ (который, какъ вамъ извѣстно — прусскій шпионъ), ежедневно подсыпаютъ въ пищу больнымъ огромное количество стрихнину и синильной кислоты. Третьяго-дня эти изверги простерли свою жестокость до того, что пытали меня раскаленнымъ желѣзомъ, прикладывая его къ моему животу и къ груди.

«Также и о крысахъ. Эти животныя, повидимому, одарены...»

— Что же это такое, докторъ! Мистификація? Бредъ безумнаго? — спросилъ я, возвращая Бутынскому рукопись. — Провѣрилъ ли кто-нибудь факты, о которыхъ пишетъ этотъ человекъ?

На лицѣ Бутынскаго мелькнула горькая усмѣшка.

— Увы! Здѣсь дѣйствительно произошла такъ называемая медицинская ошибка, — сказалъ онъ, пряча листки въ столъ. — Я отыскалъ этого купца — его фамилія Свириденко — и онъ въ точности подтвердилъ все, что вы сейчасъ прочитали. Онъ сказалъ даже больше: высадившись на станціи, они вмѣстѣ съ художникомъ выпили такъ много чаю съ ромомъ, что рѣшили продолжать шутку

и вслѣдъ поѣзду послали телеграмму такого содержания: «Не успѣли сѣсть въ поѣздъ, остались въ Криворѣчьѣ, присмотрите за больнымъ». Конечно, идиотская шутка! Но знаете ли, кто окончательно погубилъ этого бѣднягу? Директоръ завода «Наслѣдники Карла Вудта и К^о». Когда его запросили, не замѣчалъ ли онъ и окружающіе какихъ-нибудь странностей или ненормальностей у Пчеловодова, онъ такъ-таки напрямикъ и отвѣтилъ, что давно уже считалъ старшаго техника Пчеловодова сумасшедшимъ, а въ послѣднее время даже буйно-помѣшаннымъ. Я думаю, онъ сдѣлалъ это изъ мести.

— Но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, держать этого несчастнаго, если вамъ все это извѣстно? — заволновался я. — Выпустите его, хлопчите, настаивайте!..

Бутынскій пожалъ плечами.

— Развѣ вы не обратили вниманія на конецъ его письма? Прославленный режимъ нашего заведенія сдѣлалъ свое дѣло. Этотъ человекъ уже годъ тому назадъ признанъ неизлѣчимымъ. Онъ былъ сначала одержимъ маніей преслѣдованія, а затѣмъ впалъ въ идиотизмъ.

Оглавление

І ТОМА.

	СТР.
Молохъ	3
Конокрады	104
Болото	139
На покоѣ	163
Въ циркѣ	201
Лѣсная глушь	237
Жидовка	272
Рѣка жизни	297
Путаница	325